

РОССИЙСКИЙ КРЕСТЬЯНИН В ГОДЫ ВОЙН И В МИРНЫЕ ГОДЫ (XVIII – XX вв.)

Тамбов
◆Издательство ГОУ ВПО ТГТУ◆
2010

УДК 355.486
ББК Ц35(2)я43
Р76

Редакционная коллегия: профессор С.А. Есиков (отв. редактор);
профессор П.П. Щербинин;
профессор А.А. Слезин

Издание подготовлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проекты № 09-01-00018а

Р76   Российский крестьянин в годы войн и в мирные годы (XVIII – XX вв.) : сборник трудов участников научной конференции (Тамбов, 10 июня 2010 г.). Тамбов: Изд-во ГОУ ВПО ТГТУ, 2010. – 256 с. – 200 экз. – ISBN 978-5-8265-0926-5.

Представлены статьи преподавателей и аспирантов.

Предназначен для специалистов по аграрной, военной, социальной истории России, истории повседневности, этническому и этноконфессиональному развитию Российского социума в XVIII – XX вв.

УДК 355.486

ББК Ц35(2)я43

ISBN 978-5-8265-0926-5 © Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тамбовский государственный технический университет» (ГОУ ВПО ТГТУ), 2010

Министерство образования и науки Российской Федерации
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Тамбовский государственный технический университет»

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

**РОССИЙСКИЙ КРЕСТЬЯНИН В ГОДЫ
ВОЙН И В МИРНЫЕ ГОДЫ
(XVIII – XX ВВ.)**

Сборник трудов

10 июня 2010 года

Тамбов
Издательство ГОУ ВПО ТГТУ
2010

Научное издание

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
РОССИЙСКИЙ КРЕСТЬЯНИН В ГОДЫ
ВОЙН И В МИРНЫЕ ГОДЫ
(XVIII – XX ВВ.)

Сборник трудов

Редактор **Е.С. Кузнецова**
Инженер по компьютерному макетированию **М.А. Филатова**

Подписано в печать 11.06.2010.
Формат 60 × 84/16. 14,88 усл. печ. л. Тираж 200 экз. Заказ № 339.

Издательско-полиграфический центр ГОУ ВПО ТГТУ
392000, Тамбов, Советская, 106, к. 14

«ИДЕЯ ЖИЗНИ МУЖИКОВ»: В.Г. БЕЛИНСКИЙ ОБ А.В. КОЛЬЦОВЕ

Кольцов А.В. – одно из неповторимых явлений русской культуры. Соглашаясь с заявленной темой, стержнем её поставим слова М.Е. Салтыкова-Щедрина: «В произведениях своих Кольцов является выразителем исключительно народных инстинктов и стремлений».¹

На роль выразителя этих стремлений претендовал воронежский мещанин, торговец скотом и сын торговца Алексей Васильевич Кольцов. Возможно, это исключительный случай, когда появление столь значительного поэта – заслуга именно народа. Известно, что при наличии таланта, умения глубоко смотреть и анализировать, достаточно наблюдения и со стороны. За редчайшим исключением так и бывало, потому как литературные занятия требуют не просто грамотности, но глубокой образованности и широты кругозора, чего было лишено сельское общество. Народ, несомненно, был источником поэтического вдохновения, и тогда, как правило, из-под пера литератора выходили замечательные вещи. Но сельский мир не был читателем в широком понимании этого слова, и в этом смысле он не дал миру ни Пушкина, ни Лермонтова, ни других, он сам был лишь объектом исследования последних и в большинстве случаев ничего не знал о результатах исследования себя. Всё это начнётся гораздо позднее – во второй половине XIX в.

Многие исследователи творчества Кольцова пришли к выводу, что «вряд ли кто-нибудь ещё из наших литераторов был столь связан с жизнью народа, так вовлекался в неё изнутри её самой, оказывался для мужиков не человеком со стороны, не барином...».²

После знакомства со Станкевичем Кольцов попадает под покровительство В.Г. Белинского. Покровительство было столь плотным, что дало повод Кольцову однажды признаться И.И. Панаеву: «Я обязан всем ему; он меня поставил на настоящую мою дорогу; без его советов я не решаюсь теперь печатать моих мараний: он мне говорит всегда, что нужно выкинуть, что исправить, что вовсе бросить. Уж он так добр ко мне, такое участие принимает во мне».

Такое пестование Белинским Кольцова действительно имело место, но трудно сказать, насколько оно мешало проявлению самобытности таланта Кольцова. А талант его именно самобытный. Алексей Васильевич не мог похвастаться образованностью, широтой кругозора, в том числе и как следствием начитанности. Разве что умом да Божьим даром.

Первый биограф А.В. Кольцова М.Ф. де Пуле писал об отношениях Кольцова и Белинского: «Как даровитый критик, как талантливый писатель, Белинский должен был овладеть литературным вкусом и пониманием Кольцова, должен был влиять, так или иначе, на его поэтическую производительность».³ Но Белинский вполне овладел Кольцовым, как человеком, – овладел, конечно, не преднамеренно, без умысла, а ... педагогически, как овладевает даровитый наставник всем нравственным существом любимого своего ученика, может быть также даровитого, но ещё незрелого. Белинский овладел Кольцовым полно и нераздельно, без всякого, с чьей бы то ни было стороны протеста».⁴

Не все отмечали как положительное влияние В.Г. Белинского на А.В. Кольцова и его творчество. Например, составители первого полного собрания сочинений А.В. Кольцова, вышедшего в 1892 г., прямо заявили: «Грустно, но надо признать, что из этого влияния ничего хорошего не вышло».⁵ По их мнению, после того как Белинский покорил личность Кольцова, в поэте надломился «поэт-песенник» и стал проявляться «патентованный литератор». «Кабинетный литератор вступает в борьбу с вдохновенным творцом песен, поэт – с прасолом».⁶ В переписке Кольцова с Белинским, и нельзя этого отрицать, нередко появляются явные нотки раболепия первого перед вторым. Трудно сказать определённо, насколько пострадала самобытность Кольцова как поэта от вмешательства критика, которому поэт никогда не упорствовал, но, несомненно, пострадала. Но, вопрос, могло ли быть иначе, учитывая, что Кольцов был уязвим и с точки зрения литературной критики, и с точки зрения образованного человека. Ведь самобытность – категория несколько иная, она зиждется в первую очередь на таланте «в себе», то, что мы называем Божьим даром, от теории литературы А.В. Кольцов был далёк. Белинский В.Г. по этому поводу писал: «Природа дала Кольцову бессознательную потребность творить, а некоторые вычитанные из книг понятия о творчестве заставили его *сделать* многие стихотворения».⁷

Однако мы не будем отрицать, что Кольцов попал под покровительство человека и критика яркого, и, самое главное, критика, который верно определил место Кольцова в литературе, хотя, бывало, наделял поэта эпитетами авансом.

Несмотря на то что Кольцов занимал в жизни Белинского особое место, а это видно из его переписки с людьми в русской культуре XIX в. известными⁸ (например, в письме к В.П. Боткину: «Кольцова расцелуй и скажи ему, что жду, не дождусь его приезда, словно светлого праздника...»), критик не всегда пестовал его, потворствуя его самобытности. Например, в письме к тому же Боткину по поводу думы «Человек» критик более чем категорично высказался: «Стихи Кольцова дрян».⁹ И это рядом с тем, что он писал в других письмах: «Песни Кольцова – чудеса творят, братцы, чудо-богатыри!».¹⁰ «Для меня высочайшее наслаждение прочесть... новую песню Кольцова».¹¹ «Чудные стихи Кольцова». «Каковы последние-то стихотворения Кольцова, а? Экой чёрт – коли размахнётся – так посторонись – ушибёт...».¹² В эпистолярном же наследии критика мы встречаем его высказывания об отношении к Кольцову парадоксальные совершенно.

¹ Салтыков-Щедрин М.Е. Литературная критика. М.: Современник, 1982. С. 39.

² Скатов Н.Н. Кольцов. М.: Молодая гвардия, 1983. С. 22.

³ Стихотворения А.В. Кольцова. СПб.: Книгоиздательство Герман Гоппе, 1892. С. 26.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Белинский В.Г. Собрание сочинений. М.: Худ. литература, 1982. Т. 1. С. 212.

⁸ Белинский В.Г. Указ. соч. Т. 6. С. 406.

⁹ Там же. С. 151.

¹⁰ Белинский В.Г. Собрание сочинений. М.: Худ. литература, 1982. Т. 1. С. 256.

¹¹ Там же. С. 283.

¹² Там же. С. 428.

Таковые, например: «... к стыду моему, и не так сильно, терзало и терзает ещё меня внезапное воспоминание о смерти Кольцова. Весть о ней я принял сначала сухо и холодно...».¹³

Но какими бы ни были высказывания Белинского о Кольцове в эпистолярном наследии критика, не будем забывать, что письма – это частный случай, и не все из них становятся достоянием истории, даже если принадлежат они людям великим.

Для культуры более значимо, что именно В.Г. Белинский определил особое место Кольцова в русской литературе, место, обжитое только им – выразителем «идеи жизни мужиков». В лучших творениях поэта, среди которых «Пирушка русских поселян», «Размышления поселянина», «Песня пахаря», по словам Белинского, «выражается поэзия жизни наших простолюдинов».

Как же В.Г. Белинский выразил уникальность Кольцова? А вот как: «И у мужика есть душа и сердце, есть желания и страсти, есть любовь и ненависть, словом – есть жизнь. Но чтобы изобразить жизнь мужиков, надо уловить... идею этой жизни». Этот посыл Белинского имел своим началом цепочку удивительных суждений о Кольцове и его народности. Писарев Д. утверждал, что «мнение об однообразии и бесцветности народной жизни опровергается именно песнями Кольцова».¹⁴ Великий знаток простонародной жизни Г.И. Успенский был отнюдь не риторичным, когда писал, что «никто..., не исключая и самого Пушкина, не трогал таких поэтических струн народной души, народного мирозерцания».¹⁵ В Пушкине Г.И. Успенский видел человека «инога круга», скорбящего о труженике, «влачащемся по браздам». Как известно, Успенский имел в виду стихотворение «Деревня», по сути своеобразный пушкинский трактат о сущности крепостного права – последние 27 строк произведения. Эту линию, начатую В.Г. Белинским, удивительно необычно, как бы ставя точку, подытожил современный литературовед Н. Скатов: «Пушкин и Кольцов пишут о разных мужиках, Пушкин – о крепостном, Кольцов – о свободном... Кольцов своеобразно выступил против крепостного права: он его игнорировал».¹⁶

Кольцов не был владельцем крепостных душ. Он был прасолом; возможно, это и было психологической основой игнорирования им крепостного права. Но это не говорит о том, что Кольцов не видел всех «достоинств» крепостнической системы.

Есть у А.В. Кольцова произведение, являющееся поистине гимном крестьянскому труду. В нём нет ни пушкинского пессимизма, ни некрасовской безысходности, – «Песнь пахаря». Песнь свободного пахаря, довольного своим трудом и результатами своего труда, радостного труда. Труда – на себя. Его радует и всё вокруг: красавица зорька, солнышко, мать – земля сырая. Они ему порукой в его труде к конечному результату – «хлеб – моё богатство».

Подобное можно сказать и об одном из самых прекрасных произведений Кольцова – стихотворении «Урожай». Похожего радостного взгляда на сельский труд мы, пожалуй, не найдём в русской классической литературе XIX в.

Это поистине тот случай, когда автор и его лирический герой, а в данном случае шире – это сельский мир, вне всякой социальности; здесь человек и природа, человек и вера. Здесь человек в его цельности. Не порабощённый никем и ничем. Он только раб своей любви к земле, к своему труду.

А в «Молодой жнице» автор просто-напросто «ловит» читателя на «приманку», кажется, готов раскрыть тяготы подневольного труда: солнце печёт, душно девице, грустно, нет охоты жать (таков подневольный труд), горит лицо белое, голова клонится¹⁷, колос из рук валится, болит у ней сердце бедное, но мы не дождёмся некрасовских мотивов – причина такого состояния совсем в другом: красна девица не может забыть встречи с «добрым молодцем».

Именно В.Г. Белинский высветил ещё одну, очень важную грань кольцовского творчества – песенность его поэзии. Он отмечал, что «до Кольцова у нас не было художественных народных песен... в них и содержание и форма чисто русские, – и несмотря на всю объективность своего гения, Пушкин не мог бы написать ни одной песни в роде Кольцова, потому то Кольцов один и безраздельно владел тайною этой песни»¹⁷. В данном суждении мы не склонны видеть какого-то преувеличения. Правда, Белинский констатировал, что тайна песни с Кольцовым родилась, с ним и умрёт.

По отношению к Кольцову Белинский рассматривает тему гениальности и таланта, их соотношения и делает вывод, что к Кольцову относится определение «гениальный талант».

Мы почти не встречаем прозаических суждений Кольцова о простом народе. Единственно – в письме к В.Г. Белинскому. Они грустны, «Мой быт и выгоды тесно связаны внешней природою всего народа. Куда ни глянешь – везде уныние и печаль, и душа не в состоянии ничего ни мыслить, ни думать». Какая резкая перемена во всём! Например, и теперь поют русские песни те же люди, что и пели прежде, те же песни, так же поют; напев один, а какая в них, не говоря уж грусть – они все грустные, а какая-то болезнь, слабость, бездушные...».

Больше нигде прозой Кольцов о русском народе не обмолвился. И поэтому определяющей позицией в отношении к народу русскому мы считаем ту, что выражена в его стихах, а именно: он – выразитель «идеи жизни мужиков», как выразился Белинский, – идеи свободы, свободы чувств мыслей, вопреки социальному закреплению.

¹³ Там же. С. 526.

¹⁴ Цит. по кн.: Скатов Н.Н. Кольцов. М.: Молодая гвардия, 1983. С. 63.

¹⁵ Там же. С. 71.

¹⁶ Там же. Стихотворения А.В. Кольцова. СПб. Кн-во Герман Гоппе, 1892. С. V.

¹⁷ Кольцов А.В. Сочинения. М.: Правда, 1984. С. 246.

СТРУКТУРА ДОХОДОВ В КРЕСТЬЯНСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ
ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЁМНЫХ ГУБЕРНИЙ РОССИИ
В 60–90-е ГГ. XIX В.

В пореформенный период усилился сложносоставной характер крестьянского хозяйства: в нём комбинировались различные отрасли сельскохозяйственного и мелкого промышленного производства, увеличивалась доля внеадельной деятельности, осуществлялось оперативное маневрирование трудовыми и производственными ресурсами, росло производство и потребление товаров. Чайнов А.В. считал, что «задачей крестьянского трудового хозяйства является доставление средств существования хозяйствующей семье путём наиболее полного использования имеющихся в её распоряжении средств производства и рабочей силы».¹⁸ Такой тип хозяйствования он противопоставлял капиталистическому предпринимательству, основанному на наёмной рабочей силе и стремящемуся к получению максимальной прибыли. Для изучения внутренней структуры крестьянского хозяйства необходимо установить взаимосвязи и значение его отраслей. Выяснению механизмов взаимодействия различных сфер деятельности крестьян, показу роли каждой из них в хозяйстве содействуют материалы бюджетных исследований. Щербина Ф.А. называл бюджет «анатомическим ножом, при помощи которого можно вскрыть, расчленив до мельчайших волоконцев и ярко, всесторонне осветить самые сокровенные проявления семейных отношений или же микроскопом, позволяющим ясно увидеть частями то, что скрыто под покровом сложности и запутанности».¹⁹

Составленные в 1879 г. бюджеты слабого, среднесостоятельного и исправного хозяйств крестьян Борисоглебского уезда Тамбовской губернии зафиксировали во всех типах хозяйств наличие земледельческих, животноводческих, промысловых занятий.²⁰ От земледелия и домашнего хозяйства поступала преобладающая часть средств в исправном и среднесостоятельном хозяйствах: соответственно 76,7% и 89,6% всех доходов. Во всех типах хозяйств имелся скот, хотя и в разных количествах. В исправном хозяйстве содержалось 5 лошадей, 1 корова, 2 тёлки, 11 овец, 7 ягнят, 2 поросёнка. Собственной надельной земли здесь было мало – всего 3 десятины, но наличие достаточного количества рабочего скота и работников (6 человек) позволяло около 640 р. (59,8% доходов) получать от арендованной земли. Хозяйство середняка располагало 3 лошадьми, 1 жеребёнком, 1 коровой, 1 тёлкой. Основной доход в 446 р. ему приносил собственный душевой надел (около 15 десятин) и домашнее хозяйство. В бедняцкой семье имелась 1 лошадь, 1 корова, 3 овцы. Надел был мизерным – 1,5 десятины, поэтому и доходность его вместе с домашним хозяйством оказывалась незначительной – 27,8 р. (15,7% всех поступлений), кроме того, ещё 74 р. (41,9% доходов) давала арендованная земля. По абсолютному размеру самый большой доход промыслы давали зажиточной семье – 249 р. (23,3% всех поступлений). Ввиду хорошей обеспеченности рабочим скотом, её члены нанимались на земледельческие и извозные работы, подрабатывали портняжничеством и подёнщиной. Бедняцкий двор выручал от батрачества, подёнщины и уборки кругов 74,8 р. (42,4% всех поступлений), а середняцкая семья посредством наёмных земледельческих работ и извоза зарабатывала 52 р. (10,4% всех поступлений). В слабом хозяйстве доход от промыслов приобретал очень важное для жизни значение, его потеря зачастую оказывалась невосполнимой и оборачивалась тяжёлыми последствиями.

Воронежские статистики, как известно, выделили 230 типических хозяйств и собрали по ним полные сведения о бюджетах. Корневская Н.Н. переработала эти данные применительно к группировке по обеспеченности рабочим скотом. Крестьянские хозяйства без рабочего скота она относила к низшей группе, с двумя–тремя головами – к средней и с четырьмя и более – к высшей. Судя по полученным результатам²¹, главным источником доходов являлось земледелие, дававшее 42,5% всех поступлений (колебания по группам хозяйств составили от 20,1% до 50,7%); далее следовало скотоводство, от которого крестьяне получали 19,7% всех доходов (колебания – от 10,7% до 22,3%). Выше средних показателей доходы от земледелия были в хозяйствах, имевших от двух до четырёх голов рабочего скота. Доля доходов от скотоводства превышала средние данные в хозяйствах с одной головой рабочего скота и в тех, которые располагали пятью и более лошадьми. Меньше всего эти отрасли приносили доходов во дворах без рабочего скота. На долю промысловых заработков (личные промыслы, извоз, сдельные работы, доход от торгово-промышленных заведений) приходилось 19,2% всех поступлений (колебания по группам хозяйств – от 12,1% до 49,5%). В группе безлошадных дворов доходы от промыслов преобладали над остальными, а в хозяйствах с одной–двумя головами рабочего скота – уступали лишь доходу от земледелия. Особенно велика была роль промысловых занятий в формировании денежной части бюджета: они доставляли 41,8% всех поступлений деньгами. В безлошадных хозяйствах этот показатель равнялся 68,7%, в однолошадных и двухлошадных соответственно 46,5% и 52,3%. Земледелие давало 15,1% денежного дохода, скотоводство – 21,5%; наиболее существенными доход являлся в первом случае в хозяйствах с тремя и четырьмя лошадьми, а во втором случае – во дворах с одной лошадью и с пятью и более лошадьми. Следует добавить, что ещё 18,5% общего и 21,6% денежного дохода крестьяне получали из прочих источников, исключая земледелие, скотоводство и промыслы.

Данные 230 воронежских бюджетов, переработанные Н.Н. Корневской, позволяют установить соотношение натуральных и денежных доходов в бюджетах крестьянских хозяйств.²² Крестьяне получали деньгами 45,2% общего дохода, в том числе в хозяйствах без рабочего скота – 70,7%, с одной головой – 49,0%, с двумя головами – 46,5%, с тремя головами – 39,1%, с четырьмя головами – 41,2%, с пятью и более головами – 45,4%. Как видим, говорить о господстве натурального типа хозяйствования не приходится. Доходы, получаемые в денежной форме, были вполне сопоставимы и близки с размером натуральных поступлений, а в первой группе даже явно преобладали над ними. Наиболее низкий процент денег отмечался в доходах от земледелия – 16,0%, в том числе соответственно по группам хозяйств 7,3%, 13,5%, 16,0%, 20,1%, 17,4%, 13,2%;

¹⁸ Чайнов А.В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды. М., 1989. С. 62.

¹⁹ Щербина Ф.А. Крестьянские бюджеты. Воронеж, 1900. С. 1.

²⁰ Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Т. 1: Борисоглебский уезд. Тамбов, 1881. Приложение 1. С. 29–30, 65–66, 94.

²¹ Корневская Н.Н. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств в дореволюционной России. М., 1954. С. 122 – 125.

²² Корневская Н.Н. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств в дореволюционной России. М., 1954. С. 122 – 125.

тогда как от скотоводства – 49,4%, в том числе 38,2%, 52,3%, 41,8%, 34,4%, 48,5%, 60,8%; от промыслов – 98,3%, в том числе 98,2%, 97,4%, 98,1%, 97,3%, 99,9%, 99,0%; от прочих источников – 52,7%, в том числе 84,0%, 59,6%, 35,0%, 55,9%, 49,2%, 44,4%. Получается, что роль земледелия и животноводства (в гораздо меньшей мере) была заметнее в получении натуральных доходов, а промыслов (особенно) и прочих источников – в поступлении денежных средств. «Если спросить толкового крестьянина о его натуральном и денежном бюджете, о том, с чего он кормится и откуда уплачивает разные "подати"», – очень точно подметил податной инспектор Воронежского уезда в отчёте за 1896 г., – ответ будет почти всегда один: сам кормлюсь, семью и скот кормлю с земли, "подати" отбиваю, скотину продавши или какую работу сделавши».²³

Валовая доходность десятины надельной земли составляла по данным Комиссии 16 ноября 1901 г. в Воронежской губернии в среднем 10 р. 8 к., чистая доходность – в 5 р. 6 к.; в Курской губернии соответственно 12 р. 34 к. и 5 р. 91 к.; в Тамбовской губернии – 10 р. 83 к. и 5 р. 88 к. В то же время окладные сборы и повинности равнялись в Воронежской губернии 1 р. 86 к. с десятины, арендная плата за надельную землю 4 р. 48 к.; в Курской губернии соответственно 3 р. 35 к. и 6 р. 19 к.; в Тамбовской губернии – 2 р. 25 к. и 4 р. 56 к.²⁴ Земские деятели выражали тревогу по поводу низкой доходности многих крестьянских хозяйств, что делало их существование чрезвычайно рискованным, зависящим от случайностей, внешне малозначительных обстоятельств: «Небольшие доходы крестьянина, получаемые им с земли, доставляют ему лишь необходимое для существования его семьи и для уплаты лежащих на нём повинностей... При небольших недостатках крестьянина малейшее уклонение от раз заведённого, неуклонного порядка и стойкого отношения к своему делу, должно неминуемо пагубно и большими лишениями отзываться на его хозяйство и поставить его в положение бедняка, не могущего исполнить лежащих на нём ни казённых, ни частных повинностей. В большинстве случаев обедневший и захудалый крестьянин делается тягостью сначала для своего общества, а потом, если сумма таковых субъектов возрастает, и для земства, потому что такое население делается претендентом на все продовольственные капиталы».²⁵ Получение более высоких производственных доходов от земли стало в пореформенный период серьёзной проблемой, требовавшей комплексного решения с участием властей, общества и крестьянства.

Используя данные 230 типических крестьянских бюджетов, переработанных И.К. Вороновым по посевной площади, можно установить, что в группе крестьянских дворов без посевов (2,6% всех дворов) промыслы составляли 80,3% всего дохода, в хозяйствах с посевом до 2 десятин (13,9%) – 42,6%, в хозяйствах с посевом от 2,01 до 4,0 десятин (16,5%) – 23,4%, в хозяйствах с посевом от 4,01 до 6,0 десятин (13,9%) – 18,2%, в хозяйствах с посевом от 6,01 до 8,0 десятин (7,0%) – 36,5%, в хозяйствах с посевом от 8,01 до 16,0 десятин (30,4%) – 14,9%, в хозяйствах с посевом свыше 16 десятин (15,7%) – 14,0%.²⁶ Отсюда видно, что в наибольшей степени от успеха промыслов зависели беспосевные дворы и те, у которых площадь посева не превышала 2 десятин, т.е. хуже всего обеспеченные землёй хозяйства. Беспосевные крестьяне вообще ничего не имели от торгово-промышленных заведений, а в хозяйствах с посевом от 6,01 до 8,0 десятин и свыше 16 десятин доход от них превышал поступления от всех других промыслов.

Миронов Б.Н. указывал, что применительно к пореформенному периоду широко применявшиеся в литературе группировки крестьянства по величине посева или числу лошадей не могут дать адекватной картины стратификации этого сословия, так как значительная часть дохода получалась вне сельского хозяйства. По его мнению, с которым нельзя не согласиться, наиболее точным показателем благосостояния хозяйства является доход на душу населения. Переработав данные 230 типических хозяйств Воронежской губернии, он установил, что по уровню дохода 2,2% крестьянских хозяйств можно отнести к очень бедным, 27,0% – к бедным, 51,7% – к средним, 16,1% – к зажиточным и 3,0% – к богатым.²⁷ Эти показатели позволяют сделать вывод, что не следует преувеличивать степень имущественной и социальной дифференциации крестьянства, тем более представлять пореформенную деревню преимущественно нищей с преобладанием бедняцких слоёв населения.

К анализу бюджетов 230 воронежских крестьянских хозяйств обращался И.Д. Ковальченко. Он произвёл группировку по размеру валового дохода, выделив при этом четыре группы хозяйств. В первую группу был включён 81 двор (35,2% хозяйств) с доходом до 300 р., во вторую – 58 дворов (25,2%) (301 – 600 р.), в третью – 56 дворов (24,3%) (601 – 1000 р.), в четвертую – 35 дворов (15,2%) (более 1000 р.). Выделенные группы существенно отличались друг от друга по размерам хозяйства. На один двор в четвёртой группе приходилось больше, чем в первой, посевов в 9,7 раза, сельскохозяйственного инвентаря – в 8,7 раза, скота и птицы – в 13,6 раза, общих доходов – в 9,4 раза. Общий расход составлял в первой группе в среднем 164,6 р., во второй – 388,5 р., в третьей – 682,1 р., в четвёртой – 1335,3 р. Земледелие давало в первой группе 37,3% валового дохода, во второй – 45,1%, в третьей – 45,8%, в четвёртой – 40,6%; скотоводство соответственно 17,9%, 18,4%, 19,9%, 20,0%; все неземледельческие занятия – 31,5%, 20,3%, 19,7%, 15,3%.²⁸

Отсюда следует, что основным занятием воронежских крестьян в конце XIX в. продолжало оставаться сельское хозяйство, так как от земледелия и скотоводства поступало 55,2 – 65,7% валового дохода. Денежная часть общего валового дохода составляла у крестьян первой группы 51,5%, второй группы – 46,0%, третьей группы – 43,7%, четвёртой группы – 44,3%. Эти данные, а также подсчёт доли денежных затрат в хозяйственных расходах, составлявшей от 81,3 до 86,6%, позволяют сделать вывод, что товарность всех типов крестьянского хозяйства была «весьма высокой», что «хозяйственная деятельность крестьян была тесно связана с рынком».²⁹ Ковальченко И.Д. подметил важную особенность, заключающуюся в том, что «уровень обеспеченности основными производственными фондами (инвентарём и рабочим скотом – А.П.) и хозяйственные расходы в расчёте на соизмеримые единицы были у всех типов крестьянского хозяйства примерно равными» (соответственно 16,3 – 18,6 р. и 23,1 – 26,4 р. на десятину посева). Приблизительное равенство просматривалось также в их доходах на десятину посева, в общем валовом доходе на рубль хозяйственных расходов. Различия между разными типами

²³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 573. Оп. 25. Д. 219. Ч. 1. Л. 137.

²⁴ Материалы Комиссии 1901 г. СПб., 1903. Ч. I. С. 198.

²⁵ Государственный архив Орловской области. Ф. 525. Оп. 1. Д. 51. Л. 49–49 об.

²⁶ Воронов И.К. Воронежские бюджетные исследования и их сравнительная переработка. Воронеж, 1926. С. 39, 109.

²⁷ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 126.

²⁸ Ковальченко И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. М., 2004. С. 352.

²⁹ Ковальченко И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. М., 2004. С. 336.

хозяйств состояли в неодинаковой капиталовооружённости и производительности труда, в размерах общих доходов и расходов на питание на душу населения.³⁰

По расчётам И.Д. Ковальченко, валовой доход на рубль всех расходов составлял по 230 типическим крестьянским хозяйствам Воронежской губернии в среднем 1,16 р., равняясь в первой группе хозяйств 1,07 р., во второй – 1,10 р., в третьей – 1,13 р., в четвёртой – 1,23 р.³¹ Как видим, этот показатель неуклонно повышался от беднейших групп к зажиточным, но различия были несущественными. Средняя норма прибыли, получаемая крестьянами, была довольно низкой, составляя даже в высшей группе только 23 к. на рубль всех расходов, что существенно ограничивало возможности для интенсификации и улучшения хозяйства.

Теперь рассмотрим результаты массовых бюджетных обследований 176 821 хозяйства шести уездов Воронежской губернии.³² Они показывают, что средний доход в безземельных крестьянских дворах составлял 144,4 р. (в том числе 76,6 р. деньгами), в хозяйствах, имевших до 5 десятин – 251,6 р. (112,2 р. деньгами), от 5 до 15 десятин – 347,7 р. (136,5 р. деньгами), от 15 до 25 десятин – 515,3 р. (175,4 р.), свыше 25 десятин – 963,6 р. (276,9 р. деньгами), а по всем хозяйствам – 391,3 р. (145,4 р. деньгами). Как видим, средняя доходность по массовым данным оказалась меньшей, чем получалось по типическим бюджетам: 391,3 р. (208,8 р. от земледелия, 64,9 р. от скотоводства, 69,8 р. от промыслов, 47,8 р. от прочих источников) против 609,3 р. по всему доходу и 145,4 р. (38,5 р. от земледелия, 26,9 р. от скотоводства, 69,8 р. от промыслов, 10,2 р. от прочих источников) против 275,2 р. по денежному доходу. Это подтверждает, что при отборе типических хозяйств воронежские статистики несколько завысили среднюю состоятельность крестьянских дворов. Обнаруживается также, что денежная часть составляла в среднем 37,2% в общем доходе, в том числе в поступлениях от земледелия – 18,4%, от скотоводства – 41,4%, от промыслов – 100% и от прочих источников – 21,4%. Отсюда следует, что денежная составляющая в крестьянских доходах превышала одну треть и особенно заметной была в поступлениях от промыслов и скотоводства.

Данные, основанные на массовом материале и характеризующие относительное значение различных источников денежного дохода, принципиально не противоречат показателям 230 типических бюджетов, хотя и вносят в них коррективы.³³ Промысловые занятия доставляли в крестьянский бюджет в среднем 48,0% денежных доходов (на 6,2% больше, чем получалось по 230 типическим бюджетам); земледелие – 26,5% (на 11,4% больше); скотоводство – 18,5% (на 3,0% меньше). При этом оказывается, что денежный доход от личных промыслов имеет, по массовым данным, на 13,8% больший удельный вес в бюджете, а от сделанных работ и торгово-промышленных заведений соответственно на 5,1% и 2,5% меньший, нежели это выходило по типическим бюджетам. В безземельных хозяйствах от промыслов получали 80,0% всех денежных поступлений и только 4,6% – от земледелия и 8,2% – от скотоводства. С увеличением размера надела столь большая разница постепенно сокращалась. Вышеизложенное подтверждает мнение податных инспекторов Воронежской губернии о том, что «даже при среднем урожае крестьянское земледелие не даёт избытка хлеба, который можно было бы обратить в деньги, и только подсобные промыслы и заработки доставляют населению средства для поддержания своего хозяйства и отбывания разных повинностей».³⁴ В структуре промысловых занятий преобладающее бюджетное значение имели личные промыслы, в которые воронежские статистики включали работу по индивидуальному найму, кустарные промыслы, отход и другие занятия. Заметную роль играли поступления от торгово-промышленных заведений (10,6%). В них наибольший процент дивидендов замечался в крайних земельных группах. Очевидно, для части торговцев и промышленников более выгодным являлось оставить земледелие и полностью сосредоточиться на предпринимательской деятельности, в других же случаях (преобладавших) имелась возможность совмещения земледельческих и скотоводческих занятий с мелкой обрабатывающей и перерабатывающей промышленностью и торговлей. «Изучение фактов приводит нас к утверждению, что не всегда крестьянское хозяйство живёт потребительным принципом; когда объективные условия (владения или рынка) позволяют, хозяйство забывает о потребительном принципе. – Писал Н.П. Макаров. – Денежное крестьянское хозяйство заражается духом современного капиталистического общества – жажда денег, поиски высокой цены, высокого денежного дохода (и чем выше, тем более не считаясь с потреблением), всё это заразные «болезни», которыми «заболевает» крестьянское хозяйство, когда оно попадает в подходящие условия».³⁵ Следовательно, неправомерно считать, что мотивация трудовой деятельности крестьян заключалась исключительно в стремлении обеспечить потребности хозяйствующей семьи. Когда речь шла о выживании крестьян, они, естественно, были озабочены получением хотя бы минимального продукта, позволяющего спасти семью и хозяйство. В случае оптимизации внутренних и внешних условий хозяйствования крестьяне нацеливались на производство как можно большего добавочного продукта.

Значение промысловых занятий для формирования крестьянских бюджетов подтверждается и другими источниковыми данными. По примерным оценкам Воронежской губернской земской управы, сделанным в 1891 г., сельское население губернии при средних нормальных условиях от земли и промыслов получало до 39 млн. р. в год, причём из этой суммы до 11,5 млн. р. (29,5%) давали сторонние заработки и промыслы.³⁶

Податной инспектор Павловского уезда Воронежской губернии следующим образом представлял структуру денежного прихода в бюджет крестьян уезда в 1900 г. По его мнению, крестьяне получили 2355 тыс. р., в том числе от продажи 600 тыс. пудов хлеба примерно 300 тыс. р. (12,7%), от продажи скота 350 тыс. р. (14,9%), от сдачи земли и лугов 65 тыс. р. (2,8%), от прочих отраслей крестьянского хозяйства 70 тыс. р. (3,0%), от сельскохозяйственных заработков 760 тыс. р. (32,3%), от местной кустарной промышленности 150 тыс. р. (6,4%), от торговли 200 тыс. р. (8,5%), от промышленных заведений 200 тыс. р. (8,5%), от всех прочих заработков и промыслов 260 тыс. р. (11,0%).³⁷ Большая роль промыслов в деле получения денежных средств для крестьян и по этим данным представляется предельно чётко. «Ясно, что крестьянское благополучие

³⁰ Ковальченко И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. М., 2004. С. 337–338.

³¹ Ковальченко И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. М., 2004. С. 346.

³² Щербина Ф.А. Крестьянские бюджеты. Воронеж, 1900. С. 276, 284, 285.

³³ Щербина Ф.А. Крестьянские бюджеты. Воронеж, 1900. С. 187.

³⁴ РГИА. Ф. 573. Оп. 25. Д. 219. Ч. 1. Л. 13.

³⁵ Макаров Н.П. Крестьянское хозяйство и его эволюция. М., 1920. С. 70.

³⁶ Государственный архив Воронежской области. Ф. И-21. Оп.1. Д. 467. Л. 7–7 об.

³⁷ РГИА. Ф. 573. Оп. 25. Д. 224. Л. 179 об.

покоится на двух устоях: на земле, которая должна дать необходимый хлеб и корм, и на труде в форме отхожих промыслов и всяких вообще посторонних заработков, – говорилось в заключении Белгородского уездного комитета Курской губернии. – Если нарушить это соотношение, то немедленно место довольства заступает бедность; как одной землёй крестьянин не прокормится, кроме исключительных случаев и положений (например, огородники), так точно и одним посторонним заработком сыт не будет».³⁸

Говоря о крестьянских бюджетах, следует учитывать, что доходы в течение года поступали неравномерно: «Почти весь бюджет крестьянина реализуется в осеннее время – заканчивается уборка хлеба собственного и экономического, доставляется картофель в винокуренные заводы, начинаются и оканчиваются работы по копке и возке свёклы из плантаций на свеклосахарные заводы, получают задатки на весенние работы в экономиях, возвращаются из отхожих заработков, – следовательно, в осеннее время каждый крестьянин располагает известными средствами».³⁹ Весной же многие крестьяне нуждались в кредите, который за отсутствием кредитных учреждений приходилось брать на невыгодных условиях у местных помещиков, ростовщиков и крестьян-кулаков.

Итак, основными источниками доходных частей крестьянских бюджетов являлись земледелие, скотоводство и промыслы. Причём натуральные и денежные поступления от земледелия и скотоводства выглядели более сбалансированными, а в доходах от промыслов наблюдалось явное преобладание денежных заработков. В наибольшей зависимости от успеха промысловой деятельности находились дворы, в которых промыслы оттеснили на второй план другие занятия, и слабосильные хозяйства, поскольку в случае неудачи внеадресных заработков они оказывались сильно ограниченными в возможности хозяйственного манёвра за счёт других занятий. Совершенно справедливо отмечал П.Г. Рындрюнский: «Совмещение земледелия и промыслов в одном крестьянском хозяйстве осложняло его экономическую структуру. Один небольшой коллектив людей, состоящий из взрослых членов семьи крестьянина, входил в очень различные системы производственных отношений. "По наделу" крестьянская семья большей частью сохранялась в системе натурального потребительского хозяйства, "по промыслам" она либо образовывала ремесленного или мелкотоварного типа производство, либо становилась семьёй полупролетариев, продававших свою рабочую силу, и тем в основном живущих... Участие в промысловой жизни выражалось и по-другому: крестьянин становился предпринимателем, эксплуататором чужого труда. Сложность структуры экономики промысловой деревни происходила из того, что перечисленные экономические состояния чётко не разграничивались друг от друга. Нередки были случаи совмещения у одного и того же лица различных черт, например, часть времени крестьянин проводил на наделе, чтобы получить сельскохозяйственные продукты для потребления своей семье, а другую часть рабочего времени трудился по найму у постороннего хозяина. Подобные совмещения в одном семействе разных экономических состояний приобретали различные формы: иногда члены семьи разделялись между разными источниками дохода, иногда одни и те же люди были попеременно то в одном, то в другом качестве. Поскольку бюджет семьи был единым, хотя это единство и не было абсолютным, разнообразные экономические уклады внутри семьи воздействовали друг на друга, приобретая по отношению друг к другу главенствующее или подчинённое положение».⁴⁰

В.Ю. Соловьёв

ОСОБЕННОСТИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ УКЛАД РУССКИХ КРЕСТЬЯН В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД XIX – НАЧАЛА XX ВВ. (НА МАТЕРИАЛАХ ГУБЕРНИЙ ПОВОЛЖЬЯ)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках
научно-исследовательского проекта РГНФ «Аграрная эволюция
Поволжья и особенности развития крестьянского хозяйства
Саратовской губернии 1861 – 1900 гг.
(на региональных материалах)», проект № 09-01-27101а/В*

Община была самым огромным национальным достоянием русского человека в течение многих веков. Основы её существования определены самим духом народа, складом русского ума. «Определённая склонность русского крестьянина к особенной, не встречающейся более ни у какого другого культурного народа форме и роду союза, – подчёркивал исследователь народной жизни М. Слобожанин, – побуждает признать за ним значение одного из устоев народной жизни».¹ Понятие «мир» для крестьянина отражало всю глубину его духовно-нравственного сознания, олицетворяя не просто арифметическое соединение крестьян, а нечто большее – соборное соединение, имевшее характер высшего закона.²

В конце XIX – начале XX вв. в правительственных и научных кругах русского общества было распространено мнение о том, что крестьянская община является пережитком. Видные политические деятели, учёные-аграрии, писатели С.Ю. Витте, П.А. Столыпин, П.Н. Милюков, А.П. Чехов и другие настаивали на разрушении общины и введении частной собственности на землю.³ В работе «Национальный вопрос» В.С. Соловьёв отмечал, что «общинное землевладение само по себе, как показывает статистика, совсем не благоприятствует успехам сельского хозяйства».⁴ По наблюдениям А.Н. Энгельгардта, среди сельских жителей (общины) очень редки замечательные хозяева, те, по его мнению, люди, которые способны

³⁸ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Вып. 19: Курская губерния. СПб., 1903. С. 77.

³⁹ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Вып. 19: Курская губерния. СПб., 1903. С. 101.

⁴⁰ Рындрюнский П.Г. Утверждение капитализма в России. 1850 – 1880 гг. М., 1978. С. 55.

¹ Слобожанин М. Историческое развитие идей артельного движения. Боровичи, 1919. С. 13.

² См.: Хомяков А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. М., 1900. Т. 1. С. 97.

³ См., напр.: Витте С.Ю. Избранные воспоминания 1849 – 1911 годов. М., 1991. С. 504 – 542.

⁴ Соловьёв В.С. Национальный вопрос в России // Соловьёв В.С. Соч. в 2 т. М., 1989. Вып. 1. Т. 1. С. 340.

любоваться своей работой.⁵ По убеждению того же В.С. Соловьёва, община, «подрезая крылья энергичным и предприимчивым людям, насажая убогое равенство, коллективное землеиспользование, затруднявшее частное отчуждение земель, избавляла всех слабых и беспечных крестьян от немедленного разорения и кабалы».⁶ Действительно, есть основания говорить, что землеустройство в России было далеко от совершенства, но приписывать общинному владению то, что есть общее явление и объясняется общим законом, нельзя. Не только в России, но и во всём мире крестьянство – среда самая косная, самая привязанная к преданиям и заведённому порядку, однако общинное землевладение никогда не мешало укорениться в умах крестьян понятию о праве собственности и объёме этого права. Крестьяне очень отчётливо и сознательно различали личную поземельную собственность и общинное землевладение. Как писал К.Д. Кавелин, «если общинное владение и ослабляло в крестьянах сознание права личной собственности, то крепостное право, которое они выносили на своих плечах в течение столетий, не могло не внедрить в них совершенно отчётливого понятия о том, что такое собственность и чем она отличается от общинного владения».⁷

В глазах русского крестьянина наилучшей была та форма поземельной собственности, при которой интересы народного благосостояния превыше всего и каждый земледелец является и землевладельцем.⁸ Частная собственность далека от этих условий. При ней земля распределяется так, что большинство сельского населения или вовсе исключается из участия в поземельном владении, или получает на свою долю ничтожные, гомеотические клочки, владельцы которых не обеспечены их возделыванием необходимым для существования.⁹ Поэтому общинное владение, обеспечивавшее каждому земледельцу обладание землёй, гораздо лучше частной собственности укрепляло национальное благосостояние.

Суть общины состояла прежде всего в совместном владении землёй и периодическом её переделе между членами сельского общества. Любой общинник имел право на свою, причём равную со всеми, долю земли и всех её богатств, которыми владеет «мир».¹⁰ Гарантом тому была фундаментальная ценность общины – справедливость, понимаемая как изначальное равенство притязаний людей (мужчин) на землю. То, что в народе этот принцип был не просто абстракцией, но реально действующим императивом, подтверждается примерами по переделу земли. В частности, уравнильный передел земли был бы невозможен в одном из уездов России, если бы его не поддержали 42% крестьян, которым он был невыгоден и вёл к уменьшению надела.¹¹ Однако общинное владение вовсе не требовало полной уравнительности наделов; оно только давало право домохозяевам требовать уравнительности с другими в отводе им земли.¹² Русская община выступала как основная предпосылка существования любого человека из данной общности и определяла на протяжении столетий социальную этику народа. Как справедливо отмечал А.Н. Энгельгардт, «деревня и общинное владение спасает многих малоспособных к хозяйству от окончательного разорения».¹³

Для стариков, неспособных работать, вдов, инвалидов делались послабления при выплате повинностей, либо они их вообще не платили. Одна из высших ценностей общины – человек, понимаемый и как биологическое существо, жизнь которого нужна миру для продолжения самого существования общины, и как субъект деятельности, «труженик», чьи усилия облегчают общее бремя, накладываемое извне (помещиком или государством). Поэтому сложилась своеобразная этика выживания, которая присуща всем традиционным обществам на этапе, когда человек нуждается в поддержке. Характерная особенность русской общины – система «помочей», посредством которых выполнялись работы, необходимые как для всего общества (строительство мирских мельниц, церквей, домов для священников, заготовки дров для школ, церквей, нетрудоспособных), так и для отдельного хозяина (срочный этап работ, распашка полей односельчан, у которых пала лошадь или мужчина в рекрутах, строились дома погорельцам).¹⁴ В крестьянском обществе знали друг о друге всё. Община осуществляла строжайший социальный контроль, цензуру нравственности, поощряя тех своих членов, которые выделялись трудовыми успехами, нравственными качествами, и, напротив, осуждала нерадивых, пьяниц, нарушителей норм поведения.¹⁵

Община выступала институтом, который обеспечивал социализацию индивида, его существование в рамках данной общности, накладывая одновременно вето на девиантное поведение, что обеспечивало целостность и постоянное воспроизводство социального организма.

В своей повседневной деятельности крестьянские общины решали и вопросы, связанные с охраной здоровья общинников. Например, большое значение в Поволжском регионе имела проблема обеспечения сёл и деревень качественной питьевой водой.¹⁶

Крестьянские общины принимали активное участие в совместном строительстве гидротехнических сооружений, в частности мостов.¹⁷

Одним из вопросов, наиболее часто разрешаемым общиной, был вопрос об опеке над осиротевшими детьми, больными крестьянами, расточителями и т.д. После реформы 1861 г. опека сельской общиной стала осуществляться на более определённой правовой основе, закреплённой в ст. 78. Общего положения¹⁸, различных циркулярах и распоряжениях

⁵ Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872 – 1887. СПб., 1999. С. 309.

⁶ Соловьёв В.С. Указ. соч. Вып. 1. Т. 1. С. 340.

⁷ Кавелин К.Д. Общинное владение. СПб., 1876. С. 36–37.

⁸ См.: Балакирев П. Погореловская община Костромской губернии // Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины: в 4 т. СПб. Т. 1. С. 236–237.

⁹ См.: Чернышевский Н.Г. О поземельной собственности // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. М., 1950. Т. 3. С. 412.

¹⁰ Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881 – 1904. М., 1980. С. 107.

¹¹ Крестьянская община // Итоги экономического исследования России. М., 1882. С. 134.

¹² См. подробнее в гл.: Крестьянское общинное хозяйство.

¹³ Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872 – 1887. СПб., 1999. С. 309–310.

¹⁴ См. подробнее: Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян в XIX веке. М., 1986. С. 32 – 57.

¹⁵ См.: ГАСО. Ф.407. Оп. 2. СУАК. Д. 922. Народные поверья и суеверия. 1892. Л. 4–7.

¹⁶ ГАСамО. Ф. 5. Самарская губернская земская управа. Оп. 2. Д. 3. Л. 4.

¹⁷ ГАСамО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 109. Л. 21.

¹⁸ Документы крестьянской реформы. С. 51, 53.

местных властей.¹⁹ Кроме того, в период с 1872 по 1910 гг. было принято 35 указов и решений Сената по вопросам опеки среди крестьян.²⁰ Деятельность органов крестьянского самоуправления в вопросах опеки находилась под постоянным контролем крестьянских начальников и земства.

Осуществляя опекунские функции, община стремилась сократить рост обездоленных в деревне. Тем не менее полностью призреть всех нуждающихся сельские общества, без серьёзной государственной поддержки, были не в состоянии.

Будучи элементом традиционного общества, крестьянский социум отличался известной автономностью, которая позволяла ему поддерживать относительную независимость от исторической и социальной среды. Представители других социальных групп в крестьянской среде воспринимались недоверчиво, подозрительно или с насмешкой.²¹ Это выражалось в хорошо известной «антиморальности» и экстерриториальности крестьянства, в удержании какой-то части социального производства (и бытия, и сознания) вне непосредственного контроля государства, вне господствующего порядка и классового господства. Государственная власть воспринималась крестьянином как природный катаклизм, грозный, но редкий, к которому можно было приспособиться. Центром притяжения русского крестьянина была община: та земля, на которой он работал и жил, церковь, где крестился, школа, где учился, его семья и все остальные односельчане. Выше взор крестьянина поднимался крайне редко. В этом просто не было духовной потребности. Мир, общество вмещали в себя для него всё: исправник олицетворял Царя-батюшку, который в свою очередь символизировал отеческую власть. Церковь представляла духовный авторитет, сельский учитель – знание, и, что, пожалуй, самое главное, существовал механизм здорового общественного мнения, которое освобождало крестьянский мир от нежелательных элементов и сохраняло душевное равновесие крестьянина. Жизнь миром, коллективом, по обычному праву – таковы черты русского крестьянского быта, определяющие характер и идеалы русской культуры.

По мнению некоторых авторов, жизнь крестьян в условиях общинного хозяйства делала их ленивыми, недобросовестными. Неразвитость индивидуальных начал, отсутствие у русских крестьян свободного почина приводили к характерной якобы для всего русского национального характера «нерыночности».²² Действительно, сама по себе деревня не даёт импульса к образованию рыночной экономики и правового государства. Такая экономика, основываясь на свободном предпринимательстве, зарождалась впервые в городе с его ремёслами, торговлей и культурой и лишь затем распространялась на деревню, существенно преобразуя её.

Поскольку потребность в реформировании общества была объективно обусловлена, община, связанная с жизнью широких народных масс, находила способы к ним приспособляться. Вместе с тем она совершенствовалась применительно к требованиям экономики и новым взглядам на жизнь. Так, например, в тех местностях, где требовалось удобрение полей, краткосрочные переделы земли не практиковались, а там, где, как в большей части чернозёмной полосы, удобрения не нужны, переделы, даже ежегодные, не могли вредить успешному ходу земледелия.²³ Община воспринимала и более крупные улучшения: единственный пример искусственного травосеяния немецкий исследователь А.Н. Гакстгаузен встретил на общинных землях менонитских колонистов; ни в одном из сотен осмотренных им помещичьих хозяйств, существовавших на праве полной личной собственности, ничего подобного он не нашёл.⁴¹

По мнению великого русского учёного Д.И. Менделеева, общинные крестьянские хозяйства могли представить незаменимые выгоды при коренных улучшениях нашего крестьянского хозяйства, потому что при нем могут вводиться улучшения на сравнительно больших площадях, тогда как на малых сделать этого невозможно без коренного улучшения, вроде травосеяния, разведения корнеплодов, глубокой вспашки.⁴²

В силу природных особенностей России труд русских людей носил неравномерный характер; как писал В.О. Ключевский, русский человек знал, «что природа отпускает ему мало удобного времени для земледельческого труда и что короткое великорусское лето умеет ещё укорачиваться безвременным нежданным ненастьем. Это заставляет великорусского крестьянина спешить, усиленно работать, чтобы сделать много в короткое время и в пору убраться с поля, а затем оставаться без земледельческого занятия осень и зиму. Так великоросс приучался к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил, привыкал работать скоро, лихорадочно и споро».⁴³ Конечно, всё это рождало способность к тяжелому упорному труду, самостоятельность, энергичность и инициативу.

Крупнейший русский историк С.М. Соловьев в своём основном труде «История России с древнейших времён» отмечал дух предприимчивости, активности, умение концентрировать жизненные силы в борьбе с нелегкими условиями существования, проявляемые нашими предками на ранних этапах истории, что свидетельствует о способности древних россиян искусно выполнять собственными руками многие виды работ, необходимые для хозяйства.⁴⁴ Русский человек, отмечал историк Д.И. Иловайский, представлял замечательный образец «характера деятельного, расчётливого, домовитого, способного к неуклонному преследованию своей цели, к жёсткому или мягкому образу действия смотря по обстоятельствам...».⁴⁵ По мнению видного общественного деятеля, одного из авторитетнейших исследователей крестьянства XIX в. К.Д. Кавелина, «мысль, что в мнимом отсутствии почина нашего крестьянина виновато общинное землевладение, просто забавна и доказывает наивное незнание самых простых вещей. Всем и каждому известно, что из всего крестьянства России самые предприимчивые великорусские крестьяне. Они во всей Империи и на ее окраинах являются мелкими торгашами, ремесленниками, содержателями постоянных дворов и трактиров и мелкими банкирами, полевыми,

¹⁹ ГАСамО. Ф. 265. Оп. 1. Д. 37. Л. 2 – 4.

²⁰ Подсчитано по: Абрамович К. Крестьянское право по решениям правительствующего Сената. СПб. 1912. С. 185 – 189.

²¹ См., напр.: Успенский Г. Полное собр. соч.: в 14 т. М., 1950. Т. 7.

²² См.: Шаповалов В. О категориях культурно-исторического процесса в России // Свободная мысль. 1993. № 6. С. 24; Егоров Ю. Аграрная реформа: уроки прошлого и современность // Свободная мысль. 1993. № 6; Смирнов П.И. Движение России к рыночной цивилизации и русский национальный характер // Вестник Ленинградского университета. Сер. 6. Вып. 4. С. 42.

²³ Аненский Н.Ф. Н.Г. Чернышевский и крестьянская реформа // Великая реформа. 1861 – 1911: в 6 т. М. Т. 4. С. 250.

⁴¹ Гакстгаузен А.Н. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. М., 1870. С. 35.

⁴² Менделеев Д.И. Собр. соч.: в 20 т. М., 1950. Т. 20. С. 272.

⁴³ Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1904. Ч. 1. С. 385–386.

⁴⁴ См. подробнее: Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. М., 1988. Кн. 1. Т. 1–2.

⁴⁵ Иловайский Д.И. История России. СПб., 1880. Ч. 2. С. 227.

огородниками, возчиками, конкурируя с жидами даже в местах их постоянного жительства. А именно у великорусских крестьян и существует почти исключительно общинное землевладение. Все прочие крестьяне, уступающие им в промышленной предприимчивости, не выдерживающие с ними в этом отношении никакого сравнения, владеют землёй на участковом праве».⁴⁶

Следовательно, в общине не могли быть не признаны и узаконены такие слишком важные показатели социальной значимости, как Богатство, Дело, Собственность, Мастерство. Только все эти ценностные принципы окружала атмосфера почитания идеалов добра, правды, устойчивости и преобладания духовно-нравственных мотивов жизненного поведения и труда. Зажиточные крестьяне в деревне были всегда. Как правило, они пользовались уважением односельчан. Так, например, по свидетельству корреспондента В.Н. Тенишева, при встрече, здороваясь, первым снимал шапку бедный крестьянин, в то время как более «справный», зажиточный лишь приподнимал её.⁴⁷ При этом в крестьянском обществе всегда осуждалась жадность, скупость. Богатые снисходительно относились к беднякам, если, конечно, бедность их проистекала не от безделья, неумения и нежелания работать.⁴⁸

Если судить по количеству народных пословиц, то к лодырю и лентяю у русского крестьянина было больше неприязни и даже ненависти, чем к представителям эксплуататорских классов.⁴⁹ Необходимо отметить, что основной контингент батраков в деревне составляли прежде всего неспособные к хозяйству люди: «Встретить между батраками... человека с хозяйственной головою, способного быть хорошим хозяином, необыкновенная редкость».⁵⁰

Трудолюбие, желание старательно и добросовестно работать всегда были главным народным идеалом, определяющим жизнеспособность народа. Как отмечает В. Белов, всё начинается с неудержимого и необъяснимого желания трудиться. Уже само это желание делает человека, этническую группу, а то и целый народ предрасположенными к творчеству и поэтому жизнеспособными. Такому народу не грозит гибель от внутреннего разложения. Творческое начало обусловлено в русском человеке желанием трудиться, жадной деятельностью.⁵¹ Трудолюбие как главная добродетель крестьянина, добросовестное отношение к труду, ставшее устойчивым обычаем и привычкой, потребность в труде, превратившаяся в один из главных мотивов жизнедеятельности, составили неотъемлемую часть мировоззрения крестьянина. Таким образом, труд русского крестьянина-общинника имел ценнейшую духовно-нравственную основу; стремление выполнить работу как можно лучше обуславливалось духовно-нравственной культурой крестьянина. Говоря о главном, что составляло сущность русского труда в рассматриваемый период, следует подчеркнуть, что он никогда не сводился к совокупности действий или навыков, а рассматривался как проявление духовной жизни, причём трудолюбие было характерным выражением духовности. Очень верно замечено русским педагогом В.А. Сухомлинским, что «отношение к труду является важнейшим элементом духовной жизни человека. Было бы недостаточным и наивным сказать, что трудолюбие воспитывается в процессе труда. Трудолюбие как важнейшая черта морального облика воспитывается и в процессе духовной жизни: интеллектуальной, эмоциональной и волевой. Не может быть трудолюбивым человек, мало думающий, мало переживающий».⁵²

Маркс К., развивая мысль А. Смита, отмечал, что «труд крестьянина имеет умственный характер в большей степени, чем труд рабочего мануфактуры, подчинённого разделению труда... Если городской рабочий более развит, чем сельский, то это обусловлено лишь тем обстоятельством, что характер его труда заставляет его жить в обществе, тогда как труд земледельца заставляет его общаться непосредственно с природой».⁵³

Этот «умственный характер» крестьянского труда явился основным препятствием, не позволившим многовековому гнёту крепостничества искоренить человеческое в русском крестьянстве: его духовный, нравственный, эстетический мир.

Даже в жесточайших условиях жизни крестьянин не терял свободы действий на поле. Он особо ценил то, что его не попускают, не поучают, как надо пахать, что сеять. Эта свобода, не без ограничений, разумеется, поддерживалась мирским самоуправлением. Община была владельцем, хозяином земли, а крестьянин выступал в роли наёмщика, берущего на себя обязанности за разного рода льготы и пособия. Как только крестьянин становился по обязанностям членом общины, он приобретал многие права на землю как на общую собственность, а не как на чужую вещь, взятую в пользование. Поэтому крестьяне всегда называли её «нашей землёй».⁵⁴ Если же приходилось им судиться, то крестьянин защищал принадлежащий ему общинный участок, как свой собственный.⁵⁵

Все общественные дела в деревне без всяких исключений обсуждались на мирских сходах, где только члены общины имели право голоса; они могли избирать и быть избранными на разные общественные должности, обсуждали разделы и разметы. В своих разговорах об общине крестьяне обычно употребляли термин «мир» или «общество». В их понимании эти слова пересекались и исторически соединяли в себе и правотворческие, и исполнительные функции. Крестьянский мир одновременно выражал мнение общины и корректировал его в соответствии с нормами обычного права.⁵⁶

Мир, общество рассматривались крестьянином как высшая инстанция (выше которой Царь да Бог). Поэтому в преданности миру крестьянин видел залог благополучия и преуспевания. Это определяло беспрекословное подчинение решениям общества. «Что мир порядил, то Бог рассудил», – говорили крестьяне.⁵⁷ Привыкший жить среди представлений и взглядов ему понятных, крестьянин болезненно воспринимал любые отклонения от них. В условиях отказа от народных основ, традиций и идеалов, привычной ему шкалы ценностей, лишения самостоятельности крестьянин становился

⁴⁶ Кавелин К.Д. Общинное владение. СПб., 1876. С. 36–37.

⁴⁷ Фирсов Б.М., Киселёва И.Г. Структуры повседневной жизни русских крестьян конца XIX века // Социологические исследования. 1992. № 4. С. 7.

⁴⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. № 164. Дело о нежелании крестьян с. Оркина принять в сельское общество после суда Ф.М. Фомина. От 26 февраля 1876 года.

⁴⁹ См.: Пословицы русского народа. М., 1957. С. 48.

⁵⁰ Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 309.

⁵¹ Белов В.И. Лад. М., 1982. С. 32.

⁵² Сухомлинский В.А. О воспитании. М., 1975. С. 128.

⁵³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1961. Т.26. Ч. II. С. 253.

⁵⁴ Симуш Г.И. Мир таинственный. Размышления о крестьянстве. М., 1991. С. 83–84.

⁵⁵ См. подробнее: Громько М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX века. М., 1986; Соловьев В.Ю. Ментальность русского крестьянства // Экономика и политология в переходный период к рынку. Саратов, 2001. С. 88 – 96.

⁵⁶ См.: Кучумова Л.И. Сельская община в России. М., 1992.

⁵⁷ См. подробнее: Риттих А.А. Крестьянский правопорядок // Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. СПб., 1904.

медлитель и непонятлив, что воспринималось как темнота и забитость. Несомненно, крестьяне сами признавали общинное пользование более соответствующим их потребностям и складу жизни. В этом строе они видели для себя незаменимую поддержку, и вообще, как искони существовавший, он был привычен русскому крестьянину, почему и был так устойчив.

Характерно, что после Февральской революции оставшиеся в общине крестьяне стали требовать ликвидации хуторов и отрубов и восстановления общинного землепользования.

Таким образом, органическая связь между хозяйственным укладом и мировоззрением крестьян являлась существенным качеством, характеризующим общественную жизнь русского народа. Не следует также забывать, что мировоззрение и духовный мир русского крестьянина, как и всё в России, веками формировались под влиянием православной веры.⁵⁸ Поэтому новации, привносимые в русское общество, не должны разрушать мировоззренческое ядро национальной, народной культуры. Сутью этого мировоззрения всегда были принципиальная космоцентричность, стремление любой новый порядок вещей и любое техническое нововведение приводить в соответствие с моделью идеального равновесия Вселенной.

В.Б. Безгин

САНИТАРНО-ГИГИЕНИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО БЫТА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.

Статья подготовлена при финансовой поддержке American Council of Learned Societies (ACLS), Short-term Grant 2009

Одной из сфер интимной жизни русских крестьян, которая обделена вниманием исследователей, является гигиена жителей села и санитарные условия их быта. Отечественные историки-аграрники традиционно отдают предпочтение изучению проблем: крестьянского производства, социальной структуры села, духовной жизни и правосознания жителей деревни. И значительно реже объектом внимания историков выступают такие составляющие сельской обыденности, как питание, сексуальное поведение, состояние здоровья крестьян.⁵⁹ Автор видит свою задачу в анализе санитарного состояния крестьянского быта, а также семейной и личной гигиены жителей русского села конца XIX – начала XX в. Проведённое исследование основано преимущественно на этнографических материалах и наблюдениях современников.

Санитарные условия крестьянского быта. Следует отметить, что русские крестьяне были весьма непритязательными в домашнем обиходе. Постороннего человека прежде всего поражал аскетизм внутреннего убранства. Крестьянская изба конца XIX в. мало чем отличалась от сельского жилища века предыдущего. Большую часть комнаты занимала печь, служащая как для обогрева, так и для приготовления пищи. Большинство крестьянских изб топились «по-чёрному». В 1892 г. в с. Кобельке Богоявленской волости Тамбовской губернии из 533 дворов 442 отапливались «по-чёрному» и 91 «по-белому».⁶⁰ По мнению доктора медицины В.И. Никольского, обследовавшего медицинское и санитарное состояние жителей Тамбовского уезда, на каждого члена семьи, состоящей из семи человек, приходилось 21,4 аршина воздуха, что было недостаточно. В зимнее время воздух в избах переполнен миазмами и чрезвычайно сильно нагрет.⁶¹

Санитарное состояние крестьянского жилища зависело прежде всего от характера полового покрытия. Если пол имел деревянное покрытие, то и в избе было значительно чище. В домах с земляными полами их застилали соломой. Солома служила универсальным покрытием для пола в крестьянской избе. На неё дети и больные члены семьи отправляли свои естественные надобности, и её, по мере загрязнения, периодически меняли. О санитарных требованиях русские крестьяне имели смутное представление.

Полы, в большинстве своём земляные, служили источником грязи, пыли и сырости. Зимой в избах содержался молодняк – телята и ягнята, следовательно, о какой-либо опрятности не могло быть и речи.⁶² Семинарист А. Соболев, выходец из Тотемского уезда Вологодской губернии, в своём отчёте в Этнографический фонд за 1898 г., так описал состояние жилища местных крестьян: «Изба служит и кухней, и спальней, и скотней, где живут куры, часто телята и ягнята, иногда даже коровы, особенно больные, а пол моется раз в год... В избе постоянно такой специфический запах, который свежего человека может легко довести до тошноты и вперёд не позволит зайти в крестьянскую избу».⁶³ Схожее суждение о санитарном состоянии крестьянского жилища содержится в исследовании А.И. Орглерта: «В хатах зимой помещаются молодые телята, приплод от овец и поросят, которые пропитывают земляной пол мочой и извержениями, делая атмосферу крестьянского жилища ниже всякой критики».⁶⁴ Приверженность крестьян к традиционному типу жилища и функциональному назначению его помещений представители просвещённого общества усматривали в присущем жителям села консерватизме. Сельский священник в своей статье сетовал: «Сколько вы, например, ни рассказывайте мужичку, даже богатому, о пользе для здоровья чистого воздуха в избах зимой, как ни убеждайте его о необходимости вентиляции, о больших окнах, о высоких потолках, он всё же будет верно думать: "Все равно телята и ягнята загрязнят и продушат избу"».⁶⁵

⁵⁸ См.: Симуш П.И. Мир таинственный. Размышления о крестьянстве. М., 1991. С. 35.

⁵⁹ См.: Мескина О.А. История сельского населения Воронежской губернии в 1861 – 1913 гг.: санитарно-демографический аспект: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2006; Орлова В.Д. Нарративные источники об отношении русского сельского населения XIX в. к рождению, браку и смерти // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII – XX вв: Мат-лы междунар. конф. (май 2002 г.). Тамбов, 2002. С. 115 – 126; Привалова Т.В. Быт российской деревни: (Мед.-сан. состояние деревни Европ. России). 60-е гг. XIX – 20-е гг. XX в. М., 2000 и др.

⁶⁰ Корнилов А.А. Семь месяцев среди голодающих крестьян. М., 1893. С. 71.

⁶¹ Никольский В.И. Тамбовский уезд. Статистика населения и болезненности. Тамбов, 1885. С. 34

⁶² Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 6. Курская, Московская, Олонекская, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. СПб., 2008. С. 465.

⁶³ Русские крестьяне ... Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 4. СПб., 2007. С. 289 – 290.

⁶⁴ Орглерт А.И. Медико-топографическое и статистическое описание слободы Головчины села Антоновки и деревни Тополей Грайворонского уезда Курской губернии. Курск, 1896. С. 33.

⁶⁵ Благоннадеждин П. Русская деревня и европейская культура // Тамбовские епархиальные ведомости. 1905. № 21.

Чистота сельской избы зависела от частоты и качества уборки помещения. Дом крестьянки мели два раза в день, утром и вечером. Правда, в страдную пору уборку производили значительно реже. Полы в крестьянских избах, как правило, мыли перед двенадцатыми или престольными праздниками, т.е. не чаще, чем один–два раза в месяц. Обязательной являлась генеральная уборка перед Пасхой, в ходе которой не только скребли полы, но и очищали от грязи стены, потолок, мыли столы и лавки. В качестве средства очищения поверхностей от грязи в русском селе использовали речной песок.

В каждой избе был стол и лавки вдоль стен. Иная мебель практически отсутствовала. Не во всех семьях имелись скамейки и табуретки. Спали обычно зимой на печках, летом на полатах. Чтобы было не так жёстко, стелили солому, которую накрывали дерюгой. Как здесь не вспомнить слова воронежского поэта И.С. Никитина:

Невестка за свежей соломкой сходила,
На нарах в сторонке её постлала, –
К стене в изголовье зипун положила.

О чистоте постелей в сельских избах можно говорить только относительно. Часто постелью служил «соломенник», т.е. мешок, набитый ржаной или яровой соломой. Солома эта не менялась иногда по целому году, в неё набиралась масса пыли и грязи, заводились клопы.⁶⁶ Почти не было постельного белья, лишь подушки иногда одевались в наволочки, да не всегда были подушки. Простыню заменяло рядно, домотканая подстилка, а одеяло не знало никаких пододеяльников.

Не было в сельском быту и надлежащей гигиены питания. Пищу в крестьянских семьях, как правило, употребляли из общей посуды, столовых приборов практически не знали, пили из кружек по очереди. Посуду крестьяне после приёма пищи не мыли, а только ополаскивали её в холодной воде и ставили на место. Настоящим образом посуда мылась не более одного–двух раз в год.⁶⁷ По сообщению из Олонецкой губернии, «посуду, есть досуг вымыть, вымоют, а то больше так: уберут со стола, и лежит она грязная до новой надобности, а там сполоснут – и баста».⁶⁸ Дефицита воды в русских деревнях не было, но её доставка из колодца для бытовых нужд всегда была делом трудоёмким.

В уборных вода не употреблялась: отхожее место строилось или во дворе (в средней полосе и на юге), или, в северных деревнях, в хлеву, соединённом с избой одной крышей (предусмотрительно: не страшны бури и снегопады). «Строилось» – слишком громко сказано: обычно это была лёгкая отгородка от глаз домашних, а иногда и таковой не было. Отхожие продукты бросались лопатой в навоз (потом всё шло на удобрения), и место освобождалось для следующих операций. Конечно, не было не только туалетной, но и вообще никакой бумаги: использовались сено, солома, травка, иногда даже палочки от плетня.⁶⁹ А в ряде сёл и уборных не было. Так, в воронежских сёлах отхожих мест не устраивали, а «человеческие экскременты были рассеяны по полям, на дворах, задворках и пожирались свиньями, собаками, курами».⁷⁰

Этнографические источники конца XX в. содержат сведения о наличии в крестьянских избах вредных насекомых: тараканов, клопов, блох. Можно сделать вывод о том, что они являлись неизменными спутниками сельского быта. Для борьбы с тараканами крестьяне прибегали к достаточно простому, но эффективному способу – их вымораживали. В зимнюю пору семья переставала топить печь, а сама перебиралась жить на два–три дня к соседям. С целью избавиться от клопов крестьяне прибегали к различным приёмам. Их выкуривали «баганом», отпаривали кипятком, мазали щели керосином.⁷¹ В сёлах Калужской губернии для уничтожения клопов употребляли папоротник, который развешивали по стенам избы; против блох использовали полынь, её клали в постель; тараканов травили бурой, подсыпая порошок в молочную кашу.⁷²

По свидетельству корреспондентов тенишевской программы, «избы крестьян полны всякого рода насекомыми, как-то: тараканами, клопами и блохами; на самих же крестьянах иногда бывают и бельевые вши».⁷³ Головная вошь – обычный спутник всего населения; особенно их много водится на детях. Бабы в свободное время «ищут друг у друга в голове».⁷⁴ Мать, лаская своего ребёнка, непременно, хотя слегка поищет в его волосах паразитов.⁷⁵ В путевых заметках А.Н. Минха находим следующее наблюдение автора о любимом занятии крестьянок одного из сёл: «Баба деревянным гребнем, употребляемым для расчёски льна, роется в голове другой, а частое щёлканье доказывает изобилие насекомых в волосах наших русских женщин».⁷⁶

По причине грязного белья, особенно в летнюю пору, заводились бельевые, или, как их называли в деревне, «партяные», вши. Их уничтожали посредством выжарки белья в печи.⁷⁷ В летнюю пору крестьян одолевали блохи, даже Петров пост мужики называли блошиным постом. В этот период в вологодских деревнях можно было наблюдать такую картину: «В избе сидели мужик и баба, совершенно голые, и занимались ловлей блох, нимало не стесняясь, – так принято и ничего здесь нет предосудительного».⁷⁸

Семейная и личная гигиена крестьян. Традиционным средством поддержания чистоты тела в русской деревне являлась баня. Но бань в русском селе было катастрофически мало. По сведениям А.И. Шингарева, в начале XX в. бань в с. Мохватке имелось всего две на 36 семейств, а в соседнем Ново-Животинном – одна на 10 семейств. Большинство воронежских крестьян, по подсчётам автора, мылись один–два раза в месяц в избе в лотках или просто на соломе.⁷⁹ По сообщению из Костромской губернии за 1899 г.: «В бане моются каждую субботу, по несколько семей за раз, мужчины и

⁶⁶ Русские крестьяне ... Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 1. СПб., 2006. С. 384.

⁶⁷ Русские крестьяне ... Т. 1. Костромская и Тверская губернии. СПб., 2004. С. 249.

⁶⁸ Русские крестьяне ... Т. 6. Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. СПб., 2008. С. 155.

⁶⁹ Егоров Б.Ф. О материальной культуре. О народной нравственности. URL: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/HISTORY/RUSLIFE.HTM> (дата обращения 16.02.2009).

⁷⁰ Шингарев А.И. Вымирающая деревня. Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежской губернии. СПб., 1907. С. 60.

⁷¹ Русские крестьяне ... Т. 6. Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. СПб., 2008. С. 233.

⁷² Русские крестьяне ... Т. 3. Калужская губерния. СПб., 2005. С. 303.

⁷³ Русские крестьяне ... Т. 1. Костромская и Тверская губернии. СПб., 2004. С. 249.

⁷⁴ Тоже. Т. 3. Калужская губерния. СПб., 2005. С. 559.

⁷⁵ Там же. С. 75.

⁷⁶ Минх А.И. Путевые заметки от Москвы до села Колепа // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. 1905. № 50. С. 14.

⁷⁷ Русские крестьяне ... Т. 3. Калужская губерния. СПб., 2005. С. 539.

⁷⁸ Русские крестьяне ... Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 4. СПб., 2007. С. 290.

⁷⁹ Шингарев А.И. Указ. соч. С. 50 – 55.

женщины вместе».⁸⁰ В тех местностях, где бани отсутствовали крестьяне, парились в печах. Это выглядело так. Мылись обычно вечером, в печи, протопленной с утра. В печи стелили солому. Залезши в печь, кропили мокрым веником на стенки для достижения пара. По окончании процедуры окатывали себя теплой водой, стоя у лохани, и вытирались полотенцем.⁸¹

Купаться в открытых водоёмах не было принято в русской деревне. Да и температура воды в летнюю пору делала купальный сезон кратким. Крестьяне никаких купален не делали, а так как до XX в. было принято купаться нагишом, то женщинам было затруднительно искать у реки или озера укромные местечки, поэтому они очень редко пользовались водоёмами, да и мужчины, то ли с устатку, то ли с непривычки, почти не купались. Бултыхаться в водоёмах было уделом ребятишек.

Личная гигиена у крестьян практически отсутствовала. Умывались деревенские жители один раз утром и то без мыла, в течение дня – только когда слишком перепачкаются на работе.⁸² Мыло крестьяне практически не знали, если его приобретали, то использовали исключительно для мытья головы детям. Во всём остальном в качестве моющего средства традиционно использовали щёлок. Его изготавливали следующим образом. В чугунок клали золу и часть воды, затем раскачивали камни на огне и опускали их в сосуд, который накрывали крышкой. После того как раствор остывал и отстаивался, его (щёлок) использовали для мытья тела и волос.⁸³

Не была и необходимой чистоты носильных вещей. Из Пошехонского уезда Ярославской губернии корреспондент делился своими наблюдениями: «Бельё меняется весьма редко вследствие экономии. Простирается бельё крайне плохо и неумело».⁸⁴ По информации из Мещовского уезда Калужской губернии, крестьяне «рубахи меняют очень редко; иногда чуть ли не два месяца носят одну рубашку и портки; вымоют в холодной воде, поколотят вальком и опять наденут».⁸⁵ Нижнего белья (трусов, лифчиков) крестьяне не знали. Маленькие дети вне зависимости от пола бегали в рубашках. Мальчишкам постарше надевали штаны с вырезом в паху, для удобства отправления естественных надобностей. Юбки девушки начинали носить в 15 лет.⁸⁶ С наступлением регул сельские девушки укладывали между ног кусок материи, который крепили к поясу. По мере загрязнения его полоскали в воде, отбивая рубелем, а после сушки использовали вновь.

Следствия антисанитарии. Отсутствие личной гигиены являлось причиной распространения большинства инфекционных заболеваний в русском селе. Исследователь дореволюционной поры Н. Бржеский на основе изучения быта крестьян чёрноземных губерний пришёл к выводу о том, что «плохое качество воды и решительное равнодушие к содержанию себя в чистоте становится причиной распространения заразных заболеваний».⁸⁷ Да и могло ли быть иначе, когда ели из одной миски, пили из одной кружки, утирались одним полотенцем, пользовались чужим бельём.⁸⁸ Объясняя причину широкого распространения сифилиса в деревне, врач Г. Герценштейн указывал, что «болезнь распространяется не половым путём, а передаётся при повседневных общежительских отношениях здоровых и больных членов семьи, соседей и заходящих людей. Общая миска, ложка, невинный поцелуй ребёнка распространяли заразу всё дальше и дальше ...».⁸⁹ Большинство исследователей, как прошлого, так и настоящего, солидарны в том, что основной формой заражения и распространения сифилиса в русском селе являлась бытовая, вследствие несоблюдения населением элементарных правил гигиены.

Это же являлось причиной большинства заболеваний половой сферы сельских женщин. По наблюдениям земских врачей, количество гинекологических больных в селе резко возрастало в жаркую летнюю погоду. Причина тому – отсутствие гигиены в страдную пору по причине постоянного присутствия мужчин. Необходимой чистоплотности не было и зимой. В тесных избах мужчины и женщины проводили большую часть времени вместе, и бабы опять же не имели возможности приводить себя в надлежащий порядок.⁹⁰ Да и само состояние крестьянского жилища создавало благоприятную атмосферу для развития различных патогенных микробов.

Современного исследователя не может не поражать то безразличие, с которым сельские бабы относились к своему здоровью. Женские хвори обнаруживали, как правило, на стадии обострения или в хронической форме. Крестьянки порой просто не замечали выделений (белей) по причине грязного платья.⁹¹ Свою роль играло и невежество селянок. Некоторые бабы в Орловской губернии лечиться у докторов от женских болезней считали за великий конфуз: «бабе своё нутро перед людьми выворачивать зазорно». Когда такой пациентке доктор предлагал осмотреть её, та стремительно убегала из больницы и старалась скрыть от всех слова доктора, чтобы потом не заслужить упрёка от баб: «тебя давно все оглядели».⁹²

Уход за младенцами. В уходе за младенцами сельские женщины руководствовались обыденными представлениями, которые были далеки от элементарных требований гигиены. Так, в деревне считали, что ребёнка достаточно перевернуть в сутки раза два–три, а для того чтобы он не «промок» подкладывали кучу тряпок. Можно себе представить, в каком ужасном положении находятся спеленатые дети, завёрнутые в пропитанные мочой и калом пелёнки, и это к тому же в летнюю жаркую пору. Сделается совершенно понятным и ничуть не преувеличенным заявление наблюдателя протоиерея Гиляровского, что от такого мочекалового компресса и от жары «кожа под шейкой, под мышками и в паху созревает, получают язвы, нередко наполняющиеся червями» и т.д. Также нетрудно дополнить всю эту картину той массой комаров и

⁸⁰ Русские крестьяне ... Т. 1. Костромская и Тверская губернии. СПб., 2004. С. 296.

⁸¹ Русские крестьяне ... Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 2. СПб., 2007. С. 142–143.

⁸² Русские крестьяне ... Т. 6. Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. СПб., 2008. С. 232.

⁸³ Русские крестьяне ... Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 2. СПб., 2007. С. 143.

⁸⁴ Русские крестьяне ... Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 1. СПб., 2006. С. 384.

⁸⁵ Русские крестьяне ... Т. 3. Калужская губерния. СПб., 2005. С. 559.

⁸⁶ Егоров Б.Ф. Указ. соч.

⁸⁷ Бржеский Н. Очерки аграрного быта. Земледельческий центр России и его оскудение. СПб., 1909. С. 6.

⁸⁸ Моллесон И.И. Краткий очерк заболеваемости и смертности населения Тамбовской губернии в трёхлетие 1898, 1899 и 1900 гг. Тамбов, 1904. С. 116.

⁸⁹ Цит. по: Энгельштейн Лора. Нравственность и деревенная ложка: сифилис, секс и общество глазами российских врачей (1895 – 1905) // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология. Самара, 2000. С. 232.

⁹⁰ Богданов П.К. Статистике и казуистике болезней половых органов у крестьянок Кирсановского уезда. Тамбов, 1889. С. 8, 9, 19.

⁹¹ Там же. С. 9.

⁹² Попов Г. Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева. СПб., 1907. С. 107.

мух, которые особенно охотно привлекаются воницей атмосферой около ребёнка от гниения мочи и кала.⁹³ Мыли новорождённых не чаще одного раза в неделю, бельё не стирали, а только высушивали.⁹⁴

Пищу грудных детей составляло молоко из рожка, с надетой гуттаперчевой соской, нередкой коровьей титькой, а также жовка, всё это содержалось в крайней нечистоте.⁹⁵ В страдную пору с грязным воничим рожком ребёнка оставляли на весь день под присмотром малолетних нянек.⁹⁶ В воззвании доктора В.П. Никитенко «О борьбе с детской смертностью в России» указывалась основная причина смерти младенцев, как в Центральной России, так и в Сибири: «Ни еврейки, ни татарки не заменяют собственного молока соской, это исключительно русский обычай и один из самых гибельных. По общему свидетельству, отказ от кормления младенца грудью – главная причина их вымирания».⁹⁷ Отсутствие грудного молока в питании младенцев делало их уязвимыми для кишечных инфекций, особенно распространённых в летнюю пору.⁹⁸ Большинство детей в возрасте до года умирали в русском селе по причине диареи.

Состояние общественной санитарии русского села изучаемого периода определялось низким уровнем бытовой культуры крестьянского населения. Условия повседневной жизни русских крестьян характеризовались теснотой жилищного пространства, аскетизмом внутреннего убранства, многофункциональностью крестьянской избы, отсутствием мест для отдыха. Чистота внутреннего помещения зависела не только от аккуратности хозяйки и опрятности членов семьи, но определялась такими факторами, как время года, наличие молодняка в избе, покрытие пола и др. Поддержание личной гигиены в крестьянских семьях осуществлялось посредством мытья в банях, печах. Частота данных процедур, а также качество помывки не соответствовали гигиеническим требованиям. Моющие средства крестьяне практически не использовали, поэтому при стирке не достигалась необходимая гигиеническая обработка белья. По причине скученности проживания, отчасти деревенского невежества женщины не соблюдали требования интимной гигиены. Уход за новорождёнными детьми в русском селе в силу особенностей крестьянского быта не соответствовал санитарным нормам и требованиям гигиены. Уровень санитарного просвещения жителей русского села конца XIX – начала XX в. оставался на крайне низком уровне, что было обусловлено как традиционным крестьянским невежеством, так и в целом экономическим состоянием деревни.

С.А. Есиков

ИСТОРИОГРАФИЯ ПОЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОРЕФОРМЕННОЕ ВРЕМЯ

*Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ,
проект № 09-01000018а*

Один из парадоксов общественного развития России в пореформенную эпоху заключался в том, что, хотя крестьянское хозяйство во многом определяло характер и формы общественного прогресса и несло на своих плечах его основные издержки, крестьянство долгое время воспринималось и правительством, и его оппонентами лишь как объект социального действия.

Обращение к изучению крестьянского землевладения и землепользования в эпоху очередных российских реформ важно в плане осмысления не только закономерностей исторического процесса, но и реальностей современной жизни, в том числе ситуации, возникшей в аграрном секторе страны в результате аграрных преобразований. При этом надо помнить, что Россия имеет собственные традиции реформирования: проводить преобразования вынужденно, сверху, опираясь на разветвлённую систему, очень часто не имея обратной связи с обществом. Все названные проблемы сохранились до наших дней. Поэтому изучение проведения российских реформ, особенно в аграрной сфере, актуально и сегодня. По-прежнему актуальными остаются проблемы эффективного соединения крестьянина с землёй и поиска форм рационального землепользования. Осуществление в стране аграрных, в том числе и земельных, реформ, как правило, сводило их лишь к решению продовольственной проблемы, а их правовой аспект практически не затрагивался. В связи с этим представляется интересным обращение к истории правовых реформ, касающихся условий жизни российской деревни на рубеже XIX – XX вв. Сейчас в сельском хозяйстве сложилась иная социально-экономическая ситуация, чем в те годы. Тем не менее некоторые принципы, высказанные в начале XX в. по проблемам правопорядка, могут быть учтены в наше время. Кроме того, изучение поземельных отношений на региональном уровне позволяет вскрыть как общие закономерности, так и конкретно исторические особенности их эволюции. Рассмотрение темы интересно и в плане всё возрастающей регионализации общественной жизни России. Учёт регионального фактора в экономике, политической сфере, культуре – объективное требование перспективного развития страны.

Характеристике российской деревни второй половины XIX – начала XX вв. посвящена большая литература. Для удобства её анализа можно выделить несколько периодов: дореволюционный; с 1917 г. по конец 1950-х гг.; начало 1960-х – до начала 1990-х гг. и с начала 1990-х по настоящее время.

Первый этап развития историографии в силу незавершённости процессов, протекавших в обществе, характеризовался отсутствием целостной концепции видения проблемы. Более того, большинство авторов являлись активными действующими лицами данных процессов. Основная часть работ либо имела практическую направленность, либо сводилась к простой констатации фактов. Прежде всего следует указать обобщающие труды, посвящённые аграрной истории России второй

⁹³ Соколов Д.А., Гребенщиков В.И. Смертность в России и борьба с нею. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_307.htm (дата обращения 03.04.2010).

⁹⁴ Попов Г. Указ. соч. С. 4.

⁹⁵ Орслерт А.И. Указ. соч. С. 36.

⁹⁶ Ершов С. Материалы для санитарной статистики Свияжского уезда. СПб., 1898. С. 116.

⁹⁷ Цит. по: Караваева Е.В. Томские епархиальные ведомости как источник по истории формирования санитарной культуры в Томской губернии.

⁹⁸ Никольский В.И. Указ. соч. С. 157.

половины XIX в., в которых нашли отражение отдельные вопросы, характеризовавшие крестьянское хозяйство Тамбовской губернии. Из исследователей того времени выделялись своими многотомными трудами Н.П. Семенов, П.П. Семенов-Тян-Шанский и А.С. Скребицкий.⁹⁹ Их работы представляют собой свод трудов Редакционных комиссий, однако некоторые разделы содержат сведения о состоянии хозяйств крестьян. В частности, в них приведены статистические материалы о размерах крестьянского землевладения по губерниям и уездам, о размерах отрезки, составе крестьянских угодий и т.п. В названных исследованиях содержится богатый фактический материал, но отсутствует глубокий анализ социально-экономических процессов, протекавших в крестьянском хозяйстве.

Сюда же следует отнести публикации самого различного характера (от описательно-публицистических до историко-экономических), созданные в условиях противостояния политико-теоретических идей относительно развития России вообще и её сельского хозяйства в частности.

В этой связи определённый интерес представляют труды Г.Г. Ершова, В.П. Воронцова, Н.Ф. Головина, С.Н. Терпигорева, А.И. Васильчикова¹⁰⁰, в которых делались попытки анализа структуры землевладения пореформенной России. Васильчиков А.И. подробно исследовал конъюнктуру земельного рынка. По его мнению, интенсивная отрицательная динамика дворянского землевладения и, соответственно, положительная всех других сословий, включая крестьянство, была во многом спровоцирована «новизной момента» и «стеснённым положением» некоторых помещиков, стремившихся сбыть свои земли, считая занятия сельским хозяйством делом бесперспективным и убыточным. Параллельно «оскудению» дворянства всё большую экономическую мощь набирало хозяйство крестьян. Последнее обстоятельство, по мнению автора, служило доказательством состоятельности крестьянства. Васильчиков утверждал, что для крестьянского хозяйства «настоящий надел (4 десятины на душу) должен быть признан совершенно достаточным», так как при большем наделе крестьяне не могли бы заниматься отхожими промыслами, и что условием преуспевания земледелия должны быть крупные господские запашки, рядом с которыми находилось бы много мелких крестьянских участков.

Морачевский В.В. утверждал, что в сельскохозяйственном производстве главная роль принадлежала не помещицкому, а крестьянскому хозяйству, особенно к концу XIX в.¹⁰¹ Однако автор отмечал, что пореформенные наделы большей части крестьян не могут прокормить их семьи. Он показал, что для обеспечения продовольствием семьи в природно-климатических условиях многих (особенно центральных) губерний необходимы были большие крестьянские наделы.

Большое значение имел выход в свет двух коллективных трудов. Один из них – «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства»¹⁰² – содержал объёмные сведения о размерах наделного землевладения, купле-продаже и аренде вненаделных земель, крестьянских бюджетах, производстве и потреблении хлеба в крестьянском хозяйстве. Авторы признавали крестьянское хозяйство пореформенного времени натуральным, слабо ориентированным на рынок. Важным являлся двухтомник статей, представлявших собой сводку работ местных комитетов «Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности».¹⁰³ Наибольший интерес заслуживают статьи по аграрно-крестьянскому вопросу: о крестьянском землепользовании, повинностях, земельных нуждах деревни, арендных отношениях, правовом положении крестьян и др. На этих же материалах построил своё исследование А.Д. Билимович¹⁰⁴, который предпринял попытку изучить предложения местных комитетов по решению земельных отношений, однако его работа носит обзорный характер. Это обусловлено во многом тем, что автора интересовали проекты, связанные с созданием стабильного правопорядка в узко юридическом смысле. В связи с этим он отобрал проекты, которые в случае их реализации обеспечивали социальную стабильность в деревне. Поэтому такую важную проблему, как судьба общинного землевладения, он ставит на второстепенное место. В вышедшей одновременно работе А.А. Риттиха¹⁰⁵ автор указывал, что неопределённость имущественных и общественных отношений крестьян порождает ту хозяйственную отсталость, которая всеми силами тормозит развитие частного землевладения. Исследование правовых вопросов крестьянского землевладения было проведено в труде Л.А. Кассо.¹⁰⁶ Отвечая на вопрос о частной крестьянской собственности на землю, автор признавал таковой только земли, купленные домохозяевами на собственные средства.

В начале XX в. первостепенное значение приобрёл вопрос об изучении земельной собственности, что во многом объяснялось событиями первой русской революции. В жарких спорах публицистов, исследователей и политиков разных направлений высказывались разные точки зрения по вопросам развития поземельных отношений. Российские марксисты сосредоточили внимание на проблеме распределения. Они выдвигали вопрос о землевладении, справедливо считая его наиболее популярным в крестьянской среде. Так появилась концепция В.И. Ленина о двух путях развития аграрного капитализма, сформулированная им в книге «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905 – 1907 гг.» Она (концепция) основывалась на признании процесса дифференциации крестьянства, превосходства крупного хозяйства над мелким и принципиальной однотипности законов развития аграрного и промышленного капитализма, на признании того, что все регионы России следуют по пути, пройденному Западом. В итоге формируется единый буржуазный строй европейского типа. Прусский и американский пути, представленные с разной степенью интенсивности по аграрным регионам, создают лишь различные условия движения к единой цели. В дальнейшем эта концепция на протяжении более 60

⁹⁹ Семенов Н.П. Освобождение крестьян в царствование императора Александра II. Хроника деятельности комиссий по крестьянскому делу. СПб., 1889 – 1892. Т. 1 – 3; Семенов-Тян-Шанский П.П. Эпоха освобождения крестьян в России (1857 – 1861 гг.) в воспоминаниях П.П. Семенова-Тян-Шанского. СПб., 1911 – 1913. Т. 1–2; Выводы и заключения (О судьбах крестьянского сословия России). СПб., 1893; Скребицкий А.И. Крестьянское дело в царствование императора Александра II. Губернские комитеты, их депутаты и редакционные комиссии в крестьянском деле. Материалы для истории освобождения крестьян. Бонн-на-Рейне, 1862. Т. 1 – 4.

¹⁰⁰ Ершов Г.Г. Поземельная собственность Европейской России. 1877–1878 гг. СПб., 1886; Головин Н.Ф. Крупное землевладение в Западной Европе и России. М., 1887; Воронцов В.П. Судьбы капитализма в России. СПб., 1882; Терпигорев С.Н. Оскудение. Очерки помещичьего разорения. СПб., 1881; Т. 1; СПб., 1882. Т. 2; Васильчиков А.И. Землевладение и землепользование. СПб., 1892. Т. 1. и др.

¹⁰¹ Морачевский В.В. Земледельческий промысел в народном хозяйстве России. Пг., 1914.

¹⁰² Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. СПб., 1897.

¹⁰³ Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности: сб. статей. СПб., 1904.

¹⁰⁴ Булимович А.Д. Крестьянский правопорядок по трудам местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1904.

¹⁰⁵ Риттих А.А. Крестьянский правопорядок. СПб., 1904.

¹⁰⁶ Кассо Л.А. Русское поземельное право. М., 1906.

лет господствовала в советской историографии. Но были и другие мнения. Так, например, крупный специалист в этой области В.В. Святловский считал необходимым сохранение крупного землевладения, которое, по его мнению, уже имело характер «капиталистического предприятия» с системой полеводства, «совершенно отличной от окружающей крестьянской».¹⁰⁷

Не менее интересными были исследования П.И. Лященко.¹⁰⁸ Его главный интерес лежал в области крестьянского землевладения, убеждённым защитником которого он выступал. В отличие от Святловского, опиравшегося в своих выводах в основном на статистический материал, П.И. Лященко разрабатывал социально-правовые проблемы. Им была создана оригинальная концепция «вторичного наделения», основанная на убеждении, что реформы должны быть направлены на урегулирование отношений между прежними классами землевладельцев и бывшими крепостными, посредством закрепления за новым свободным сословием определённых прав на землю.

Пожалуй, единственными специальными исследованиями подворного землевладения являлись труды С.В. Благовещенского, Д.И. Висковатова и М. Маркевича¹⁰⁹, в работах которых делался вывод о постепенном исчезновении четвертных земель, которые с 1880-х гг. были официально признаны наделёнными.

В ряде работ рассматривались проблемы арендных отношений.¹¹⁰ В частности, В.Г. Бажаев дал очерк истории всех видов аренды сельскохозяйственных угодий. По его мнению, крестьяне, освобождённые с недостаточными земельными наделами, были вынуждены прибегать к аренде земли у своих бывших помещиков, а также становились отходниками на предприятиях, принадлежавших тем же помещикам. Автору удалось доказать, что уже в конце XIX в. земля превратилась в объект наживы для скупщиков, а несовершенство законодательства вело крестьян к экономическому подчинению крестьян бывшим помещикам.

Советские историки продвинули вперёд изучение многих проблем аграрной истории пореформенной России как в целом по стране, так и по отдельным регионам. Уже в 1920-е гг. был создан целый ряд работ по истории российского крестьянства и развитию капитализма в сельском хозяйстве.¹¹¹ Авторы пришли к выводу, что частное землевладение в России – это не только в огромной мере крупное землевладение, но землевладение в основном дворянского сословия, хотя в ряде регионов появился крупный земледелец – купец, успевший приобрести значительную часть крупных и средних владений. Доля же крестьянской земельной собственности до начала XX в. оставалась незначительной и в основном распределялась в мелком землевладении. Работы носили в основном не столько исторический, сколько социологический характер, были политизированы, а появление многих публикаций напрямую связывалось с практикой и планами советского строительства. Такой характер работы носили вплоть до конца 1950-х гг. Советские историки потратили немало сил на изучение и комментирование ленинских взглядов на пути аграрной эволюции России. Из работы в работу воспроизводилась одна и та же схема о всеобщей капитализации в двух вариантах – «прусском» и «американском» – на базе помещичьего и крестьянского хозяйства. Все публикации носили преимущественно описательный характер без глубокого анализа, а фактический материал за редким исключением заимствовался из исследований дореволюционных авторов. У местных же исследователей отчётливо проявился различный подход к оценке характера аграрных отношений. Одни авторы стремились доказать довольно высокую степень развития товарно-денежных отношений в деревне, другие обращали основное внимание на живучесть и широкое распространение в этой сфере пережитков традиционного феодального общества.

Прошедшая в конце 1950 – начале 1960 гг. дискуссия по вопросам аграрной эволюции России заставила её участников углублённо проанализировать экономику аграрных отношений.¹¹² Повышенный интерес вызвал вопрос о закономерностях перехода от капитализма к социализму. Новое звучание приобрела и проблема исторических предпосылок Октябрьской революции, в том числе уровня развития капитализма в стране.

Попытка освоить теоретическое пространство, созданное ленинскими работами начала XX в., привела к резкой поляризации мнений историков. В итоге в начале 1970-х гг. сложились два подхода к оценке аграрных отношений – концепция многоукладности (К.Н. Тарновский¹¹³) и концепция стадийности (И.Д. Ковальченко¹¹⁴), однако начавшаяся дискуссия была искусственно прервана в 1973 г. и возобновилась лишь в конце 1980-х гг., в период перестройки. Дискуссии 1960 – 70-х гг. вызвали новый интерес к экономическим проблемам аграрной истории, которые были отвергнуты в начале 1930-х гг.

Оценивая в целом советскую историографию проблемы, нельзя не отметить, что излишняя политизированность, приверженность определённым концепциям конечно же наложили отпечаток на работы советских исследователей социально-экономических процессов. Однако эти изъяны не умаляют достоинств проведённых исследований. Создана солидная фактологическая база, дана общая характеристика пореформенного аграрного развития, которая сохраняет своё значение при любых концептуальных построениях. При этом надо учитывать, что советская историография, имеющая несомненные заслуги в изучении аграрной эволюции России, формировалась в столь жёстких доктринальных рамках, что

¹⁰⁷ Святловский В.В. Мобилизация земельной собственности в России (1866 – 1908 гг.). СПб., 1911; он же. К вопросу о судьбах землевладения в России (Статистика мобилизации земельной собственности). СПб., 1907.

¹⁰⁸ Лященко П.И. Крестьянское дело и пореформенная землеустроительная политика. СПб., 1913. Ч. I; СПб., 1917. Ч. II.

¹⁰⁹ Благовещенский С.В. Четвертное право // Русская мысль. М., 1886. С. 2 – 13; Висковатов Д.И. О четвертных крестьянах // Судебный вестник. СПб., 1870.

№ 352. С. 56 – 72; Маркевич М. О частных собственниках. Ташкент, 1895 и др.

¹¹⁰ Бажаев В.Г. Крестьянская аренда в России. М., 1910; Воскресенский В. Действующие законы о крестьянах. СПб., 1910; Леонтьев А.А. Крестьянское право. СПб., 1917.

¹¹¹ Гайстер А. Сельское хозяйство капиталистической России. От реформы 1861 г. до реформы 1905 г. М., 1928; он же. Сельскохозяйственная капитализация в России. М., 1928; Дубровский С.М. Очерки русской революции. Вып. I. Сельское хозяйство. М., 1923; Шестаков А.В. Капитализация сельского хозяйства в России. М., 1924 и др.

¹¹² См.: Анфимов А.М. К вопросу о характере аграрного строя в Европейской России в начале XX в. // Исторические записки. М., 1959; Т. 65; Он же. Земельная аренда в России в начале XX в. М., 1961.

¹¹³ См.: Тарновский К.Н. Социально-экономическое развитие России. Начало XX века. М., 1990; он же. Проблемы аграрной истории России периода империализма в советской историографии (дискуссии начала 60-х годов) // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971; Советская историография. М., 1996.

¹¹⁴ Ковальченко И.Д. В.И. Ленин о характере аграрного строя капиталистической России // Вопросы истории. 1970. № 3.

теоретическая схема порой подменяла собой реальное содержание конкретных исследований. Мысль исследователя двигалась в заданном направлении, самостоятельный подход исключался.

После 1973 г. историки стремились максимально «обуржуазить» характер аграрного строя. Советские историки уделили крестьянскому хозяйству значительно большее внимание, чем помещичьему. Но и в своих лучших работах они продолжали воспроизводить привычную схему: кризис сельскохозяйственного производства, кризис и разложение крестьянского хозяйства, нарастание дифференциации в деревне, обострение классовой борьбы и т.д. Вслед за авторами монографий, написанных на общероссийском материале, шли провинциальные историки. Однако последние, будучи ближе к первичным, массовым источникам, в гораздо большей степени отразили очевидный прогресс сельскохозяйственного производства на рубеже XIX – XX вв.

Обратимся к наиболее значительным трудам той поры. Плодом многолетнего труда по изучению аграрной истории стало появление обобщающей работы П.Н. Першина¹¹⁵, первый том которой посвящён периоду от реформы 1861 г. до Октябрьской революции. В частности, автор детально разработал условия размежевания помещичьих и крестьянских земель, многочисленные экономические показатели; в работе воспроизведены планы земельных владений некоторых сельских обществ.

Изучению социально-экономической истории российской деревни посвящён целый ряд работ И.Д. Ковальченко. Вместе со своими учениками и последователями он досконально исследовал вопросы о степени эксплуатации крестьян, о развитии товарно-денежных отношений в деревне, проследил процесс разложения крепостного хозяйства. Впервые в советской исторической литературе им дано определение понятия «кризис крепостничества».¹¹⁶ Ковальченко И.Д. стал основателем применения математических методов обработки массовых источников. Особенно ценными стали его работы (вместе с учениками) о характере аграрного строя в России, о роли рыночных отношений и т.д.

Он пришёл к выводу, что зажиточные и менее состоятельные крестьянские дворы получали примерно одинаковый доход на равные затраты производственного капитала, т.е. общая рентабельность хозяйства крестьян различных групп была примерно равной. Но вот затраты труда у них были разные. Беднейшему крестьянству, для того чтобы получить одинаковые доходы на равные затраты материальных и денежных средств, приходилось вкладывать примерно вдвое больше труда, чем крестьянству зажиточному. Различные типы крестьянских хозяйств отличались прежде всего капиталовооружённостью труда, его производительностью, а потому и общей доходностью хозяйства. Не только положение, но и перспективы дальнейшего развития разных групп крестьянства существенно отличались.¹¹⁷

Одним из самых выдающихся исследователей социально-экономического развития в 60–70-е гг. XIX в. был Н.М. Дружинин. Во многих своих публикациях он дал комплексное решение вопроса о сущности аграрных преобразований 60-х гг. XIX в. и их последствий для развития крестьянских хозяйств различных категорий. Свои многочисленные изыскания по этой проблеме он изложил в обобщающей монографии¹¹⁸, в которой помимо характеристики аграрных реформ дал развернутую картину пореформенного крестьянского землевладения и землепользования, состояния крестьянского хозяйства как в целом по Европейской России, так и по отдельным регионам, выявил пути ликвидации феодальной системы, акцентировав внимание на размерах наделов, полученных крестьянами при переходе их на выкуп. Дружинин Н.М. считал, что в экономической жизни русской деревни 1860 – 70-х гг. происходила борьба двух противоположных тенденций: с одной стороны, оскудение крестьянского хозяйства, с другой – поступательное развитие производительных сил.

Логическим продолжением монографии Дружинина стало фундаментальное исследование в двух книгах А.М. Анфимова.¹¹⁹ На нынешний день это наиболее подробный анализ и характеристика пореформенного российского крестьянства. Как и в своих прежних публикациях, автор пришёл к выводу, что господствовали отработки, в земледельческом строе Европейской России полукрепостнические порядки превалировали над капиталистическими. Анфимовым А.М. подробно изучено крестьянское поземельное устройство, землевладение, землепользование, полевое хозяйство и животноводство, масштабы распространения земельной аренды среди разных социальных групп и её характер, внутренний строй крестьянского хозяйства на рубеже двух веков.

Начиная с 1990-х гг. (особенно со второй половины) в аграрной проблематике началось смещение от формационно ориентированных, преимущественно марксистско-ленинских в своей основе, тем исследований (таких, как сущность и эволюция феодальной собственности, генезис капитализма в сельском хозяйстве, классовая борьба) к более конкретным аспектам аграрной тематики (производительные силы в сельском хозяйстве, демографические процессы, община и др.). Эти вопросы начали рассматриваться с использованием эволюционного и цивилизационного подходов, ориентироваться на изучение модернизационных сдвигов в обществе.

Российские историки оказались в несвойственной для них роли теоретиков и методологов. Однако в целом следует отметить, что и по нынешний день преобладает или отрицание, или просто игнорирование прежней методологической основы. Между тем ленинская концепция двух путей аграрно-капиталистического развития есть по своему характеру объяснение социально-экономического процесса в предреволюционной России и занимает вполне определённое место в политико-экономической мысли. Иное дело – классово-политические выводы из неё и, соответственно, политика в деревне. Как концепция, объясняющая социальный конфликт в деревне на рубеже веков с позиций революционной пролетарской партии, она полностью соответствует своему предназначению, но как теория, объясняющая глубинные истоки и смысл этого конфликта, – по всей видимости нет.¹²⁰

¹¹⁵ Першин П.Н. Аграрная революция в России. Историко-экономическое исследование: В 2-х кн. Кн. 1. От реформы к революции. М., 1966.

¹¹⁶ Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967; Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок XVIII – начала XX вв. (Опыт количественного анализа). М., 1974.

¹¹⁷ Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Селунская Н.Б. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма (источники и методы изучения). М., 1988; Ковальченко И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. М., 2004; Он же. О буржуазном характере крестьянского хозяйства Европейской России в конце XIX – начале XX вв. // История СССР. 1983. № 5 и др.

¹¹⁸ Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе. 1861 – 1880 гг. М., 1978.

¹¹⁹ Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881 – 1904 гг. М., 1980; он же. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881 – 1904 гг. М., 1984.

¹²⁰ См.: Савельев П.И. Пути аграрного развития России в дискуссиях российских историков // Россия сельская XIX начало XX века. М., 2004.

Необходимый простор для конкретно-исторического анализа настоятельно требует освобождения от сложившегося за многие годы стереотипа о том, что аграрная и индустриальная эволюция идентичны, что не существует самостоятельной крестьянской экономики с собственной эволюцией.

В этой связи отметим ряд достижений исторической науки последних лет. В появившихся публикациях рассматриваются крестьянское самоуправление, крестьянская община, государственная политика в отношении деревни; чётко обозначился углублённый подход к исследованию производительных сил села, влияния на крестьянское хозяйство природно-географических факторов, агрикультуры и агротехники в пореформенной России, демографических проблем.¹²¹

Долгое время вопросы поземельных отношений в Тамбовской деревне и в Центральном Черноземье специально не изучались. Лишь в последнее десятилетие появились публикации по интересующей нас теме. Так, в статьях Л.И. Земцова, А.Н. Курцева, В.Н. Фурсова на материалах Центрального Черноземья исследуются вопросы крестьянского землевладения и землепользования, влияние природно-климатических условий, складывавшейся демографической ситуации и других факторов на их динамику.¹²² Изменения в крестьянском землевладении и землепользовании в связи с крестьянским производством анализировались и в работах С.А. Есикова. В его монографии изучается поземельное устройство различных категорий тамбовского крестьянства, рассматривается их правовой статус, борьба с чересполосицей, арендные отношения; показана связь крестьянского землевладения и землепользования с помещичьим и с аграрной политикой государства. Им же совместно с Р.В. Косовым предпринята попытка проследить динамику частного крестьянского землевладения, а также определить правовой статус крестьянского землевладения.¹²³ В диссертации и монографии С.А. Фролова изучены региональные особенности предоставления Крестьянским поземельным банком кредита для покупки земли сельским обществам, товариществам и отдельным крестьянам.¹²⁴ Заметный вклад в разработку проблемы внесла монография А.В. Перепелицына и В.Н. Фурсова, в которой всесторонне проанализирована динамика крестьянского землевладения и землепользования в регионе, показана обеспеченность хозяйства крестьян трудовыми ресурсами, обстоятельно раскрыты складывавшаяся в регионе демографическая ситуация. Всё это даётся в исторической взаимосвязи.¹²⁵ Историко-правовые аспекты земельных отношений на тамбовском материале в рамках общины рассмотрены в диссертации Л.В. Воробьевой.¹²⁶ Первая попытка комплексного исследования поземельных отношений в тамбовской деревне предпринята в диссертации В.Н. Шмарина.¹²⁷ Автор рассматривает основные направления развития и динамику всех форм крестьянского землевладения и землепользования; изучает формы и методы проявления протекторной политики в вопросе о крестьянской земельной собственности, в частности рассматривает состояние и развитие земельного законодательства; исследует особенности мобилизации крестьянского землевладения.

Итак, несмотря на кажущееся обилие в историографии исследований по крестьянской тематике, общий обзор исторической литературы показал, что именно поземельные отношения в пореформенный период разработаны недостаточно. Между тем современные исследователи отмечают, что вторая половина XIX в. остаётся одним из наименее изученных периодов в истории крестьянства.¹²⁸ В силу сказанного проблема поземельных отношений ждёт своего исследователя.

С.А. Пьянков

УЧАСТИЕ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В КРЕДИТНОЙ КООПЕРАЦИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

¹²¹ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности русского исторического процесса. М., 1998; Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 2001; Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России. 1907 – 1914 гг. М., 1992; Камов Н.В. Земельные отношения и землеустройство в России. М., 1995; Савельев П.И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век (По материалам Поволжья). Самара, 1995; Морозов С.Д. Центральная Россия в 1897 – 1917 гг.: Проблемы демографического развития. Пенза, 2001; Балюк Н.А. Развитие земледельческого хозяйства Западной Сибири (конец XVI – начало XX вв.). Тюмень, 2002 и др.

¹²² Земцов Л.И. Крестьянское хозяйство Центрально-Чернозёмного региона на рубеже XIX – XX веков // Вопросы аграрной истории Центрального Черноземья в XVII – XX вв. Межвузовский сборник научных трудов. Липецк, 1991; Он же. Крестьяне Центрально-Чернозёмного региона на рубеже XIX – XX вв. // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья. М. – Курск, 1994; Курцев А.Н. Крестьянское сельское хозяйство Центрального Черноземья на рубеже XIX – XX вв. // История заселения и социально-экономического развития Центрального Черноземья. Воронеж, 1991; Фурсов В.Н. Землевладение и землепользование крестьян Центрально-Чернозёмных губерний во второй половине XIX в. // Вопросы аграрной истории Центрального Черноземья XVII – XX веков. Липецк, 1991; Он же. Крестьянское землевладение и землепользование в Центрально-Чернозёмных губерниях в пореформенный период // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. М., 1994; Он же. Земельные отношения в деревне Черноземного Центра в пореформенный период // Уроки российской цивилизации. Воронеж, 1995.

¹²³ Есиков С.А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX века (1900 – 1921 гг.). Тамбов, 1998; Есиков С.А. Крестьянское землевладение и землепользование в Тамбовской губернии в пореформенное время (1861 – 1905 гг.): Историко-правовое исследование. СПб., 2007; Есиков С.А., Косов Р.В. Динамика частной земельной собственности во второй половине XIX в.: правовое регулирование и историческая реальность (по материалам Тамбовской губернии) // Социально-демографическая история России XIX – XX вв. Современные методы исследования. Материалы научной конференции. Тамбов, 1999; Есиков С.А. Об определении правового статуса крестьянского землевладения в пореформенной России // Вопросы правоведения. Сб. науч. тр. Вып. 5. Тамбов, 2005.

¹²⁴ Фролов С.А. Крестьянский поземельный банк в Тамбовской губернии (1884 – 1917 гг.). Тамбов, 2005.

¹²⁵ Перепелицын А.В., Фурсов В.Н. Крестьянское хозяйство центрально-чернозёмных губерний России в пореформенный период. Воронеж, 2005.

¹²⁶ Воробьева Л.В. Пореформенная русская крестьянская община как юридический феномен (1861–1905 гг.): историко-правовое исследование. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2002; Она же. Правовые формы общинного землепользования крестьян в России во второй половине XIX в. // Вопросы правоведения. Сб. науч. трудов юридического факультета ПГТУ. Вып. 5. Тамбов, 2005.

¹²⁷ Шмарин В.Н. Поземельные отношения в Тамбовской деревне в конце XIX – начале XX вв.

¹²⁸ См.: Селунская Н.Б. Концепции аграрного строя в пореформенную эпоху // Исторические записки. М., 1999. С. 187 – 192; Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1994. № 2. С. 30 – 51.

Возникновение и массовое развитие кооперативного движения конца XIX – начала XX вв. было связано с процессом вовлечения крестьянского двора в систему общероссийского рынка. В России, в том числе в Пермской губернии, наибольшее распространение получили три вида кооперации: кредитная, потребительская и сельскохозяйственная. Первое место по степени развития принадлежало кредитной кооперации, обладавшей лучшими возможностями для роста, что было обусловлено необходимостью модернизации сельского хозяйства, которая могла быть осуществлена через стимулирование деятельности крестьянского хозяйства. Мероприятия по развитию аграрного сектора требовали серьезного финансирования, и наиболее вероятным способом его улучшения являлся кредит. Задача кредитных крестьянских кооперативов заключалась в мобилизации денежных средств крестьян и создании возможностей для развития товарных отношений.¹²⁹

России конца XIX – начала XX вв. было присуще многообразие форм организаций мелкого кредита. Кроме собственно кооперативных учреждений – ссудо-сберегательных и кредитных товариществ, существовал ряд крестьянских учреждений сословно-общественного кредита. Участниками сословных крестьянских учреждений являлись домохозяева, принадлежавшие по рождению к составу сельских и волостных обществ, находившихся в местности, на которую распространялась деятельность сословного кредитного учреждения. Учреждения этого типа находились в ведении МВД, непосредственное же руководство находилось в руках местной сельской администрации.¹³⁰

Кооперативные организации в отличие от сословных учреждений были основаны на принципе добровольного вступления. Существовавшие кооперативные учреждения мелкого кредита делились на два типа: 1) ссудо-сберегательные товарищества и 2) кредитные товарищества (учреждены с 1895 г.), различавшиеся между собой, главным образом, способом образования основного капитала. Основной капитал ссудо-сберегательных товариществ образовывался из паевых взносов участников. Кредитные товарищества отличались от ссудо-сберегательных отсутствием паевых взносов, где основной капитал формировался из ссуды, полученной товариществом от Государственного банка, земства или другого источника. Оба вида кредитных кооперативов могли пополнять свои оборотные капиталы за счёт займов и вкладов¹³¹.

Создание ссудо-сберегательных товариществ в Пермской губернии началось с 70-х гг. XIX в. Инициатива создания товариществ принадлежала частным лицам. В 1871 г. была начата организация товариществ на капитал, предоставленный родом Строгоновых. Участниками их стали бывшие крепостные крестьяне. Земство не принимало значительного участия в создании товариществ и ограничилось выдачей нескольких ссуд. Так, все 17 ссудо-сберегательных товариществ в Оханском уезде были открыты на капиталы Строгоновых. В Верхотурском уезде товарищества открывались по инициативе местных заводоуправлений и частных лиц.¹³²

Динамика создания ссудо-сберегательных товариществ не была равномерной. С 1871 по 1899 гг. в Пермской губернии было образовано 66 товариществ: 28 – заводских, 36 – сельских и 2 – городских. Наибольшее число товариществ было организовано в период первого пика популярности кооперативной идеи 1871 – 1880 гг., когда возникло 43 товарищества, в том числе 24 сельских, в дальнейшем численность вновь организованных товариществ сокращалась – за период 1881 – 1890 гг. возникло 16 товариществ, в 1891 – 1899 гг. – 7. Старейшее было открыто в 1871 г., средняя продолжительность существования всех товариществ Пермской губернии к 1900 г. составляла более 18 лет.¹³³

Территориальное расположение ссудо-сберегательных товариществ имело свои особенности. Статистическое исследование 1883 г., инициированное пермским губернатором А.К. Анастасьевым, указывало, что распространение кооперативов имело очаговый характер. В губернии насчитывалось 49 ссудо-сберегательных товариществ, в которых состояло 17 056 участников. Товарищества располагались в 9 из 12 уездов.¹³⁴

Несомненный интерес представляет информация об источниках займов крестьян, роли в этом процессе учреждений мелкого кредита, а также целевое использование взятых ссуд. Материалом по этому вопросу являются данные, полученные в рамках подворного исследования 14 волостей Оханского уезда 1892 г. Исследованием было охвачено 13 818 крестьянских хозяйств с общей численностью населения 73 101 человек обоего пола. В среднем на один двор приходилось 5,3 человека. Общая сумма задолженности крестьянских хозяйств в местных кредитных учреждениях и у частных лиц была равна 94 844 р. 64 к., что составляло на одного человека около 1 р. 30 к., а на один двор – 6 р. 86 к. Из общей суммы крестьянской задолженности на долю кредита в ссудо-сберегательных товариществах, сельских банках, волостных кассах и мирских капиталах приходилось 71%, а на займы у частных лиц – 29%. Учреждения мелкого кредита располагались в 10 из 14 волостей. Частные займы были распространены повсеместно. Во всех волостях, где частный кредит существовал наряду с кредитными учреждениями, сумма взятого в учреждениях мелкого кредита превышала займы у частных лиц минимум в 2 и максимум в 7 раз. Учреждения мелкого кредита не только дополняли частный кредит, но и вытесняли частный способ кредитования.¹³⁵

Стоимость займа в учреждениях мелкого кредита составляла 5 ... 8% в год. При кредитовании у частных лиц ссудный процент был на порядок выше. Условия по использованию частного кредита редко предусматривали фиксированную плату за использование ссуды. Только в двух волостях земскими статистиками были зафиксированы конкретные размеры стоимости ссуды, составившие 44 и 56% годовых. Резкая разница между стоимостью ссуд сглаживалась особыми условиями получения частного кредита. Частный кредит в отличие от кредита в учреждениях не требовал поручителей и основывался

¹²⁹ См.: Дякин В.С. Деньги для сельского хозяйства (выбор пути экономического развития России 1892 – 1914 гг.) // История СССР. 1991. № 3. С. 64 – 82.

¹³⁰ Корелин А.П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX – начале XX в. М., 1988. С. 86 – 97.

¹³¹ Там же С. 108.

¹³² Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 30 очередной сессии. Пермь, 1900. С. 364 – 367; Валаев А. Ссудо-сберегательные товарищества Пермской губернии // Сборник Пермского земства. 1903. № 1. Отд. 3. С. 100.

¹³³ Валаев А. Указ соч. С. 100–101.

¹³⁴ Красноперов Е. Ссудо-сберегательные товарищества Пермской губернии (по отчётам товариществ за 1883 год) // Календарь Пермской губернии на 1885 год. Пермь, 1884. Отд. 2. С. 3 – 57.

¹³⁵ Труды совещания при Пермской губернской земской управе о мерах к улучшению экономического положения крестьянского населения Пермской губернии (28 декабря 1892 – 7 января 1893 г.). Пермь, 1893. С. 33–34.

на личном доверии. Условия возврата долга также имели свою специфику. Установить точную сумму за использование кредита было трудно, так как формально частный кредит являлся беспроцентным, что обусловлено морально-этическими представлениями в крестьянской среде, осуждавшими ростовщичество. Как правило, кредит оплачивался различными услугами, «тяжесть которых хорошо чувствуется должником, но не поддаётся точному вычислению». Обычно займ совершался под обязательство отработать определённое количество дней в хозяйстве кредитора – «поденно», или «сдельно», под определённый объём работ. В том и другом случае стоимость работ рассчитывалась по ценам вольного найма. Выгода для кредитора заключалась в том, что он имел гарантированного работника в период напряжённых сельскохозяйственных работ – «страды», так как заёмщик обязывался явиться «по первому зову» кредитора. В исключительных случаях вместо отработки долга заёмщик оставлял кредитору в пользование часть своего надела до возврата долга, в данном случае доход от залога служил платой за пользование кредитом. Таким образом, кредитование у частных лиц совершалось в ущерб состоятельности собственного хозяйства.¹³⁶

Основными целевыми статьями расходов всех крестьянских займов были потребительские нужды и необходимые затраты на поддержание хозяйства. Наибольшую долю затрат занимали расходы на продовольствие – 28,3%, к потребительским расходам можно отнести категорию прочих расходов (26,3%), связанных с мелкими домашними тратами, в том числе на одежду и утварь. Крупными статьями расхода было приобретение скота (11,1%), посевного материала (8,5%), а также другие расходы по поддержанию и развитию хозяйства. Среди непроизводительных затрат стоит отметить свадьбы, составившие 4,0% потраченных займов.¹³⁷

Система организации и финансовое состояние кооперативных учреждений были лучше сословных, в то же время качественное состояние дел ссудо-сберегательных товариществ не было безоблачным. Наиболее чётко круг проблем, с которыми приходилось сталкиваться при работе кредитных кооперативов, был очерчен на первом съезде ссудо-сберегательных товариществ в г. Перми в 1900 г.: 1) главной проблемой в учреждении и организации работы товариществ было «слабое развитие в населении грамотности». Образованной на съезде комиссией отмечалось: «Как бы ни было несложно счетоводство товарищества, оно не может вестись аккуратно малограмотными членами. Вообще грамотность, по мнению комиссии, должна вызвать большую хозяйственную самостоятельность и тем создать прочную почву для деятельности учреждений мелкого кредита в деревне»; 2) недостаток денежных средств для операций товариществ; 3) вмешательство в дела ссудо-сберегательных товариществ местной администрации: «Из имеющихся в комиссии фактов, сообщённых членами съезда, усматривается, что надзор этот (со стороны администрации – С.П.) зачастую выражается в весьма нежелательных формах, таковы личное вмешательство земского начальника во внутреннюю жизнь товариществ и давление, оказываемое в силу предоставленной ему обширной власти, на членов товарищества для проведения решений, нежелательных большинству или даже противных точному смыслу устава»; 4) развитие кредитных операций сковывала слабая экономическая обеспеченность крестьянского двора, препятствием здесь выступали законодательные нормы, ограждавшие крестьянское имущество от продажи за долги. При таких условиях снижалось как количество, так и размер выданных кредитов, что было связано со сложностями при возврате средств, когда ссуда не выплачивалась добровольно. Отсутствие возможности вести залоговые операции с землёй, недвижимым имуществом вело к ограничению размера суммы выдаваемого кредита.¹³⁸

До начала XX в. ссудо-сберегательные товарищества являлись фактически единственным видом кредитного кооператива, однако возникновение кредитных товариществ, имевших право получать ссуды от Государственного банка, приводит к сокращению роста ссудо-сберегательных товариществ. По данным местных исследований, количественный рост действовавших ссудо-сберегательных товариществ происходил до 1890-х гг. В 1883 г. в Пермской губернии функционировало 49 товариществ, по данным на 1893 и 1899 гг., рост численности товариществ остановился на 58. К 1913 г. численность ссудо-сберегательных товариществ сократилась до 35.¹³⁹

Сословные учреждения, несмотря на количественный рост, располагали слабой организацией и финансами. Основной группой сословных учреждений мелкого кредита Пермской губернии были вспомогательно-сберегательные кассы. На 1 января 1908 г. в Пермской губернии функционировали 281 касса, 6 удельных банков и 6 сельских банков – всего 293 учреждения. Данные организации мелкого кредита обслуживали около 23% крестьянских дворов губернии, ими было выдано 1092,7 тыс. р. Основной проблемой данных сословных учреждений был несвоевременный возврат взятых ссуд. Всего в просроченных ссудах на 1 января 1908 г. числилось 675,6 тыс. р., что составляло 62% всех выданных кредитов. Причиной этого была не только слабая платёжеспособность населения, но и явные недостатки управления.¹⁴⁰

Компетенция лиц, контролировавших деятельность сословных учреждений мелкого кредита, оставляла желать лучшего. Так, например, в докладной записке от 10 апреля 1913 г. члена Пермского губернского комитета по делам мелкого кредита И.А. Лихачева отмечалось: «Представленные земскими начальниками акты ревизии свидетельствуют сплошь и рядом о поверхностном отношении их к делу и незнакомстве с счётной частью... Есть такие земские начальники, которые до настоящего времени не утрудились уяснить себе разницу между сословными и кооперативными учреждениями мелкого кредита. Я уже не говорю про то, что при поездках по губернии мне приходится сталкиваться с такими волостными старшинами и писарями, кои не имели совершенно представления о сословных кассах».¹⁴¹

Всего по данным, опубликованным ЦСК МВД, в Пермской губернии на 1 января 1913 г. насчитывалось 319 сословных учреждений мелкого кредита с оборотным капиталом в 1973,6 тыс. р., кредитных товариществ – 308, с оборотным капиталом в 6897,7 тыс. р., что превышало обороты сословных учреждений в 3,5 раза. По количеству оборотных капиталов на одно

¹³⁶ Труды совещания при Пермской губернской земской управе о мерах к улучшению экономического положения крестьянского населения Пермской губернии (28 декабря 1892 – 7 января 1893 г.). Пермь, 1893. С. 35.

¹³⁷ Там же. С. 39 – 40.

¹³⁸ Труды первого съезда представителей ссудо-сберегательных товариществ Пермской губернии 10 – 17 июня 1900 года в г. Перми. Пермь, 1900. С. 102 – 105.

¹³⁹ Красноперов Е. Указ. соч. С. 3; Валаев А. Указ. соч. С. 102; Труды совещания при Пермской губернской управе ... С. 46; Ежегодник и календарь на 1914 г. Пермского губернского земства. Пермь, 1914. С. 148.

¹⁴⁰ Государственный архив Пермского края (далее – ГАПК). Ф. 113. Оп. 1. Д. 37. Л. 3 об.

¹⁴¹ ГАПК. Ф. 102. Оп. 1. Д. 7. Л. 1 об.

учреждение ссудо-сберегательные товарищества превосходили кредитные, что объясняется более длительным сроком их существования. Так, 6 из 9 лет периода 1904 – 1913 гг. средние оборотные капиталы на одно ссудо-сберегательное товарищество превышали аналогичные обороты кредитных товариществ. Средний оборотный капитал сословных учреждений на 1 января 1913 г. составлял 6,2 тыс. р., ссудо-сберегательных товариществ – 24,8 тыс. р., кредитных товариществ – 22,4 тыс. р.¹⁴² Наиболее бурно кредитная кооперация в форме кредитных товариществ развивалась в восточной части Пермской губернии – Зауралье, в 1913 г. на его долю приходилось 64,4% кредитных товариществ губернии. Под Зауральем понималась территория шести уездов губернии: Екатеринбургского, Верхотурского, Ирбитского, Камышловского, Красноуфимского и Шадринского. Темпы роста кредитных кооперативов последовательно увеличивались, что объясняется как развитием кооперативного законодательства, так и увеличением потребностей в кредитах. С 1899 по 1904 гг. было открыто 18 товариществ, или 8,5%, за 1905 – 1909 гг. возникло 58 товариществ – 27,2%, а в 1910 – 1914 гг. их число увеличилось на 137, или 64,3%. Лидером по количеству организованных кооперативов был Екатеринбургский уезд.¹⁴³

Рассмотрим сословный и профессиональный состав участников кредитных товариществ на примере Екатеринбургского уезда. По имеющимся данным на 1910 г. по 23 из 38 действовавших товариществ основная часть членов принадлежала к сословию крестьян – 99,4%. Представители других сословных групп составляли 0,6% участников кооперативов. Как правило, немногочисленные представители привилегированных сословий выступали в роли идейных руководителей кооперативов. Однако их участие было связано и с финансовыми интересами; так, средний размер займа представителя дворянства или духовенства превышал крестьянский кредит почти в 2 раза¹⁴⁴.

Интерес представляет также имущественная состоятельность участников кооперативов. Так как основная часть членов товарищества занималась земледелием, то эти данные могут быть выяснены на основе распределения участников кооперативов по количеству лошадей. Согласно данным по 23 товариществам, не занимались сельским хозяйством 4,6% участников товариществ, 12,1% занимались сельским хозяйством, но не имели лошадей. Располагали одной лошадью 35,0%, двумя лошадьми 26,9%, тремя–четырьмя лошадьми 12,8%, а наиболее состоятельная группа имевших 5 и более лошадей составляла 5,4%. Наибольшая доля полученных кредитов приходилась на членов, имевших по одной и две лошади. Следует отметить, что размер взятой ссуды возрастал по мере увеличения состоятельности заёмщика, так как большая состоятельность гарантировала надёжность кредитора. Средний размер кредита на члена кооператива, не занимавшегося сельским хозяйством, составлял 38 р. 40 к., средний размер ссуды безлошадных и однолошадных членов кооператива был равен 53 р. 14 к. и 50 р. 39 к. соответственно. Размер ссуды на члена кооператива с двумя лошадьми был равен 67 р. 17 к., с тремя–четырьмя лошадьми 95 р. 49 к., с пятью и более лошадьми 132 р. 76 к.¹⁴⁵

Материалы о социальном происхождении инициаторов создания кредитных кооперативов немногочисленны. По данным анкетного исследования Екатеринбургского биржевого комитета 1912 г., охватившего 12,9% всех кредитных товариществ губернии, было выяснено, что основными инициаторами и организаторами кредитных товариществ являлись представители сельской интеллигенции. Из всего количества товариществ, ответивших на анкету, наибольшее количество кооперативов возникло благодаря учителям, фельдшерам, врачам, агрономам, духовенству, волостным писарям – всего 59,5%. Однако значительное число товариществ возникло и по инициативе крестьян – 35,1%. Некоторые товарищества были преобразованы в кредитные из ссудо-сберегательных – 5,4% (табл. 1).

Активный численный рост кредитных кооперативов вызывал необходимость координации деятельности. Потребность во взаимодействии была связана с необходимостью унификации процентов по ссудам, вкладам и займам, устранения конкуренции между товариществами в привлечении средств, облегчении взаимодействия с представителями Государственного банка. Все перечисленные сложности наиболее эффективно могли быть решены путём создания союзного кооперативного объединения. Первым по времени возникновения и крупнейшим объединением кредитных кооперативов в Пермской губернии был «Екатеринбургский союз кредитных и ссудо-сберегательных товариществ», открытый 13 мая 1907 г. Деятельность союза распространялась на зауральские уезды – Екатеринбургский, Камышловский, Ирбитский, Красноуфимский, Верхотурский. В дальнейшем численность кооперативов в союзе нарастала, и в 1910 г. их количество увеличилось до 36, в 1914 г. – до 73. Основные направления деятельности были связаны с обеспечением денежных средств крестьян, снабжением сельскохозяйственными машинами, орудиями, семенами, сбытом продукции и решением некоторых проблем культурно-просветительского профиля.¹⁴⁶

1. Состав инициаторов создания кредитных товариществ Пермской губернии по данным анкетного исследования 1912 г.*

Инициаторы создания	Количество	%
Крестьяне	13	35,1
Учителя	4	10,8
Агрономы	7	19,0
Священники	4	10,8
Волостные писари	4	10,8

¹⁴² Рассчитано по: Ежегодник России 1907 (Год четвёртый). СПб., 1907. С. 328 – 330; Ежегодник России 1908 (Год пятый). СПб., 1909. С. 439, 442, 452, 454; Ежегодник России 1909 (Год шестой). СПб., 1910. С. 427, 430; Ежегодник России 1910 (Год седьмой). СПб., 1911. С. 244–245; Статистический ежегодник России 1911 (Год восьмой). СПб., 1912. Отд. 12. С. 25, 29–30; Статистический ежегодник России 1912 (Год девятый). СПб., 1913. Отд. 12. С. 90, 94–95; Статистический ежегодник России 1913 (Год десятый). СПб., 1914. Отд. 12. С. 98–99; Статистический ежегодник России 1914 (Год одиннадцатый). СПб., 1915. Отд. 12. С. 98–99; Статистический ежегодник России 1915 (Год двенадцатый). СПб., 1916. Отд. 12. С. 98–99.

¹⁴³ Панин И. Кредитная кооперация Зауралья (Пермского). Екатеринбург, 1917. С. 5–6.

¹⁴⁴ Мавричев В.В. Кредитные товарищества Екатеринбургского уезда Пермской губернии в 1910 году. Екатеринбург, 1911. С. 8.

¹⁴⁵ Там же С. 11.

¹⁴⁶ Алексеева В.К., Малахова Г.М. Кооперация в Азиатской России (первое столетие). Чита, 2004. С. 128.

Земские врачи	1	2,7
Фельдшеры	1	2,7
Чиновники	1	2,7
Преобразовано из ссудо-сберегательных товариществ	2	5,4
Итого	37	100,0

* Составлено по: Материалы по кооперации в Пермской губернии. Анкетное обследование 1913 год. – Екатеринбург, 1913. С. 165.

Итак, появление и развитие учреждений мелкого кредита было результатом экономической необходимости, связанной с процессом капитализации сельского хозяйства и переходом от натурального способа ведения хозяйства к товарному. Пермской губернии были присущи две основные формы учреждений мелкого кредита. Первая по времени возникновения – сословная система мелкого кредитования, несмотря на количественное превосходство, не могла оказать существенного влияния на экономическое развитие крестьянского хозяйства. Вторая – кооперативная, основанная на принципе добровольного участия, добилась более значительных результатов. Кредитное кооперативное движение в Пермской губернии прошло ряд стадий в своём развитии. До конца XIX в. единственной формой кредитного кооператива было ссудо-сберегательное товарищество, основанное на паевом принципе формирования основного капитала. Основным препятствием массового развития ссудо-сберегательных товариществ было отсутствие у населения свободных денежных средств. Следующей ступенью в развитии кредитной кооперации Пермской губернии становится появление кредитных товариществ, вслед за которым происходит формирование союзных объединений кооперативов, первым таким объединением на Урале и в Пермской губернии стал «Екатеринбургский союз кредитных и ссудо-сберегательных товариществ». Учреждения мелкого кредита охватывали достаточно широкие слои мелких сельскохозяйственных производителей. Главным и основным условием участия в них была определённая имущественная обеспеченность, отвечавшая требованиям кредитных отношений. При формальном праве участия в учреждениях мелкого кредита всего крестьянства, обладавшего хозяйственно-имущественным минимумом, среди участников доминировали средние и состоятельные слои деревни.

М.М. Есикова

РАЗВИТИЕ АГРАРНО-НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ В РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Агрономия как наука в России сформировалась во второй половине XVIII в. Первые агрономы были одновременно и экономистами. Разделения труда, как теперь, тогда не было. Экономика пронизывает их работы и выгодно отличает от трудов многих современных специалистов. Основоположителем отечественной агрономии по праву считается Андрей Тимофеевич Болотов (1738 – 1833 гг.). Если перечислить направления его творчества, научные интересы, то становятся очевидны энциклопедизм и всесторонняя эрудиция этого неутомимого труженика науки и практики. Обладая широким диапазоном знаний, Болотов выступал как выдающийся просветитель и бытописатель. Недаром его считают самым плодовитым русским писателем (350 томов обычного формата). Огромный повествовательный талант проявился в его бытописательских записках «Жизнь и приключения Андрея Болотова».

В конце XVIII в. была предпринята первая попытка вывести аграрную мысль России на уровень научного знания, сочетавший в себе не только теоретические аспекты, но и практическое применение достижений сельскохозяйственной науки.

В первой половине XIX в. работали выдающиеся агрономы М.Г. Павлов, Я.А. Линовский, С.М. Усов и др. Россия тогда располагала научным потенциалом, позволявшим успешно вести аграрные дела. Российские учёные не были компиляторами и подражателями, они строили свои выводы на основе изучения российской действительности.

Вся вторая половина XIX – начало XX вв. отмечены высокой активностью российской аграрной науки, появлением новых ярких имён целых школ. Подробное изложение их воззрений и даже беглый обзор в рамках данной работы невозможен, да и вряд ли уместен. Поэтому ограничимся лишь перечислением некоторых выдающихся российских агрономов.

Крупнейшим представителем русской агрономической науки был Александр Николаевич Энгельгардт (1832 – 1893 гг.). Он основал в 1859 г. первый русский «Химический журнал», где наряду со статьями Менделеева и Бекетова публиковал и свои статьи. Харьковский университет присвоил ему степень доктора химии, а Академия наук назначила Ломоносовскую премию за работу «О пределах и нитросоединениях». В 1866 г. он обследовал залежи фосфоритов в Смоленской, Курской, Орловской и Воронежской губерниях. С 1866 г. – профессор химии только что открытого Петербургского земледельческого института, где, организовав химическую лабораторию, занимался в основном исследованиями удобрительных материалов. В Петербургском сельскохозяйственном музее А.Н. Энгельгардт прочёл цикл публичных лекций, изданных в 1875 г. отдельной книгой «Химические основы земледелия». В 1871 г. за участие в народнической организации «Земля и воля» был сослан в своё село Батищево Смоленской губернии. Там Энгельгардт написал в течение 15 лет – с 1872 по 1887 гг. – знаменитые «Письма из деревни» (всего 12), публиковавшиеся в «Отечественных записках» и «Вестнике Европы», в которых побуждал общество к действию – к работе в деревне.

Будущее российского сельского хозяйства он связывал с культурным крестьянином: «Я убеждён, что наиболее всего нужны интеллигентные мужики, деревни из интеллигентных людей, что от этого зависит наше будущее».¹ Он подчёркивал, что «нет химии русской, английской или немецкой, есть только общая всему свету химия, но агрономия может быть русская, или английская, или немецкая... Мы должны создать свою, русскую агрономическую науку, и создать её могут только совместные усилия учёных и практиков, между которыми необходимы практики, теоретически подготовленные», и далее «Россия – государство земледельческое, русский народ – земледелец, русский интеллигент должен внести свет в русское земледелие, а внести свет он может только тогда, когда будет сам работать на земле».²

В своём имении Александр Николаевич создал первую в России опытную станцию по изучению минеральных удобрений. В одном из своих писем он писал: «Опыты удобрения фосфоритной мукой в моём хозяйстве дали поразительные, просто неожиданные результаты. На безнавозных землях, удобренных одной только фосфоритной мукой, рожь сравнительно с ничем не удобренными землями поразительно хороша. Полосы, удобренные фосфоритной мукой, также резко отличаются от ничем не удобренных, как навозные нивы от безнавозных».³

Как показали дальнейшие исследования, фосфор в разных почвах ведёт себя по-разному: на тощей подзолистой почве, давно выпаханной и не удобрявшейся навозом, фосфоритная мука производит громадное действие. А в красной почве, постоянно находившейся в культуре и удобрявшейся навозом, – никаких результатов. За введение фосфоритов в России Вольное экономическое общество присудило А.Н. Энгельгардту золотую медаль.

Среди его учеников – П.А. Костычев, один из основоположников современного почвоведения, директор департамента земледелия, и А.С. Ермолов – крупный специалист по системам земледелия и севооборотам, первый министр земледелия России.

Патриархом русской агрономии называли Александра Васильевича Советова (1826 – 1901 гг.). Он принадлежал к числу первых выпускников горьгорецких агрономов 1850 г. Сын сельского священника из Дмитровского уезда Московской губернии, выпускник Вифанской духовной семинарии при Троице-Сергиевой лавре А.В. Советов был исследователем-энциклопедистом: в круг его научных интересов входило всё, что связано с сельским хозяйством, – от травополья и животноводства до сельской экономики. Основная его мысль такова: все четыре звена сельского хозяйства – земледелие, растениеводство, животноводство и хозяйственная деятельность человека – неразрывны, и нарушение хотя бы одного звена несёт беду всему хозяйству страны.

По окончании института А.В. Советов изучал сельскохозяйственное производство в Тульской и Прибалтийских губерниях, затем фермы в Германии, Голландии, Дании, Австро-Венгрии, Англии. По поручению своего института за границей с успехом производил закупку разных пород крупного рогатого скота. Возвратившись в Россию в 1858 г., он получил кафедру в Горьгорецком институте, где и преподавал почти десять лет. Затем возглавил кафедру в Петербургском университете.

В 1888 – 1900 гг. был деканом физико-математического факультета.

С первых дней работы в университете Советов высказал озабоченность по поводу растущей истощённости почв. В хозяйствах не доставало навоза – основы плодородия в то время. А господствовавшее тогда трёхполье не позволяло сеять травы, что тормозило развитие животноводства. В таких условиях сельское хозяйство неизбежно приходит в упадок. Советов начал пропагандировать травосеяние.

Своё имение в Клинском уезде Московской губернии он превратил в своеобразную опытную станцию, где крестьяне учились рационально хозяйничать, а наука проходила испытание практикой на собственной земле.

В своём первом капитальном труде «О разведении кормовых трав на полях» (1859 г.) Александр Васильевич сделал основной вывод о том, что травопольная система должна как можно скорее уступить место более прогрессивным формам, в том числе плодосмену, так как для продовольственного обеспечения растущего населения продукции полеводства стало не хватать.

При бессменных культурах хлебных растений земледелец эксплуатирует только верхний слой – почву, но нижнего слоя не касается. Но теперь дошла очередь и до нижнего слоя: необходимо обратить накопившиеся в подпочве вещества на пользу культуре.⁴

В 1867 г. Советов защитил докторскую диссертацию «О системах земледелия». В этой работе и других статьях он проводил мысль о том, что существовавшая система требует немедленных реформ, а последние надо скорее ожидать от мелких собственников чем от крупных, которые всё ещё будут соблазняться обилием имевшейся у них земли.

Именно здесь чётко проступает особенность отношения Советова к крупным и мелким землевладельцам. Мелкие собственники только им известными способами находят пути повышения производительности земли.

Первому доктору сельского хозяйства принадлежит мысль о проведении регулярных съездов русских агрономов, на которых смогут обменяться мнениями все учёные страны и принести новые знания на места.

Многие идеи А.В. Советова получили дальнейшую разработку в трудах его ученика и соратника В.В. Докучаева, а соображения по части организации сельского хозяйства – в работах А.В. Чайнова.

Многие учёные аграрные проблемы рассматривали сквозь призму нормального постепенного общественного развития, свою задачу, как образованных людей, видели в том, чтобы нести научные знания в народ, отдать силы делу народного просвещения, а научное наследие проверять на полях своих имений. Таков Иван Александрович Стебут (1833 – 1923 гг.). Он был четырнадцатым ребёнком в семье аптекаря, мать умерла, когда ему исполнилось 1,5 года. Закончив вторую Петербургскую гимназию, поступил в 1850 г. в Горьгорецкий сельскохозяйственный институт, по окончании которого в 1854 г. был оставлен при нём в качестве младшего помощника управляющего институтской фермой. В 1858 г. Стебута

¹ Энгельгардт А.Н. Из деревни. М., 1987. С. 166–167.

² Там же. С. 448.

³ Цит. по: Сеятели и хранители. Очерки об известных агрономах, почвоведях, селекционерах, генетиках, экономистах-аграрниках; отрывки из документов, научных статей, воспоминаний. В двух книгах. М., 1992. Кн. 1. С. 252.

⁴ См.: Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII – XX вв.). М., 1995. С. 66.

направили на три года за границу для приготовления к профессорскому званию по кафедре земледелия. В Германии, Бельгии, Франции и Англии он изучал состояние сельского хозяйства. По возвращении в Россию с 1860 г. он – младший профессор Горыгорецкого сельскохозяйственного института, а после закрытия последнего в связи с активным участием студентов в польском восстании на короткое время переехал в Петербург, с 1865 по 1895 гг. работал в Москве в Петровской сельскохозяйственной академии. В 1875 г. по состоянию здоровья оставил кафедру, продолжая преподавательскую деятельность. Одновременно управлял своим имением Кроткое Ефремовского уезда Тульской губернии. С 1898 г., будучи председателем Учёного комитета министерства земледелия, продолжал управлять имением, превращённым в образцовое хозяйство.

В течение девяти лет Стебут избирался гласным уездного и губернского земств в Тульской губернии, шесть лет был почётным мировым судьёй. По его инициативе в Тульском земстве введена должность агронома – большая редкость по тем временам.

Стебуту И.А. удалось создать целую эпоху в науке именно потому, что его исследования не противоречили народному опыту. Опираясь на многовековой народный опыт, он создал социальную философию, тесно связанную с экономическими проблемами всего народного хозяйства. Главное в его философско-экономическом наследии – осмысление крестьянства как основного общественного слоя в государстве, которое кормит страну и ради прогресса которого в конечном счёте и существует промышленность.

Крестьянскую семью он рассматривал не только как ядро здорового общества, но и как первичную хозяйственную единицу. Семью он противопоставлял общине и ратовал за объединение нескольких семей в сообщества по их усмотрению. В таких товариществах хозяйство можно вести научными методами с использованием усовершенствованных орудий и машин; они же могут объединяться для переработки полученной продукции и её сбыта, минуя перекупщиков.⁵

Книги И.А. Стебута «Основы полевой культуры и меры к её улучшению в России», «Настольная книга для сельских хозяев», статьи в журнале «Русское сельское хозяйство», им же редактировавшиеся, учили и воспитывали многих агрономов.

Ему принадлежит идея о выделении в России климатических и почвенных зон с тем, чтобы вести народное хозяйство в соответствии с природными условиями, возделывать в каждой зоне лишь те культуры, которые дают здесь самые высокие урожаи (районирование сортов).

Он также известен и своей теорией разделения растений на три группы – полевой, паровой и луговой клинья – по методам возделывания и густоте стояния; по его мнению, необходимо продвижение озимых и яровых сортов пшеницы к северу, где ими можно заменить распространённую там рожь. Одним из первых Стебут ввёл и гнездовой метод посадки для корнеплодов.⁶

Он был страстным пропагандистом научных знаний, создал в Петербурге Высшие женские курсы, получившие название Стебутовских; там же читал лекции. Курсы просуществовали до 1917 г., их окончило около тысячи человек.

Дмитрий Иванович Менделеев (1834 – 1907 гг.) интересен, близок и дорог нам прежде всего как замечательная цельная одухотворённая личность, образец плодотворно прожитой жизни, создатель непреходящих духовных ценностей. Из них первенство принадлежит бесспорно его знаменитой Периодической таблице. Размах деятельности Менделеева – интеллектуальный и практический – гигантский. Везде он добивался незаурядных результатов. Он занимался исследованиями по растениеводству и животноводству, мелиорации и лесоводству, другим аграрным проблемам. В 1869 г. он приобрёл в Клинском уезде Московской губернии имение Боблово, превратив его в научно-практическую сельскохозяйственную станцию. Здесь он изучал применение удобрений, машин, рациональных систем земледелия на полях. За пять лет ему удалось удвоить урожай зерновых. Принципиальное значение имеют его идеи и предложения по общим вопросам сельского хозяйства.

Менделеев Д.И. считал, что современное сельское хозяйство начинается только там, где соблюдаются следующие условия: создаются более выгодные человеку породы животных и растений; осуществляется сбыт продукции на сторону в качестве товара; развивается специализация; неуклонно сокращается доля затрат физического труда за счёт применения машин.⁷

Он напоминал, что непеременимыми условиями для «современного сельского хозяйства должны считаться земля, капитал и труд, подразумевая под землёй всю совокупность материала и вечно бодрых сил природы, действующих независимо от воли людей».⁸ Обосновывая положение о том, что сельское хозяйство нуждается в гораздо больших капиталах, чем любая другая отрасль народного хозяйства, он доказывал необходимость улучшения самой земли, приобретения машин и орудий, возведения построек и сооружений, ратовал за развитие специализации, большого приложения к земле капитала и науки.

Менделеев Д.И. предлагал покрыть страну сетью образцовых ферм «с немногочисленными, строго определёнными задачами, например, с разведением хороших пород скота... с ещё более тесными и простыми требованиями разнообразнейшего свойства, смотря по спросу, почве и климату...». И далее: «...капиталы и науки не рождаются без земли, труда и специализации и что для самого насаждения наук нельзя обойтись без капиталов, а их без наук распределять легче, чем кажется на первый взгляд».⁹

Великие заветы агрономам, земледельцам оставил Климент Аркадьевич Тимирязев (1843 – 1920 гг.); будь они выполнены, то сэкономили бы землю от истощения и экологической катастрофы. Культ растения и предъявлявшиеся им требования – вот коренной вопрос земледелия, по Тимирязеву. Узнать потребности каждого растения в почве, свете, климате, влаге, удобрениях и т.д. – главная задача науки и земледельца. Предел плодородия почвы определяется не количеством удобрений и воды, а количеством света, которое аккумулирует культурное растение.

⁵ Сеятели и хранители. Кн. 1. С. 321.

⁶ Никонов А.А. Указ. соч. С. 67–68.

⁷ Менделеев Д.И. Работы по сельскому хозяйству и лесоводству. М., 1954. С. 527 – 531.

⁸ Там же. С. 537 – 539.

⁹ Там же. С. 548.

Критерий, который учёный выбрал для оценки уровня культуры, был очень высоким. Ни картины, ни статуи, ни книги не спасут общество от бескультурья, если нет культуры на возделываемых полях. «Культура поля идёт рука об руку с культурой человека»¹⁰, – внушал он будущим агрономам.

Тимирязев занялся совершенно не изученной областью агрономии – воздушным питанием растений – фотосинтезом. Молодой учёный уже догадывался о космической роли растения, роли посредника между солнечными лучами и жизнью на Земле.

Естествоиспытатель на деле доказывал необходимость живой связи науки с практикой. Агрономам он советовал использовать вегетационный метод – удовлетворять потребности растения (прежде всего в свете) – вот главная задача – и предсказывал выращивание растений при электрическом освещении (теплицы).

Селекционерам рекомендовал выводить сорта с мощной развитой корневой системой и пониженной транспирацией (транспирация – испарение воды растением) и обосновал возможность повышения продуктивности транспирации с помощью удобрений. Советовал обеспечить эректоидное расположение листьев (под углом к стеблю), чтобы растение использовало красные лучи утром и вечером, а в полдень не страдало от избытка солнечной энергии.¹¹

Департаменту земледелия напоминал он о создании заводов по производству селитры.

Заметный след в истории аграрной науки оставил Алексей Сергеевич Ермолов (1846 – 1916 гг.), ученик Энгельгардта, министр земледелия. Его классический труд «Организация полевого хозяйства» признан одним из лучших в Европе.

Ермолов дал чёткое определение системы хозяйства, понимая её как характер хозяйства по степени его интенсивности, соотношению в нём производств животных и растительных продуктов, возделыванию кормовых и непосредственно продажных растений и отчуждению продуктов земледелия и скотоводства в большей или меньшей степени переработки.

Под системой земледелия, по Ермолову, понимается способ пользования территорией имения по отношению собственно к производству растительных продуктов. Основными признаками систем земледелия служат способы поддержания или восстановления производительных сил земли, доля тех или иных культур и сочетание отдельных групп между собой.

Ермолов А.С. высказал интересную мысль о выборе систем. Систему хозяйства владелец должен выбрать такую, которая при данных естественных и ценовых отношениях на труд, капитал и реализуемую продукцию обеспечивает максимальную прибыль. В рамках же системы хозяйства он может выбрать подходящую систему земледелия. Что же касается севооборотов, то здесь выбор ещё более широк, и он может остановиться на любом. При неверном выборе системы хозяйства дело может пойти в тупик и погибнуть, при ошибке с системой земледелия дело может пострадать, а при неудачных севооборотах доход будет ниже оптимального.¹²

Ермолов был идеологом крупного товарного хозяйства. При этом он считал, что Россия должна быстрее преодолеть остатки феодализма и твёрдо идти европейско-американским путём.

Вплоть до 1870-х гг. агрономия имела широкий профиль, включавший экономические вопросы. Впервые самостоятельный курс экономики был подготовлен Алексеем Петровичем Людоговским (1840 – 1882 гг.), возглавившим впервые в стране созданную им кафедру экономики в Петровской сельскохозяйственной академии. В своей работе «Основы сельскохозяйственной экономики и сельскохозяйственного счетоводства» он даёт в политэкономической части в сжатой форме основные понятия классической политэкономии. Людоговский исходил из трёх основных положений: существования в стране неограниченного права собственности; свободного труда и неограниченной конкуренции на рынке. Всё это ничего другого не означает, как типичное рыночное капиталистическое хозяйство. В разделе сельскохозяйственной экономики рассматривались внутренние признаки систем хозяйства: интенсивность, способ обеспечения плодородия почвы, экономическое положение скотоводства, распределение земли между кормовыми и товарными растениями. Затем дана характеристика самих систем хозяйства и, наконец, изложены принципы и методы организации земельной площади, применения удобрений, производства растениеводческих и животноводческих продуктов, рабочей силы, капиталов, управления.¹³

Трудами П.А. Костычева, В.В. Докучаева и их учеников и последователей в 1880-е гг. в России было создано научное почвоведение, универсальное для всех почв, а значит – для всех стран. Не случайно профессор Мюнхенского университета Рамани в 1901 г. советовал коллегам-почвоведом учиться русскому языку, если они хотят находиться на переднем крае науки: «Придётся учиться русскому языку тем почвоведом, которые бы хотели стоять на современном научном уровне. Только благодаря русским почвоведом почвоведение превратилось в обнимающую весь земной шар науку».¹⁴ На почвоведческом факультете Оксфордского университета в 1950-х гг. преимущества имели абитуриенты, знавшие русский язык, так как агроном, изучивший классику почвоведения на языке подлинника, по мнению англичан, принесёт большую пользу.

Павел Андреевич Костычев (1845 – 1895 гг.) был сыном крепостных деревни Карнаухова Шацкого уезда Тамбовской губернии. После блестящего окончания Шацкого уездного училища в 1860 г. поступил в Московскую земледельческую школу. Затем более двух с половиной лет работал репетитором в Петербурге, сдав экзамены за курс гимназии, в 1867 г. стал студентом университета.

Ещё студентом Костычев стал известным в агрономических кругах. Кроме чернозёма он занимался почвами «незначительными» – суглинками и подзолом. Недостаточность существовавших методов определения плодородия почвы заставила его ещё студентом обратиться к самому надёжному – к статистическому методу. В дальнейшем он не раз будет учиться считать затраты на введение новых приёмов в агрономии, доказывать хозяевам на счетах, что подъём культуры земледелия – самое выгодное вложение капитала.

¹⁰ Цит. по: Сеятели и хранители. Кн. 2. С. 22–23.

¹¹ Там же. С. 24.

¹² См.: Никонов А.А. Указ. соч. С. 69.

¹³ Там же. С. 72.

¹⁴ См.: Ломакина Н.Т. Теории русской аграрной экономики (XVIII – XIX вв.) // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII – XX вв. Проблемы источников и историографии: сб. статей. Оренбург, 2007. С. 185.

Известность Костычева в научных кругах была уже настолько высока, что в 1877 г. руководство Земледельческого института, преобразованного в Лесной, предложило ему место преподавателя общего земледелия.

Павел Андреевич считал роль земледельца тоже почвообразующим фактором. Причина плодородия, утверждал он, состоит в климатических, геоботанических и хозяйственных условиях, действующих постоянно. Наука не имеет права игнорировать роль пахаря. Ведь народное сознание, опередившее науку, родилось не от созерцания, а от возделывания народом этой самой пашни. Пахарь может истощить запасы гумуса, а может сохранить и даже накопить.

В 1884 г. Костычев опубликовал первый учебник для крестьян – «Общедоступное руководство к земледелию». В нём автор настойчиво подчёркивал творческую суть земледелия. Ведь даже знающий науку крестьянин хозяйничает не в доме, а под открытым небом, когда любой дождь может испортить все планы хозяина, заставить сменить стратегию и тактику полевых работ. Наука лишь даёт ему знание и возможность выбора наиболее безвредных для почвы и наименее убыточных для хозяина способов землепашества.

Главная забота крестьянина, утверждал Костычев, – беречь верхний слой почвы, в котором живут и размножаются микроорганизмы, а на старопашотных землях – уметь воссоздавать комковую почвенную структуру. Культурное поле должно выглядеть как впервые вспаханная новь, ведь на целине плодородие копится в почве под воздействием суммы природных явлений. Пахарю важно научиться не противоречить законам природы.¹⁵

В 1880-е гг. П.А. Костычев был единственным в стране, кто занимался почвенными микроорганизмами. Он был первым почвоведом, который, владея методами биохимии и микробиологии, экспериментально исследовал влияние бактерий, грибов и мелких животных на разложение растительных остатков и преобразование их в почвенный гумус. Он вскрывал «механизм» процессов гумусообразования в чернозёмах и утверждал тем самым биологическую природу почвообразовательного процесса.

Критерий оценки плодородия почвы он определял той частью из всего запаса органических веществ, которая на определённой площади успевает разлагаться за единицу времени при данных климатических, географических, геоботанических и хозяйственных условиях.¹⁶

По предложению своего однокашника по Лесному институту А.С. Ермолова, ставшего министром земледелия и государственных имуществ, Костычев стал директором департамента земледелия. Он пришёл с широкой программой подъёма всех отраслей сельского хозяйства. За короткий период пребывания на этом посту Павел Андреевич успел сделать многое. На месте ранее разогнанной Петровской академии был открыт сельскохозяйственный институт, был проведён Всероссийский съезд по вопросам низшего и среднего сельскохозяйственного образования, был открыт ряд опытных сельскохозяйственных станций. По программам Костычева заработали Шатиловская станция в Тульской губернии, на базе Батищева после смерти Энгельгардта – Энгельгардовская, Херсонская станция, Валуйская в Самарской губернии, переименованная в Костычевскую. Ездил Павел Андреевич и на Кавказ обследовать на месте и составить программу работы будущей станции в Сухуми. На обратном пути пароход, на котором находился Костычев потерпел аварию в Каспийском море, после чего у него обострились приступы сердечной болезни, приведшие его к преждевременной смерти.

Долгое время лидировала в мире школа почвоведения Василия Васильевича Докучаева (1846 – 1903 гг.). Он родился в семье священника в с. Милуково Сычевского уезда Смоленской губернии, окончил отделение естественных наук физико-математического факультета Петербургского университета. Там же работал доцентом, затем профессором. Некоторое время был директором Новоалександрійского института, где впервые в России в 1895 г. организовал кафедру почвоведения.

Его работы «Способы образования речных долин Европейской России» (1878 г.), «Русский чернозём» (1883 г.), «Наши степи прежде и теперь» (1892 г.) составили целую эпоху в мировом почвоведении. Работы Докучаева, Костычева (бывшего нередко оппонентом Докучаева) и их последователей стали фактической основой современной экологии.

Василий Васильевич обследовал почвы Нижегородской, Полтавской, Казанской, Тульской, Курской, Орловской, Киевской, Саратовской, Ставропольской и других губерний; Донской, Кубанской и Терской областей и многих других регионов России. Только за два года, по признанию самого Докучаева, он прошагал в одиночку десять тысяч вёрст с мизерными субсидиями в кармане. «Русский чернозём» – это отчёт Вольному экономическому обществу по итогам экспедиций. Специальная экспедиция 1892 г. в Каменную степь Воронежской губернии под его руководством, куда входили кроме почвоведов (именно Докучаев ввёл в русский язык слово «почвенник» взамен старого «педолог») ботаники, гидротехники, лесоводы, метеорологи и зоологи, заложила здесь систему лесополос, каскады прудов и разработала комплексную систему мер по борьбе с засухой и оживлению мёртвых опустыненных почв, осуществив эти меры на деле. Так появился и ныне существующий оазис в сухой степи, успешно выдержавший удары стихии. Здесь и расположен Научно-исследовательский институт сельского хозяйства центрально-чернозёмных районов имени Докучаева.

Докучаев вывел критерий оценки чернозёма, т.е. единицу измерения качественных и количественных изменений его в пространстве и во времени, с учётом всех его «попутчиков». За критерий он взял главное свойство всех почв под степью, под лесом, под лугом – обогащённость растительными остатками, содержанием в почве органического вещества – гумуса, перегноя. А количество и качество гумуса он положил в основу классификации почв. Он вывел общий закон распространения горизонтальных и вертикальных природных зон, им же была возведена в закон и зональность расположения почв по горизонтали и вертикали.¹⁷

Крупным экономистом в области сельского хозяйства на рубеже XIX – XX вв. был Алексей Иванович Скворцов (1846 – 1914 гг.), профессор Новоалександрійского института сельского хозяйства и лесоводства, эвакуированного в начале мировой войны в Харьков. Он автор трёхтомного учебника «Основы экономики земледелия», в котором, в частности, заменил термин «экономия» на «экономика».

Скворцов считал, что каждое земледельческое хозяйство представляло собой организм, все части которого находились между собой в определённой связи, в постоянном взаимодействии, и для правильного функционирования этого организма

¹⁵ Сеятели и хранители. Кн. 2. С. 86.

¹⁶ Сеятели и хранители. Кн. 2. С. 90.

¹⁷ Сеятели и хранители. Кн. 2. С. 70–71.

его органы – в данном случае ими являлись отрасли хозяйства – должны были находиться в определённом сочетании. Способ же ведения хозяйства определялся не одними природными условиями данной местности и даже не этими условиями, а главным образом теми требованиями, которые предъявлял рынок. Как видим, здесь чётко выражена рыночная ориентация хозяйства. Прибыль и рентабельность выдвигались в качестве цели производства.

Системой хозяйства, по Скворцову, называется та форма сочетания элементов производства (природы, труда и капитала), которая определяет собой способ получения ренты в данном хозяйстве, указывая главный род продукта, который это хозяйство поставляет на рынок.

К внешним факторам хозяйства Скворцов относил прежде всего транспорт, затем формы землевладения (частное, общинное и др.), государственную экономическую политику, природные условия. Исследователь показывал преимущества участкового, или общинного, или хуторского землепользования перед общинным.¹⁸

В начале XX в. пользовался славой «агрохимика № 1» академик Дмитрий Николаевич Прянишников (1865 – 1948 гг.). Когда непомерно вздорожали на мировых рынках удобрения, он посвятил жизнь тому, чтобы в России было налажено производство своих химических удобрений. А ещё жизнь его ушла на то, чтобы подготовить основы для разрешения вопросов удобрений к моменту, когда страна предъявит соответствующие запросы, и сохранить от вымирания самый тип агронома, работающего в области соприкосновения химии и физиологии с земледелием», т.е. агрохимика.

Невозможно рассказать обо всех российских учёных, благодаря которым российская аграрная наука находилась на передовых рубежах в мире. Несколько подробнее остановимся на высших учебных заведениях, поскольку здесь наряду с учебным процессом была сконцентрирована фундаментальная наука.

Каждая кафедра и факультет имели лаборатории, опытные фермы, имения, лесничества, где студенты проходили практику и ставились эксперименты. В опытных учреждениях велись исключительно прикладные работы, связанные с селекцией и семеноводством, племенным делом, технологиями производства.

Кафедра земледелия, или сельскохозяйственного домоводства, в Московском университете имела ещё с XVIII в. Уставом 1804 г. подобные кафедры были созданы в Харьковском и Казанском университетах. В апреле 1836 г. министерству просвещения было предписано открыть кафедры агрохимии во всех университетах, где их ещё не было. Уставом университетов 1884 г. кафедры агрохимии были заменены кафедрами агрономии, куда входили общее и частное земледелие, агрохимия, учение о системах хозяйства и севооборотах.

В декабре 1910 г. был рассмотрен вопрос о создании самостоятельных агрономических факультетов в университетах. Факультеты были организованы в Юрьевском, Казанском, Новороссийском, Киевском и других университетах. Но они были малочисленными.

Первым самостоятельным высшим сельскохозяйственным учебным заведением был открытый в 1848 г. в Могилевской губернии Горыгорецкий земледельческий институт, имевший солидную базу для проведения практических работ и опытного дела. Здесь работали известные аграрники И.А. Стебут, Ю.Э. Янсон, А.П. Людоговский и др. В 1865 г. институт перевели в Петербург, а позднее он был преобразован в лесной.

В 1862 г. был создан Новоалександрійский институт сельского хозяйства и лесоводства. Располагался он на берегу Вислы (ныне г. Пулавы). В 1914 г. переведён в Харьков. Вуз располагал ботаническим и плодовым садом, опытной фермой, имением. Видные учёные работали в институте: В.В. Докучаев, К.Д. Глинка, А.И. Скворцов, А.Ф. Фортунатов; почётными членами института были К.А. Тимирязев, И.А. Стебут, Д.Н. Прянишников.

Петровская земледельческая и лесная академия (знаменитая Тимирязевка) открыта в 1865 г. в имени графа Разумовского Дмитровского уезда Московской губернии. Академия не раз реформировалась, ее пытались даже закрыть, но сумел её отстоять министр земледелия А.С. Ермолов. Во все времена это был крупнейший учебный и научный центр страны.

Видное место в высшем сельскохозяйственном образовании занимали соответствующие отделения при политехнических институтах. Так, созданное в 1861 г. Рижское политехническое училище с 1876 г. было причислено к первому разряду, т.е. стало вузом с четырёхлетним курсом обучения с довольно крупным сельскохозяйственным отделением. Политехникуму принадлежали опытная ферма «Петергоф», 1200 десятин казённого леса, контрольная станция по применению удобрений. Сложилась сильная школа химиков.

Образованный в 1898 г. Киевский политехнический институт положил начало высшему сельскохозяйственному образованию на Украине. Агрономическому факультету принадлежало хозяйство «Затишье» в Черниговской губернии и опытное поле под Киевом.

В 1910 г. Совет департамента земледелия рассмотрел перспективный план развития высшего сельскохозяйственного образования в России. Несмотря на то что начавшаяся война спутала все планы, кое-что, и весьма существенное, удалось сделать в предвоенные годы. В июне 1911 г. открылся Вологодский молочно-сельскохозяйственный институт, при котором имелись опытная станция, рассадник кормовых растений, машиноиспытательная станция. В 1912 г. был создан Воронежский сельскохозяйственный институт с обширной библиотекой, опытным полем и ботаническим садом. В 1913 г. были учреждены Саратовские высшие сельскохозяйственные курсы с правами института и четырёхлетним сроком обучения.

Значительное развитие получило в стране ветеринарное образование. На медицинских факультетах Московского, Петербургского, а позднее Харьковского, Казанского университетов были введены ветеринарные отделения с зооанатомическими театрами. С 1873 г. работал Юрьевский ветеринарный институт.

Столь подробное знакомство с сельскохозяйственными вузами объясняется тем, что кроме подготовки кадров там была сосредоточена практически вся аграрная наука. В развёртывании системы вузов можно проследить тенденцию к учёту региональных особенностей и сложившейся структуры хозяйства. Этот процесс опирался не только на инициативу заинтересованных людей, но и на усилия государства и науки.

В основу всей философии крестьянского хозяйства всегда, как правило, выдвигается его субъект – человек-творец. Однако следует учитывать значение ценностной ориентации в аграрной политике, учитывать взаимодействие материального и духовного, наличие глубоких аграрно-культурных традиций в крестьянской среде, характерные для народной

¹⁸ См.: Никонов А.А. Указ. соч. С. 71.

агрономической культуры черты патриархальности и крайне недоверчивого отношения к любым новшествам. Вклад аграрной науки в развитие практики хозяйствования нельзя рассматривать только лишь с точки зрения материальных условий (рост урожайности, производства, затратных методов и т.д.). Такой подход не является адекватным тем взглядам лучших деятелей теоретического аграрного наследия, где ценностная составляющая выступала не только необходимой, но и приоритетной. В каждом открытии, в организации научной и практической деятельности представителей агрономической мысли отчётливо видна чрезвычайная социальная ответственность за состояние экономики страны.

Н.В. Токарев

СОЦИАЛЬНЫЕ НАСТРОЕНИЯ И ПОВЕДЕНИЕ ТАМБОВСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ СТОЛЫПИНСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

С началом Первой мировой войны аграрная реформа П.А. Столыпина, проводившаяся в Российской империи с 9 ноября 1906 г., вступила в свою завершающую фазу. Но с первых дней мобилизации столыпинское землеустройство встретило новые дополнительные препятствия. Противостояние общинников и отрубников, сторонников и противников правительственной аграрной политики приобрело большую степень ожесточённости, сталкивая между собой всё новых участников человеческой драмы.

В течение нескольких мобилизаций были призваны и противники, и сторонники аграрных преобразований, но с началом войны землеустроительные работы не только не были прекращены – по большей части они проводились в обязательном порядке, без согласия обществ. В частности, в Тамбовской губернии на 1915 г. планировалось 273 дела по приведению в исполнение проектов землеустройства, из которых 48% были обязательными, а по Борисоглебскому уезду данная цифра достигала 70,6%.¹⁴⁷

Война, приведшая к глубоким социально-экономическим и политическим изменениям в России, в корне изменила и демографическую ситуацию в тамбовской деревне. В результате мобилизации запасных нижних чинов и ратников ополчения, по данным переписи 1917 г., 49,8% всех трудоспособных мужчин Тамбовской губернии оказались в действующей армии¹⁴⁸, а главной рабочей силой стали подростки, старики и женщины.

Помимо увеличения роли крестьянок в экономической жизни села изменилось положение женщин и в системе общинного самоуправления: солдатки заменили своих мужей-домохозяев не только в поле, но и на сельских сходах, где решались важнейшие вопросы общинной жизни, в том числе и об отношении к участковому землевладению. Отличаясь большей эмоциональностью и психологической неустойчивостью, крестьянки, на чьи плечи легла вся ответственность за будущее детей, с началом войны могли стать и стали крупной помехой для продолжения аграрной реформы.

Акты противодействия столыпинскому землеустройству в Тамбовской губернии проходили практически по одному и тому же сценарию. Многие выступления крестьян начинались или на сходах, или сразу после них, когда противоречия между отрубниками и общинниками из латентной стадии переходили на уровень открытого конфликта.

Отрубники, которым сельские сходы отказывали в выделе надельной земли, опираясь на поддержку властей, отказывались принять предложения крестьянских обществ и отложить землеустройство до окончания войны. Общинники же, по большей части солдатки, препятствовали землемерным работам, чинили насилие над отрубниками, уничтожали их имущество. С августа 1914 г. до июня 1915 г. в селениях Борисоглебского, Кирсановского и Козловского уездов Тамбовской губернии произошло 13 массовых крестьянских выступлений, зачастую носивших характер «бабьих бунтов», в ходе которых главную роль играли солдатки.

Вооружённые дубинами и палками солдатки уничтожали межевые знаки, избивали отрубников, сжигали их имущество, нападали на землеустроителей и представителей сельской и волостной администрации, вступали в столкновение с полицией. Современный исследователь истории крестьянской общины О.Г. Вронский полагает, что «антиотрубное» движение солдаток не было ни стихийным, ни самостоятельным.¹⁴⁹

С этим утверждением вполне можно согласиться. В массовых выступлениях против землеустроительной политики государства крестьянки были всё же на вторых ролях, они никогда не являлись лидерами, были не ведущими, а ведомыми.

Во главе противодействия землеустроительным работам выступали старосты, уполномоченные от общества по выделам, авторитетные «старички». И в начале аграрной реформы, и на её заключительном этапе за спинами крестьянок обнаруживались «подстрекатели» – мужчины-домохозяева. Они, агитируя односельчанок в невыгодности отрубов для общины, убеждали, что солдатки из-за землеустройства могут получить худшую по качеству землю, меньшие наделы или совсем остаться без земли.

Поводом для волнений крестьян с. Костино-Отделец Борисоглебского уезда послужило намерение отрубников, скупивших в большом количестве надельные земли, выделить их к одному месту. 1 августа 1914 г. на сельском сходе уполномоченный от общества Н.Ф. Гребенкин угрожал землеустроителям: если землемеры пойдут рубить землю собственникам, то он научит солдаток, они им посшибают головы. С октября 1914 г., по постановлению тамбовского губернатора, крестьянин с. Махровка П.П. Медведев отбывал трёхмесячное тюремное заключение в борисоглебской тюрьме. На сельском сходе, собравшемся в августе 1914 г. для выбора уполномоченных по выделу отрубов, общинник призывал солдаток прогнать землемера. Под его влиянием крестьянки потребовали отложить выдел, напади на волостного старшину, избивли отрубника.¹⁵⁰

В том же Борисоглебском уезде, в с. Махровке, во время сельского схода солдатки требовали остановить выдел, поскольку они без мужей «не могут найти своих законов». Крестьянин П.П. Медведев, названный тамбовским губернатором

¹⁴⁷ Подсчитано по: План землеустроительных работ по Тамбовской губернии на 1915 год. Тамбов, 1915.

¹⁴⁸ Подсчитано по: Поуездные итоги сельскохозяйственной переписи Тамбовской губернии в 1917 г. (население, скот, посев, сельскохозяйственный инвентарь). Тамбов, 1921. Вып. 1. С. IX, XII.

¹⁴⁹ Вронский О.Г. Крестьянский «мир» в первой мировой войне // Россия в мировых войнах XX века. М. – Курск, 2002. С. 78.

¹⁵⁰ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 8973. Л. 6; Д. 8974. Л. 1 – 9.

зачинщиком, убеждал прогнать землемера и волостного старшину – отрубника, потому что «там (на фронте – Н.Т.) кровь проливают, а они тут нашу землю режут». В результате тридцать солдаток напали на избу, в которой укрылся волостной старшина. Под воздействием этих событий отрубники на время отказались от выдела.¹⁵¹

Изучая крестьянские выступления против отрубков в период Первой мировой войны, не следует упускать из виду, что волнения солдаток были логическим завершением длительного, порой в течение нескольких лет, конфликта между общинниками и отрубниками. Так, в с. Малые Алабухи с 1911 г. отрубники не могли свести свои полосы к одному месту. Уполномоченные местного крестьянского общества последовательно прошли все стадии обсуждения землеустроительного проекта, вплоть до высшей инстанции – Сената, который в декабре 1914 г. оставил в силе решение губернской комиссии.¹⁵²

В то же время выглядит преувеличением другое утверждение авторитетного историка, что «трагизм положения солдаток цинично используется должностными лицами общины».¹⁵³ При избрании уполномоченных из своей среды общинники ориентировались на людей грамотных и опытных в общении с «начальством». Так, одним из четырёх уполномоченных Мало-Алабукского общества Борисоглебского уезда по выделу отрубков был Я.В. Горшенев, известный как «человек развитой и состоявший на должности волостного старшины», имевший «особое влияние на общество». Уполномоченные общины нередко отождествляли себя с крестьянским миром, заявляя, что «общество сильнее закона». Тот же Горшенев говорил землеустроителям: «если этот проект осуществится, то я заслужу проклятие общества». Позднее он открыто объявил, что «это не закон – выходить крестьянам на отруба, а война, чья возьмёт войной, тот и будет пахать».¹⁵⁴

Находясь на виду у официальных властей, представители крестьянского самоуправления: старосты, писари, уполномоченные – рисковали своей свободой, если конфликт между общинниками и отрубниками перерастал в противостояние общины с землеустроителями и полицейскими стражниками. Губернская администрация стремилась изъять из крестьянской среды наиболее грамотных, влиятельных и активных противников землеустройства.

Выдвижение женщин на передовые позиции в противостоянии властей и общинников можно объяснить специфическими чертами социальной психологии крестьянства. Особенностью правового сознания крестьян являлась их твёрдая уверенность в неподсудности женщин за акты сопротивления властям.

Борисоглебская крестьянка М.В. Дунаева, участница волнений в мае–июне 1915 г., с убеждённостью говорила: «...бабам дано право, и они хотя бы перебили всё приезжающее в село Архангельское начальство, и им ни какой ответственности за это не будет, и даже приезжай царь, и его убьют и не будут виноваты», «а зачем чёрт носит начальство в Архангельское, ведь оно нам совсем не нужно, мы его побьём, и нам ничего не будет, потому что у нас дети, а начальство можно побить, потому что приезжало отрезать землю с вином».¹⁵⁵ Подобные настроения вообще были характерны для тамбовского крестьянства. В с. Чигорак Борисоглебского уезда во время массовых волнений против землеустройства общинники подбадривали односельчанок: «Солдатки, вы крепче держитесь, вам ничего не будет».¹⁵⁶

Именно вовлечение женщин в акты крестьянского сопротивления столыпинскому землеустройству сообщало выступлениям массовый характер. Уже не единицы, а десятки и даже сотни крестьян и крестьянок становились участниками волнений против землеустроительных работ в тамбовской деревне.

Сверхактивное участие крестьянок в борьбе с поборниками участкового землевладения придавало, по точному замечанию С.В. Лурье, «особую иррациональность»¹⁵⁷ противостоянию общинников, с одной стороны, и органов власти, а также отрубников, с другой. Для выступлений, в которых участвовали женщины, характерна значительная степень озлобления. Так, в с. Чигорак Борисоглебского уезда в апреле 1915 г. толпа солдаток не только избивала восьмидесятилетнего отрубника, но и гонялась по всему селу за крестьянами, подавшими прошение об отводе отрубков.¹⁵⁸

Приезжая по ранению в отпуск, солдаты не оставались в стороне и, защищая солдаток, энергично участвовали в противодействии землеустроительным работам. Например, в с. Сергиевка Борисоглебского уезда землемеры отметили поведение солдата С.Н. Каширина, кричавшего: «Убить этих землемеров!». Сам же Каширин объяснял, что он говорил отрубникам и землемерам: «Вы бы погодили отрезать землю, а то мужьёв нет, а вы вызвали землемеров отрезать у баб землю, а в это время их мужья проливают кровь». По постановлению тамбовского губернатора солдат отсидел при Борисоглебском полицейском управлении две недели.¹⁵⁹

Давлением солдаток можно объяснить принятие в мае 1915 г. сельским сходом Мало-Алабукского общества приговора «о недопущении никаких отрубков». Угрозы выделенцам со стороны чигоракских общинников, главным образом солдаток, «так напугали их, что они заявили об отказе от выдела до окончания войны».¹⁶⁰

Весной–летом 1915 г. под влиянием событий в с. Малые Алабухи в ряде селений Борисоглебского уезда крестьяне выступали против проведения землеустроительных работ. В частности, в с. Верхнее Чуево распространились слухи, что в отсутствие мужей солдаткам выделят «худшую землю». Землемеру все чаще крестьяне не давали лошадей для работ, не находилось и рабочих. Более того, сельский сход принял решение приостановить землеустроительные работы. Уполномоченный крестьянского общества говорил солдаткам, что от землеустроительства один вред, приводил в пример жен солдат из с. Малые Алабухи, которые «прогнали землемера с работ».¹⁶¹

¹⁵¹ ГАТО. Ф. 4. Оп.1. Д. 8974. Л. 5, 6, 9.

¹⁵² Там же. Д. 7478. Л. 671 об, 674 об, 675.

¹⁵³ См.: Вронский О.Г. Указ. соч. С. 78.

¹⁵⁴ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7478, Л. 671 об, 674 об, 675, 678 об; Д. 8978. Л. 23.

¹⁵⁵ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9221. Л. 2, 2 об.

¹⁵⁶ Там же. Д. 9204. Л. 21 об.

¹⁵⁷ Лурье С.В. Культурно-психологические факторы распада крестьянской общины // Человек. 1992. № 4. С. 41.

¹⁵⁸ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8977. Л. 10 об.

¹⁵⁹ Там же. Д. 9205. Л. 4, 6, 16.

¹⁶⁰ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7205. Л. 162 об.; Д. 9204. Л. 13, 16, 21.

¹⁶¹ Там же. Д. 9203. Л. 10, 12.

В условиях военных действий власти не решились довести до конца землеустройство в селе. По распоряжению губернатора 3 августа 1915 г. неперменный член губернской землеустроительной комиссии М.К. Шиловский объявил Мало-Алабужскому обществу, что землеустроительные работы откладываются до завершения войны.¹⁶²

Однако не следует преувеличивать роль сопротивления крестьянок в торможении столыпинской аграрной реформы. Землеустроительные комиссии Тамбовской губернии в 1916 г., принимая решения о приостановке отвода отрубков до окончания войны, руководствовались не только знанием фактов социального напряжения в крестьянской среде. Среди причин, в силу которых необходимо было сворачивать землеустроительные работы, можно назвать и нехватку кадров для их продолжения, и отсутствие средств у крестьянских обществ, и многочисленные прошения как отрубников, так и общинников, призванных в армию, о прекращении выдела участков.¹⁶³

Снижение темпов столыпинского реформирования деревни было связано не только с мобилизацией противников и сторонников участкового землевладения, сокращением финансирования, активным сопротивлением общинников, но и с распространением негативных для властей слухов. В ходе Первой мировой войны «вздорные и вредные слухи» окончательно овладели умами крестьян.

В декабре 1914 г., по сведениям борисоглебского исправника, в уезде среди отрубников ходили слухи: «По окончании войны земля будет отобрана и роздана всем вообще крестьянам-общинникам». Тогда же, как сообщал тамбовский уездный исправник, общинники в разговорах выражали надежду, что после войны Император наделит крестьян помещичьей землёй, а помещики получат в качестве компенсации владения в Сибири и на завоёванных землях. Полицейский чин полагал: «Эти разговоры, с уверенностью можно сказать, вызваны не пропагандой, а упорной мечтой крестьян иметь побольше земли и надеждой получить землю за свои заслуги по настоящей войне».¹⁶⁴

В апреле 1915 г. борисоглебский исправник Бурьянов доложил губернатору, что «в крестьянской массе распространяются слухи, что после окончания войны солдаты будут завоёвывать крестьянам землю и без этого не положат оружия». По его мнению, слухи распространялись находившимися в отпуске ранеными и больными солдатами, так как эти настроения были локализованы в семьях солдат, призванных по мобилизации. В ответ тамбовский губернатор потребовал «произвести негласным образом самое тщательное расследование по поводу распространяющихся в крестьянской среде ложных слухов, которые могут вредно влиять на настроение крестьян».¹⁶⁵

Сообщая в Департамент полиции в январе 1916 г. о слухах, распространявшихся в Кирсановском уезде («по окончании войны вся земля будет крестьянская», «наши сыновья пролили много крови на войне, значит и вся земля должна быть наша»), начальник Тамбовской губернии отмечал: «Подобные слухи, как относящиеся к аграрному вопросу, весьма интересующему крестьян, бывают темой всех разговоров и являются отражением крестьянских надежд».¹⁶⁶

С окончанием войны крестьяне связывали надежды на решение вопроса о земле. Подобные представления были широко распространены, особенно в тех губерниях, где острее всего сказывалось крестьянское малоземелье (Казанской, Тамбовской, Саратовской, Симбирской и др.).¹⁶⁷

В начале 1916 г. полковник Генерального Штаба князь Н.Н. Енгальчев, будучи в отпуске в Темниковском уезде, говорил, что он, как военный цензор, знает из писем о настроениях крестьян в солдатских шинелях. Они намеревались «после войны самоуправно отобрать земли, принадлежащие немцам, а в некоторых письмах говорится, что, проделав всё это по отношению к немцам, они возьмутся и за земли помещиков».

По свидетельству темниковского исправника, князь Н.Н. Енгальчев намеревался отправиться в Елатомский уезд к члену Государственной думы от Тамбовской губернии князю П.А. Кильдишеву, чтобы просить думского деятеля внести «законопроект о ликвидации немецкого землевладения обязательно за плату, хотя бы и за самую минимальную». Эта мера, по мнению Н.Н. Енгальчева, должна «остановить или сократить желающих забрать силой помещичьи земли».¹⁶⁸

Даже после бурных событий 1917–1918 гг. у крестьян стойко сохранялась вера в добрую волю императора Николая II. Бывший петербургский чиновник, переселившийся с семьёй в ноябре 1918 г. в Тамбовскую губернию, А.Л. Окнинский в своих воспоминаниях поведал о настроениях крестьян Борисоглебского уезда: «Землю-то дал ещё царь во время войны, а анаралы и министеры о том народ не повестили, а и самого царя за то убили». В крестьянском историческом сознании наблюдалась определённая преемственность: если, по мнению крестьян, Александра II «убили помещики за освобождение крестьян», то Николая II – за то, что «помещичью землю дал нам»¹⁶⁹. Таким образом, слухи, циркулировавшие среди крестьян Центрального Черноземья в начале XX в., обладали чёткой преемственностью, как и прежде выражая тягу деревни к «чёрному переделу».

Тяготы военного времени самым пагубным образом повлияли на судьбу столыпинского переустройства российской деревни. Сначала было свёрнуто крестьянское переселение за Урал, затем фактически остановлено землеустройство. Вполне предсказуемо уменьшились масштабы агрономической и финансовой помощи «новым помещикам». Наконец, Крестьянский поземельный банк снизил свою активность на пути насаждения участкового землевладения.

На темпы проведения столыпинских аграрных преобразований и их конечные результаты также повлияли и волнения крестьян против землеустройства в ходе Первой мировой войны. Проведению основных мероприятий столыпинского реформирования деревни серьёзно мешали массовые уравнилельные настроения. Они носили экстенсивный характер, т.е. общинники по-прежнему связывали подъём своего хозяйства исключительно с земельной прибавкой со стороны властей. В

¹⁶² Там же. Ф. 41. Оп. 6. Д. 46. Л. 62.

¹⁶³ См.: Там же. Оп.10. Д. 6.

¹⁶⁴ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9030. Л. 6.

¹⁶⁵ Там же. Д. 9107. Л. 16, 17.

¹⁶⁶ Там же. Д. 9665. Л. 9 об, 19.

¹⁶⁷ Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 107.

¹⁶⁸ Там же. Ф. 272. Оп. 1. Д. 1897. Л. 37, 37 об.; Ф. 4. Оп. 1. Д. 9655. Л. 9, 9 об.

¹⁶⁹ Окнинский А.Л. Два года среди крестьян: виденное, слышанное, пережитое в Тамбовской губернии с ноября 1918 до ноября 1919 года. М., 1998. С. 22, 96, 230.

итоге недовольство властными институтами, не готовыми быстро и радикально удовлетворить «жажду земли», исподволь копившееся в крестьянской среде, «прорвалось» в послефевральской России.

Л.Н. Сысоева

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОФОРМЛЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ В НАЧАЛЕ XX В.

Одной из ключевых проблем, определивших исторический путь России в начале XX в., являлся вопрос о земле. На рубеже XIX–XX вв. в аграрном секторе России сложилась кризисная ситуация. Потенциал реформы 1861 г. был исчерпан, и всё сильнее проявлялись тормозящие тенденции, воздействие которых было усилено политикой Александра III, стремившегося опереться на патерналистскую функцию общины и превратить её в придаток государственной власти. Реформа 1861 г., предоставив крестьянам личную свободу, не смогла обеспечить свободы деятельности на земле. Общинное устройство мешало интенсификации хозяйства и тормозило его развитие. Община оставалась главным инструментом проведения политики правительства в деревне и ограждалась от посягательств на её полномочия из фискальных и полицейских соображений.

Помимо общины, в деревне был ещё целый комплекс не менее серьёзных проблем. Пореформенный демографический подъём к началу XX в. обернулся аграрным перенаселением, следствием которого явилось и крестьянское малоземелье, и избыток рабочих рук, и неспособность наличной земли прокормить своих едоков. Недостаток земли в совокупности с низкой эффективностью её использования негативно сказывались на уровне жизни деревни. Советские историки убедительно доказали, что основная масса крестьянства систематически недоела, крестьянское хозяйство было маломощным. Выкупные платежи и подати изымали из деревни огромные средства, препятствуя интенсификации хозяйства.

На эти проблемы накладывалась революционная пропаганда идеей «чёрного передела». Крестьяне-отходники проникались в городской среде содержанием революционных лозунгов и, возвращаясь в деревню, интерпретировали их в соответствии с мироощущением крестьянства. Так под воздействием модернизации страны община медленно, но верно утрачивала свою патриархальность. Совокупность этих факторов поставила российское крестьянство на грань социального взрыва. Царское правительство, несомненно, было в курсе происходящего, но принятие мер откладывалось, что во многом являлось следствием характера Николая II и консервативного настроения его окружения. Россия вступала в новую фазу развития, и упование на крестьянскую «веру в царя-батюшку» не могло стать основой политики в деревне.

На рубеже XIX–XX в. в аграрном секторе завязался узел многих проблем: экономической – соотношение промышленности и сельского хозяйства; социальной – интересы дворянства и крестьянства; фискальной; правовой и др. Только волна крестьянских выступлений поставила правительство перед необходимостью немедленного решения этой проблемы. Нарастание напряжённости заставило самодержавие задуматься об основных направлениях преобразований в аграрном секторе. С 1902 г. начинается сбор материала, подготовка проектов и определение мероприятий по решению крестьянского вопроса, создаются многочисленные комиссии, совещания, изучающие различные аспекты состояния сельского хозяйства. Наиболее значимыми являлись Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности под председательством С.Ю. Витте и Редакционная комиссия по пересмотру законодательства о крестьянах во главе с А.С. Стишинским (её реальным руководителем был В.К. Плеве). Особое совещание во главе угла поставило обсуждение строя крестьянского землепользования и правового положения крестьян. Редакционная комиссия стремилась к пересмотру правовой обособленности крестьянства и самоуправления. Гурко В.И. озвучил идею выхода из общины, ставя отдалённой целью эволюции земельного строя переход к отрубному и хуторскому беспередельному землепользованию. Редакционная комиссия определила принципиальные основы аграрного курса: защита надельного землевладения вообще и мелкой крестьянской собственности в частности от свободного оборота и дробления, но община уже не рассматривалась как нечто исконное и органичное.

В ситуации, когда требовалось незамедлительное принятие решений, правительство шло по пути затягивания, в надежде, что проблема разрешится сама собой. Если сравнить с разработкой отмены крепостного права, то в середине XIX в. понадобилось 10 секретных комитетов, поражение в Крымской войне, рост крестьянских волнений и настойчивость Александра II, чтобы дело сдвинулось с мёртвой точки. В начале XX в. в России стремительно формировался подобный набор факторов: совещания, комитеты, комиссии собирались и распускались, «маленькая победоносная» русско-японская война обернулась поражением и дестабилизировала обстановку в стране, крестьянские бунты охватывали целые губернии – «иллюминации» пылали всё ярче, не доставало только одного – решительности Императора. Революционные события 1905 г. в деревне показали, что ограничиться в крестьянском вопросе незначительными, третьестепенными мерами не удастся. Такие мероприятия, как предоставление крестьянам права арендовать участки за пределами общинных земель, отмена круговой поруки при выплате выкупных платежей (1903 г.), уменьшение и полное прекращение их выплат (1905 г.), не сняли напряжённость в деревне.

Оформление основных подходов к решению аграрной проблемы произошло на рубеже 1904–1905 гг. в виде «Записки по крестьянскому делу» С.Ю. Витте и записки «Земельная политика и крестьянский вопрос» А.В. Кривошеина. Предлагавшиеся в них меры носили не только экономический, но и политико-правовой характер и предопределили в дальнейшем направления реформирования. В марте 1905 г. было учреждено Особое совещание о мерах к укреплению крестьянского землевладения под председательством И.Л. Горемыкина. Николай II призвал совещание обратить внимание на «упрочение земельного строя крестьян», но при условии «охранения частного землевладения».¹ В 1906 г. разработка аграрных преобразований активно велась в ведомствах внутренних дел, финансов, землеустройства и земледелия. 6 января 1906 г. основы реформы обсуждались правительством. Кутлер Н.Н. предложил принудительное отчуждение

¹ РГИА. Ф. 1212. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

«впустележащих» и находившихся в аренде у крестьян помещичьих земель, однако большинство министров высказались против. Главный принцип преобразований – сохранение помещичьей собственности на землю – был определен; оставалось выработать соответствующие законодательные акты.

Аграрные мероприятия начала XX в. разрабатывались и проводились в непростой политической и социальной ситуации. Революция 1905 – 1907 гг. наглядно продемонстрировала глубину проблем в сельском хозяйстве, в то же время погромы помещичьих усадеб, принявшие массовый характер, способствовали росту продажи земли помещиками, что предопределило активный старт аграрной реформы на начальном этапе в 1906 – 1908 гг. На протяжении 1906 г. параллельно с оформлением идей новой аграрной политики создаются учреждения по их реализации и начинается разработка законодательной базы.

Оформление структуры учреждений и правовой основы аграрной реформы началось с издания Указа 4 марта 1906 г. «Об учреждении Комитета по землеустроительным делам при Главном управлении землеустройства и земледелия и губернских и уездных землеустроительных комиссий, и об упразднении Комитета по земельным делам».² Он определил структуру, полномочия и компетенцию органов, создававшихся для реализации преобразований. Система губернских и уездных землеустроительных комиссий создавалась для оказания помощи Крестьянскому банку, но находилась в ведении Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ). В их функции входило: содействие сельским обществам в устранении недостатков существующего землепользования и землевладения; посредничество в разверстании чересполосных земель; содействие через Крестьянский банк покупке крестьянами земли; содействие переселению крестьян. Указ был проведён в порядке ст. 87, а основные его положения вошли в Закон о землеустройстве 1911 г. В «Инструкции землеустроительным комиссиям о направлении их деятельности», подготовленной ГУЗиЗ, к их компетенции было отнесено «посредничество между сторонами для выработки всех подробностей и условий разверстания».³

Функции и принципы деятельности землеустроительных комиссий были детализированы в «Наказе землеустроительным комиссиям»⁴, утверждённом Комитетом по землеустроительным делам 19 сентября 1906 г. Цель была обозначена как «содействие крестьянам в улучшении условий землевладения и порядков землепользования». Определялся порядок участия землеустроительных комиссий в деятельности Крестьянского банка по приобретению имений и распродаже земли крестьянам. Наказ устанавливал нормы землевладения, категории крестьян, которым должно было обеспечиваться преимущество в покупке земли, определял направления деятельности и содержал указания о личном составе комиссий, порядке ведения делопроизводства. К середине 1906 г. был сформирован центральный аппарат ведомства земледелия: Комитет по землеустроительным делам и Главное управление землеустройства и земледелия – и местный – губернские и уездные землеустроительные комиссии.

Реализация комплекса мероприятий, составивших суть столыпинской реформы и направленных на модернизацию сельского хозяйства России, предполагала существенное изменение, дополнение и пересмотр действующего аграрного законодательства. Прежде всего это касалось нормативно-правовых актов, регулирующих отношения собственности, права и формы владения и распоряжения землёй, а также комплекса подзаконных актов, определявших процесс функционирования учреждений, занимающихся реализацией аграрной политики, внесения корректив в их деятельность и механизм реализации отдельных мероприятий.

Развитие законодательства происходило в условиях становления новой политической системы: в соответствии с Основными Законами Российской Империи законопроект принимался Государственной Думой и Государственным Советом и после этого утверждался Императором. Поэтому зачастую многие мероприятия оформлялись в виде Высочайших Указов и вводились в действие в порядке ст. 87. Основных Законов Российской Империи и только в последующем выносились на обсуждение законодательных учреждений. При обсуждении в Государственной думе законопроекты направлялись в соответствующие комиссии (земельная, переселенческая, бюджетная и т.п.), которые вносили необходимые поправки и возвращали проект на общее рассмотрение. Такая процедура занимала промежуток от нескольких недель до нескольких лет, что нередко снижало темпы проведения и эффективность преобразований.

Комплекс документов, определявших содержание и реализацию мероприятий в аграрном секторе, включает нормативные акты различного характера: Высочайшие Указы Николая II, вводившиеся по ст. 87, законы, утверждённые Государственной Думой, Государственным Советом и Императором; различные «Правила» и «Положения», утверждённые Советом Министров и Комитетом по землеустроительным делам. Развитие аграрного законодательства происходило непосредственно в ходе реализации реформы и отражало эволюцию правительственной политики в отношении сельского хозяйства, что выразилось в опережающем развитии некоторых норм подзаконных актов, издававшихся в ведомственном порядке.

Начиная реформу, правительство отталкивалось от уже проводившихся мероприятий и существующих органов, активизировало и модифицировало те направления, которые с конца XIX в. рассматривались как средство снижения остроты аграрного вопроса: деятельность Крестьянского банка и Переселенческого управления. В ходе проведения преобразований шло их совершенствование в соответствии с новыми задачами.

Реализация аграрных преобразований в 1906 г. сосредоточилась в Крестьянском поземельном банке, который был создан в 1882 г. для оказания помощи крестьянам предоставлением кредитов на приобретение земли и обзаведение хозяйством. Аграрная реформа внесла коррективы в его компетенцию: банк превращался из сугубо финансового учреждения в орган, реализующий государственную земельную политику, и должен был обеспечить проведение мер по увеличению и упорядочению крестьянского землевладения. С 1905 г. банк наращивает усилия по мобилизации земель. По положению Комитета финансов от 14 июля 1905 г. ему было разрешено покупать частновладельческие земли и продавать крестьянам, проводить операции по выдаче ссуд за счёт собственного капитала. Указ 3 ноября 1905 г. распространил предоставление ссуд на малоземельных крестьян: «...в видах успешного выполнения возложенной на Банк задачи содействовать увеличению

² РГИА. Ф.1291. Оп. 122. Д. 40.

³ РГИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 138. Л. 61.

⁴ РГИА. Ф. 592. Оп. 1. Д. 334.

площади землевладения малоземельных крестьян, предоставить ему право выдачи малоземельным ссуд в полном размере оценки».⁵ Расширить массив земель для преодоления крестьянского малоземелья был призван Указ Николая II «О предназначении казённых земель к продаже для расширения крестьянского землевладения» от 27 августа 1906 г. Он предполагал передачу части казённых земель для продажи крестьянам, однако был отклонён при обсуждении в Государственной Думе. В дальнейшем его основные идеи легли в основу «Правил о предназначении свободных казённых земель в пределах Европейской России для обеспечения нуждающихся в земле крестьян».⁶ Проект был внесён в III Государственную Думу в 1907 г. Он изменял порядок использования государственных земель: сдача казённой земли в аренду заменялась её продажей крестьянам на праве полной собственности.

Ведущим направлением деятельности Крестьянского банка являлось создание земельного фонда для продажи крестьянам. Ставка делалась на продажу мелких участков из банковских земель и на содействие при покупке у помещиков. Продажа мелкими участками была выгодна и помещикам, и банку, а правительство использовало возможность оказать некоторую помощь малоземельным и безземельным. Увеличение землевладения через Крестьянский банк рассматривалось лишь как вспомогательная мера. Чтобы ускорить распространение частной земельной собственности, банку предоставлялось право выдавать ссуды под залог надельных земель. Основные положения соответствующего законопроекта, разработанного Министерством финансов, рассматривались Советом министров в августе 1906 г. Он предусматривал выдачу ссуд под залог надельных земель сельским обществам, подворникам, выделившимся из общины домохозяевам, небольшим группам крестьян и товариществам. Ссуды могли выдаваться для уплаты за наделы, оставляемые переселенцами, покупки помещичьих земель и на организацию хуторского и отрубного хозяйства.

Активизация участия Крестьянского банка в реализации земельной политики привела к пересмотру условий операций по купле-продаже земли. 14 октября 1906 г. был издан указ «О понижении платежей заёмщиков Крестьянского поземельного банка», предусматривавший установление новых ставок, начиная со второго полугодия 1906 г.⁷ Поощрение единоличного хозяйства проводилось через изменение условий предоставления ссуд: чем меньше был срок, на который выдавалась ссуда, тем больше снижался процент. Банк имел возможность, манипулируя нормами ссуд, привлекать покупателей к тем или иным сделкам. Этот Указ, как и предыдущие, принят в порядке ст. 87, внесён во II Государственную думу, но не был рассмотрен.

Решающую роль в осуществлении нового аграрного курса сыграл указ 9 ноября 1906 г. «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования», давший старт реформе: крестьяне получали право свободного выхода из общины с укреплением в собственность участков из общинного надела. Указ был введён в действие в порядке ст. 87 и стал законом только в 1910 г. Снятие ограничений на выход крестьян из общины и переход к распространению личной собственности на землю потребовали изменений в принципах функционирования Крестьянского банка. Помощь банка направлялась не только на увеличение крестьянского землевладения, но и на подъём его качественного уровня. Указом от 15 ноября 1906 г. «О выдаче Крестьянским поземельным банком ссуд под залог надельных земель» предусматривалась выдача ссуд сельским обществам, крестьянам, перешедшим к участковому владению и товариществам крестьян, созданным для приобретения земли, на покрытие расходов, «вызываемых улучшением землепользования: при переходе на отдельные посёлки и хутора, при разделении на отрубные участки, при отводе земель к одному месту».⁸ Залог распространялся и на уже принадлежащую землю, и на приобретаемую. Указ вводился в действие по ст. 87. Законопроект внесён во II Государственную Думу в марте 1907 г., но остался нерассмотренным, а затем был внесён в III Думу, одобрен после внесения изменений 9 июня 1912 г. и утверждён 5 июля 1912 г.

Смещение в 1907 г. акцента с аграрной политики на разрушение общины и сокращение продаж помещичьих имений сократили операции Крестьянского банка и потребовали изменений в его деятельности. Правительство отмечало, что ликвидация запаса земель из фондов банка должна способствовать развитию личной земельной собственности крестьян, содействовать в расселении хуторами и мелкими посёлками. Это нашло отражение в положении «О согласовании посреднической деятельности Крестьянского поземельного банка с общими землеустроительными мероприятиями правительства». В основу проекта, разработанного Комитетом по землеустроительным делам, был положен принцип установления разных норм процентного соотношения выдаваемых ссуд к оценке земли – в зависимости от того, насколько сделка соответствовала политике правительства. Подчёркивалась важность стимулирования приобретения крестьянами земли в частную собственность. Проект был рассмотрен Советом Министров в апреле 1908 г. и утверждён Николаем II 27 июня 1908 г. инструкция Комитета по землеустроительным делам от 19 февраля 1908 г. требовала, чтобы банковские земли продавались главным образом хуторами и отрубам тем крестьянам, которые способны были образовать крепкие, устойчивые хозяйства. Крестьянский банк переориентируется на преимущественное распространение частной земельной собственности в форме хуторов и отрубов. В 1909 г. изданы «Правила о содействии Крестьянского банка к переходу крестьян от товарищеского владения заложенной в Банке землёю к единоличному», в которых участие банка в разверстании земель определялось задачей «содействовать упорядочению товарищеского землевладения в соответствии с общими землеустроительными мероприятиями».⁹

Адаптация учреждений к новой аграрной политике позволила последовательно наращивать масштабы реформ в 1909 – 1911 гг. Вместе с тем уже на этом этапе начинает оформляться своеобразный «механизм торможения»: ослабление социальных противоречий в деревне породило в правящих кругах желание отказаться от дальнейших реформ; просчёты и накладки начального этапа преобразований разочаровали отдельные категории крестьянства.

⁵ РГИА. Ф. 592. Оп. 1. Д. 246. Л. 147.

⁶ РГИА. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 21.

⁷ РГИА. Ф. 592. Оп. 1. Д. 334.

⁸ РГИА. Ф. 592. Оп. 44. Д. 521. Л. 5.

⁹ РГИА. Ф. 592. Оп. 1. Д. 302. Л. 15.

Регламентация землеустроительных работ началась с издания 15 октября 1908 г. «Временных правил о выделе наделной земли к одним местам». Основные принципы исходили из необходимости поощрения добровольных выделов, упрощения и ускорения производства, соответствия выделов целям землеустройства. «Наиболее совершенным типом земельного устройства является хутор, а при невозможности образования такого – сплошной для всех полевых угодий отруб».¹⁰ При этом выдел мог происходить как в добровольном, так и в принудительном порядке.

В ходе реализации землеустроительная политика претерпевала существенные изменения. Изначально главной целью было провозглашено упорядочение крестьянского землевладения, затем взят курс на выделение единоличных хозяйств и, наконец, предпринята попытка массового внутринаделного размежевания. Ключевым документом стали «Временные правила о землеустройстве целых сельских обществ» от 19 марта 1909 г., относившиеся к ведомственным распоряжениям. Они были разработаны Комитетом по землеустроительным делам и определяли механизм реализации землеустроительной политики. Они касались раздела селений, выдела земли выселкам и перехода к отрубным владениям целых сельских обществ. Землеустроительные органы ориентировались на разверстание наделов целых деревень.

Дальнейшая эволюция землеустроительной политики предопределила появление ещё одного ведомственного распоряжения Комитета по землеустроительным делам – «Правил выдела наделной земли к одним местам» от 19 июня 1910 г. Они поставили конечной целью землеустройства «разверстание всего надела» и призывали стремиться к охвату максимальной площади устраиваемого надела; оговаривалось, что «групповые и отдельные выделы должны производиться с таким расчётом, чтобы они не затрудняли дальнейших землеустроительных работ, направленных к устройству в будущем всего надела сельского общества».¹¹ Правила детализировали механизм землеустройства и допускали возможность не только добровольного, но и обязательного выдела.

Сформировавшиеся нормы были обобщены и систематизированы в «Законе о землеустройстве». Проект этого закона был подготовлен Комитетом по землеустроительным делам и в марте 1907 г. внесён во II Государственную Думу, но остался нерассмотренным. В ноябре 1907 г. проект был оглашён в общем собрании III Государственной Думы и передан в земельную комиссию. Прения в комиссии проходили по статье о выделе к одному месту принадлежавшей домохозяину земли, наделной и частной. Было решено считать отрубные и хуторские участки, образованные из наделных и купленных земель, не наделной собственностью, а частной.¹² Обсуждение проекта проходило с 12 октября по 27 ноября 1909 г. В ходе общих прений в Думе подчёркивалось, что землеустройство является первым шагом по переходу к более прогрессивным формам землепользования. Проект закона о землеустройстве был принят Думой 18 февраля 1910 г. В Государственном совете документ подвергся изменениям: земельная комиссия Государственного совета признала участки из разноправных земель наделными. Проект был утверждён Николаем II 29 мая 1911 г. и получил силу закона.

В окончательный вариант закона вошли положения Закона 14 июня 1910 г., «Временных правил 19 марта 1909 г. о землеустройстве целых сельских обществ», «Правил 19 июня 1909 г. о содействии Крестьянского поземельного банка переходу крестьян от товарищеского владения заложенной в Банке землёю к единоличному» и «Правил о выделе наделной земли от 19 июня 1910 г.». Закон расширил права землеустроительных комиссий в проведении принудительных выделов, стало необязательным укрепление наделов в личную собственность – выданный землеустроительными органами акт на выделенные к одному месту участки укреплял их в личную собственность. Закон 29 мая 1911 г. по сути заменил Закон 14 июня 1910 г. Целью являлось устранение дальнотельных, наделной и вненаделной чересполосицы, а главное – содействие переходу к хуторскому и отрубному хозяйству. Действие закона распространялось на средние и крупные владения, связанные чересполосно с землями крестьян и мелких владельцев. В законе проявлялась тенденция к образованию массового собственника, предпочтение отдавалось операциям, затрагивающим как становящихся собственниками, так и остающихся в общине. С развитием землеустройства процесс выхода из общины затормозился. Правительство перестало поощрять укрепление наделов в собственность, тем самым реформа получала новый поворот: создание крепкого крестьянина оставалось конечной целью реформы, но не путём формального укрепления, а через экономическое преобразование наделной земли.

Перенос на землеустройство основного акцента аграрных мероприятий, вовлечение в этот процесс всё большего количества крестьян, в том числе и не очень состоятельных, заставили правительство озаботиться проблемой финансовой поддержки хозяйств, которые переходили к участковому землевладению. На этапе перехода к новым формам землевладения и землепользования, обустройства хозяйства важное значение имело оказание кредитной поддержки. 28 ноября 1911 г. в Государственную Думу был внесен проект «Правил о ссудах и пособиях из средств казны при землеустройстве».¹³ Его основные положения сводились к следующему: ссуды выдавались исключительно на осуществление землеустройства; кредит не имел точной фиксации размеров и сроков возврата; средства могли быть использованы на улучшение хозяйства и инвентаря и предоставлялись мелким владельцам, которые не имели собственных средств для проведения необходимых работ. Одобренный законодательными учреждениями, законопроект был утвержден царем 16 июня 1912 г.

Активизация переселенческого движения потребовала детальной регламентации процесса и усиления регулирующей роли государства. Совет министров 13 июля 1907 г. запретил индивидуальное ходачество за Урал и выдачу проходных свидетельств на переселение впредь до отвода достаточного запаса переселенческих участков.¹⁴ 5 декабря 1907 г. ГУЗиЗ заявило, что намерено принять меры для планомерной организации переселений и выступило за условное зачисление земли за переселенцами.

¹⁰ РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 406. Л. 188 об.

¹¹ Александровский, Ю.В. Закон 14 июня 1910 г. об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении. СПб., 1911. С. 367 – 375.

¹² Сидельников, С.М. Аграрная политика самодержавия в период империализма. М., 1980. С. 148.

¹³ Собрание узаконений. 1912. 4 июля. Отд. I. Ст. 1109.

¹⁴ Скларов, Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962. С. 89.

Одной из серьезных проблем переселенческого движения был недостаток средств у переселенцев. Законопроект «О порядке выдачи ссуд на общепользные надобности переселенцам»¹⁵ был представлен правительством в Государственную думу в 1907 г. Дума приняла его с незначительными изменениями и дополнениями в феврале 1909 г. Проект предусматривал предоставление беспроцентных ссуд сроком до 10 лет для сооружения обводнительных, осушительных и дорожных сооружений, для постройки общественных зданий, организации пожарной охраны сельских строений, на сельскохозяйственные предприятия и на внутринадельное межевание.

Проект «Об изменении правил о выдаче ссуд на хозяйственное устройство переселенцев»¹⁶ был внесен в IV Государственную Думу 4 января 1912 г. Предполагалось изменить порядок выдачи ссуд на хозяйственное устройство только нуждающимся переселенцам и поставить возможность получения ссуды в зависимости от трудности хозяйственного устройства или от необходимости скорейшего заселения местности. При этом размеры ссуд увеличивались и их получение становилось правом заселяющих вне вопроса о степени их нуждаемости. Государственная Дума приняла законопроект 9 июня 1912 г.

С ростом численности переселенцев возрастало количество проблем в организации переселения. Одной из них стало стремление в Сибирь крестьян, которые не имели необходимых средств на организацию хозяйства и были обречены на ухудшение своего материального положения. Чтобы сократить поток крестьян-бедняков, Совет Министров обсудил перспективу отмены бесплатного проезда переселенцев. В постановлении «О бесплатной перевозке переселенцев и ходоков в 1909 и 1910 годах» от 31 июля 1909 г. отмечалось, что «бесплатная перевозка переселенцев и ходоков представляется мерой не вполне удачной, так как она способствует переселению лиц несостоятельных, малопригодных для заселения отдаленных местностей».¹⁷ Признавалось необходимым привлекать для колонизации Сибири наиболее состоятельных в хозяйственном отношении крестьян и сохранить в течение ближайших двух лет действие льготы, распространив её лишь на переселявшихся в труднодоступные районы и на возвращавшихся на родину неимущих переселенцев и ходоков. Рост числа переселенцев привёл к росту спроса на земельные участки, превысившего объём наличного свободного колонизационного фонда. ГУЗиЗ выступило с предложением об ограничении срока зачисления участка до одного года. Проект был представлен в Думу в октябре 1909 г. и обсуждён 9 апреля 1910 г. Государственная Дума одобрила законопроект «Об изменении срока сохранения переселенческих участков за ходоками и переселенцами, самовольно покинувшими места водворения»¹⁸ 28 апреля 1910 г.

Правительство переносит акцент с организации перемещения населения в восточные районы на обеспечение условий для обустройства и закрепления крестьян на новых местах проживания. В 1910 г. был поставлен вопрос об окончательном определении земельных прав переселенцев. Проект «Положения о поземельном устройстве крестьян и инородцев на казённых землях сибирских губерний и областей»¹⁹ преследовал цель заселения Сибири на основе купли и продажи земли, что предполагало утверждение права собственности на те участки, которые уже были освоены отдельными домохозяевами. Вместо постоянного пользования утверждалось право собственности крестьян на землю с правом выдела участков к одним местам. Проект предусматривал выделение в личную собственность земель русскому и местному сельскому населению. При отводе наделов на каждого домохозяина «закреплялись в собственность причитающиеся ему по числу мужских душ количество земли и хозяйственные угодья».²⁰ Преимущество в предоставлении земельных участков отдавалось новосёлам, которые соглашались перейти к участковому хозяйству. Проект был внесён в III Государственную думу в ноябре 1910 г., однако до окончания срока её полномочий так и не был рассмотрен. Большинство переселенческой комиссии Думы сочло, что лучше отводить землю крестьянам в наследственное пользование. В IV Думе обсуждение началось заново, но утверждения проект так и не получил. Его принципы легли в основу ведомственных «Правил о порядке отвода хуторов и отрубов в сибирских губерниях» 21 апреля 1911 г.²¹, составленных чиновниками министерства внутренних дел и ГУЗиЗ. «Правила» стали попыткой реализовать новую политику в ведомственном порядке. Они предусматривали такой же порядок разверстания наделных земель и те же виды землеустройства, что и в центре страны, только в Зауралье «выделенные участки отдавались в постоянное наследственное пользование, а размежевание земель проводилось на основании ст. 62, 66 общего Положения о крестьянах и на средства крестьян с согласия 2/3 сельского общества».²²

Ввиду ограниченности запаса переселенческих участков в Сибири ГУЗиЗ пыталось упорядочить заселение заготовленных участков путём организованного хождения. Но система оказалась малоэффективной: ходоки выдвигали высокие требования к качеству предлагавшихся им земельных участков. Практика показала, что поток переселенцев постепенно иссякает, в нём преобладают не имеющие установленных документов ходоки и самовольные переселенцы. Правительство осознало необходимость восстановить свободное заселение ходоками во всех районах, открытых для переселения, что нашло отражение в постановлении «О порядке хождения за Урал в 1911 г.»²³ 3 февраля 1911 г. его одобрил Совет Министров, а 4 марта 1911 г. утвердил Николай II.

Рост переселения требовал корректировки направлений движения переселенцев, учёта интенсивности движения, организации более равномерного распределения новосёлов по Сибири. Заготовленных земель не хватало, и части переселенцев приходилось довольно долго ждать водворения. Содействовать преодолению возникших проблем был призван проект «Правил о продаже переселенческих участков в лучших по сельскохозяйственным условиям местностях Сибири и Степного края», внесённый в Комитет по землеустроительным делам 20 декабря 1910 г. В мае 1911 г. предложения об установлении порядка продажи крестьянам переселенческих участков в Азиатской части России были конкретизированы и

¹⁵ Собрание узаконений. 1909. 5 мая. Отд. I. Ст. 548.

¹⁶ Собрание узаконений. 1912. 21 июля. Отд. I. Ст. 1439.

¹⁷ РГИА. Ф.391. Оп. 3. Д. 1600. Л. 18–19.

¹⁸ Собрание узаконений. 1910. 28 мая. Отд. I. Ст. 868.

¹⁹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 73. Л. 3 – 9 об.; Скляров Л.Ф. Указ. соч. С. 341.

²⁰ Цит. по: Скляров Л.Ф. Указ. соч. С. 341.

²¹ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 1370. Л. 168–169.

²² Цит. по: Сидельников, С.М. Указ. соч. С. 257–258.

²³ РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 49. Л. 93 – 95.

составили законопроект «О продаже переселенческих участков в некоторых местностях Азиатской России»¹⁷⁰. Предлагалось сохранить раздачу земли только в отдалённых лесных и степных местностях, а в обжитых местах (в Сибири, Степном крае и Туркестане) продавать участки. Проект исходил из того, что продажа могла производиться на льготных условиях и покупная стоимость должна быть минимальной, предусматривался льготный порядок погашения долга – рассрочка на 20 лет без процентов, равными частями. Продажа была возможна только отдельным домохозяевам в единоличную собственность и товариществам, с определением земельного пая каждого участника¹⁷¹. Этот документ отразил эволюцию основного направления переселенческой политики.

Совет министров принял постановление «О порядке заготовления переселенческого фонда за Уралом в 1911 г.», исходившее из необходимости распространения и укрепления частной собственности и в Сибири, но признававшее, что «необходимо наряду с нарезкой участков в форме хуторов и отрубов сохранить в 1911 г. и прежний способ участков для целых селений с таким расчётом, чтобы не менее 1/3 фонда в каждом переселенческом районе было заготовлено с разбивкой на хутора и отруба»¹⁷². ГУЗиЗ 25 марта 1911 г. издало соответствующий циркуляр, который предписывал сначала проектировать хуторские наделы и места для хуторских посёлков, а затем намечать участки, не вошедшие в состав хуторов¹⁷³.

В 1912 г. ГУЗиЗ продолжило подготовку нормативных актов по регулированию земельной политики в колонизируемых районах, исходивших из необходимости распространения частной собственности. Правительство рассматривало вариант привлечения частного капитала к решению проблем хозяйственного освоения Азиатской России. Регулировать этот аспект были призваны «Правила о привлечении частной предприимчивости к разработке впусе лежащих казённых земель в малонаселённых местностях Сибири, Средней Азии и Европейского Севера»¹⁷⁴. Проект правил был одобрен 5 мая 1911 г. Советом Министров. Он предполагал развитие различных отраслей сельского хозяйства, привлечение частной инициативы для развития разнообразных культур, подчёркивалось, что необходимо создавать хозяйство более культурное, прилегающее к земле лучшие технические приёмы. В феврале 1912 г. проект с поправками, запрещавшими приобретать и арендовать впусе лежащие земли иностранцам и инородцам, вернулся в Совет Министров, но решение о представлении проекта в Государственную думу не было принято.

Правительство для форсирования насаждения за Уралом земельной собственности приняло меры в ведомственном порядке. В апреле 1912 г. МВД и ГУЗиЗ издали новые инструкции по водворению переселенцев. 10 сентября и 13 декабря 1912 г. царь одобрил положение Совета Министров о сдаче в аренду без торгов участков казённой земли, предназначенных для продажи переселенцам. 29 января и 19 февраля 1913 г. главноуправляющим землеустройством и земледелием и министром юстиции были утверждены соответствующие временные правила. 30 марта 1913 г. А.В. Кривошеин утвердил правила, конкретизировавшие порядок сдачи в аренду хуторских и отрубных участков: на 12 лет зажиточным крестьянам и другим лицам, с тем чтобы эти арендаторы «стали со временем владельцами арендованных ими участков»¹⁷⁵.

В 1911 г. обстановка вокруг преобразований осложняется, и в их проведении начинается новый этап. Снижение политического влияния П.А. Столыпина, а затем его смерть лишили реформу административного ресурса. Аппарат Министерства внутренних дел, которое играло ведущую роль в насаждении единоличного крестьянского землевладения, постепенно отходил от реализации аграрной политики. Руководство в проведении преобразований перемещалось к ГУЗиЗ по линии Департамента землеустройства и государственных имуществ и затем Главного комитета по землеустроительным делам. На этом ведомстве лежала землеустроительная сторона мероприятий. Следующим шагом в развитии аппарата должно было стать делегирование части полномочий местным органам. Совет Министров одобрил проект о перенесении на места ближайшей разработки вопросов землеустройства и улучшения крестьянского хозяйства и о представлении главноуправляющему землеустройством и земледелием права образовывать областные совещания для «смягчения резкостей новой аграрной политики в приложении её к крестьянской жизни»¹⁷⁶.

Смена Председателя Совета Министров негативно сказалась на финансировании мероприятий: В.Н. Кокцов относил затраты на сельское хозяйство к непроизводительным. Это ускорило наметившуюся смену приоритетов реформы: на первый план выходит землеустройство. ГУЗиЗ сосредотачивается на закреплении результатов и проектах интенсификации хозяйства. Смещение приоритетов потребовало изыскания дополнительного финансирования. В очередной раз была поднята проблема кредитования сельского хозяйства. ГУЗиЗ видело способ организации сельскохозяйственного кредита в «децентрализации операций по выдаче ссуд и в централизации усилий по изысканию средств в руках правительства»¹⁷⁷. Привлекать капиталы и распределять их между кредитными учреждениями должен был Сельскохозяйственный банк.

Дискуссии по этому вопросу разгорелись в 1911 г. в связи с проектом преобразования ГУЗиЗ в Министерство земледелия. Повышение статуса ведомства земледелия создавало условия для подчинения Крестьянского банка, как единственного кредитного учреждения. Главным оппонентом в этой борьбе выступало Министерство финансов, считавшее, что переподчинение Крестьянского банка приведет к использованию его земельного фонда в целях землеустройства на наделных землях. Борьба за создание кредитного учреждения успехом не увенчалась. Аграрный сектор не получил необходимых финансовых поступлений и должен был довольствоваться одномоментными ассигнованиями на отдельные программы, размеры которых не покрывали потребности.

¹⁷⁰ РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 292. Л. 20 об. – 22.

¹⁷¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 7. Д. 319. Л. 3об-8 об.

¹⁷² РГИА. Ф. 1276. Оп. 7. Д. 309. Л. 2об-3.

¹⁷³ Цит. по: Скляров. Л. Ф. Указ. соч. С. 327.

¹⁷⁴ РГИА. Ф. 1276. Оп. 7. Д. 317. л. 12-22., РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 300. Л. 10-14.

¹⁷⁵ Цит. по: Островский И.В. Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск, 1991. С. 159.

¹⁷⁶ РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 52. Л. 16.

¹⁷⁷ Цит. по: Дякин В.С. Деньги для сельского хозяйства. 1892 – 1914 гг.: (Аграрный кредит в экономической политике царизма). СПб., 1997. С. 252.

В 1914 – 1916 гг. преобразованиями занимались менее уверенно. Неизменными оставались усилия землеустроительных комиссий, но на ходе работ стали сказываться факторы военного времени. С началом войны учащаются конфликты в деревне. 22 августа 1914 г. А.В. Кривошеин издал циркуляр № 53, предписывавший «фронт землеустроительных работ сместить на те волости и сёла, где имелось согласие общинников на выделение хуторов и отрубов».¹⁷⁸ В ноябре 1914 г. в циркуляре № 62 он рекомендовал включить в план землеустроительных работ на 1915 г. дела, «наиболее подготовленные в смысле осознания самим населением их целесообразности и пользы». Обязательный порядок разрешения дел мог использоваться как исключение из правил. Особенно важно было учитывать интересы семей, члены которых находились в армии. В циркуляре № 31 от 29 апреля 1915 г. главноуправляющий напоминал о необходимости согласовывать взаимно-встречные интересы населения и приостанавливать работы, по которым не достигнут компромисс.

Таким образом, аграрная политика правительства в начале XX в. оформляется и реализуется в сложной экономической и политической ситуации. Оформление правовой основы преобразований происходило медленно, значительная часть проектов так и не стала законами и проводилась в ведомственном порядке, что порождало дополнительные сложности в их реализации, но позволяло аграрной политике сохранять динамизм. Нормативно-правовая база преобразований представляла собой сложный комплекс документов различного характера и претерпела сложную динамику, продиктованную общим курсом политики, эволюционировавшей в сторону стимулирования интенсификации крестьянского хозяйства. В землеустроительной и переселенческой политике наблюдается смещение акцентов в сторону содействия крестьянам в налаживании хозяйства. В наиболее тяжёлом положении оказались такие аспекты преобразований, как ликвидация малоземелья крестьян и организация кредита. Земельный фонд Крестьянского банка постепенно себя исчерпал, мер по его пополнению не предпринималось. Многочисленные дискуссии об организации кредита наталкивались на нежелание Министерства финансов расходовать средства на сельское хозяйство и использовались только в качестве аргумента в политической борьбе. В итоге аграрная политика себя исчерпала – дальнейшая интенсификация была немислима без капиталовложений – и с началом Первой мировой войны утрачивает приоритетное положение в правительственном курсе.

С.А. Фролов

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ДВОРЯНСКОГО ЗЕМЕЛЬНОГО БАНКА В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (1885 – 1917 гг.)

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ,
проект № 09-01-00018а*

Государственный дворянский земельный банк начал свою деятельность в 1885 г. на основании положения «О Государственном дворянском земельном банке» от 3 июня 1885 г. Он был создан для поддержания дворянского землевладения посредством предоставления кредита дворянам на особо льготных условиях.¹⁷⁹ Действие банка распространялось на всю Европейскую Россию и Закавказье, кроме Финляндии, Прибалтийских губерний и губерний Варшавского генерал-губернаторства.¹⁸⁰

Производство операций Государственного дворянского земельного банка на местах возлагалось на отделения, учреждаемые как совместно с Крестьянским поземельным банком, так и самостоятельно. Тамбовское отделение Дворянского банка начало свою работу 21 декабря 1885 г. Отделение банка состояло из управляющего, нескольких членов-оценщиков и членов от дворянства. Отделения занимались приёмом и рассмотрением заявлений о выдаче ссуд, о разделе и отчуждении заложенных имуществ, рассматривали произведённые оценки закладываемых имений, выдавали разрешённые ссуды, наблюдали за исполнением заёмщиками принятых ими на себя перед банком обязательств и пр.

Дворянский банк выдавал ссуды потомственным дворянам под залог как целых имений в полном их составе, так и отдельно закладываемых частей имений. Имения, состоящие в общем владении, принимались в залог с согласия всех совладельцев. Условия погашения долгосрочной ссуды предусматривали выплату в общей сложности 5,75 ... 6,25% годовых. Заёмщик мог просить Дворянский банк о пересрочке долга с целью уменьшения размера срочных платежей банку без увеличения суммы долга. С 1890 г. становился всё более популярным другой вариант продления срока ссуды. Заёмщики могли просить о перезалоге имения с пересрочкой остающегося долга и выдачей на тот же срок новой ссуды. Заложенное имение могло перейти к новым владельцам, в том числе не дворянам. При переходе заложенного в банке имения от одного хозяина к другому на нового его владельца переводился долг прежнего заёмщика, а также все обязательства последнего в отношении банка. Если заложенное в банке имение переходило к лицу, не принадлежавшему к потомственному дворянству, новый его собственник обязан был погасить весь долг банку в определённый срок. В случае неисполнения условий долг банку погашался продажей имения с публичных торгов. Условия залога имений предусматривали и льготы по взносу платежей, определялись случаи их предоставления. Кроме льгот существовал регламент назначения имений неисправных заёмщиков в продажу и проведения торгов.¹⁸¹

Таким образом, созданная в значительной мере при активном участии и руководящей роли государства система ипотечного кредита была направлена прежде всего на удовлетворение интересов поместного дворянства.

Открытие отделения банка в Тамбовской губернии сразу же вызвало ажиотажный спрос на кредит. В результате деятельность Тамбовского отделения в течение первых же лет достигла широких масштабов.

¹⁷⁸ Цит. по: Герасименко Г.А. Борьба крестьян против столыпинской аграрной реформы. Саратов, 1985. С. 263.

¹⁷⁹ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С. 219–220.

¹⁸⁰ Устав Государственного дворянского земельного банка // Свод законов. Т. XI. Ч. 2. Изд. 1903. СПб., 1914. Ст. 2.

¹⁸¹ Фролов С.А. Ипотека земли в Тамбовской губернии в 1884 – 1917 гг. (на примере деятельности Крестьянского и Дворянского банков) // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Пенза, 2004. С. 17.

В 1886 г. принято в залог 137 имений общей площадью 93 083 десятины и выдано в ссуду 5 474 454 р., а в 1887 г. принято в залог 145 имений общей площадью 84 933 десятины и выдано в ссуду 4 013 261 р.¹⁸²

Больше всего воспользовались ссудами в 1886–1887 гг. среднее и крупное землевладение. При этом большинство земель, поступивших в залог банка, были обременены лежащими на них долгами, и на руки заёмщикам поступало только от 1/3 до 1/2 суммы ссуд. В то же время к залогоу дворяне предъявляли и свободные от долгов имения.

В 1889–1890 гг. заёмщикам Дворянского банка были предоставлены дополнительные льготы. Указом от 12 октября 1889 г. выдачу ссуд стали производить наличными деньгами, а не закладными листами, удлинители сроки ссуд, уменьшили проценты роста до 4,5%, облегчили условия перезалога и пересрочки старых ссуд. Кроме того, было объявлено о выпуске пятипроцентных закладных с выигрышами листов Дворянского банка на 80 млн. р.¹⁸³ В результате операции Дворянского банка в Тамбовской губернии по выдаче ссуд развивались успешно. До 1 января 1892 г. было выдано Тамбовским отделением 660 ссуд на сумму 20 713 500 р. Общее количество принятой в залог земли составило 423 745 десятин. Оценка банком одной десятины земли равнялась 85 р., выданная же ссуда на одну десятину земли была 49 р.¹⁸⁴

Определённым испытанием, как для Дворянского банка, так и для его заёмщиков, являлись последствия неурожая 1891 г. во многих местностях Российской империи. Однако и в этом случае заёмщикам банка были дарованы «чрезвычайные» льготы. Согласно повелению императора от 10 января 1892 г. советам Дворянского банка и особого отдела банка предоставлялось право, по ходатайствам заёмщиков, рассрочить платежи, если урожаем 1891 г. в указанных имениях не превышал 1/3 части нормального. При этом срок отсрочки устанавливался от 6 до 20 полугодий, и взамен установленной пени взималось по недоимкам 3% за каждое полугодие.¹⁸⁵ Поступившие до 15 мая 1892 г. в количестве 2742 ходатайства о рассрочке платежей по Российской империи потребовали выполнения обширной работы для возможно точного выяснения размера неурожая, постигшего каждое имение. Для этого предоставленные заёмщиками сведения о степени недорода и об экономическом положении имений были проверены через отделения банка, а во многих случаях через местных земских начальников и полицейские управления. Добытые таким путём данные предоставили совету банка возможность при рассмотрении ходатайств о льготах разрешать их в зависимости от действительных размеров постигших имения бедствий.¹⁸⁶ По Тамбовской губернии общая сумма рассроченных платежей составила 443 013 р. Из этой суммы 65% рассрочено от 12 до 20 полугодий, т.е. урожай в большинстве ходатайств от тамбовских дворян в имениях составлял менее 30% от нормального. Льготы были предоставлены по рассрочке четырёх полугодовых платежей прежних сроков, начиная с ноябрьского 1890 г. платежа по ссудам и заканчивая майским платежом 1892 г.¹⁸⁷ Эффективность дополнительных мер в каждой губернии Российской империи проверяется данными о количестве назначенных в продажу за недоимку имений. Так, в обзоре данных по второй публикации об имениях, назначенных в продажу за недоимку в майских 1891 г. платежах, можно заметить, что среднее процентное отношение вошедших в эту публикацию имений к общему числу заложенных имений – 5,3%. Значительно выше среднего показателя данные по губерниям: Виленской – 15,3%, Владимирской – 14%, Вольнской – 10%, Курской – 9,2%. Наиболее благополучная ситуация прослеживалась в таких губерниях как: Нижегородская – до 0%, Воронежская – 2,2%, Тамбовская – 3,2%, Псковская – 3,6%. Отсюда видно, что благодаря разрешённым советом банка льготам по взносу платежей процент опубликованных имений в продажу по Тамбовской губернии являлся минимальным.¹⁸⁸ Третьей публикацией, вышедшей 3 мая 1891 г., назначено в продажу по Тамбовской губернии девять имений, или 1,6% к общему числу залогов. Однако в результате погашения недоимки поступило на торги одно имение, которое поступило в хозяйственное заведование банка.¹⁸⁹ В последующие два года число выданных ссуд и количество заложенной земли значительно уменьшилось. Так, в 1893 г. было выдано 58 ссуд и заложено 42 319 десятин земли¹⁹⁰, в 1894 осуществлено 48 ссудных операций под залог 25 193 десятин земли.¹⁹¹ Объяснить снижение размера ссудных операций можно значительным увеличением сумм рассроченных платежей по ссудам в 1892 г., что отразилось на балансе банка. Однако в целом успешное развитие деятельности Дворянского банка в Тамбовской губернии продолжалось. Так, 1 августа 1897 г. управляющий Тамбовским отделением П.А. Афремов докладывал: «За последние годы количество дел о ссудах заметно возрастает: так, в 1895 г. поступило 126 дел; в 1896 г. – 131 дело и в текущем году за полгода – 85 дел¹⁹²». Возрастание поступающих дел о ссудах с 1896 по 1900 г. в значительной степени было связано с дополнительными ссудами при перезалоге имений, заложенных ещё в первые годы деятельности Дворянского банка, и с перезалогом имений из особого отдела банка.

Таким образом, дворянство Тамбовской губернии прибегало к залогоу довольно крупных имений. Помещики прельщались льготными условиями получения кредита и активно прибегали к услугам банка.

Между тем финансовое положение Дворянского банка становилось шатким. Так, только в среднем за 1899 – 1901 гг. недоимки Тамбовского отделения составили 770 410 р., или 47% от годового платежа по ссудам.¹⁹³

Наряду с этим заметным явлением в деятельности Тамбовского отделения становится преобладание количества перезалогов над первоначальными ссудами. Сокращение первоначальных залогов объясняется тем, что большинство дворян, нуждавшихся в кредите, заложили свои имения в первые десять лет деятельности банка и впоследствии многие стали их

¹⁸² Афремов П.А. Деятельность отделения Государственного дворянского земельного банка в Тамбовской губернии // Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 год. Тамбов, 1903. С. 91.

¹⁸³ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 168. Оп. 1. Д. 1258. Л. 2.

¹⁸⁴ Там же. Д. 1849. Л. 58 об.–Л. 59.

¹⁸⁵ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 168. Оп. 1. Д. 2186. Л. 3.

¹⁸⁶ Там же. Л. 90 об.

¹⁸⁷ Там же. Л. 17 об. Л. 19.

¹⁸⁸ Там же. Л. 90 об.

¹⁸⁹ Там же. Л. 182 об. Л. 183.

¹⁹⁰ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 168. Оп. 1. Д. 2364. Л. 22 об. Л. 25 об.

¹⁹¹ Там же. Д. 2542. Л. 21 об. Л. 25.

¹⁹² Там же. Д. 2188. Л. 6.

¹⁹³ Афремов П.А. Деятельность отделения Государственного дворянского земельного банка в Тамбовской губернии // Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 год. Тамбов, 1903. С. 92.

перезакладывать. При этом преимущественная часть перезаложенных имений была обременена только долгом Дворянскому банку по предшествовавшей ссуде. Так, число первоначальных ссуд достигало в 1901 г. 41,5%, площадью залога – 55,3%, а ссудами – только 38,8%.¹⁹⁴

Данная ситуация свойственна была и деятельности отделение банка в 1902–1903 гг.

Вследствие финансовых трудностей, связанных с русско-японской войной, в 1904 г. были введены некоторые ограничения в отношении выдачи ссуд из государственных земельных банков (ссуды по перезалогу выдавались не ранее пяти лет со времени совершения предыдущего займа; ссуды же под имения, вновь предъявляемые к залого, разрешались только в пределах установленных нормальных оценок). Результатом введения этих ограничений стало значительное сокращение ссудных операций Дворянского банка.¹⁹⁵ Как нам стало известно, Тамбовским отделением в 1904 г. было выдано 59 ссуд в сумме 2 515 300 р. под залог 35 774 десятин земли.¹⁹⁶ По 21 первоначальной ссуде было принято в залог 7495 десятин земли (21%) 316 500 р. (12%). Число и сумма ссуд, выданных по нормальной оценке, среди первоначальных ссуд составляли 61%, а площадь заложенной земли – 57,5%. Тем не менее большинство выданных ссуд приходилось на перезалог имений. Из 38 перезалогов 81% ссуд был выдан с учётом специальной оценки имений.¹⁹⁷ Но, несмотря на это, заметным явлением в 1904 г. становится снижение не только числа выданных ссуд, но и количества заложенной земли.

Особенно явным это стало в 1905 г., когда количество выданных ссуд ещё более сократилось, число же назначенных в продажу имений, напротив, увеличилось. Если, скажем, в 1904 г. общее количество назначенных на торги имений в ходе майской и ноябрьской публикации составляло 65, то в 1905 г. это число возросло до 103.¹⁹⁸ Объяснить столь значительное увеличение числа недоимщиков в 1905 г. можно, по нашему мнению, неблагоприятной погодой, повлиявшей на урожай хлебных злаков. Так, по сведениям Губернского правления, засушливая весна, отсутствие дождя в первой половине лета неблагоприятно повлияли на урожай. Прошедшие в начале июля дожди уже не могли исправить положения, только в двух северных уездах губернии – Темниковском и Елатомском – погодные условия благоприятно повлияли на посевы, и здесь был собран урожай чуть ниже среднего.¹⁹⁹ Банк, как ипотечное учреждение, действовал в данной ситуации согласно уставу.

В 1907–1908 гг. число выданных ссуд и площадь заложенной земли в Тамбовской губернии сократились до минимума. Так, в 1907 г. было совершено 12 сделок на площади в 3736 десятин земли ссудой в 371 600 р. В 1908 г. по 10 сделкам ссудили 331 500 р. за 3798 десятин земли.²⁰⁰ При этом 87% сделок приходилось на перезалог, а случаи первоначального залога имений были единичными. Объяснить снижение площади закладываемой земли можно тем, что главное внимание и забота уделялись развитию операций Крестьянского банка, деятельность же Дворянского банка стала затухать. Сумма выданных им ссуд, составлявшая в 1904 г. 25,8 млн. р., в 1907 г. не достигла даже 10 млн. р., а затем хотя и стала возрастать, но большей частью вследствие дополнительных ссуд при перезалогах.²⁰¹

В то же время крестьянское движение, продолжавшееся в Тамбовской губернии до 1908 г., способствовало массовой продаже земли дворян Крестьянскому банку и при его посредничестве крестьянам, что прослеживается в отчётах банка за соответствующий период. Помимо того, заметным явлением становится продажа частей заложенных в Дворянском банке имений Крестьянскому банку или при его посредничестве крестьянам с переводом на этот банк числящейся ссуды. Это стало возможно вследствие циркулярного распоряжения Крестьянского банка от 4 февраля 1906 г., объявленного лицам, желающим продать свои имения Крестьянскому банку или при его содействии крестьянам.²⁰² Далее, 28 апреля 1906 г., Государственный Совет предоставил Крестьянскому банку право при производстве операций с землями, заложенными в Дворянском банке и акционерных земельных банках, принимать на себя долги этих кредитных учреждений.²⁰³ В результате в 1907 г. 92 имения площадью 40 685 десятин земли и ссудой в 2 784 400 р. перешло в полном составе новым владельцам, при этом только 27 имений на 17 355 десятинах земли со ссудой в 1 142 600 р. перешло другим дворянам. В то же время были совершены выделы по 164 имениям общей площадью 59 083 десятины с переводом на отчуждаемые участки суммы в 3 890 042 р., но только 1029 десятин ссудой в 71 100 р. перешло к потомственным дворянам. Тем самым к лицам, не принадлежащим к дворянскому сословию, в 1907 г. перешло 81 384 десятины заложенной в банке земли и 5 460 742 р. долга по ссуде.²⁰⁴ Столь заметный переход заложенной земли продолжился в Тамбовской губернии и в 1908 г.

Однако экономические требования дворянства были направлены на искусственную консервацию помещичьего землевладения при помощи дополнительных государственных льгот. Так, Тамбовское губернское дворянское собрание в январе 1909 г. рассмотрело круг вопросов, связанных с укреплением дворянского землевладения. Губернский предводитель дворянства князь Н.Н. Чолокаев выступил за повышение дворянского земельного кредита путём понижения процента капитализации дохода имений. Он указал, что подобные меры уже были приняты дворянским собранием Калужской губернии. Собрание единодушно поддержало князя Н.Н. Чолокаева и постановило возбудить ходатайство перед правительством.²⁰⁵ В сентябре 1909 г. премьер-министр П.А. Столыпин прислал отрицательный ответ, так как не считал возможным обременять покупателей дворянских земель дополнительными налогами на нужды сословия.²⁰⁶

Между тем наметившееся в 1909 г. увеличение объёма выданных заёмщикам ссуд заметно проявилось в деятельности Тамбовского отделения в 1911 г. В 1912–1913 гг. количество и объём выданных ссуд Тамбовским отделением был несколько ниже. Так, в 1911 г. было выдано 74 ссуды в сумме 3 713 800 р. под залог 37 540 десятин земли. При этом только в

¹⁹⁴ ГАТО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 4811. Л. 3 об. – 4.

¹⁹⁵ Проскурякова Н.А. Земельные банки Российской империи. М., 2002. С. 263.

¹⁹⁶ ГАТО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 5599. Л. 7, об. 8.

¹⁹⁷ Там же. Л. 3 – 4.

¹⁹⁸ Там же. Д. 5740. Л. 288 об.

¹⁹⁹ Обзор Тамбовской губернии за 1905 г. Тамбов, 1907. С. 1.

²⁰⁰ ГАТО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 3527. Л. 56, 56 об.

²⁰¹ Рихтер Д.И. Государственные земельные банки в России и их дальнейшая судьба // Аграрные вопросы в России. Пг, 1917. Вып. 2. С. 8–9.

²⁰² ГАТО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 4814. Л. 63.

²⁰³ Проскурякова Н.А. Крестьянский поземельный банк (1883–1916 гг.) // Отечественная история. 1998. №3. С. 72.

²⁰⁴ ГАТО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 3527. Л. 56.

²⁰⁵ Баринаева Е.П. Власть и поместное дворянство России в начале XX века. Самара, 2002. С. 254–255.

²⁰⁶ Там же. С. 256.

12% случаев ссуда выдавалась с учётом нормальной оценки имений. Количество имений, впервые предъявленных к залого, составляло 42%, площадью 34% всей заложенной земли в 1911 г. Как видим, перезалоговая операция оставалась основной в деятельности Тамбовского отделения. Всего по 43 перезалогам была охвачена 24 661 десятина земли. Первоначальных ссуд Тамбовским отделением было произведено в количестве 31 и принято в залог 12 879 десятин земли за 1 033 400 р. Среди этих ссуд было 16% имений, обременённых ипотечными долгами; задолженность, однако, составляла только 9,3% площади первоначально принятой в залог земли. Ссуда на 1 десятину свободной от задолженности земли составляла 79 р. 42 к., в то время как для имений, обременённых ипотечными долгами, – 88 р. 14 к.²⁰⁷ Соответственно, ссуда для имений, обременённых ипотечными долгами, выдавалась в большем размере.

Начавшаяся Первая мировая война ухудшила экономическое положение в стране, вследствие чего деятельность Крестьянского и Дворянского банков была сокращена законом 23 июля 1914 г. Так, ссуды под имения, впервые предъявляемые к залого в Дворянский банк, могли выдаваться только по нормальной оценке, а ссуды для перезалога возможны были лишь не ранее истечения пяти лет со времени предыдущего залога имения в банке.²⁰⁸

Война обострила экономические проблемы дворянства, привела к росту их задолженности по платежам Дворянскому банку, лишила дворянские имения рабочей силы, в результате чего наёмный труд резко подорожал. Вследствие этого на имя управляющего Тамбовским отделением в большом количестве поступали ходатайства с просьбой отсрочки платежей. Часто заёмщики просили об отсрочке в связи с их призывом в действующую армию.²⁰⁹ Однако и те, кто оставался на месте, испытывали материальные трудности. Примером может служить прошение, полученное Тамбовским отделением 16 января 1916 г. от землевладелицы Борисоглебского уезда Тецнер. В нём говорилось о сложных условиях ведения хозяйства в 1915 г.: потере до 40% урожая хлеба в поле вследствие непрерывных летом и осенью дождей; полном отсутствии рабочих рук, вызванном войной, и сильным подорожанием наёмной силы; низкой цене на зерно. В результате у землевладелицы возник дефицит денежных средств, и она просила об отсрочке платежей.²¹⁰

Однако, несмотря на то что число неисправных заёмщиков в Тамбовской губернии было высоким – 72 имения в ноябре 1915 г.²¹¹ и 54 имения в мае 1916 г.²¹², – случаи продаж их с торгов по-прежнему были единичными. Практически все имения в ходе работы торгового присутствия исключались из публикационного списка.

Изменение политической ситуации в стране, падение монархии в результате Февральской революции отразилось на спросе в кредите. В Тамбовское отделение в течение 1917 г. поступило 55 заявлений, по которым предлагалось к залого 35 367 десятин земли за 6 952 440 р., в том числе по одиннадцати первоначальным ссудам просили ссудить 2 445 540 р. за 11 025 десятин земли.²¹³ Однако советом банка разрешено было совершить только пять перезалогов 884 десятин земли. Вместе с тем Тамбовским отделением было выдано семь ссуд для перезалога по специальной оценке 9160 десятин земли за 884 400 р. В четырёх случаях перезалог требовался для погашения залоговых обязательств помимо долга Дворянскому банку. Однако начавшиеся аграрные беспорядки привели к разорению и обесцениванию имений, в результате чего по сравнению с предыдущими годами в Тамбовской губернии наблюдалась крайняя неисправность в платежах банку.²¹⁴

К числу первых актов советского правительства относится постановление от 25 ноября 1917 г. об упразднении Дворянского земельного и Крестьянского поземельного банков во исполнение декретов о земле и об уничтожении сословных учреждений. Ликвидация их была возложена на Государственный банк.²¹⁵ В Тамбове отделения Крестьянского и Дворянского банков также были ликвидированы.

Таким образом, по характерным особенностям функционирования Дворянского банка в Тамбовской губернии можно выявить, что он позволил сгладить остроту разорения и обезземеливание поместного дворянства. Ипотечные кредиты, которые выдавал Дворянский банк, с одной стороны, способствовали постепенному развитию буржуазных отношений в деревне; с другой стороны, они сдерживали темпы роста этих отношений, отодвигали момент приобщения многих дворянских хозяйств к рынку с его жёсткой конкуренцией. В условиях развития капитализма сословный дворянский кредит оставался элементом феодальной системы поземельных отношений.

В.В. Свиридов

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТАМБОВСКИХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ, НАПРАВЛЕННАЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ТИПА КРЕСТЬЯНСКОГО СОБСТВЕННИКА

*Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ,
проект №09-01-00018а*

Важность сельского хозяйства дореволюционной России отмечалась многими современниками, общественными и политическими деятелями, официальной властью того времени. Вместе с тем уровень его развития на протяжении многих веков оставлял желать лучшего. Поэтому проблема практического усовершенствования сельского хозяйства и модернизации агропромышленного комплекса, как наиболее важного и значимого, всегда была актуальна для Российской империи.

²⁰⁷ ГАТО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 6598. Л. 2 об. – 3, 3 об.

²⁰⁸ Сборник циркуляров и распоряжений по Государственному дворянскому земельному банку 1911 – 1914 гг. Пг., 1915. С. 65.

²⁰⁹ ГАТО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 7359. Л. 53.

²¹⁰ ГАТО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 7525. Л. 90–91.

²¹¹ Там же. Д. 7454. Л. 187 об.

²¹² Там же. Д. 7525. Л. 169 об.

²¹³ Там же. Д. 7552. Л. 1 об. – 2, 2 об. – 3, 3 об. – 4, 5 об.

²¹⁴ Там же. Л. 15 об.

²¹⁵ Мехряков В.Д. Развитие кредитных учреждений в России. М., 1996. С. 103.

Главная роль в решении этой задачи принадлежала государству. Однако для успешного преодоления проблемы была необходима не только воля государства, но и поддержка его начинаний в обществе, в частности в среде специализированных общественных объединений. Такими организациями в Российской империи стали сельскохозяйственные общества (далее СХО), впервые появившиеся в конце XVIII в. и переживавшие в начале XX в. бурный рост и развитие.

Сложившиеся в XIX в. основные формы и виды деятельности СХО продолжали развиваться и совершенствоваться в начале XX в. Однако изменившиеся социально-экономические условия ставили перед сельскими хозяевами качественно иные задачи. Для достижения своей цели – модернизации сельского хозяйства и его отдельных отраслей, внедрения агротехнических и технологических усовершенствований – СХО разрабатывали и внедряли новые методы и приёмы работы. Признаком времени стало расширение сети СХО, рост численности специализированных СХО, рассчитанных на малый радиус действий и носящих специальный характер.

Тамбовские СХО создавали вокруг себя инфраструктуру агрикультурных учреждений. Среди них особой популярностью пользовались случные пункты для улучшения местных пород скота. Пять такого рода пунктов имело Ермишенское общество сельского хозяйства.²¹⁶ Популярность случных пунктов объяснялась низким уровнем развития животноводства в губернии, а также простотой и эффективностью подобных учреждений.

Ценные и породистые виды производителей для случных пунктов поставлялись местным земством либо приобретались СХО на собственные средства. Далее животные распределялись по территории, входящей в район деятельности обществ. В большинстве случаев они попадали на личное подворье членов СХО. Специализированные фермы могли позволить себе лишь немногие общества. Так, в начале 1913 г. одно из уездных земств передало в распоряжение Ермишенского общества сельского хозяйства быка «швицкой» породы. Случной пункт был организован в хозяйстве члена совета А.Д. Чудочкина. За один неполный год работы этого пункта было покрыто 48 крестьянских и 5 частновладельческих коров.²¹⁷

Большое распространение в среде сельских хозяев получили специальные агрономические библиотеки. Их фонды были, как правило, незначительными. Например, библиотека Осино-Гаевского сельскохозяйственного общества в 1910 г. состояла всего из 34 сочинений по сельскому хозяйству.²¹⁸ Составлялись они в первую очередь из официальных изданий, рассылаемых Департаментом земледелия, разнообразной сельскохозяйственной литературы, выписываемой обществами на собственные средства.

Степень посещаемости и эффективности библиотек определялась уровнем развития общественных деятелей, их материальным положением, заинтересованностью в повышении своего агрономического образования. Не все библиотеки, имевшиеся на бумаге, действительно функционировали.²¹⁹

Широкий резонанс приобретала деятельность открывавшихся при СХО опытно-показательных полей и сельскохозяйственных складов. Козловское опытное поле, принадлежавшее одноимённому СХО, относилось по своим размерам к числу наибольших в России. Итоги работы опытного поля были доступны широкой сельскохозяйственной общественности. Первые результаты опытов были опубликованы уже в 1902 г. (опытное поле начало функционировать с момента открытия Общества в 1899 г.) агрономом М.И. Хомским, который руководил его деятельностью.²²⁰ С итогами работы данного учреждения также можно было познакомиться на страницах отчётов Козловского сельскохозяйственного общества.²²¹

Устраивая опытно-показательные поля, СХО преследовали две основные цели, которые при правильной постановке дела успешно решались. Во-первых, проведение опытов позволяло выявить и изучить наиболее пригодные к местным климатическим и почвенным условиям виды растений и приёмы обработки земли. Во-вторых, опытные поля наглядным образом демонстрировали преимущество улучшенных культур и новых способов ведения земледелия.

Подавляющее число опытов, проводимых на тамбовских полях, было связано с разработкой наиболее удачных севооборотов. К примеру, на опытно-показательном поле Ежовского сельскохозяйственного общества практиковался четырёхпольный севооборот с пятым запольным клином. Данный участок земли, отведённый под показательное поле, был размером в 5 десятин и 300 кв. сажений.²²² Для сравнения: Козловское опытно-показательное поле занимало площадь в 125 десятин, на нём были возведены два каменных здания – для служащих и лаборатории. В дальнейшем Козловское общество планировало завести здесь образцовое хозяйство и рассадник племенного скота.²²³ Ермишенское и Кадомское общества устраивали показательные участки в надежде распространения кормовых растений.²²⁴

Как видим, СХО решали посредством опытно-показательных полей различные задачи. Устройство этих учреждений признавалось в литературе одним из наиболее перспективных направлений аграрной рационализации.²²⁵

Основной задачей функционирующих при обществах сельскохозяйственных складов являлось снабжение крестьян недорогим качественным инструментом и семенным материалом. Устройство подобных заведений стало возможным во многом благодаря помощи земств. Многие тамбовские СХО начинали свою деятельность именно с устройства таких

²¹⁶ Отчёт Ермишенского общества сельского хозяйства с 1 января по 31 декабря 1913 г., с кратким обзором деятельности общества за 5 лет. Бронницы, 1914. С. 8.

²¹⁷ Отчёт Ермишенского общества сельского хозяйства с 1 января по 31 декабря 1913 г., с кратким обзором деятельности общества за 5 лет. Бронницы, 1914. С. 5.

²¹⁸ ГАТО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 124. Л. 11.

²¹⁹ Отчёт Ермишинского общества сельского хозяйства с 1 января по 31 декабря 1913 года, с кратким обзором деятельности общества за 5 лет. Бронницы, 1914. С. 24.

²²⁰ Адрес-календарь и справочная книжка Тамбовской губернии на 1903 г. Тамбов, 1903. С. 313.

²²¹ Хомский М.И. Главные результаты опытов на Козловском опытном поле в 1904 г. // Отчёт о деятельности Козловского сельскохозяйственного общества за 1904 год. Козлов, 1906. С. 28 – 45; Он же. Культура кормовых средств по данным Козловского опытного поля // Козловское сельскохозяйственное общество. Отчёты общества за 1912 и 1913 года и доклады, читанные в собрании общества. Козлов, 1915. С. 1 – 24.

²²² ГАТО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 155. Л. 197.

²²³ Адрес-календарь и справочная книжка Тамбовской губернии на 1903 г. Тамбов, 1903. С. 313.

²²⁴ Отчёт Ермишинского общества сельского хозяйства с 1 января по 31 декабря 1913 года, с кратким обзором деятельности общества за 5 лет. Бронницы, 1914. С. 8, 25; Отчёт Кадомского сельскохозяйственного общества за 1914 г. С 1 января 1914 года по 1 января 1915 года. Сасово, 1915. С. 8.

²²⁵ Сельскохозяйственная жизнь. 1914. №13. С. 530; Там же. 1914. № 23. С. 751 – 754.

складов, что было связано с острой нехваткой у них сельскохозяйственных принадлежностей. Однако деятельность подобных учреждений не всегда была успешной.

Софьинское общество запланировало устроить склад по продаже предметов первой сельскохозяйственной необходимости на своём первом заседании 28 сентября 1909 г. Для этого нужно было заключить договор с уездной земской управой. В большинстве случаев подобные ходатайства обществ полностью удовлетворялись. Положительный ответ получило и Софьинское общество, однако все попытки наладить торговлю закончились ничем, и весь товар, выданный земской управой, пришлось вернуть.²²⁶ Это объяснялось прежде всего низким уровнем платёжеспособности крестьян.

Почти все образцово-показательные пасеки Тамбовской губернии действовали в тесном контакте с Тамбовским обществом пчеловодства. В 1910 г. это общество признало показательными три благоустроенные пасеки своих членов С.В. Вадковского, Д.А. Богословского и Г.С. Басова. Эти пасеки в течение лета посетило около ста человек, главным образом сельских обывателей. Все они получили ценные указания по разным вопросам пчеловодства.²²⁷

Зерноочистительные и прокатные пункты также занимали видное место среди агрономических учреждений СХО Тамбовской губернии. Если прокатные пункты возникали в основном благодаря поддержке земства либо по инициативе самих обществ, то создание зерноочистительных учреждений по причине дороговизны оборудования было возможно лишь благодаря финансовой поддержке Департамента земледелия.

Прокатные пункты выдавали простой, наиболее распространённый и недорогой сельскохозяйственный инвентарь. Небольшие СХО использовали для их учреждения кредиты Департамента земледелия.²²⁸ Однако содержание таких пунктов не всегда было оправданным с экономической точки зрения. «Прокатная станция ввиду низкой прокатной платы дохода дать не может, так как орудие при обыкновенно неаккуратном обращении с ним изнашивается прежде, чем успевает окупить себя», – говорилось в одном из отчётов Ежовского общества.²²⁹

Масштабы работы зерноочистительных пунктов зависели от влияния СХО, при которых они существовали. Так, только открывшемуся Софьинскому сельскохозяйственному обществу Департамент земледелия выделил в 1910 г. сеялку и сортировку.²³⁰ В процветающем Ермишенском сельскохозяйственном обществе под наблюдением местного агрономического персонала работало четыре зерноочистительные машины, полученные от Департамента земледелия. Всего за год работы ими было очищено 495 пудов ржи и 2299 пудов овса.²³¹

Такие сельскохозяйственные учреждения, как посреднические и рекомендательные бюро, племенные рассадники, ежегодные выставки, потребительские лавки, кустарные и технические комитеты, молочные лаборатории и контрольные семенные станции, были распространены в Тамбовской губернии в наименьшей степени. Однако это отнюдь не означало, что они были менее востребованными.

Как показывал опыт, местные СХО являлись незаменимыми помощниками земств в их агрономических мероприятиях. Только общества были способны создать преемственность в деятельности земских агрономов. Такая взаимная связь была достаточно очевидной. «В тех уездах, где сельскохозяйственные общества получили особое развитие, земство оказывается вынужденным учреждать участковую агрономию»²³², – отмечал С.Н. Прокопович. Только за 1912 г. при содействии тамбовских участковых агрономов было открыто три СХО в Борисоглебском уезде и по два общества в Липецком и Темниковском уездах.²³³

Опыт работы тамбовского земства показывал, что деятельность участковой агрономии достигала наибольшей продуктивности лишь в тех случаях, когда земский агроном опирался в своих действиях на СХО.²³⁴

По мнению членов Козловской уездной земской управы, внедрение новых методов и форм деятельности в деревне наиболее целесообразно было проводить через СХО. Данные организации являлись наиболее деятельными и восприимчивыми к агрономическим улучшениям. Поэтому члены управы в одном из своих докладов 1911 г. местному земскому собранию рекомендовали, чтобы каждый участковый агроном в районе своей деятельности открыл для начала «хотя бы по одному такому обществу и на его собраниях вёл бы беседы».²³⁵

Местные СХО являлись «крестьянскими академиями», преподавателями в которых состояли земские агрономы. Как докладывал

М.З. Резников Екатеринославскому съезду представителей земств и сельских хозяев юга России в 1910 г., «даже сама земская агрономическая работа, без связи с сельскохозяйственными обществами, очень много теряет в своей ценности. Разве можно отрицать то, что все эти лекции, чтения, летучие и систематические плакаты и т.д. гораздо целесообразнее проводить через сельскохозяйственные общества, группирующие в себе наиболее сознательные элементы населения. Обращение агронома к тысячеголовому «сходу» зачастую бывает впустую. Сход, привлечённый к слушанию чтения старостой или туманными картинками, представляющий собой собрание всей деревни хозяйственной и бесхозяйственной, с бабами и детьми, сменяющийся постоянно в своём составе, не может воспринять того, что ему излагается и получается в результате вместо лекции зрелище».²³⁶

²²⁶ ГАТО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 158. Л. 15, 29.

²²⁷ ГАТО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 214. Л. 22.

²²⁸ ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 324. Л. 1 – 119.

²²⁹ ГАТО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 155. Л. 199 об.

²³⁰ ГАТО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 158. Л. 28.

²³¹ Отчёт Ермишинского общества сельского хозяйства с 1 января по 31 декабря 1913 года, с кратким обзором деятельности общества за 5 лет. Бронницы, 1914. С. 5, 26.

²³² Прокопович С.Н. Кооперативное движение в России. Его теория и практика. М., 1918. С. 98.

²³³ Бобынин Н. Агрономическая помощь населению Тамбовской губернии // Сельскохозяйственная жизнь. 1916. 15 июля. С. 137.

²³⁴ Бобынин Н. Агрономическая помощь населению Тамбовской губернии // Сельскохозяйственная жизнь. 1915. № 20 – 24. С. 549.

²³⁵ ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 189. Л. 163, 175 об.

²³⁶ Цит. по: Прокопович С.Н. Кооперативное движение в России. Его теория и практика. М., 1918. С. 98–99.

Однако не всегда удавалось организовать даже зрелище. Так, приехавший в с. Рудовку инструктор по огородничеству и садоводству велел старосте собрать сход, на который явилось лишь несколько человек. Тогда староста пошёл на хитрость и пообещал после лекции поднести три ведра водки. В ответ на такое заявление собрались чуть ли не все домохозяева села.²³⁷

Мероприятия, организованные при поддержке крестьян или односельчан, являвшихся членами СХО, вызывали большее доверие и интерес у общины. Переданная таким образом информация попадала в самую благоприятную среду состоявшей в сельском обществе наиболее активной части села. Состав сельскохозяйственных организаций был относительно постоянным, поэтому даже отрывочные сведения в конечном итоге давали известный цикл знаний, который мог быть усвоен остальными членами общины.

Таким образом, деятельность тамбовских СХО носила весьма разносторонний характер и затрагивала широкий спектр сельскохозяйственных проблем губернии. Наиболее ощутимые плоды приносила совместная работа тамбовских обществ и органов местного самоуправления, института участковой агрономии. За сравнительно короткий промежуток времени тамбовские общества начала XX в. сумели заложить основу и наладить работу целой инфраструктуры различных заведений, сопутствующих развитию сельского хозяйства губернии; обществами был выработан основной комплекс мер, необходимых для улучшения аграрной сферы производства.

Своей деятельностью тамбовские сельскохозяйственные общества меняли сознание сельских жителей, воспитывали в них черты рачительного хозяина и формировали качественно новое отношение к собственности – не только как к средству поддержания существующего уровня жизни, но и как к источнику приумножения богатства и переустройства хозяйственной жизни земледельца на цивилизованных началах.

*Е.В. Алехина, С.А. Есиков, М.Е. Старостин, К.Ю. Хорошун,
П.П. Щербинин, Ю.В. Щербинина*

ЗЕМСТВО И КООПЕРАТИВНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914 – 1918 ГГ.

В годы Первой мировой войны широкая волна кооперативного движения захватила и Тамбовскую губернию. Особенно быстро росли кредитные кооперативы. Во многих уездах имелась полная сеть кредитных товариществ. Сознывая пользу кредитных организаций, население охотно вступило на кооперативный путь для достижения, главным образом, своих хозяйственных целей.¹ Кооперация дала мощный толчок производительным силам деревни, способствовала улучшению сельскохозяйственной техники, подъёму экономического положения крестьянского хозяйства.

В Тамбовской губернии существовали различные виды сельской кооперации для разных экономических групп населения: кредитные кооперативы (кредитные и ссудно-сберегательные товарищества), потребительские кооперативы (потребительские товарищества), производительные кооперативы (производительные товарищеские артели), а также сельскохозяйственные общества, представлявшие собой наиболее удобную среду для деятельности по улучшению хозяйства.

Земства принимали активное участие в кооперативной работе, содействовали широкому распространению кооперативного кредита. Земские участковые агрономы принимали участие в деятельности сельскохозяйственных обществ и товариществ в культурно-просветительном направлении, оказывали возможное содействие в мероприятиях торгово-посреднического характера. Увеличилось число специальных земских органов, предназначенных для обслуживания кооперации – земских касс мелкого кредита. За 1914 г. число их возросло на 30 и на 1 января 1915 г. было утверждено 225. Баланс земских касс за короткое время вырос (на 1 июля 1914 г.) до внушительной суммы – 82 003 100 р.

Земства проводили через кооперативы самые разнообразные начинания как в области улучшения сельского хозяйства, так и закупки сельскохозяйственных предметов, сбыта продуктов земледелия. На кооперативы земства опирались при проведении травосеяния, Липецкое земство передало кредитным кооперативам организацию коневодства в уезде, иногда земства решали выдавать ссуды безлошадным хозяевам только через кооперативы. Через кооперативы земства вели снабжение населения сельскохозяйственными машинами и орудиями, занимались сбытом продовольствия: молочной продукции, зерновых хлебов, принимали участие в закупке товаров.² Таким образом, кооперация, как справедливо указал князь Д.И. Шаховский на общеземском совещании в Ярославле в 1915 г., «явилась детищем земства».³ Если казённые деньги и дали широкий размах учреждению кооперативов и различных артелей, то живую душу в кооперативные начинания вкладывали земские деятели и земские работники.

Как и большинство общественных организаций и учреждений того времени, кооперативы не остались в стороне от обслуживания многочисленных нужд армии и населения. Наряду и совместно с земствами кооперативы приняли участие в поставке продовольствия для армии, помощи семьям запасных и ратников ополчения в уборке урожая, урегулировании цен на предметы первой необходимости и прочих мероприятиях хозяйственной жизни.

Одной из важнейших задач военного времени являлась работа по снабжению армии хлебом. В 1915–1916 гг. на разрешение организации уполномоченного Министерства земледелия по закупке хлеба для армии в Тамбовской губернии Ю.В. Давыдова был поднят вопрос о необходимости привлечения к продовольственному делу и кооперативов. Данный вопрос был поднят организацией не потому, что работа без кооперативов считалась более сложной бы; напротив, намного проще было использовать уже существующий механизм хлебной торговли – хлебные биржи и многочисленных скупщиков. Цель работы кооперативов заключалась в создании такой организации, которая могла бы не только доставить продукты для

²³⁷ Тамбовские отклики. 1914. 2 февраля.

¹ Сельскохозяйственная жизнь. 1916. № 1 – 10. С. 13 – 15.

² Земское дело. 1915. № 1 – 4. С. 166 – 170.

³ Земское дело. 1915. № 20 – 24. С. 1215.

армии, но и выработать новые приёмы хлебной торговли, создать крепкую внутреннюю организацию по ссыпке хлеба, форму отчётности, выработать приёмы определения качества продуктов, научить сортировать их, приучить население к продаже продуктов через кооперативы, дать ему возможность воочию убедиться в преимуществах работы кооперативов перед скупщиками.⁴ Условия закупок для армии облегчали начало кооперативной работы и, устраняя одно из главных препятствий для развития кооперативной торговли – отсутствие рынков сбыта, давали возможность успешно справиться с остальными. Кредитным товариществам, изъявившим желание открыть ссыпные пункты по закупке хлеба для армии, выдавались беспроцентные авансы до 10 тыс. р. на каждое, на станциях уполномоченными отводились для них бесплатные железнодорожные пакгаузы. Активное участие в организации кредитных товариществ для снабжения продовольствием армии приняли кооператоры Моршанского уезда с. Матчерка Т.М. Пономарев, В.С. Фионов, А.М. Мажурин; Тамбовского уезда с. Покрово-Марфино земский агроном В.И. Гудвилович, крестьянин П.С. Аленов, с. Мало-Лазаревское земский служащий М.И. Губанов, инструктор по кооперации А.Т. Жингарев⁵ и другие представители сельскохозяйственных обществ.

В Тамбовской губернии все дела по закупке хлеба для армии велись под флагом кредитных ссудно-сберегательных товариществ. Посредничество по заготовке хлебных продуктов проводилось как отдельными кооперативами, работающими самостоятельно, так и группами кооперативов, объединявшимися на договорных началах около одного какого-либо центрального кооператива. Создание небольших союзных организаций для совместной работы облегчало поставленную задачу. На хлебных станциях крупных кооперативных ссыпных пунктов количество привозимого хлеба в день доходило до 40 тыс. пудов.⁶ Работа в таком крупном масштабе, конечно, являлась непосильной для одного, хотя бы и мощного, кооператива. Так, в Тамбовском уезде в деле закупки продуктов для нужд армии приняли участие 28 кредитных кооперативов, из них 10 работали самостоятельно, а 18 совместно с другими образовали 5 объединённых организаций. За время хлебной кампании 1915–1916 гг., по данным на 1 июня 1916 г., полученным инспекцией мелкого кредита с мест, всеми 28 кооперативами было закуплено 638 950 пудов ржи на 690 441 р. 10 к., до 1 087 250 пудов овса на 1 090 980 р. 6 к. и 5 060 пудов проса на 5 947 р. 10 к.⁷ Приведённые цифры говорят о том, что посредническая операция по закупке хлеба, организованная кооперативами, велась в довольно широких размерах. Общее руководство по организации объединений кооперативов принадлежало правлению земских касс мелкого кредита, которые оказывали им в пределах возможного самое широкое содействие.

В основном земские власти привлекали кооперативные организации к приёмке необходимого продовольствия на станционных пунктах. В Тамбовской губернии благодаря отзывчивости кооперативов и энергии земских самоуправлений удалось в короткое время создать почти на всех станциях союзы кредитных кооперативов, также союзы или ссыпные пункты отдельных кооперативов удалось организовать и во многих сёлах, где ссыпался хлеб преимущественно от безлошадного населения. Наиболее крупные ссыпные пункты союзов кооперативов были открыты на станциях Ржакса, Сампур, Кариан-Строганово, Селезни, Сабурово, Богоявленск, Старо-Юрьево, Ламки, Бенкендорф-Сосновка, Избердей, Мордово, Токарёвка, Хворостянка, Жердевка, Есипово, Умёт, Терновка, Борисоглебск, Дрязги, Лебедянь, Лутошкино, Кирсанов, Волконское.⁸

Кооперативы при поставке хлеба для армии принимали хлеб на комиссию, покупали за твёрдый счёт как от своих, так и от посторонних лиц. Они имели полную возможность заключать договоры с уполномоченными на поставку определённого количества продуктов по определённым ценам. Дальнейшее направление хлеба зависело уже от центрального органа, который ведал сбытом собранных партий. Кооперативы не только приобретали зерно, но и перерабатывали его в муку и крупу.

В самом начале работы население, привыкшее иметь дело со скупщиками, вывозило хлеб прямо на базар. При этом цены, которые давали скупщики, были ниже цен кооператива часто на 25 – 30 к. Очень скоро, однако, население начало привыкать к кооперативной ссыпке хлеба и стало вести хлеб уже не на базар, а прямо на кооперативные ссыпные пункты и не в базарные дни, как прежде, а ежедневно. Крестьянам, хотя и приходилось ожидать иногда очереди день и два, но сильного недовольства не было. Таким образом, крестьянство видело в кооперативе «полного заместителя скупщика».⁹

В целом земско-кооперативную деятельность в Тамбовской губернии при организации хлебных поставок для армии можно оценить положительно. Тамбовская губерния в полном смысле слова являлась житницей России. Общая производительность сельскохозяйственного промысла губернии достигала 120 млн. пудов. Вывоз за пределы её в некоторые губернии достигал 50 млн. пудов. Правильная организация хлебной торговли позволяла сохранить в губернии до 18 млн. р., которые расходились по карманам скупщиков¹⁰. До февраля 1916 г. всеми кооперативами¹¹ Тамбовской губернии было ссыпано овса около 6 млн. пудов, ржи и муки около 3 млн. пудов¹². За 1915–1916 гг. земства совместно с кооперативами закупили в губернии 12 млн. пудов, муки и ржи 9 млн. пудов, а всего 21 млн. пудов¹³. Но главное заключается в том, что в условиях заготовительного кризиса осенью 1916 г. устояли только железные крепости земско-кооперативного движения.

Сколько было закуплено хлеба различными организациями и скупщиками по вольным ценам, остаётся неизвестным. Неудивительно, что хлебные цены быстро пошли вверх. В борьбе с дороговизной Тамбовское земство также шло рука об руку с кооперативами. Кооперативным организациям удалось достигнуть в этом деле определённого успеха. Многие трудности мелкой торговли в сёлах и деревнях в большинстве случаев были устранены. Покупка хлеба кооперативами за твёрдый счёт являлась последним шагом в области хлебной торговли. Этот вид операций оказался наиболее продуктивным. Путь, избранный земством – опереться на кооперативы в борьбе с дороговизной, принёс обоюдную пользу и кооперативам, получившим поддержку от земства, и земству, воспользовавшемуся при распределении продуктов готовыми аппаратами

⁴ Сельскохозяйственная жизнь. 1916. № 1 – 10. С. 32–33.

⁵ Сельскохозяйственная жизнь. 1915. № 7–8. С. 224; № 6. С. 180.

⁶ Там же. С. 41.

⁷ Труды III-го кооперативного совещания при уездной кассе мелкого кредита 26–27 июня 1917 г. Тамбов. С. 41, 65.

⁸ Сельскохозяйственная жизнь. 1916. № 1 – 10. С. 50.

⁹ Сельскохозяйственная жизнь. 1916. № 1 – 10. С. 13 – 15.

¹⁰ Сельскохозяйственная жизнь. 1916. № 13 – 15. С. 397.

¹¹ Сельскохозяйственная жизнь. 1916. № 1 – 10. С. 53 – 58.

¹² Там же. С. 60–61.

¹³ Черменский С.М. От крепостного права к Октябрю. Тамбов, 1928. С. 63.

потребительских обществ. Таким образом, образовался контакт общественных организаций, вполне отвечающий последнему слову кооперативной мысли.

При организации закупок других видов продовольствия и фуража для армии действовал тот же механизм, что и в случае с хлебом. Кооперативные организации привлекались к приёму на станционных пунктах, выступая в качестве посредника между земствами, продовольственными комитетами и местным производителем сельской продукции.

Первая мировая война требовала от кредитных кооперативов напряжённой работы. Не ограничиваясь только названными операциями, кредитные кооперативы совместно с земствами принимали деятельное участие в оказании помощи семьям призванных на войну солдат: помощь эта выражалась в организации посева и уборке полей солдаток. В этих целях при многих кооперативах, частью за их счёт, а частью на средства, отпущенные в распоряжение земских управ губернским комитетом ВЗС, были образованы прокатные пункты сельскохозяйственной техники.

Кредитные кооперативы принимали участие в сборе пожертвований, участвовали в реализации двух военных займов. Общая сумма подписки на означенные займы выразилась цифрой 224 400 р., из них на долю частных подписчиков приходилось 88 400 р. Из вышеизложенного видно, что обстоятельства военного времени предъявляли кредитным кооперативам всё новые требования, деятельность их становилась более разнообразной и не укладывалась в обычные обязанности, допускаемые уставом данных учреждений и организаций.

К концу войны в Тамбовской губернии не было ни одной волости, в которой не действовали бы потребительские общества. Только по Тамбовскому уезду и г. Тамбову их насчитывалось 85 с девятью отделениями.¹⁴ Всего в губернии всех видов кооперативов насчитывалось свыше 60.¹⁵

На Руси издавна смотрели на войну как на особую беду, народную трагедию, с которой можно было справиться только всем миром. В этой связи кооператоры следовали историческим традициям русского народа, исходя из идеи общественной солидарности. Показательно, что именно кооператоры первыми предложили программу мобилизации хозяйства задолго до того, как этот лозунг стал популярным среди оппозиционных торгово-промышленных кругов весной 1915 г.¹⁶

Подводя итоги земско-кооперативной деятельности, нельзя не отметить, что если Тамбовская губерния и страдала от недостатка товаров из-за обязательных поставок для армии при густой сети потребительских кооперативов, то без них жителям Тамбовской губернии пришлось бы ещё тяжелее и от недостатка товаров, и от вздувания цен. Одни только земства решить всех проблем военного времени не могли.

*Е.В. Алехина, С.А. Есиков, Ю.В. Щербинина,
К.Ю. Хорошун, П.П. Щербинин*

ТАМБОВСКОЕ ЗЕМСТВО И ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ ПОСТАВКИ ДЛЯ СНАБЖЕНИЯ РУССКОЙ АРМИИ В 1914 – 1917 ГГ.

Первая мировая война 1914 – 1918 гг. поставила перед правительством задачу не только боевого, но и продовольственного снабжения армии. В этой ситуации требовалась слаженная работа всей вертикали власти и её тесная связь с органами местного самоуправления и общественными организациями.

Меры по координации производственно-хозяйственной деятельности государство стало проводить уже с первых дней войны. Повышенное внимание уделялось проблемам устойчивого снабжения армии продовольствием. Тамбовская губерния в числе других, не находящихся на военном и осадном положении, согласно указу от 24 июля 1914 г., была объявлена на положении чрезвычайной охраны.

Уже 30 июля 1914 г. было объявлено о введении повсеместно прямых государственных хлебных закупок. При этом государство руководствовалось стремлением по возможности ближе подойти к производителю, минуя многочисленных посредников. Руководство заготовкой и закупкой продовольствия министр земледелия и землеустройства А.В. Кривошеин возложил на особого уполномоченного – тайного советника Г.В. Глинку. На местах были намечены окружные и губернские уполномоченные из числа местных общественных деятелей или же чиновников.²³⁸ Впоследствии на специальном совещании в Ставке было решено, что заготовка продовольствия и фуража для нужд действующей армии в тыловых районах фронта предоставляется исключительно Главному управлению землеустройства и земледелия. Что касается заготовок непосредственно в районе военных действий, то они также велись ведомством земледелия, но отдельные районы выделялись в распоряжение военного ведомства. Все предельные цены, по которым совершались заготовки, нормировались ведомством земледелия.²³⁹

Основным козырем Главного управления землеустройства и земледелия являлось взаимодействие с земствами. На основании постановления Совета министров от 1 августа 1914 г. А.Г. Кривошеин 11 августа утвердил инструкцию по заготовке хлеба для армии. Инструкция оставляла в руках интендантства ответственность за приём и отправку хлеба на фронт. Однако к февралю 1915 г. из-за малочисленного состава интендантства и необходимости оперативного регулирования работы железнодорожного транспорта приём и отправка вошли в обязанности местных уполномоченных, представлявших в большинстве случаев земства. Такая децентрализованная система по заготовке хлеба продолжала существовать до Октябрьской революции 1917 г.²⁴⁰

Во всех уездах были образованы уездные продовольственные комитеты под руководством председателей уездных земских управ, представителей городской управы и городской думы, доверенного уполномоченного по закупке хлеба, где он

¹⁴ Труды III-го кооперативного совещания при уездной кассе мелкого кредита 2 – 27 июня 1917 г. Тамбов, 1917. С. 42 – 49.

¹⁵ Тамбовский земский вестник. 1917. 29 июля.

¹⁶ Лубков А.В. Война, революция, кооперация. М., 1997. С. 23.

²³⁸ ГАТО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 4. Л. 47.

²³⁹ Данилов В., Шанин Т. «Общественная ссыпка» и военно-продовольственная система России в годы Первой мировой войны // Ежегодник: Крестьяноведение. Теория. История. Современность. М., 1997. С. 155–156.

²⁴⁰ Там же. С. 157.

имелся, земских агрономов, представителей кооперативов и других лиц, участие которых было полезным. Хлебозаготовительная работа осуществлялась уполномоченными. В Тамбовской губернии для организации заготовок и реквизиций для нужд армии был создан специальный Комитет, которым руководил председатель Тамбовской губернской земской управы Ю.В. Давыдов. 20 августа 1914 г. он был назначен на должность Уполномоченного управления землеустройства и земледелия по закупке в Тамбовской губернии продуктов для действующей армии. Вся губерния была разделена на 10 районов, во главе которых стояли заведующие. На Ю.В. Давыдова возлагалась обязанность руководить заготовками круп, хлеба, ржи, овса и муки в этих районах.

Первые полтора года Министерство земледелия при участии земств легко справлялось с заготовками для армии. Так, в Тамбовской губернии до 6 октября 1914 г., за 35 дней работы, земские власти закупили у населения более 3,5 млн. пудов хлеба (примерно по 100 тыс. пудов в день), а к 24 ноября 1914 г. – 6 млн. пудов, из которых 4,5 млн. пудов было отправлено в армию. При этом значительную часть хлеба земствам приходилось брать у скупщиков, так как «привлечь к ссыпке кооперативы ещё не успели».²⁴¹ Кроме органов земледелия хлебными заготовками занимались местные власти – губернские управы, которые пользовались правом регулирования цен. Особое пристрастие в борьбе с дороговизной проявили губернаторы и командующие войсками. В циркуляре министра внутренних дел Н.А. Маклакова от 31 июля 1914 г. губернаторам предлагалось «озаботиться изданием в установленном порядке обязательных постановлений, регулирующих цены на предметы первой необходимости».²⁴² Вскоре вся страна покрылась сетью рынков, откуда вывоз продовольствия был запрещён, были введены местные твёрдые цены, которые, конечно, обходились и нарушались. 23 августа 1914 г. тамбовский губернатор А.Л. Салтыков подписал обязательное постановление, которым запрещалось «при продаже, как оптом, так и в розницу, повышение в целях спекуляции и чрезмерной наживы цен на предметы продовольствия и фуража и вообще на главнейшие предметы потребления».²⁴³ Однако единого органа по снабжению армии не было.

Численный состав армии постепенно увеличивался. Кроме того, государству пришлось взять на себя снабжение рабочих и городского населения. Поэтому заготовительные операции правительства с каждым годом расширялись: в 1914–1915 гг. было заготовлено 305 млн. пудов, в 1915–1916 гг. – 502 млн. пудов, в 1916–1917 гг. – 540 млн. пудов различных хлебов.²⁴⁴ Первостепенным для заготовительных организаций оказался вопрос не защиты интересов производителей, а увеличения количественных норм заготовки. На заседании совещания уполномоченных по заготовке хлеба для армии, состоявшемся с 1 по 3 июля 1915 г., главный уполномоченный по заготовке хлеба Г.В. Глинка сформулировал новую политику, которая предполагала «привлечение торговцев с незначительным вознаграждением комиссионного характера». По его мнению, обойтись без скупщиков было «не только невозможно, но в некоторых случаях нежелательно», так как «земская ссыпка, организованная уполномоченными, требовала громадных накладных расходов».²⁴⁵ Однако политика по привлечению торговцев не могла не вызвать сопротивления со стороны некоторых земств. Попрактиковавшись в заготовке для армии, многие земства перестали бояться общественной ссыпки, приобрели уверенность в её осуществлении. Скупка хлеботорговцами хлеба у крестьян, разного рода спекулятивные сделки получили широкое распространение. Так, в Моршанске широко была развита ссыпка хлеба частными скупщиками, так что в город попадала лишь незначительная часть привозившегося хлеба. В связи с этим уполномоченный Главного управления землеустройства и земледелия в Тамбовской губернии Ю.В. Давыдов просил губернатора запретить скупку хлеба на дорогах за пределами города.²⁴⁶ До кампании 1916 г. государственным заготовительным аппаратом, используя частных заготовителей, было закуплено до 50% хлебов. В заготовительную кампанию 1916–1917 гг. правительство думало обойтись без посредников и отвергло услуги банков, хотя признавало, что в их руках концентрируется громадное количество зерна.

Хотя до Первой мировой войны только несколько земств, в основном Средневожского региона и Украины, имели опыт поставки хлеба интендантству, уже тогда некоторые высказывали такое мнение: «Если бы военное ведомство ежегодно предоставляло земству постоянно определённую цифру размера заказов для заготовки, причём эти заказы стояли бы не в зависимости от желания или нежелания интендантства, но в зависимости от наличия урожая в губернии, то губернская управа имела бы возможность организовать постоянные кадры опытных лиц, которые бы ведали делом поставок и, что главное, имели бы возможность постоянно устроить ссыпные пункты».²⁴⁷

В августе 1915 г. было создано Особое совещание по продовольствию. На местах появились уполномоченные этого Совещания. Отныне главные заготовительные функции возлагались на Особое совещание, хотя существовали продовольственные органы общественных организаций: ВГС, городских управ, кооперативов и других учреждений. Представитель Особого совещания пользовался правом регулирования цен. Твёрдыми ценами признавались лишь цены, установленные правительством, с ними должны были соразмеряться местные таксы. Однако уполномоченные Особого совещания допускали заготовки организаций и по вольным ценам.

При Особом совещании была организована комиссия по борьбе с дороговизной, которая занималась главным образом таксировкой предметов продовольствия и помощью общественным организациям в проведении продовольственных заготовок. Однако всякая попытка регулирования цен встречала сопротивление не только со стороны торговцев и спекулянтов, но и землевладельцев. Всякий раз, как только в Совещании поднимался вопрос о твердой цене, решение его бесконечно затягивалось, если не проваливалось сразу. Частично регулирование цен проводилось путём местных такс, ограничения вывоза хлеба и других обязательных постановлений.

²⁴¹ Материалы по вопросам продовольственной деятельности / Под ред. А. Чайнова. М., 1917. Вып. III. С. 17, 20.

²⁴² Цит. по: Есиков С.А. Продовольственные заготовки в Тамбовской губернии в годы Первой мировой войны // Армия и общество. Тамбов, 2002. С. 197.

²⁴³ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9090. Л. 153-154.

²⁴⁴ Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С. 480.

²⁴⁵ Данилов В., Шанин Т. «Общественная ссыпка» и военно-промышленные комитеты России в годы Первой мировой войны // Ежегодник: Крестьяноведение. Теория. История. М., 1997. С. 158.

²⁴⁶ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9090. Л. 2.

²⁴⁷ Шанин Т. Изменения в характере «общественной ссыпки» во время Первой мировой войны. Шанс и «конверсия завоеваний» // Ежегодник: Крестьяноведение. Теория. История. М., 1997. С. 157.

К осени 1915 г. выяснилась недостаточность этих мероприятий, и правительство установило твёрдые цены, обязательные для закупки продовольственных и общественных организаций. По сути дела, это была фиксация корректировочных вольных цен. Они существовали до нового урожая 1916 г. Твёрдые цены упрощали хлебозаготовку и сдерживали рост цен. За основу их уровня были приняты средние рыночные цены с небольшой надбавкой. Твёрдые цены вводились постепенно: 5 октября 1915 г. – на овёс, 6 декабря – на рожь, 3 января 1916 г. – на пшеницу, 6 февраля – на ячмень. Для Тамбовской губернии установленные цены выглядели так: овёс – 1 р. 10 к. за пуд, рожь – 1 р. 20 к., пшеница – 1 р. 70 к., ячмень – 1 р. 10 к. за пуд.

Твёрдые цены устанавливались, как правило, в «высшем размере» по сравнению с рыночными. В Тамбовской губернии при рыночной цене на рожь 1 р. 16 к. за пуд была утверждена цена в 1 р. 18 к., на овёс соответственно 1 р. 8 к. и 1 р. 10 к. Поэтому на первых порах твёрдые цены повлекли за собой повышение рыночных цен и некоторое оживление торговых операций. В целом же введение твердых цен желаемых результатов не принесло, цены продолжали расти. В Тамбовской губернии к началу 1916 г. цены на пшеницу выросли на 71%, на рожь – 39%, на овес – 16%.²⁴⁸ В целях искоренения спекулятивных сделок и обеспечения хлебозаготовок 17 февраля 1915 г. вышло положение «О некоторых особых мероприятиях по заготовлению продовольственных припасов для нужд армии и флота», наделившее местные власти новыми правами: запрещать вывоз сельскохозяйственной продукции за пределы своей губернии; устанавливать предельные цены на хлеб и фураж, закупавшиеся для армии; реквизировать продукты по сниженным на 15% ценам. По поводу реквизиций, которые применялись чрезвычайно осторожно, торговые круги подняли бурю протеста, они объясняли ими чуть ли не расстройство хлебного рынка. 21 сентября 1916 г. министры земледелия и внутренних дел – А.А. Риттих и А.Д. Протопопов – особой телеграммой ещё раз предупредили об осторожном применении реквизиции.²⁴⁹ Предоставленное местным властям Положением 17 февраля 1915 г. право реквизиции использовалось ими довольно редко. Так, в 1915 г. этим правом воспользовался уполномоченный губернского уездного земского собрания в Борисоглебском и Спасском уездах в отношении торговцев и крестьян, имевших хлеб в надежде на дальнейшее повышение цен.²⁵⁰ Главным образом властями применялась угроза реквизиций как устрашающий фактор.

Дальнейшая практика заготовительной работы показала, что установленные твёрдые цены необходимо повысить, так как из-за отсутствия общего регулирования рынка рост цен на частном рынке проходил очень быстро и твёрдые цены оказались намного ниже рыночных. Владельцы хлеба задерживали его, срывая заготовку хлеба. В этих случаях земским уполномоченным приходилось нередко идти на прямое нарушение политики твердых цен. Как показало обследование продовольственного положения в городах, проведённое ВГС в конце января 1917 г., такие нарушения имели место очень часто.

9 сентября 1916 г. председатель Особого совещания по продовольственному делу утвердил новые твёрдые цены: на рожь – 1 р. 50 к. – 1 р. 57 к., на овес – 1 р. 64 к. – 1 р. 66 к. В то же время рыночные цены были заметно выше: 2 р. 17 к. за пуд ржи и 1 р. 63 к. за пуд овса.²⁵¹

Еще в начале июля 1915 г. в Москве на совещании уполномоченных впервые была проведена примерная развёрстка предлагаемого к заготовке количества хлебов по губерниям на 1915–1916 гг. В Тамбовской губернии планировалось заготовить 12 млн. пудов овса и 6 млн. пудов ржаной муки.²⁵² Урожай в 1915 г. в Тамбовской губернии выдался хороший. Всех хлебов было собрано 196,3 млн. пудов, вместо 159 млн. пудов.²⁵³ Тем не менее в условиях военного времени хлебозаготовительная работа земств была сопряжена с многочисленными трудностями. До января 1915 г. закупки в Тамбовской губернии производились в совершенно нормальных условиях. Но в ноябре под влиянием спроса на муку и овёс из столиц цены стали подниматься и очень скоро превзошли предельные. Ходатайство уполномоченного по закупке хлеба для армии и продовольственному делу Ю.В. Давыдова о повышении цен на 5 к. было отклонено, и в ноябре–декабре 1915 г. закупки в губернии приостановились. Лишь в конце декабря 1915 г. поступило распоряжение Министерства земледелия снова начать закупку и повысить цены, но было уже поздно. Объявленная повышенная цена была значительно ниже рыночной и с каждой неделей отставала от неё. В феврале 1916 г. Тамбовская губернская земская управа получила распоряжение покупать продукты по рыночным ценам. Но цены вновь поползли вверх.²⁵⁴

Осенью 1916 г. положение с заготовками и погрузками хлеба значительно ухудшилось. Регулирующие мероприятия правительства и твёрдые цены не обеспечивали снабжение армии и страны хлебом. На съезде уполномоченных в конце августа 1916 г. была предпринята погубернская развёрстка хлебов для кампании 1916–1917 гг. В Тамбовской губернии первоначально предполагалось заготовить 20 млн. пудов ржи. При определении развёрстки не принималась во внимание товарность хлебов. Так, в Тамбовской губернии в 1916 г. общий сбор ржи составил 58,930 млн. пудов, количество товарной ржи определялось в 20,12 млн. пудов.²⁵⁵ Это означало, что вся товарная рожь должна была пойти на выполнение развёрстки.

29 ноября 1916 г. министр земледелия А.А. Риттих подписал, а 2 декабря было опубликовано постановление «О развёрстке зерновых хлебов и фуража, приобретаемых для потребностей, связанных с обороной». 7 декабря последовало окончательное определение норм губернских поставок. Всего развёрстке подлежало 771,1 млн. пудов пшеницы, 270 млн. пудов овса и ячменя и 28,1 млн. пудов проса и гречихи. Развёрстка по Тамбовской губернии устанавливалась в следующих размерах: рожь – 24,592 млн. пудов, овес – 225 тыс. пудов, просо – 4,650 млн. пудов, а всего 34,467 млн. пудов.²⁵⁶

Развёрстывать поставку хлеба должны были не только губернии, имевшие излишки хлеба, но и те, которые сами нуждались во ввозимом хлебе: Вологодская, Новгородская, Костромская и др. Но и в тех губерниях, где по учётным данным

²⁴⁸ Есиков С.А. Указ. соч. С. 199.

²⁴⁹ Сидоров А.Л. Указ. соч. С. 479 – 482.

²⁵⁰ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9449. Л. 58 об., 59.

²⁵¹ Есиков С.А. Указ. соч. С. 199.

²⁵² Есиков С.А. Продовольственные заготовки в Тамбовской губернии в годы Первой мировой войны // Армия и общество. Тамбов, 2002. С. 199.

²⁵³ Черменский С.М. От крепостного права к октябрю. Тамбов, 1928. С. 63.

²⁵⁴ Материалы по вопросам организации продовольственного дела / Под ред. А. Чайнова. М., 1917. Вып. III. С. 21.

²⁵⁵ Журнал чрезвычайного Тамбовского губернского земского собрания 4 января 1917 г. Тамбов, 1917. С. 32–33.

²⁵⁶ Цит. по: Сидоров А.Л. Указ. соч. С. 479.

были показаны излишки хлеба, в действительности их не оказывалось. В материальных обследованиях городов сообщается: «Сама развёрстка хлеба произведена была губерниями неизвестно из какого расчёта, иногда ни с чем не сообразно, возлагая на некоторые губернии совершенно непосильный для них убыток». Земскому уполномоченному по закупке хлеба Тамбовской губернии Ю.В. Давыдову представлялось право отказаться от развёрстки, если бы он имел возможность доставить необходимое количество хлеба путём добровольной покупки его у населения.

Министерство земледелия планировало провести развёрстку в сжатые сроки, за 35 дней: к 14 декабря 1916 г. закончить поуздную развёрстку, не позднее 20 декабря – по волостям, до 24 декабря – по сёлам, а 31 декабря – подворную. Но эти расчёты не оправдались. Вызвал критику как необоснованный сам размер развёрстки. Со всей определенностью об этом заявил председатель Тамбовской земской управы Ю.В. Давыдов на совещании представителей уездных управ, которое проходило 14–15 декабря 1916 г. в Тамбове: «Не считая себя вправе сознательно вести население к бунту и голоду, губернская управа не находит возможным производить развёрстку в указанных Министерством земледелия размерах», так как количество хлеба, назначенное по развёрстке на Тамбовскую губернию в отношении ржи и проса, «совершенно не соответствует избыткам этих хлебов в губернии и не могут быть поставлены ни при каких условиях и, если будет применена военная реквизиция, население Тамбовской губернии будет обречено на голод в течение 3–4 месяцев»²⁵⁷. В заключение совещание председателей уездных управ постановило произвести развёрстку лишь в том размере, как было назначено в губернию по первоначальному наряду, за вычетом уже поставленного хлеба, а именно: ржи – 17 млн. пудов, овса – 5,225 млн. пудов, проса – 930 тыс. пудов, причем «распределить всё подлежащее поставке количество хлеба по месяцам так, чтобы большая часть его приходилась на время до 15 марта» и лишь «незначительное количество оставить на май и июнь, так как примерно с 25 марта уже начиналась распутица, а потом посев».²⁵⁸

Отсутствие в Положении принципов исчисления развёрстки по уездам и волостям приводило к весьма произвольному её распределению местными властями, что вело к повышению норм потребления, отказам от развёрстки и протестам против неё. Так, в волостях Козловского уезда вопрос о развёрстке рассматривался на сельских сходах, разъяснения давали земские начальники. После обстоятельного обсуждения принимались приговоры в основном следующего содержания: «Причитающееся количество ржи с сельских обществ, развёрстанное волостным сходом, сельские общества поставить не могут, а поставят то количество ржи, которое окажется лишним сверх необходимого количества питания семей крестьян и прокорма скота».²⁵⁹ По развёрстке Козловской уездной земской управы Изосимовская волость должна была сдать 42 644 пуда ржи, сельские сходы «приговорили» поставить лишь 10 834 пуда. Жидиловская волость, «как малоземельная и имевшая большое количество едоков», от поставок ржи с надельных земель была освобождена.²⁶⁰ В сообщениях же из Павловской, Сергиевской, Никифоровской и других волостей отмечалось, что развёрстка хлебов прошла благополучно, хлеб поступает исправно.

Основная тяжесть развёрстки ложилась на крестьянские хозяйства. Некоторые сходы распределяли задание только между надельными землями, на частновладельческие же развёрстка не распространялась.²⁶¹

Вопреки расчетам правительства намеченные сроки срывались. На 25 декабря 1916 г. Тамбовская губерния по объёму поставок выполнила развёрстку на 67,2%. Правительство приняло решение о продлении сроков развёрстки до 1 марта 1917 г.

С 15 февраля 1917 г., т.е. через полтора месяца после окончания срока развёрстки, по уездам был развёрстан 91% наряда. В уезды развёрстка попала с большим опозданием – начало развёрстки приходилось на 6 января 1917 г. – и с «сомнениями в возможность её выполнения без ущерба для удовлетворения местных потребностей». Лишь около 10 уездов выполнили развёрстку на 97%.²⁶² О других сведениях не было. О развёрстке по волостям были лишь отрывочные сведения, но и они не обещали ничего хорошего: в некоторых волостях было развёрстано то количество, которое требовалось, а «часть волостей не доверстала или совершенно отказалась от развёрстки». О развёрстке по сёлам и отдельным хозяйствам сам министр земледелия ничего не мог сказать.

Более поздние сведения, полученные уже при Временном правительстве, показывают, что, по данным 2 070 волостей, ими принята развёрстка на 118,2 млн. пудов, из числа которых сельскими сходами было развёрстано по домохозяйствам 67,7 млн. пудов, а «общие итоги развёрстки среди крестьян едва ли достигают 100 млн. пудов, а может быть, и ещё менее».²⁶³ Это было в конце апреля и мая 1917 г., когда заканчивался заготовительный год.

Таким образом, к обязательной поставке хлеба для нужд армии привлекалось население всех губерний и областей империи. При этом Особое совещание по продовольственному делу возложило право проводить реквизицию в случае отказа населения от добровольной продажи хлеба на губернское земство с правом выработать твёрдые цены, а также земства и заменяющие их органы получили исключительные права запрещать регулировать и разрешать вывоз хлеба из губерний и областей.

С продовольственного вопроса пришлось начинать свою деятельность по регулированию хозяйственного положения Временному правительству. Новая власть пошла по тому же пути, но ещё более решительно, издав 25 марта 1917 г. постановление «О передаче хлеба в распоряжение государства и о местных продовольственных органах».

Весной 1917 г. у истощённой Тамбовской губернии земства смогли взять ещё до 5 млн пудов хлеба для армии и голодающих губерний.²⁶⁴ Поуздная развёрстка на август–сентябрь 1917 г. для хлебной части Тамбовской губернии, в которую входили Борисоглебский, Усманский, Липецкий, Моршанский, Козловский, Лебедянский, Тамбовский и Кирсановский уезды, выглядела следующим образом.²⁶⁵ При прочтении поуздной развёрстки на август–сентябрь 1917 г.

²⁵⁷ Журнал Тамбовского чрезвычайного губернского земского собрания 4 января 1917 г. Тамбов, 1917. С. 39.

²⁵⁸ Там же. С. 40 – 42.

²⁵⁹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9666. Л. 1.

²⁶⁰ Там же. Л. 1, 4 – 7.

²⁶¹ Там же. Л. 1.

²⁶² Сидоров А.И. Указ. соч. С. 479.

²⁶³ Там же. С. 479 – 498.

²⁶⁴ Журнал совещания Тамбовского губернского продовольственного комитета за 1917 г. Тамбов, 1917. С. 58.

²⁶⁵ Там же. С. 77.

многие представители уездов, прежде всего причисленных к I разряду хлебных уездов, высказали недовольство. Так, Лысов, гласный Кирсановского земства, заявил, что цифра в 1 млн. пудов для частновладельческих хозяйств Кирсановского уезда «фантастична». На основании опыта прежних лет ему «известно, что частновладельческие хозяйства давали 1 млн. при хорошем урожае, но в этом году урожай составляет 60%, и, таким образом, можно надеяться получить не более 600 тыс. пудов. Помимо того, хлеб к 1 октября не будет обмолочен и доставлен на станцию».²⁶⁶

Для реализации плана развёртки земским властям приходилось прибегать к жёстким мерам, направленным на пресечение вывоза хлеба из губернии. На основании закона о хлебной монополии от 25 марта 1917 г. весь хлеб поступал на учёт губернского продовольственного комитета, в связи с чем покупка и продажа частными лицами и учреждениями без разрешения продовольственных органов воспрещалась. Никакие учреждения и комитеты, кроме продовольственных, не имели права выдавать разрешение на торговлю хлебом и его перевозку. Все такие разрешения считались недействительными. Разрешения на вывоз хлеба из одного уезда в другой и за пределы губернии выдавались только Тамбовским продовольственным комитетом, согласно губернскому плану снабжения армии и населения. В случае неподчинения населения комитетам при отчуждении или переписи хлебных запасов виновные подвергались ответственности, а хлеб реквизировался по твёрдой цене со скидкой 50%.²⁶⁷

Несмотря на действовавшее законодательство, продовольственное дело в губернии в 1917 г. шло трудно, так как граждане, у которых отчуждался хлеб в распоряжение государства, упорствовали в отдаче хлеба, несмотря на разъяснение продовольственной управы и земских властей на местах, ссылаясь на то, что им «дорого стоила уборка хлебов урожая текущего года», и не везли большей частью излишка хлеба на сыпные пункты. Крестьяне придерживали хлеб, продавая его только в меру своих неотложных потребностей. Некоторые зажиточные крестьяне сами не давали хлеба и других подговаривали не сдавать. Например, крестьянин с. Лысье Горы Тамбовского уезда П.Е. Стрыгин отказался приносить продовольственную карточку для сдачи хлеба в количестве 506 пудов и при том выразился так: «Не дам и закажу десятерым не давать». И действительно, по подстрекательству П.Е. Стрыгина другие также не везли хлеб. Крестьяне того же села Ф.В. Каренин и П.В. Рязанов, несмотря на запрет, продали с целью наживы выше твёрдых цен около 1,6 тыс. пудов.²⁶⁸

Пытаясь сгладить отрицательный настрой хлебопроизводителей, вызванный развёрткой, и привлечь население к добровольной сдаче излишка хлеба, земские власти устанавливали льготы для закупок хлеба у крестьян, если он был сортирован и очищен. Кроме того, «за труды по сбору хлеба, причитающиеся с сельских, селенных и волостных обществ и крестьянских товариществ», уполномоченным Министерства земледелия предоставлялось право выдавать вознаграждение в размере 5 к. за пуд, если этот хлеб доставлялся к сроку к железнодорожным станциям. Те, кто доставлял не только всё назначенное по развёртке количество хлеба, но и сверх того не менее 1/10 части этого количества, получали за излишек по 10 к. за пуд сверх твёрдой цены и стоимости доставки.²⁶⁹ Подобная система поощрительных мер в некоторых случаях имела действие. Так, крестьянин всё того же с. Лысье Горы Тамбовского уезда П. Д. Колодин сознательно доставил 144 пуда ржи по отчуждаемой продовольственной карточке.²⁷⁰ Как бы то ни было, земства Тамбовской губернии в 1917 г. предоставили для продовольствия армии 20 млн. пудов хлеба и 6 млн. пудов овса.²⁷¹

Тамбовская губерния традиционно относилась к районам хлебных избытков, поэтому в годы Первой мировой войны испытала всю тяжесть правительственного заказа на поставку хлеба для армии. Оценить работу земских властей в деле организации поставок хлеба для армии позволяют телеграммы министра земледелия А.А. Риттиха. 3 декабря 1916 г. А.А. Риттих разослал уполномоченным телеграммы в зависимости от успехов деятельности земских властей в организации продовольственных поставок для армии. В группе получивших строгие нарекания оказались воронежский, курский, пензенский, рязанский, симбирский, тульский и харьковский уполномоченные. К средней принадлежали бессарабский, вятский, екатеринославский, казанский, нижегородский, орловский, елецкий, таврический и черниговский уполномоченные. Лучшая группа включала пермского, полтавского, самарского, саратовского, тамбовского и уфимского уполномоченных. Тамбовский уполномоченный в классификации А.А. Риттиха оказался в числе лучших, что свидетельствует о хорошей постановке заготовительного дела в губернии, успех которого целиком и полностью зависел от местных самоуправлений. Деятельность земских властей Тамбовской губернии в организации закупок хлеба, несмотря на сокращение производства хлебов за время войны, в основе которого лежало сокращение населения и понижение урожайности за отдельные годы, многочисленные ограничения со стороны правительственных структур, достигла заметных успехов. Как свидетельствовали отчёты уездных и губернской земских управ, Тамбовское земство предоставило для армии назначенное количество хлеба.

При проведении хлебозаготовительных мероприятий по распоряжению отдела заготовок учитывались прежде всего интересы армии и её обеспечение. Для населения они хотя и имели значение, но только косвенное: устанавливались твёрдые цены (одна из мер по борьбе с дороговизной), эти цены были обязательными лишь при продаже хлеба уполномоченным по закупке для армии, частная продажа не воспрещалась, но при первом требовании хлебные продукты должны были уступаться для продовольствия армии.

Во время войны сильно возросло потребление мяса. Многомиллионная армия первоначально получала паёк в размере одного фунта мяса в день на человека. Затем были введены мясопустные дни, сначала два, а потом четыре раза в неделю. Мясо стали заменять рыбой.

Расход мясных продуктов на армию возрастал с каждым годом войны, хотя армия снабжалась мясом в крайне недостаточном количестве. По данным «Справки о количестве продуктов, заготовленных для фронта уполномоченными Министерства земледелия с начала войны по 1 июля 1917 г.», сохранившейся в делах Министерства земледелия Временного правительства, в армию было отправлено мяса, солонины, живого скота, консервов в переводе на мясо, а также рыба.

²⁶⁶ Там же. С. 71–72.

²⁶⁷ Там же. С. 72 – 74.

²⁶⁸ Тамбовский земский вестник. 1917. 25 июля.

²⁶⁹ Журнал Тамбовского чрезвычайного губернского земского собрания 4 января 1917 г. Тамбов, 1917. С. 63–64.

²⁷⁰ Тамбовский земский вестник. 1917. 25 июля.

²⁷¹ Журнал совещания Тамбовского губернского продовольственного комитета за 1917 г. Тамбов, 1917. С. 59.

По этим сведениям можно судить, насколько тяжела была для Российского скотоводства поставка скота для армии. Несмотря на возрастающие поставки рыбы, расход скота был очень большим и на третьем году достиг 2,5 млн. голов.

В России, по данным на 1914 г., имелось около 43 млн. крупного рогатого скота, 83 млн. овец и коз и 15 млн. свиней. В 1914 г. снабжение мясных рынков и армии шло без всяких затруднений, и цены на мясо за весь год были ниже, чем в 1913 г. Уход мужского населения на войну вызвал потребность в деньгах на обеспечение семьи, нехватка кормов в 1914 г., усилили сбыт крестьянами скота во второй половине 1916 г. В течение 1915 г. потребление мяса возросло по сравнению с предшествующими годами, так как для армии требовалось от 3 до 4 млн. голов скота.²⁷²

Земства определяли в 1916 г. сокращение основного фонда скота на 5 – 7 млн. голов. Лишний скот был на окраинах, в Азиатской России, откуда очень трудно было доставить его к центру потребления. Это вынуждало правительство проводить реквизицию в областях, расположенных ближе к фронту. Снабжение армии было почти всецело монополизировано правительственной организацией, взявшей на себя обязательства довольствовать мясом не только армию, но и всё население страны. Поступление мяса на частный рынок резко сократилось. В обстановке общего роста цен, нехватки продовольствия и мяса, непрерывных перебоев в доставке мяса цены на него сильно поднялись: июльская цена 1916 г. по сравнению с ценой июня 1917 г. возросла до 190%, а в Москве – до 215%; в четырёх других крупных городах цены на мясо за то же время поднялись на 180 – 220%.²⁷³

Для довольствия армии мясом до 1 января 1917 г. требовалось до 3,5 млн. голов скота. Не считая возможным добыть такое количество скота путём свободной покупки, Министерство земледелия приняло решение приступить к обязательной принудительной поставке скота для обеспечения армии. Чтобы смягчить отрицательные последствия массового принудительного отчуждения скота, Особое совещание по продовольственному делу наметило план реквизиции скота при непосредственном участии органов местного самоуправления: губернские земства наделялись правом производить реквизицию в случаях отказа населения от добровольной продажи скота и мяса. При распределении поставок скота учитывалось состояние скотоводства губерний. Тамбовская губерния не только не имела избытков скота и говядины, но требовала их привоза со стороны, и потому ей нелегко было поставить «сколько-нибудь значительное количество скота». Указанное обстоятельство отразилось на реквизиционном проценте. Для Тамбовской губернии норма поставок составила 7%.²⁷⁴

По предварительному подсчёту Отдела заготовок в течение 1916 г. (до 1 января 1917 г.) Тамбовская губерния должна была дать 60 тыс. голов скота, или в переводе на мясо – 600 тыс. пудов. Во избежание «перерыва» в снабжении армии поставка должна была начаться не позднее 1 апреля 1916 г.²⁷⁵

Заготовками мяса и сала руководил уполномоченный Главного управления землеустройства и земледелия по заготовкам мяса и сала в Тамбовской губернии К.Н. Песков. В этой отрасли встретились самые большие препятствия со стороны крестьян, потому к реквизициям стали прибегать практически с самого начала войны. Всё это объясняется вполне естественными причинами. Крестьяне не хотели терять скот. Отношение к лошади и корове в крестьянской среде всегда было особым, а их приобретение – делом сложным. Цены на мясные продукты не возмещали полностью ущерба от потери скота, и купить на полученные деньги что-нибудь взамен при быстрорастущих ценах не представлялось возможным. Потому практически с самого начала войны на мясо и мясопродукты цены были фиксированными, и, как только заканчивались закупки, они сразу же подсакивали. В 1916 г., для того, чтобы нормально произвести заготовки мяса, были приняты крайние меры, предусматривалась административная ответственность за все возможные способы уклонения от реквизиций скота.

Мобилизации лошадей имели тот же эффект. Крестьяне, используя всевозможные предлоги, отказывались не только отдавать или продавать их для нужд армии, но и не хотели исполнять военно-конскую повинность, доставляя призванных воинов от пункта сбора до железнодорожных станций.

Земства имели право реквизировать всякий годный скот, предназначенный для убоя (крупный рогатый, овец, свиней), оказавшийся у скотопромышленников. От реквизиции освобождался лишь скот, закупленный для снабжения земских, городских, волостных и Красного Креста больниц и лазаретов, а также молочный скот хозяйств, поставлявших молоко в данные учреждения губернии. Такие хозяйства периодически, раз в два месяца, предоставляли в городские управы удостоверения от названных учреждений с указанием молока, «ежедневно ими поставляемого».²⁷⁶

При реквизиции на горожан и крестьянские дворы распространялось общее правило: освобождались однокоровные семьи, двухкоровные, при составе семьи не менее десяти душ, третья корова реквизировалась. Однако практика первой реквизиции показала, что многокоровных (три и более) крестьянских хозяйств недостаточно, а потому реквизиции подлежали и двухкоровные хозяйства. Для частновладельческих и крестьянских хозяйств реквизируемый молочный скот составлял 50%. Лица, скрывавшие скот и уклонявшиеся от реквизиции путём передачи его подставным лицам или фиктивной продажи, несли ответственность.²⁷⁷

Чтобы справиться с планом поставки и смягчить отрицательные последствия массового принудительного отчуждения скота, 4 апреля 1916 г. Тамбовская губернская управа приняла решение о запрещении вывоза скота и мяса из губернии и установлении твёрдых цен. Однако, по поступавшим в Министерство земледелия сведениям, запрещение вывоза скота и мяса внесло расстройство в снабжение мясом крупных центров и учреждений, работавших на оборону. Не утвердив временно для всех губерний цены для обязательной продажи скота, Министерство земледелия отдало распоряжение об отмене ограничений вывоза мяса из губерний, надеясь, что в этих условиях земства, пользуясь правом реквизиции, справятся с поставленной задачей без каких-либо осложнений. Таким образом, предоставленные земствам широкие полномочия, предусматривавшие интересы местной сельскохозяйственной жизни, были отняты, и роль земства в деле снабжения армии

²⁷² Журнал Тамбовского губернского земского собрания чрезвычайной сессии 26 мая 1916 г. 1916. С. 26–27.

²⁷³ Сидоров А.Л. Указ. соч. С. 471–472.

²⁷⁴ Экономическое совещание при главном комитете ВЗС, 1916 г. М., 1916. С. 149.

²⁷⁵ Журнал Тамбовского губернского земского собрания чрезвычайной сессии 18 марта 1916 г. Тамбов, 1916. С. 29 – 31.

²⁷⁶ Журнал Тамбовского губернского земского собрания чрезвычайной сессии 18 марта 1916 г. Тамбов, 1916. С. 34 – 41.

²⁷⁷ Журнал Тамбовского губернского земского собрания чрезвычайной сессии 26 мая 1916 г. Тамбов, 1916. С. 18 – 22.

продовольствием была ограничена, а намеченные губернским собранием твёрдые цены (6 р. за пуд при весе 12 пудов, плюс по 10 к., за больший вес – до 8 р.) заменены более низкими. Для скота в 15 пудов и ниже в Моршанском, Спасском, Шацком, Темниковском и Елатомском уездах – 5 р. 50 к., для остальных уездов – 5 р. 20 к. При этом в северных уездах скот по качеству был хуже, а себестоимость, благодаря хорошему обеспечению кормовыми угодьями, ниже, чем в других уездах, где скот лучше по качеству, но себестоимость выше.²⁷⁸

Результат первой реквизиции скота в Тамбовской губернии с точки зрения качества полученного мяса был плачевный. Скот, доставляемый для армии, был нередко недостаточно откормлен, значительное количество мяса портилось при перевозке. В Липецком и соседних с ним Козловском и Борисоглебском уездах реквизировали совершенно тощий скот с убойным весом немного выше 40% от живого, между тем как хороший скот давал 55 – 60%. Уничтожены были тёлки и молочные коровы, а в степных областях – рабочий скот. По губернии из основных отраслей животноводства пострадало большей частью овцеводство. Численность овец сократилась за период с 1912 г. по 1917 г. на 17%. Коневодство и скотоводство осталось на прежнем уровне. Но война дала значительное увеличение коз и свиней. Это объясняется тем, что на свинину в годы войны был большой спрос именно в силу государственных закупок.

Реквизиция скота производилась приёмными комиссиями под руководством представителя земской управы, при участии земских ветеринарных врачей и местных людей по указанию управы. Приёмные комиссии руководствовались особо выработанными инструкциями. Земские власти опасались, что реквизиция до 1 января 1917 г. нанесёт непоправимый ущерб сельскохозяйственной жизни губернии, подорвёт санитарное благополучие уездов и «вызовет при недостаточности молочного питания для детей усиленную детскую смертность».²⁷⁹

По данным на 1 декабря 1916 г. по восьми уездам, на 1 ноября по пяти уездам, на 1 октября по одному уезду наряд на поставку Тамбовской губернией 60 тыс. голов скота в 1916 г. выполнен так: рогатого скота сдано 45 138 голов, овец – 88 893, свиней – 3173, мяса – 4184 пуда 14 фунтов. Кроме того, было выпущено из губернии с зачётом в поставку скота 1339 голов свиней, 5784 пудов свинины, 3650 пудов сала, 2850 пудов окороков. При переводе овец, свиней, мяса, сала и свинины на крупный рогатый скот поставка 1916 г. выражалась в следующих цифрах: рогатым скотом поставлено 45 138 голов, овцами – 11 110, свиньями – 1057, мясом – 418 пудов, свининой – 992, свиньями, «выпущенными с зачетом в поставку» – 448 пудов, выпущенной на тех же условиях свининой – 771 пуд, салом – 486, окороками – 380. Всего поставлено таким путём 60 798 голов скота, т.е. перепоставлено на 798.²⁸⁰

Первоначально при определении наряда по поставке скота в 1916 г. отдел заготовок Министерства земледелия имел в виду потребность в мясе лишь действующей армии. В 1917 г. кроме армий продовольственному обеспечению подлежали также тыловые воинские части, фронтовые организации общеземского и городского союзов, Красного Креста и учреждения, работающие на оборону. По этому наряду поставка скота в 1917 г. всем губерниям и областям России была увеличена в 1,5 – 2 раза по сравнению с 1916 г. Так, для Тамбовской губернии наряд составил 91 741 голову скота, вместо 60 тыс. По расчётам отдела заготовок, Тамбовская губерния могла дать без нарушения основного состава стада 181 вола – 0,2% общего количества крупного рогатого скота; 42 011 коров – 5%, 61 693 головы молодняка от одного до двух лет – 7,3%.

Кроме нехватки мяса испытывался острый недостаток в коровьем масле. Уже в 1915 г. снабжение армии маслом было признано возможным при условии использования всех запасов страны, поэтому в сентябре 1915 г. был запрещён экспорт масла за границу.

Основным поставщиком товарного масла была Сибирь, где основной фонд скотоводства терпел меньший урон, чем в Европейской России. Формирование огромной армии означало отвлечение с рынка значительного количества живого масла для армии. По упоминавшейся выше справке о количестве заготовленных и отправленных на фронт продуктов, в первый год заготовительных операций – с начала войны до 15 июня 1915 г. – было отправлено в армию 1,124 млн. пуда масла, во второй год – по 1 июля 1916 г. – 1,535 млн. пудов и в третий – по 1 июля 1917 г. – 2,761 млн. пудов.²⁸¹ Таким образом, в 1916–1917 гг. потреблялось масла больше, чем до войны потребляла вся страна. Если в отношении хлебных продуктов учётные данные показывали излишек хлеба против нормы потребления, то неизбежность «масляного голода» становится очевидной. Фактическое положение дел на местах подтверждает этот вывод.

Недостаток жиров для армии требовал замены коровьего масла салом и растительным маслом, заготовки которых значительно возросли. В связи с этим отдел заготовок установил обязательную поставку свиней. Однако незначительность предложения сала на рынке Тамбовской губернии затрудняла его заготовку, и рассчитывать на большее количество в таких условиях не приходилось. Объявленная реквизиция свиней неблагоприятно отразилась бы на интересах местного населения. В связи с этим губернское и уездные земства организовали заготовку сала, как путём закупки готового, так и живых свиней.

Размер поставки свиней в 1917 г. составлял 1/3 назначенного количества свиней для губерний со «скороспелым» свиноводством и 1/4 с «позднеспелым». При таком наряде поставка свиней для Тамбовской губернии составляла 84 728 пудов мяса и 8 918 пудов сала. Выполнение данного наряда управа распределила между отдельными уездами пропорционально наличному количеству скота и свиней в уездах.²⁸² В поставку зачислялась всякое мясо – говяжье, баранье, свиное, а также живой скот.

Осуществить установленный отделом заготовок Министерства земледелия продовольственный наряд на 1917 г. Тамбовской губернии полностью не удалось. С 1 июня 1917 г. дело поставки скота и мяса перешло из ведения губернской земской управы в ведение губернского продовольственного комитета. По проекту инструкции отдела заготовок Министерства продовольствия, сообщённому на продовольственном съезде, состоявшемся в Москве 25 мая 1917 г., работу по поставке скота и мяса предполагалось распределить иначе. Продовольственный наряд на 1917 г. для Тамбовской губернии был изменён следующим образом. Общий наряд Министерства земледелия теперь составлял 65 195 голов скота,

²⁷⁸ Журнал Тамбовского губернского земского собрания чрезвычайной сессии 21 апреля 1916 г. Тамбов, 1916. С. 11 – 13.

²⁷⁹ Журнал Тамбовского губернского земского собрания чрезвычайной сессии 26 мая 1916 г. Тамбов, 1916. С. 37–38.

²⁸⁰ Журнал Тамбовского чрезвычайного губернского земского собрания 4 января 1917 г. Тамбов, 1917. С. 49.

²⁸¹ Сидоров А.Л. Указ. соч. С. 474.

²⁸² Журнал Тамбовского чрезвычайного губернского земского собрания 4 января 1917 г. Тамбов, 1917. С. 49 – 51.

или 553 566 пудов мяса, 107 013 голов свиней, или 535 065 пудов свинины и 107 013 пудов свиного сала, всего 1 088 631 пуд разного мяса и 107 013 пудов сала. Всё это количество было определено для продовольствия местных гарнизонов, разных учреждений, работающих на оборону, и столичных городов. Наряд распределялся на две части: одна предназначалась для армий тыловых войсковых частей, фронтовых организаций Городского и Земского Союзов и Красного Креста, столиц и губерний, не располагающих нужным количеством мясного скота; другая – для местного населения городов и рабочих посёлков.

Первая часть наряда Тамбовской губернии в 974 тыс. пудов разного мяса поступала в непосредственное заведывание центральных органов Министерства земледелия, вторая – распределялась местными губернскими продовольственными комитетами совместно с земскими властями под общим руководством Министерства продовольствия и определялась в зависимости от наличности населения.

Исходя из данного общего наряда на мясо, распределение его между отдельными уездами и волостями производилось также пропорционально сумме наличного количества всех животных в уездах и волостях, числившихся по переписи 1916 г., впредь до установления его новой переписью текущего года, после которой предполагались соответствующие поправки.²⁸³

Новый наряд был меньше прежнего на 114 631 пуд разного мяса и не определял поставки сала, которое входило в общее количество наряда на мясо. Тем не менее земства опасались, что реквизиция нанесёт непоправимый ущерб сельскохозяйственной жизни. Трудности усугублялись ещё тем, что, «принимая во внимание крайнее затруднение в приспособлении скота в живом весе, а также ещё большее затруднение в доставке и в особенности в вывозе его из соседних губерний, Тамбовская губерния не в состоянии поставить скот». Покупная стоимость скота не соответствовала установленной стоимости. Как показала практика, пуд мяса целой туши управе обходился свыше 13 р., а продавался на рынке по 10 р. В связи с чем земские власти опасались, что снабжение госпиталей мясом «может быть крайне неаккуратным, и возможны перерывы в 10 – 12 дней».²⁸⁴

За время войны потребность в мясе значительно возросла, и удовлетворить её в полной мере без большого ущерба скотоводства страны возможностей не было. Министерство земледелия предприняло ряд мер, направленных на ограничение потребления мяса во всех районах государства. Повсеместно была введена карточная система распределения мяса в городах и рабочих посёлках: около одного фунта в неделю на душу и регулирование убоя на бойнях в соответствии с этой нормой. Запрещена свободная торговля мясным скотом. Промышленники имели право производить закупку мясного скота только для продовольственных комитетов и лишь с их разрешения. Установлены предельные цены на убойный скот, выше которых всякие покупки и отчуждения из хозяйств были запрещены. Для того чтобы хозяйства заранее знали о предстоящей поставке скота и могли его подготовить, земские власти, волостные и уездные комитеты, по возможности заблаговременно, за 2–3 дня, делали развёрстку подлежащего поставке скота между отдельными земствами.²⁸⁵

Несмотря на предпринятые меры, направленные на реализацию продовольственного заказа для армии и учреждений военного ведомства, в 1917 г. Тамбовскому земству осуществить продовольственный наряд полностью не удалось из-за последовавших в России революционных событий.

Реквизиция скота являлась крайней мерой для армии, и если бы её удалось избежать, заменив какими-либо другими, более мягкими мерами, то, конечно, от этого выиграло бы то самое земство, которому её приходилось осуществлять. Вот почему всеми планами на проведение поставки использовались приёмы, которые ослабляли размеры реквизиции и интенсивность её применения. В числе их наиболее действенное значение имели всякого рода льготы и премии в сравнении с твёрдыми ценами, объявленными в реквизиционных планах.

Достаточно слаженно Тамбовское земство действовало при заготовке овощей и сена. Заготовками сена, соломы и овощей для нужд армии руководил Уполномоченный по заготовке для армии сена и овощей в Тамбовской губернии С.Г. Ананьин. В этой отрасли госзаказы было выполнить сложнее. В 1915 г. С.Г. Ананьиным была получена телеграмма, в которой говорилось, что на Тамбовскую губернию ложится заказ в 1 млн. пудов прессованного сена. Такое требование было выдвинуто из-за того, что в 1914 г. заготовки сена и соломы были успешно выполнены, а в 1915 г. ожидался хороший урожай. Из урожая 1914 г. указывалось заготовить 400 тыс. пудов. Урожай был ниже среднего, и основные поставки сена – северные уезды – получили только треть от обычного. Самым крупным оказался Борисоглебский уезд, где травы были засухоустойчивыми. Урожай 1915 г. оправдал все ожидания. В итоге к июлю под руководством Ананьина было заготовлено 1,680 млн. пудов прессованного сена. Подобный результат оказал своё действие, и в 1916 г. Ананьин получил телеграмму с заказом на 2 млн. пудов сена и 0,5 млн. пудов соломы. Урожай был не сравним с прошлогодним, но всё-таки заказ был перевыполнен. Заготовка овощей в Тамбовской губернии производилась двояким способом: путём закупок и отправок сырых овощей и переработки в сушёный продукт. Отправка на фронт сырых овощей: картофеля, капусты, лука и пр. – проводилась главным образом осенью. В остальное время года фронт снабжался преимущественно сушёным продуктом. Так, в 1916 г. земства Тамбовской губернии заготовили 11 тыс. пудов сушёных овощей, что было достаточно для продовольствия только одной дивизии в течение года.²⁸⁶ Принимая во внимание, что Тамбовская губерния в отношении заготовок овощей занимала не последнее место, можно сделать заключение, что эта отрасль хозяйства в России являлась слабо развитой.

Сушка овощей производилась при станции Иноковка на заводе, выстроенном во время войны за счёт отдела заготовок, на средства, предоставленные земской управой, а также частными лицами. Иноковский завод заготавливал около 9 тыс. пудов овощей в год, частные – до 2 тыс. пудов. Частная инициатива в этом деле не могла получить развитие, хотя частные заводы могли дать продовольственному комитету сушёных продуктов 15 – 20 тыс. пудов в год. Одна из причин, «тормозивших дело сушки» в Тамбовской губернии, – канцелярские отношения отдела заготовок, который устанавливал

²⁸³ Журнал совещания Тамбовского губернского продовольственного комитета 3 июня 1917 г. Тамбов, 1917. С. 3 – 9.

²⁸⁴ ГАТО. Ф. 207. Оп. 1. Д. 20. Л. 336.

²⁸⁵ Журнал совещания Тамбовского губернского продовольственного комитета 3 июня 1917 г. Тамбов, 1917. С. 3 – 9.

²⁸⁶ Журнал совещания Тамбовского губернского продовольственного комитета 3 июня 1917 г. Тамбов, 1917. С. 22.

твёрдые цены на сушёные овощи задолго до сбора урожая сырых продуктов, не считаясь ни со стоимостью сырых продуктов, ни с тем обстоятельством, что заготовка этих овощей на своём заводе обходилась вдвое дороже твёрдых цен.²⁸⁷

История организации заготовок сена проходила те же этапы, которые рассмотрены при закупке хлеба для армии. И здесь нежелание реализовать продукты за бумажные деньги, стремление перевести корма в животноводство, которое лучше оплачивает их стоимость и является почти единственным объектом, куда население могло вложить хотя бы часть денег, – всё это в общей сложности приводило к сокращению поставок фуража и взвинчиванию рыночных цен. Кроме экономических условий страны трудность планомерной заготовки сена увеличивалась тем обстоятельством, что вывоз сена из губернии в мирное время был слишком незначительным в сравнении с теми требованиями, которые предъявлял фронт. Вывоз в мирное время составлял 600 тыс. пудов, в то время как наряд на 1916–1917 гг. – 2 млн. пудов сена и 0,5 млн. пудов соломы, а на урожай 1917 г. дан наряд в 3 млн. пудов сена (на каждую волость приходилось около 10 тыс. пудов) и 500 тыс. пудов соломы.²⁸⁸

Хлебный рынок имел вполне налаженный аппарат. Организации заготовок сена приходилось его создавать, так как прессование было известно населению в очень ограниченном количестве. Это обстоятельство, конечно, влияло на уменьшение предложения, и большие партии сена проходили мимо организации. Но главная причина невозможности планомерной закупки сена для фронта состояла в том, что губерния должна была вывозить в 5 раз больше, чем в мирное время. Значит, требовалось отправлять не излишек, а добиваться реализации поставок за счёт уменьшения в Тамбовской губернии района сельскохозяйственных животных. Как и в хлебном деле, заготовке сена не помогали ни твёрдые цены, ни запрещение вывоза, ни реквизиции, и оставался единственно возможный способ, обеспечивающий армию, – это развёрстка, которая осуществлялась, как и в предыдущих случаях с продовольствием, при организации земских учреждений и продовольственных комитетов.

Практика по заготовке сена показала, что на селе приступали к прессовке сена и доставке его к станциям не ранее зимнего пути. И каждый год армия в период августа–сентября переживала фуражный голод, так как в это время подножный корм исчезал, а запасы зимней заготовки были использованы. Земства, не дожидаясь развёрстки сена, приступали к заготовке его самостоятельно и тем самым заготавливали хотя бы часть сена для отправки его в эти месяцы. Развёрстка проводилась после покосов осенью или зимой. Земские уполномоченные производили закупку у кооперативов, крестьянских обществ и частных владельцев по договорам с условием сдачи части сена в летнее время. Заготовка сена также осуществлялась средствами продовольственных комитетов и кооперативных организаций.

На долю земских уполномоченных и агентов продовольственной управы возлагалась только техническая сторона дела, т.е. приёмка сена от населения, прессовка, хранение, отправление по нарядам управы, а также расчёт и отчётность. Таким образом, развёрстка сена, как в случае с хлебными поставками, подлежала ведению земских учреждений, продовольственных уездных и волостных комитетов.

Что касается яровой соломы, то практика прошлых лет показала, что заготовка её в Тамбовской губернии незначительна, и на увеличение закупки надежды не было. Однако отдел заготовок на 1916–1917 гг. определил наряд в 500 тыс. пудов озимой соломы – количество, которое не составило особых трудностей для Тамбовской губернии.²⁸⁹

Текущая работа Тамбовского земства по оказанию продовольственной помощи действующей армии в годы Первой мировой войны сталкивалась прежде всего с организационными вопросами и вопросами раскладки предназначенного для поставки продовольствия и фуража между отдельными уездами и волостями. В годы Первой мировой войны Тамбовскому земству впервые приходилось выступать в роли учреждения, проводящего экономические начинания, имеющие в отношении населения принудительно-обязательный характер. Вся его работа в этой области в течение 1914 – 1918 гг. носила характер культурного, основанного на добровольном соглашении, сотрудничества с населением. С объявлением развёрстки земству пришлось вступить в дело её реализации в губернии, так как проведение этой суровой экономической повинности какими-либо другими организациями могло бы привести к очень тяжёлым и печальным конфликтам. Следует заметить, что к реквизициям местные власти прибегали неохотно. Если без них нельзя было обойтись, производились они продуманно. Земству приходилось выполнять мероприятия, затрагивающие массу всякого рода имущественных интересов. Тем не менее в интересах армии, в интересах сохранения важных отраслей сельского хозяйства, конечно, не могло быть и речи о том, чтобы организовать продовольственное дело на каких-либо иных началах.

Р.Г. Соларев, О.В. Ягов

ВЛАСТЬ, КРЕСТЬЯНСКАЯ КООПЕРАЦИЯ И ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ВОПРОС В РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Работа выполнена при финансовой поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг.

(Государственный контракт № П 663 от 10 августа 2009 года)

Первая мировая война частично изменила отношение власти к кооперативному движению. Масштабная спекуляция, распространение дороговизны, трудности с продовольственным снабжением армии и гражданского населения из-за отсутствия

²⁸⁷ Журнал совещания Тамбовского губернского продовольственного комитета 3 июня 1917 г. Тамбов, 1917. С. 27.

²⁸⁸ Там же. С. 19 – 29.

²⁸⁹ Журнал совещания Тамбовского губернского продовольственного комитета 3 июня 1917 г. Тамбов, 1917. С. 21–22.

отлаженного централизованного аппарата управления материальными ресурсами в условиях «чрезвычайщины» заставили правительство использовать все возможные структуры для предотвращения полной деформации экономики государства.

Кооперативная сеть, охватывавшая накануне войны около половины экономически активного населения страны, безусловно, оказалась привлекательной для центральных и местных властей в области решения финансовых, продовольственных и социальных проблем. Первоначальные опасения по поводу того, что полная мобилизация и последующая война вызовет панику среди вкладчиков учреждений мелкого кредита, сократит количество членов кооперативных организаций и вообще уменьшит потребность в их открытии в последующем, не оправдались. Так, в сентябре 1914 г. управляющий пензенским отделением Госбанка сообщал в Управление по делам мелкого кредита о том, что происходящие события на состоянии кредитных кооперативов никак не отразились. Напротив, вкладные операции в связи с появлением на руках у населения свободных денег увеличились, а злостных неплательщиков процентов по выданным ссудам не наблюдалось. Лишь некоторые учреждения обращались в банк с просьбой отсрочить платежи по кредитам в связи с неурожаем хлебов.²⁹⁰

Особо пристальное внимание власти уделяли сельским кооперативным объединениям, призванным поддержать массу крестьянских хозяйств и спасти страну от продовольственного кризиса. Именно поэтому в правительстве было решено и в военное время оказывать содействие в создании кооперативных организаций крестьянам по всей России. При этом власти пришлось отказаться от реализации каких-либо масштабных проектов финансирования деревни. Ещё 9 июня 1914 г. новым министром финансов П.Л. Барком, сменившим на этом посту В.Н. Коковцова, был подготовлен законопроект, предусматривавший учреждение банков для кредитования кооперативных организаций. Согласно ему, в стране предполагалось создать Управление по делам сельскохозяйственного кредита во главе с товарищем министра финансов и Совет по делам государственного сельскохозяйственного кредита, которые должны были спонсировать и координировать деятельность учреждений мелкого кредита страны. Средства на осуществление запланированных мероприятий уже были включены в государственную роспись доходов и расходов на 1915 г., но свои коррективы внесла грянувшая война: принятие законопроекта было отложено до окончания боевых действий.

В итоге Госбанк лишь продолжил выдавать ссуды учреждениям мелкого кредита, общая сумма которых возросла на 42 млн. р.²⁹¹ Благодаря этому численность кредитных товариществ в 1914 – 1916 гг. увеличилась с 13 тыс. до 16,5 тыс.²⁹² Бурное развитие переживала и потребительская кооперация. Численность обществ в этой сети с 10 тыс. была доведена до 23,5 тыс.²⁹³

В условиях спекулятивной горячки люди увидели в общественных лавках и кредитных организациях главное средство спасения от небывалой дороговизны. В свою очередь, правительство стремилось использовать кооперативный аппарат наряду с другими общественно-политическими организациями для борьбы с повышением цен на предметы первой необходимости частными торговцами. Суть этой борьбы заключалась в активизации деятельности кооперативов в области самостоятельных закупок продовольствия у производителей без посредников и продажи его гражданскому населению. Средства на ведение подобных операций правительство специально выделяло из казны, ссужая их кооперативным организациям под 5% годовых с обязательным условием погашения займа после окончания боевых действий.²⁹⁴ В качестве рекомендации различным товариществам, наряду с органами местного самоуправления, предлагалось создавать продовольственные склады и оттуда вести торговлю продуктами питания и предметами домашнего обихода.²⁹⁵ Иногда местные власти в одностороннем порядке дополнительно субсидировали кооперативные структуры для того, чтобы они могли расширить свою деятельность по борьбе с дороговизной. Эффективность подобных мер была малопродуктивной. Лишь немногие кооперативы откликнулись на призыв властей включиться в борьбу со спекуляцией, считая более выгодным своё участие в поставках продовольствия в действующую армию. Некоторые товарищества делали исключение лишь для своих членов, находящихся в особенно бедственном положении, и осуществляли посреднические операции по обеспечению их предметами первой необходимости.²⁹⁶ Решающая роль в деле продовольственного снабжения гражданского населения всё-таки принадлежала Союзу земств и городов (Земгору) и потребительским обществам, которые составляли конкуренцию частным торговцам, неоправданно завышавшим цены.²⁹⁷

Самой масштабной деятельностью кооперативов стало их участие в государственных хлебозаготовительных кампаниях. Война, породившая колоссальный спрос на всё продовольствие, застала власть врасплох. Крайняя нестабильность в деревне, отсутствие чётко отлаженной системы заготовки/снабжения провиантом армии и гражданского населения – всё это обостряло продовольственную проблему с непредвиденной быстротой. Именно поэтому правительство сразу обратило внимание на кооперативную сеть, обладавшую значительным потенциалом в деле разрешения продовольственных трудностей наряду с Земгором.

Опыт хлеботорговли имелся у кооперативных учреждений ещё в довоенное время. Правительство, стремясь упорядочить эти процессы и вовлечь крестьян в рынок, в 1910 г. разработало проект строительства по всей стране элеваторной сети. К концу 1916 г. только Госбанк планировал ввести в действие 84 элеватора на 58,8 млн. пудов.²⁹⁸ общей стоимостью 40 млн. р.²⁹⁹ Однако реализация столь масштабного проекта из-за нехватки финансовых средств затянулась и не была завершена даже в военные годы. Правительство, на наш взгляд, совершило роковую ошибку: стремление ускорить процесс создания единой элеваторной системы без его должного финансирования предопределило неудачи будущих военно-

²⁹⁰ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 78. Оп. 1. Д. 914. Л. 122–123 об.

²⁹¹ Орлов А.С. Кооперация в России накануне и во время войны. М., 1915. С. 46.

²⁹² Давыдов А.Ю. Свободная кооперация в России (до октября 1917 г.) // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 37.

²⁹³ Там же.

²⁹⁴ Правила предоставления гарантий Государственного казначейства по городским и земским займам в частных кредитных учреждениях для операций по снабжению населения продовольствием и топливом и выдаче городам и земствам ссуд из казны от 18 ноября 1915 г. // ГАПО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 8. Л. 2–2 об., 14–14 об.

²⁹⁵ Постановление московского съезда уполномоченных по продовольствию 25 губерний и областей от 3 – 5 января 1916 г. // Там же. Д. 32. Л. 4–5.

²⁹⁶ ГАПО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 13. Л. 199–199 об., 209, 218.

²⁹⁷ Там же. Д. 9. Л. 7–8 об.

²⁹⁸ 1 пуд = 16,380496 кг.

²⁹⁹ Дякин В.С. Деньги для сельского хозяйства. 1892 – 1914 гг.: (Аграрный кредит в экономической политике царизма). СПб., 1997. С. 271, 273.

продовольственных кампаний. В то время как по всей стране при Госбанке было развёрнуто строительство крупных элеваторов, создание мелких зернохранилищ осталось на откупе кооперативов и земств. В условиях грянувшей войны государственная военно-заготовительная система оказалась неэффективной, а общественная (земская, кооперативная) – слаборазвитой из-за недостатка собственных финансовых средств и ненадлежащей поддержки власти. Так, в Пензенской губернии в 1914–1915 заготовительном году из 216 учреждений мелкого кредита только 15 имели собственные зернохранилища общей ёмкостью 383 тыс. пудов. Ещё 10 кооперативов арендовали склады на 7,9 тыс. пудов.³⁰⁰ Как видно, ни о каком централизованном участии кооперативного движения в продовольственных кампаниях говорить не приходилось. В таких условиях три главные задачи продовольственного вопроса по закупке хлеба у непосредственного производителя, его транспортировке и последующем распределении оказались трудноразрешимыми. Вскоре это привело царское правительство к чрезвычайным мерам по реквизиции продовольствия и откровенно провальной продразвёрстке.

Правовые основы участия кооперативных объединений в военно-заготовительных кампаниях были определены постановлением Совета министров «О порядке закупки и заготовки, по требованиям военного ведомства, необходимых для нужд армии произведений сельского хозяйства и связанных с ним подсобных промыслов» (1 августа 1914 г.). Именно здесь впервые была высказана идея о привлечении к продовольственным кампаниям системы «общественной ссыпки», объединявшей земские агрономические службы, сельскохозяйственные общества и учреждения мелкого кредита. Детальное описание механизма действия военно-заготовительной системы и участия в ней кооперативных организаций содержится в вышедшей позднее инструкции по заготовке хлеба для армии (14 августа 1914 г.), журнале Совета министров «По вопросу о мерах к упорядочению продовольственного дела в Империи» (6 марта 1915 г.) и «Правилах о порядке покупки для надобности армии хлеба из будущего урожая с выдачей задатков под запродаваемые продукты» (17 июня 1915 г.).³⁰¹

В многочисленных документах уполномоченным Министерства земледелия по закупке хлеба и фуража для армии настоятельно рекомендовалось помимо земских агрономических организаций, частных торговцев и отдельных крестьян использовать в качестве поставщиков продовольствия кооперативные структуры. Уполномоченному предоставлялась полная свобода действий в выборе способов и форм организации заготовительных мероприятий, которые могли проходить как на комиссионных, так и на агентурных началах.

В первом случае кооперативы закупали хлеб за свой счёт³⁰² и сдавали его представителю ГУЗиЗ. Учреждения мелкого кредита становились своеобразными агентами-посредниками уполномоченного, самостоятельно действовавшими на местных рынках на свой страх и риск.³⁰³ Кооперативная прибыль от ведения подобных операций зависела не только от разницы между рыночной стоимостью хлебов и твёрдой ценой, по которой они сдавались интендантам, но и от наличия у кооператоров опыта, «хозяйственной жилки», предприимчивости, позволяющей купить на рынке качественное продовольствие подешевле, а государству продать подороже. Риск таких мероприятий был очевиден: колебания цен вследствие инфляции, конкуренция со стороны спекулянтов, сохранение опасности приобретения некачественной продукции могли оставить кооперативные структуры не только без прибыли, но и в убытке. К тому же для осуществления таких мероприятий кооператоры должны были иметь собственный амбар под хранение зерна и соответствующее оборудование для его сортировки и первичной обработки.

Менее рискованным делом было участие кооперативных объединений в продовольственных заготовках на комиссионных началах. Хлеб закупался ими за счёт уполномоченного по твёрдой цене, без какого-либо риска, с получением за свои услуги комиссионного вознаграждения по усмотрению интенданта.³⁰⁴ Такой, по сути, механический способ организации закупок продовольствия был настолько же убыточным, насколько и рискованным: кооперативу вовсе не обязательно было располагать собственными хранилищами зерна; все расходы по хранению, переработке и доставке хлеба и фуража к местам погрузки полностью брало на себя государство, уплачивая поставщику за довольно «скромные» услуги небольшой процент от стоимости поставок.

Заметим, что власть также пыталась превратить кооперативную сеть в мощный «административный ресурс», с помощью которого можно было бы реквизировать хлеб у непосредственных производителей. 15 февраля 1915 г., после предновогоднего повышения рыночных цен на продовольствие, был издан специальный закон, предоставивший начальникам военных округов исключительное право по установлению твёрдых цен на покупку хлебных продуктов для армии. В случае отказа владельцев зерна от продажи своих запасов по предписанной стоимости чиновник имел право реквизировать их по заниженным на 15% ценам.³⁰⁵ В этом, на наш взгляд, проявилась попытка власти переложить всю ответственность за неудачи в хлебозаготовительных кампаниях 1916–1917 гг. на крестьян, которые якобы отказывались сдавать зерно государству за твёрдый счёт в целях спекуляции на «чёрном» рынке. Постоянно повышать предельные цены у властей возможности не было. В условиях инфляции разрыв между фиксированными таксами и рыночной стоимостью хлебных продуктов неумолимо возрастал. Это заставило правительство перейти к введению твёрдых цен на военные закупки в общероссийском масштабе. 26 января 1916 г. было опубликовано постановление Особого совещания по продовольствию об установлении фиксированной стоимости пшеничной муки. Позднее твёрдые цены были узаконены на ячмень и ржаную муку (февраль 1916 г.). Но уже 25 августа 1916 г. на съезде уполномоченных председателя Особого совещания по закупке продовольствия для фронта вопрос об очередном повышении фиксированных цен вызвал ожесточённые споры. В итоге

³⁰⁰ ГАПО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 976. Л. 127.

³⁰¹ Сборник важнейших законоположений и распоряжений, действующих с июля 1914 г. по январь 1916 г., вызванных обстоятельствами военного времени. Петроград, 1916. С. 236–238. См. также: ГАПО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 31. Л. 64, 65.

³⁰² С июня 1915 г. кооператоры для осуществления закупок могли получить от государства задаток в размере 25–40% от стоимости предполагаемых объёмов поставок. Для этого Уполномоченному необходимо было предоставить удостоверение от инспектора мелкого кредита и постановление общего собрания всех членов кооператива о принятии на себя обязательств по договору о поставке продовольствия. Если его условия не исполнялись, кооператив обязывался возвратить сумму задатка в двойном размере // Там же. Л. 64–65.

³⁰³ Там же. Д. 32. Л. 11.

³⁰⁴ ГАПО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 32. Л. 11.

³⁰⁵ ГАПО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 31. Л. 62; Сборник важнейших законоположений и распоряжений, действующих с июля 1914 г. по январь 1916 г., вызванных обстоятельствами военного времени. Петроград, 1916. С. 168–169, 461.

представители Совета министров согласились увеличить стоимость заготовок для ржи и пшеницы на 10%, для овса – на 13%, для ячменя – на 23%.³⁰⁶ Незначительность такого повышения была совершенно очевидной. Уже в декабре 1914 г. рыночные цены по семи главным хлебам поднялись на 16% по сравнению с 1913 г.; в декабре 1915 г. рост составил 53%, а к концу 1916 г. – все 200%.³⁰⁷ Инфляция достигла огромных размеров, превратившись вскоре для правительства в единственно возможный источник доходов. Если на момент вступления в войну в обращение было 1,63 млрд. р. бумажных денег, то на 1 декабря 1916 г. объём денежной массы составил уже 8,383 трлн. р.³⁰⁸

«Скупость» правительства незамедлительно отразилась на процессе хлебозаготовок. Осенью 1916 г. возник частичный дефицит зерновых продуктов: крестьяне и крупные землевладельцы отказались сдавать излишки интендантам по фиксированным ценам.³⁰⁹ Особенно острый продовольственный кризис разразился в армии. Наладить регулярную поставку провианта в условиях нехватки топлива и разрушения транспортной сети становилось всё труднее. Данный факт засвидетельствовал командующий русскими войсками юго-западного фронта А.А. Брусилов. В конце ноября 1916 г. он направил в адрес министра земледелия А.А. Риттиха гневную телеграмму с подробной характеристикой сложившейся ситуации вокруг снабжения продовольствием солдат. Подчеркнув его нехватку, генерал пригрозил приступить к самостоятельным хлебозаготовкам по вольным ценам.³¹⁰ В ответ министр при поддержке всего правительства решился ввести продовольственную развёрстку. Специальное постановление «О развёрстке зерновых хлебов и фуража, приобретаемых для потребностей, связанных с обороной» было издано 29 ноября 1916 г., а вступило в силу с 1 января 1917 г. Согласно ему по губерниям предполагалось развёрстать 771,2 млн. пудов хлебных продуктов.³¹¹ Если производители зерна отказывались сдать продовольствие по твёрдым ценам, то уполномоченный получал право реквизировать его с понижением цены на 15% и вычетом стоимости провоза.³¹² Однако подобные угрозы были бессмысленны: власть переоценила возможности предстоящей развёрстки, необоснованно завysив нормы поставок даже для производящих губерний.

Слабость механизма государственного принуждения и отсутствие принципа экономического стимулирования привели к полному провалу и продовольственной политики, и царского режима. Правительство так и не предложило какой-либо чёткой антикризисной программы, основанной на централизованном регулировании сельскохозяйственного и промышленного производства, последующей транспортировке и распределении хлеба, продовольственных товаров. Это в своих публицистических статьях отмечал известный экономист начала XX в. Н.Д. Кондратьев: «Старый порядок был до преступности беспечен по отношению к деревне. В то время как голод на предметы промышленности и на орудия головокружительно возрастал, старая власть не принимала необходимых мер к регулированию производства этих товаров и к их планомерному распределению. Вся тяжесть регулирования ложилась на сельское хозяйство, и главная часть неудовлетворённых потребностей доставалась тому же сельскому хозяйству».³¹³

Таким образом, сотрудничество государственной власти и кооперации в годы Первой мировой войны выразилось в участии в поставках продовольствия для нужд армии и населения, борьбе с инфляцией и спекуляцией на рынке непродовольственных товаров, а также в привлечении денежных средств на нужды обороны страны через распространение государственных облигационных займов. В условиях спекулятивной горячки люди увидели в общественных лавках и кредитных организациях возможное средство спасения от небывалой дороговизны, а правительству кооперативный аппарат наряду с другими общественно-политическими организациями представлялся разветвлённой и саморегулирующейся системой, способной обеспечить армию и население страны продовольствием и ослабить натиск спекулянтов на внутренних рынках.

Несмотря на многочисленные примеры успешного сотрудничества властей и кооперации, доля её участия в поставках продовольствия для нужд армии и населения потребляющих регионов оказалась невелика и не превысила 15%. Среди главных причин малопродуктивной работы кооперативной сети в этот период следует назвать неэффективную продовольственную политику правительства, оказавшегося неспособным пресечь массовую спекуляцию продовольствием и промышленными товарами на рынке, а также саму организационно-хозяйственную слабость кооперации в рассматриваемый период.

О.А. Сухова

ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Современное прочтение феномена революции как системного кризиса предполагает выделение нескольких стадий его протекания: этическую, идеологическую, политическую, организационную, социальную, охлократическую, рекреационную.¹ Считается, что рекреационный компонент кризиса трудноуловим, и законы «самоорганизующегося хаоса» в социальной среде действуют неявно. Однако в общем ряду неустойчивых признаков завершения кризиса присутствуют концепты, которые поддаются научному измерению. Речь идёт о неизбежности взаимоуничтожения и/или энергетического истощения

³⁰⁶ Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973. С. 483, 485.

³⁰⁷ Литошенко Л.Н. Социализация земли в России. Новосибирск, 2001. С. 156.

³⁰⁸ Кондратьев Н.Д. Бумажные волны // Кондратьев Н.Д. Избранные сочинения. М., 1993. С. 322.

³⁰⁹ Сидоров А.Л. Указ. соч. С. 487.

³¹⁰ Сидоров А.Л. Указ. соч. С. 491, 492.

³¹¹ Китанина Т.М. Война, хлеб и революция (Продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 г.). Л., 1985. С. 256.

³¹² Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революций. М., 1991. С. 200, 202.

³¹³ Кондратьев Н.Д. Снабжение деревни и продовольственный кризис // Кондратьев Н.Д. Избранные сочинения. М., 1993. С. 313–314; См. также: Макаров Н.П. Крестьянское хозяйство России начала века и его интересы // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 122.

¹ См.: Булдаков В.П. Революция как проблема российской истории // Вопросы философии. 2009. № 1.

диссипативных и пассионарных элементов, а также о частичной реставрации прежних политических стереотипов и моделей поведения. Особый статус проблеме выявления подобных признаков придаёт социально-психологическое её прочтение, а следовательно, наиболее эффективным будет мониторинг массовых настроений на предмет обнаружения следов указанных изменений.

В поисках ответа на вопрос о временных рамках последнего этапа революции следует воспользоваться данными уже состоявшейся историографической традиции. Периодизация истории СССР 1920 – 1930-х гг. позволяет остановиться на хронологическом отрезке с довольно размытыми границами: от конца 1920-х до конца 1930-х гг.

Весьма показательно, что в качестве определённой трактовки феномена рекреационных процессов можно представить идею сталинского термидора, рождённого в среде левой оппозиции ещё в 1920-е гг. и составившего основу выдвинутой Л.Д. Троцким теории «преданной революции».² В числе признаков перерождения режима Троцкий приводит отмену ограничений, связанных с социальным происхождением; установление неравенства в оплате труда; приостановку антицерковной пропаганды и т.п. Имеются указания на то, что убеждение в измене Сталина революции доминировало среди «старых большевиков» начиная с 1934 г.³

Версию о сталинском термидоре разделяли не только марксисты. Как правило, основным аргументом в данном случае выступает интерпретация репрессий, затронувших в основном прослойку носителей революционного сознания. Как контрколлективизация сталинские репрессии представлены в работе Р. Такера. Согласно его оценке директивы вождя с 1935 г. приобретают «прокрестьянскую окраску». Проект «Октябрьской революции на селе» провалился, и Сталин переходит на позиции, противоположные тем, которые он занимал до 1929 г. Оказывается, что «не все бывшие кулаки, белогвардейцы или попы враждебны Советской власти». Подобные заявления выглядят совсем пугающе на фоне развернувшихся чисток среди большевиков.⁴

Перестроечная теория о мелкобуржуазном откате СССР в условиях формационного несоответствия⁵ при ближайшем рассмотрении легко трансформируется в концепт об активизации защитной функции института общины, эскалации общинности в массовом сознании, а следовательно, архаизации последнего. Перебесившаяся традиция не только оказывала мощное воздействие на субъектов политического процесса, но и сама подпитывалась содержанием коллективных социальных представлений, прочно укоренившихся в крестьянской ментальности. Исследователи отмечают, что «пролетарская» революция не случайно реактуализировала лексику (включая церковнославянскую), восходящую к XV – XVII вв.⁶

В этом же контексте обращает на себя внимание ещё одна трактовка феномена репрессий. Вследствие чрезмерной концентрации эмоциональных усилий, принесённых на алтарь строительства социализма, потребовалась социальная психодиагностика, политическая аккумуляция коллективного бессознательного. Сублимировались архетипы античной практики остракизма и средневековой «охоты на ведьм».⁷ На другой чаше весов концентрировалась публичность покаяния, нередко не вынужденная, а иррациональная, родственная религиозному чувству.

Тем не менее при всей очевидности признаков термидора в конце 1930-х гг. его истоки необходимо искать намного раньше. В критериальном отношении мерилom происходивших изменений необходимо считать крестьянство. Нельзя оставлять без внимания тот факт, что революция произошла в крестьянской стране, где в основе аксиологических параметров прочно укоренились ценности традиционного общества. Поэтому строительным материалом в деле разрушения и воссоздания хрупкой ткани политического пространства будут выступать представления родового или общинного сознания.

Конечно, точную грань перехода к утверждению идеала власти и признания действующей системы управления законной правопреемницей самодержавия установить крайне затруднительно. Попробуем предположить, что указанные процессы проявятся в 1920-е гг., в эпоху системного межвременья, когда практически все функции испытывали мощнейшее воздействие противостояния традиции и новации.

Определяющими факторами развития политико-правовых представлений крестьянства в период революции выступали деструктуризация системы органов государственной власти и их функционального предназначения и актуализация норм обычного права, являвшиеся прямым следствием архаизации общественного сознания в условиях обострения социально-политического кризиса. Первой и единственной правопреемницей государства в крестьянском понимании постепенно становилась исключительно община, и вся политическая система низводилась до уровня функционирования и взаимодействия отдельных крестьянских миров.⁸ Воплощение крестьянского идеала Правды, тем самым, напрямую соотносилось не столько с идеей «чёрного передела», сколько с торжеством сентенции «всеобщего поравнения», или в ещё более обобщённом виде – принципа эгалитаризма. На мировоззренческом уровне это обернулось усилением массового стремления вернуться к «локальным формам жизни», основанным на натуральных отношениях, к «миру без начальства, миру, парализующему всякую попытку ослабить уравнительность».⁹

Новейшие исследования доказывают востребованность обращения к такому виду исторических источников, как информационные сводки региональных отделов ОГПУ о содержании массовых настроений (при всех претензиях в отношении репрезентативности данного вида источников – случайная / бессистемная выборочность обследования, фиксация исключительно антисоветских смыслов и пр.).

² Багдасарян В.Э. «Загадочный тридцать седьмой»: опыт историографического моделирования // Историография сталинизма: Сб. статей / Под ред. Н.А. Симония. М., 2007. С. 182–183.

³ Багдасарян В.Э. «Загадочный тридцать седьмой»... С. 183.

⁴ Такер Р. Сталин у власти. История и личность. 1928–1941. М., 1997. С. 296–297.

⁵ См., например: Клямкин И. Какая улица ведёт к храму? // Новый мир. 1987. № 11.

⁶ Успенский Б.А. Краткий очерк русского литературного языка. XI – XIX вв. М., 1994. С. 187.

⁷ Багдасарян В.Э. «Загадочный тридцать седьмой»... С. 194.

⁸ См. подробнее: Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания. М., 2008. С. 441 – 485.

⁹ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Новосибирск, 1991. С. 293.

В частности, к основным проблемам организации социального пространства в Пензенской губернии во второй половине 1920-х гг. наблюдатели с завидным постоянством относили признаки деструкции базовых принципов трудовой этики крестьянства, и прежде всего эгалитаризма («...не принимаются принудительные меры к взысканию сельскохозяйственного налога с бедноты, которая даже маленькую сумму не платит, надеясь освободиться совсем, а между тем занимается пьянством и варкой самогона. Зажиточная часть такие взгляды поддерживает, называя бедноту лодырями, избалованными советской властью»¹⁰); выстраивание новых социально-иерархических связей, рождение новых значений в дихотомии «свой – чужой» (антирабочие и антибюрократические настроения): «почему рабочие налогами не облагаются и живут припеваючи вместе с коммунистами за наш счёт, в то время когда крестьянские хозяйства являются истощёнными и терпят нужду»¹¹; «зачем организовывать бедноту, когда в высших органах Власти сидят все большие цари, – Вы думаете нет Николая и у власти сидят рабочие, нет, ни одного рабочего не увидишь у Власти, там все сидят каракулевые воротнички, а нас с лаптями никуда не допускают...»¹²; «обыкновенно преобладает зависть к городу, недовольство рабочим, вплоть до недовольства диктатурой пролетариата, что зачастую поддерживают секретари сельсоветов, работники просвещения и т.п.»¹³). Наконец, следует отметить присутствие оценочных суждений относительно эффективности механизмов властно-политического регулирования («члены правления ничего не делают и лишь пьянствуют»¹⁴; «главным отрицательным фактором, влияющим на настроение крестьян, является массовое злоупотребление низового Соваппарата, в частности местных органов. В некоторых местах губернии этот вопрос обсуждается на всех сходках и собраниях...»¹⁵).

Распространение подобных настроений можно рассматривать как один из стимулов обыденного сопротивления деревни, что проявилось, в частности, в значительном снижении показателей собираемости сельхозналога. Так, по данным региональных структур ОГПУ, «несмотря на ряд указаний местам со стороны ГФО по применению принудительных мер к неплательщикам сельхозналога, желательных результатов пока нет. Поступление за последнее время особенно упало» (на 1 января 1926 г. в Пензенской губернии поступило всего 33,74% от требуемой суммы).¹⁶ В этой же сводке отмечаются факты открытого выражения недовольства налоговой политикой государства. В частности, председатель сельсовета с. Мамлеевки Анучинской волости Чембарского уезда Ф.Е. Сазонов «открыто высказывался против уплаты сельхозналога, так как, по его мнению, из-за недорода собирать его нельзя – незаконно». Будучи избранным в качестве ходока во ВЦИК с ходатайством о выдаче ссуды «на прокормление», Ф.Е. Сазонов встречался с М.И. Калининым. По всей видимости, добиться желаемого ему не удалось, так как на сельском сходе Сазонов заявил, что «...Калинин с посетителями обращается грубо, кричит и стучит ногами и вообще принял его недоброежелательно», чем вызвал всеобщее возмущение односельчан.¹⁷

Аналогичные суждения встречаем в материалах комиссии по работе в деревне, действовавшей при губкоме ВКП(б). Так, в одном из докладов от 25 ноября 1925 г. при анализе крестьянских хозяйств по посеву и рабочему скоту представлена следующая констатация изменений: «Но за революционный период нивелировка шла только до 1921 г. включительно, с этого же г. наблюдаем воскресенье старого принципа дифференциации».¹⁸ В докладе констатируется рост численности безлошадных хозяйств в губернии на протяжении первой половины 1920-х гг.: с 28,2% в 1920 г. до 44,8% в 1925 г. А при анализе арендных отношений подчёркивается, что только хозяйства с посевом свыше 13 десятин земли не сдавали землю в аренду (таковых насчитывалось не более 50), при том что до 60% хозяйств этих групп землю арендовали.¹⁹

В новых условиях произошла подмена понятий, и сохранившееся хуторское землепользование в документах представлено как одна из форм движения крестьян-культурников. В Пензенском госархиве сохранилось несколько уникальных по своему значению обращений крестьян «новой формации» во власть, позволяющих реконструировать спектр социокультурных предпочтений крестьянства во второй половине 1920-х гг. Некоторые письма по своему стилю напоминают скорее философские эссе, чем сухое перечисление собственных достижений или претензий к власти.

Хотелось бы поподробнее остановиться на обращении в адрес заведующего ГЗУ Хабарова крестьянина деревни Куракино Царёвщинской волости Пензенского уезда М. С. Сашенкова. Письмо датировано 12 марта 1928 г. и представляет собой пространный экскурс в прошлое, настоящее и будущее русской деревни в представлениях «хуторянина средней руки». Показательно, что Сашенков не скрывает дореволюционный статус своего хозяйства («я хуторянин с 1914 г.»), не маскируется под образ крестьянина-культурника, хотя это достаточно распространённая модель поведения данной эпохи. Более того, он призывает к дальнейшей хуторизации деревни: «допустить обязательно трудовые хутора, но не менее 8 – 10 десятин на хозяйство», «с разделением на посёлки и хутора (призванные стать «светильниками огромным народным массам»), делать всевозможные поощрения: по лесоразведению, защитной полевой посадке и садоводству и т.д.» (сам Сашенков на 11 членов своей семьи имел 20 десятин). Вместе с тем автор крайне критично относится к сохранению общины и насаждению коллективных форм землепользования: «Сам на свете много видел, много странствовал, читал, но, увы, в коммуны русских всё же верить я не стал»; «община нас с ленью подружила, уроки косности дала, к раздорам, сварам приучила и гнёзда бедности свила»; «коммуны, колхозы и коллективы, поселившиеся когда-то в бывших прекрасных вечных помещичьих постройках, теперь вследствие небрежного хранения и ремонта пришедших в жалкое положение... владеют прекрасной землёй..., но страшно задолжавшие и служить примером не могут».²⁰

Критика передельной практики присутствует у Сашенкова в одном ряду с характеристикой низового советского аппарата, дискредитировавшего, по его мнению, саму идею народовластия: «С 1905 г. у нас почти ежегодно переделы земли полные и неполные, навозное удобрение совершенно не вносится... хотя сельсоветы и доставляют в Статбюро сведения о

¹⁰ Государственный архив Пензенской области (далее ГАПО). Ф. р-2. Оп. 4. Д. 224. Л. 711.

¹¹ Там же. Л. 203.

¹² Там же. Л. 459.

¹³ Там же. Д. 225. Л. 199.

¹⁴ Там же. Д. 224. Л. 207.

¹⁵ Там же. Л. 4.

¹⁶ ГАПО. Ф. р-2. Оп. 4. Д. 224. Л. 12.

¹⁷ ГАПО. Ф. р-2. Оп. 4. Л. 10.

¹⁸ ГАПО. Ф. р-36. Оп. 1. Д. 1004. Л. 228 – 231.

¹⁹ Там же. Л. 231–232.

²⁰ ГАПО. Ф. р-309. Оп. 1. Д. 3683. Л. 244.

вывозке столько-то возов навозу, но это всё врут, волостной совет об этом тоже знает и тоже врёт, навоз пропадает в кучах позади дворов...».

Особое беспокойство вызывает у Сашенкова низкий уровень общей культуры населения и отсутствие каких-либо серьёзных сдвигов в этом отношении к концу 1920-х гг.: агроном посещает Куракино редко, «от своей прямой обязанности» пытается уклониться, «ветеринар один партийный вечно пьяный полусумасшедший параличный мордвин», «все достижения только на бумаге, за исключением грамотности 1-й ступени, молодое поколение действительно поняло буквы и умеет кое-как их складывать, а о мировой географии и о сельскохозяйственной науке совершенно никакого представления не имеет».

И наконец, отдельным блоком в обращении, которое скорее можно охарактеризовать как «крик души» – с таким эмоциональным накалом описывается деревенская повседневность, выступает характеристика аграрной политики государства в конце 1920-х гг.: «В настоящее время у нас проходят хлебозаготовки, госзаймы, самообложение и дообложение и т.п. Агенты переусердствовали, народ обезхлебел, в наступающую весну 1/4 ярового клина не засеется, 1/4 не досадается, в посев семенов да вследствие безкормицы скота не доработается, следовательно, добрая половина ярового клина уже погублена, а что будет за 45 дней до посева, хорошего не ожидаю...».²¹ К своему письму Сашенков приложил ещё и рукописи обращения «Слово хуторянина» и прошения с целью публикации таковых в газете «Трудовая Правда». В «Прошении» Сашенков, как адепт хуторского товарного хозяйства, выступает с позиций защиты архаичного принципа невмешательства государства и земельной аристократии в тот сегмент повседневной действительности, который обеспечивал простое воспроизводство культуры крестьянского хозяйствования («главное – выжить») («safety – first»)²²: «Если у Вас действительно есть стремление к развитию сельского хозяйства, покорно прошу войти с ходатайством перед кем следует о прекращении хлебозаготовок, займов, дообложения в нашей волости. Я не вхожу и не намерен входить в защиту спекулянтов, укрывателей собственного свыше 50 пудов излишков, но прошу в защиту середняка оставить достаточное количество семян на прокорм себя и скота до нового урожая, в противном случае у нас получится так: "то, что любим, то и губим..."»²³.

Стоит заметить, что культурническое движение к концу 1920-х гг. становится весьма заметным явлением, если вызывает определённые формы отчётности в деятельности губернских земельных управлений. Проанализируем некоторые количественные параметры.

1. Крестьяне-культурники в Пензенской губернии в 1927 г.²⁴

Уезды	Общее количество		Общинники	Хуторяне	Социальное положение		
	в среднем на волость	всего			бедняки	средняки	зажиточные
Б. Демьянский	11	93	84	9	12	72	9
Городищенский	20	79	72	7	22	53	4
Краснослободский	16	77	75	2	9	66	2
Нижнеломовский	10	64	61	3	9	42	13
Рузаевский	12	95	89	6	23	61	11
Пензенский	22	146	134	12	18	124	4
Саранский	13	90	87	3	12	77	1
Чембарский	10	69	67	2	5	45	20

Данные таблицы свидетельствуют о наличии серьёзного противоречия между укреплением новых форм хозяйствования и сохранением общины, что создаёт дополнительную угрозу принципу эгалитаризма и впоследствии превратится в фактор аграрной политики государства.

Так, братья П.А. и С.А. Дружинины (деревне Норовка, Нижнеломовского уезда) «ввели в своих хозяйствах полную механизацию. Обрабатывается земля собственными сельскохозяйственными машинами и орудиями, как-то: плугом, культиватором, сеялкой, жнейкой, молотилкой и веялкой. Причём культиватор и веялка собственного изделия. Производят улучшенные приёмы обработки почвы, благодаря чего достигли повышенных урожаев и своей работой заинтересовали окружающее население. Один из них, Павел как член сельсовета руководит сельскохозяйственной секцией»³¹⁴.

С другой стороны, по данным информационной сводки губотдела ОГПУ по Чембарскому уезду за 23 – 30 мая 1926 г., переход от общинного трёхпольного землепользования к многопольному севообороту наблюдался лишь в единичных случаях: «Помехой тому служит маломощность крестьянских хозяйств и встречающиеся неурядицы при землеустройстве». На одном из собраний с. Пустыни в ответ на обращение председателя волисполкома Никулина: «почему у Вас нет избыточных и не ведётся культурная работа, может быть, вы хотите послушать агронома» – крестьяне заявили: «...когда к нам будете посылать агронома, то привяжите ему позади саней вязанку соломы, чтобы мы знали, что едет агроном».³¹⁵

²¹ ГАПО. Ф. р-309. Оп. 1. Д. 3683. Л. 244.

²² Джеймс С. Скотт. Моральная экономика крестьянства. Восстание и выживание в Юго-Восточной Азии. (Реферат монографии) / Современные концепции аграрного развития (Теоретический семинар) // Отечественная история. 1992. № 5. С. 6.

²³ ГАПО. Ф. р-309. Оп. 1. Д. 3683. Л. 247–249.

²⁴ Там же. Л. 139–140.

³¹⁴ ГАПО. Ф. р-309. Оп. 1. Д. 3683. Л. 198.

³¹⁵ ГАПО. Ф. р-309. Оп. 1. Ф. р-2. Оп. 4. Д. 224. Л. 99.

Информаторы ОГПУ с тревогой отмечали, что «наблюдающийся в некоторых районах губернии антагонизм к городу продолжает развиваться. За последнее время со стороны крестьянства замечается враждебное отношение к служащим и лицам, состоящим в профсоюзах. Выносятся постановления о лишении земельных наделов лиц, состоящих где-либо на службе, всех ушедших на подсобные заработки и даже временно работающих на железной дороге». Так, в 1926 г. целый ряд сёл Саранского уезда в нарушение постановления волисполкома самовольно принял решения об отчуждении земельных наделов, мотивируя свои действия следующим образом: «Не двумя кусками пользуйся, а одним». В этом отношении перспективу развития социальных отношений крестьяне связывали с сохранением основного принципа общинного мироустройства: «...рабочие и служащие живут лучше крестьян, но между ними нет равенства. Поэтому нужно уравнивать ставки всем, тогда бы мы скорей пришли к равенству (с. Шишкеево Рузаевской волости)».³¹⁶

Следует также признать, что к концу первого постреволюционного десятилетия в ряду оценочных суждений крестьянства относительно легитимизации новых управленческих структур, признания новой власти, устойчиво доминировали критические высказывания, что не позволяет сделать вывод о завершении системного кризиса к концу 1920-х гг.: «партийное влияние слабое», «партячейки авторитетом не пользуются», «что касается комсомола, то члены последнего ввиду плохих экономических условий из деревни бегут на заработки, поэтому работы никакой не ведётся...» (с. Подгорное, Высокое, Покровское Чембарского уезда); «кроме пьянства нам сельсовет ничего не сделал» (в 1926 г. в с. Адикаевка Нижнеломоского уезда); в сёлах Александровке, Рязановке Рузаевского уезда, в с. Анучино Чембарского уезда, с. Кочелейке Нижнеломоского уезда крестьяне приняли постановления с резолюцией: «Признать желательной организацию «Крестьянского союза» по причине роста «антагонизма между городом и деревней»; в ходе перевыборной кампании комитетов общественной взаимопомощи (ККОВ) в Краснослободском уезде вскрылся «целый ряд злоупотреблений – взятки, попойки, кормишки, – искусственное затягивание работ со стороны землеустроительного аппарата и медлительность разбора спорных земельных дел... отсюда всевозможные нарекания на советскую власть»; особую остроту приобрела проблема обострения отношений крестьянства и милиции (в с. Слободская Лада Саранского уезда начальник волостного района милиции «продолжает пьянствовать систематически и своим поведением развратил и рядовых милиционеров: милиционер Кузовков спился до того, что сбежал из своего района и растерял все дела, 2-й милиционер Агапов в одно время так напился, что в арестантском помещении сломал печку, 3-й милиционер – Селезнёв живёт в с. Пушкине на квартире у самогонщика Лялина, где пьёт чуть ли не ежедневно. Население крайне недоволено».³¹⁷

В этих условиях решение основной задачи власти – освоения пространства населения (а не просто территории)³¹⁸ – встречает серьёзные препятствия, которые резко снижают эффективность рекреационной программы. Наиболее очевидным становится несоответствие формационных параметров, конфликт между объективно востребованным процессом либерализации и общинными институтами. Сохранение революционной риторики, апелляция к принципу эгалитаризма позволяли перевести этот процесс в латентную форму, но не способствовали укреплению новых политических связей.

Идея «государства диктатуры пролетариата», воплощённая в деятельности местных органов власти, априори выражала антагонистическую позицию по отношению к крестьянству. Понимание этого получило широкое распространение в социальных представлениях в российской деревне во второй половине 1920-х гг. Примирить власть и крестьянство в дальнейшем могла только формализация идеи социального поравнения в дополнение к борьбе за чистоту низового партийного и государственного аппарата.

А.В. Двойных

ПРОГРАММА СОЮЗА ТРУДОВОГО КРЕСТЬЯНСТВА

«Антоновщина» – это крестьянская война в Тамбовской губернии в 1920–1921 гг. Своими масштабами, политическим резонансом и последствиями она явилась событием огромной общероссийской значимости. Во многом именно этот мощный социальный взрыв вынудил большевиков изменить свой политический курс и приступить к безотлагательному поиску принципиально новых путей выхода из глубокого общественного кризиса, в котором оказалась страна.

На подконтрольной им территории повстанцы образовали своеобразную «крестьянскую республику». Она охватила территорию Кирсановского, Борисоглебского, Тамбовского уездов с центром в с. Каменка. Вооружённые силы А.С. Антонова сочетали принципы построения регулярной армии (2 армии в составе 21 полка, отдельная бригада) с иррегулярными вооружёнными отрядами.

Проанализируем один из главнейших программных документов «Антоновщины» – Программу Союза трудового крестьянства. Это по зовит лучше уяснить её идеологию, а также охарактеризовать организационную структуру восстания.

Как известно, в настоящее время тексты основных организационных документов тамбовского повстанчества опубликованы. Из них следует, что в 1920–1921 гг. ведущей организацией в крестьянском движении являлся Союз трудового крестьянства (СТК).

На протяжении длительного времени СТК расценивался как эсеровская организация. Эта точка зрения была выдвинута большевиками ещё в период борьбы с повстанцами и продолжала оставаться господствующей в советской историографии до последнего времени. Позиция большевистского руководства в отношении тамбовских повстанцев нашла своё отражение и при составлении обвинительного заключения в суде над партией социалистов-революционеров, проходившем в 1922 г.

Но подобный миф был развеян с публикацией новых документов по тамбовскому восстанию, в том числе и о деятельности СТК. Так, например, тамбовские историки, подробно исследовавшие роль партий правых и левых эсеров в деятельности беспартийных комитетов СТК, пришли к однозначному выводу – ни центральные органы этих партий, ни их

³¹⁶ ГАПО. Ф. р-2. Оп. 4. Д. 224. Л. 120.

³¹⁷ ГАПО. Ф. р-2. Оп. 4. Д. 224. Л. 93, 125, 127, 492, 495.

³¹⁸ Булдаков В. П. Указ. соч. С. 54.

местные тамбовские организации, ни созданный ими под аналогичным названием «Союз трудового крестьянства» «к подготовке, а тем более к руководству "Антоновщиной" не имели прямого отношения».³¹⁹

Этого же мнения придерживается другой тамбовский историк В.В. Самошкин, являющийся на сегодняшний день наиболее активным исследователем «Антоновщины».³²⁰ В своём последнем труде, изданном в 2005 г., он указывает на следующий важный факт: в конце августа – первой половине сентября 1920 г. большинство активных членов эсеровских партийных губкомов и созданных ими СТК были арестованы чекистами. По его мнению, «свой же, "антоновский", "союз трудового крестьянства" повстанцы самостоятельно создадут несколько позднее».

Таким образом, историки пришли к выводу, что в действительности под одним названием действовали две разных организации: одна – созданная эсерами, другая – повстанческая с заимствованием эсеровского названия.

Этот вывод подтверждает опубликованное заявление члена партии социалистов-революционеров Ю.Н. Подбельского председателю Московского совета Л.Б. Каменеву по поводу обвинений в отношении партии социалистов-революционеров и её роли в Тамбовской восстании. В нём однозначно указывается: «Союз трудового крестьянства, организованный весной 1920 г. "правыми" и "левыми" эсерами, был разбит осенью 1920 г. в первые же дни восстания и не имел ничего общего с "Тамбовским губернским Союзом трудового крестьянства", сфабрикованным Антоновым уже в процессе самого восстания». Далее, аргументируя свою позицию, Подбельский пишет: «В этом можно легко убедиться из сравнения программ обоих союзов».³²¹

В связи с этим нам представляется крайне важным провести сравнительный анализ текстов программных документов СТК. Тем более что совет, данный Подбельским в 1921 г., до сих пор не был осуществлён исследователями «Антоновщины».

В нашем распоряжении имеется несколько списков (вариантов) текста Программы, однако среди них нет лицевого варианта, каковым мог быть типографский экземпляр, напечатанный в соответствующий период и имеющий выходные данные типографии. Сохранившиеся в архивах списки текста, как правило, скопированы с другого источника либо с пропусками, либо со значительными искажениями. При копировании использовалась зачастую плохая бумага, карандаш, что повлияло на сохранность этих важнейших документов.³²²

Как уже отмечалось нами, в опубликованном в рамках международного проекта «Крестьянская революция в России» сборнике документов оказался сосредоточен основной комплекс источников по «Антоновщине». В частности, в нём опубликовано два списка Программы Союза трудового крестьянства (СТК): первый был выявлен в Российском государственном военном архиве (РГВА) (в фонде 235 – штаб командующего войсками в Тамбовской губернии) и опубликован в контексте общего документального комплекса; второй был выявлен в Гуверовском институте (США) в коллекции Б. Николаевского и опубликован в приложении к общему комплексу документов. Третий список был выявлен в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) (в фонде 17 – материалы ЦК ВКП(б)). В связи с тем, что его содержание идентично списку из Гуверовского института, информация о нём сообщается составителями сборника в примечаниях. Есть и другие списки Программы, но из-за плохой сохранности и сокращённого текста они не могут рассматриваться как значимые.

По мнению составителей вышеуказанного сборника документов об «Антоновщине», наиболее близким к первоисточнику является список текста Программы, выявленный в РГВА, так как он представляет собой трофейный документ. Остальные – перлюстрация текста Программы. С учётом сказанного важен источниковедческий анализ имеющихся текстов. Попытаемся осуществить его и проанализируем все названные выше списки СТК.

Список текста из РГВА представляет собой рукописную запись чернилами на страницах хозяйственной книги, в которой записаны и другие документы повстанцев; отложилась среди материалов Полномочной комиссии ВЦИК, где была сделана с неё машинописная копия.³²³ Внешние признаки списка Программы и обстоятельства её появления, а также окружающие её материалы позволяют говорить о том, что данный документ относится к трофейным. Следовательно, запись Программы была сделана кем-то из повстанцев, однако запись Программы не датирована.

Опубликованный в сборнике список текста Программы СТК из Гуверовского института (США) входит в состав приложений к докладу «Идеология повстанчества», представленного в марте 1922 г. начальнику штаба Главнокомандующего русской армией.³²⁴ Доклад был составлен информационным отделением Штаба, находящего на тот период в Югославии. Программа не датирована. Важно отметить тот факт, что программный документ повстанцев был передан за границу и его содержание там изучалось. К сожалению, составители сборника об «Антоновщине» не обладали более подробной информацией о самом докладе, иначе их комментарий был бы более подробный.³²⁵

Список текста Программы СТК из РГАСПИ был выявлен среди документов повстанцев, переданных разведывательным отделением Оперативного управления Штаба РККА в ЦК РКП(б). В настоящее время он хранится как приложение к протоколу Оргбюро ЦК РКП(б) от 1 января 1921 г. В связи с тем, что текст этого списка практически идентичен списку из Гуверовского института, составители сборника сочли целесообразным не публиковать его содержание, а ограничиться только комментарием.³²⁶

Таким образом, налицо три варианта текста программы СТК, ни один из которых не имеет собственной даты. Наличие косвенных дат (протокол Оргбюро от 1 января 1921 г.) позволяет утверждать, что наиболее поздняя датировка может быть отнесена к декабрю 1920 г.

³¹⁹ Есиков С.А., Канищев В.В. Антоновский нэп (Организация и деятельность «Союза трудового крестьянства» Тамбовской губернии, 1920 – 1921 гг.) // Отечественная история. 1993. № 4

³²⁰ Самошкин В. В. Антоновское восстание. М., 2005. С. 35.

³²¹ Сб.: Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919 – 1921 гг. «Антоновщина». Тамбов, 1994. С. 245 (док. № 280).

³²² Там же. С. 306 (комментарий составителей).

³²³ Там же. С. 79–80 (док. № 66) (комментарий составителей); РГВА. Ф. 235. Оп. 1. Д. 29. Л. 75, 77 – 78.

³²⁴ См. сб.: Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919 – 1921 гг. С. 293 (приложение № 1).

³²⁵ Там же.

³²⁶ Там же; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 108. Л. 21 – 21 об.

Публикуя программу СТК по списку из РГВА, составители сборника датировали её второй половиной 1920 г. Подтверждением этой даты может служить опубликованный протокол пленарного заседания представителей от полков боевой дружины Тамбовского края от 16 декабря 1920 г.³²⁷ Протокол свидетельствует о том, что губернский комитет СТК (в лице т. Батко) приступил к объединению населения «под знаменем "В борьбе обретёшь ты право своё! (пункт 1) и распространению среди населения воззвания с призывом «о скорейшем свержении тёмного невежественного и столь грубого палача – коммунистического правительства».

Из текста этого протокола, имеющего собственный номер 2, мы узнаём, что на территории губернии уже действуют партизанские отряды, однако вовлечение в них крестьян ещё не стало массовым. Это видно из призыва (пункт 1) «точно разъяснять, для чего создались партизанские отряды и что они хотят делать для угнетённого и разорённого населения России».

Нами установлено, что опубликованные варианты текстов программы СТК отличаются между собой. Хотя эти различия и незначительны, но они важны и нуждаются в пристальном внимании специалистов.

Так, например, список из РГВА имеет 18 пунктов, тогда как гуверовский список и из РГАСПИ – 17 пунктов. Пункт 1 – «Политическое равенство всех граждан, не разделяя на классы» – присутствует во всех трёх списках. Однако в списках текстов из Гуверовского института и РГАСПИ имеется приписка: «исключая дома Романовых» (гуверовский) и «за исключением дома Романовых» (РГАСПИ).

Эти три слова имеют принципиальный характер, так как свидетельствуют об антимоноархическом характере Программы СТК, а следовательно, и всего крестьянского восстания.

Пункт «Прекращение гражданской войны и установление мирной жизни» присутствует только в списке из РГВА. Остальные 16 (17) пунктов были идентичны между собой, имея в ряде случаев незначительные разночтения, что показано в табл. 1.

Из содержания таблицы 1 следует, что налицо практически идентичные тексты за исключением тех небольших разночтений, которые выделены нами шрифтом. Они, скорее всего, могли быть внесены при переписывании текста программы.

Среди них обращают на себя внимание разночтения в преамбуле: слова «ненавистной» и «насильственной» власти имеют разные корни. Видимо, при переписывании слово «насильственной власти» было заменено на «ненавистной власти» с целью подчеркнуть общее отношение к существующей власти.

Отличается по содержанию пункт, касающийся кредитования (соответственно пункты 15 и 14). При переписывании текста слово «личность» было заменено на более важные для крестьянина слова – «для восстановления мелких сельских хозяйств».

То же можно сказать и в отношении поправки в пункте об образовании (соответственно пункты 17 и 16). Здесь более важная и понятная для крестьянства была цель «обязательное всеобщее обучение грамоте», чем «обязательное всеобщее обучение за счёт государства».

Таким образом, сравнение текстов списков позволяет говорить о том, что все они имеют общую основу, при переписывании которой были внесены уточнения с целью доступности отдельных позиций программы для крестьянских масс.

Из содержания приведённых списков Программы СТК можно определить позицию повстанцев по основополагающим вопросам, в том числе:

политического устройства:

- политическое равенство (пункт 1);
- прекращение войны и установление мира (пункт 2), не только внутри страны, но и со всеми иностранными государствами (пункт 3/2);
- созыв Учредительного собрания и выбор политического строя (пункт 4/3);

Таблица 1

Программа СТК из РГВА (вторая половина декабря 1920 г.)	Программа СТК из РГАСПИ и Гуверовского института (конец 1920 г.)
<p>Союз трудового крестьянства своей первой задачей ставит свержение власти коммунистов-большевиков, доведших страну до нищеты, гибели и позора, для уничтожения этой ненавистной власти и её порядка.</p> <p>Союз, организуя добровольческие партизанские отряды, ведёт вооружённую борьбу, преследуя нижеследующие цели.</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Политическое равенство всех граждан, не разделяя на классы. 2. Прекращение гражданской войны и установление мирной жизни. 3. Всемерное содействие установлению прочного мира со всеми иностранными державами. 4. Созыв Учредительного собрания по принципу равного, всеобщего, прямого и тайного голосования, не предпреляя его воли в выборе установления 	<p>Союз трудового крестьянства ставит своей первой задачей свержение власти коммунистов-большевиков, доведших страну до нищеты, гибели и позора. Для уничтожения этой насильственной власти и её порядка Союз организует добровольческие партизанские отряды и ведёт вооружённую борьбу, преследуя нижеследующие цели.</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Политическое равенство всех граждан, не разделяя на классы, <i>исключая дома Романовых.</i> 2. Всемерное содействие установлению прочного мира со всеми иностранными державами. 3. Созыв Учредительного собрания по принципу всеобщего, прямого, равного голосования, не предпреляя его воли в выборе и установлении политического строя, с сохранением права за избирателями отзыва представителей, не выражающих воли народа.

³²⁷ См. сб.: Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919 – 1921 гг. Там же. С. 79 (док. № 65).

<p>политического строя, с сохранением права за избирателями отзыва представителей, не выполняющих воли народа.</p> <p>5. Впредь до созыва Учредительного собрания, установление временной власти на местах и в центре на выборных началах союзами и партиями, участвующих в борьбе с коммунистами.</p> <p>6. Свобода слова, печати, совести, союзов и собраний.</p> <p>7. Проведение в жизнь закона о социализации земли в полном его объёме, принятого и утверждённого бывшим Учредительным собранием.</p> <p>8. Удовлетворение предметами первой необходимости, в первую очередь продовольствием, населения города и деревни через кооперативы</p>	<p>4. Впредь до созыва Учредительного собрания установление временной власти на местах и в центре на выборных началах союзами и партиями, участвующими в борьбе с коммунистами.</p> <p>5. Свобода слова, совести, печати, союзов и собраний.</p> <p>6. Проведение в жизнь закона о социализации земли в полном его объёме, принятого и утверждённого бывшим Учредительным собранием.</p> <p>7. Удовлетворение предметами первой необходимости, в первую очередь продовольствием, населения города и деревни через кооперативы.</p> <p>8. Урегулирование цен на труд и продукты производства фабрик и заводов, находящихся в ведении государства</p>
--	---

Продолжение табл. 1

<p>Программа СТК из РГВА (вторая половина декабря 1920 г.)</p>	<p>Программа СТК из РГАСПИ и Гуверовского института (конец 1920 г.)</p>
<p>9. Регулирование цен на труд и продукты производства фабрик и заводов, находящихся в ведении государства.</p> <p>10. Частичная денационализация фабрик и заводов, крупная промышленность (каменноугольная и металлургическая) должна находиться в руках государства.</p> <p>11. Рабочий контроль и государственный надзор над производством.</p> <p>12. Допущение русского и иностранного капитала для восстановления хозяйственной и экономической жизни страны.</p> <p>13. Немедленное восстановление политических и торгово-экономических сношений с иностранными державами.</p> <p>14. Свободное самоопределение народностей, населяющих бывшую Российскую империю.</p> <p>15. Открытие широкого государственного кредита для восстановления мелких сельских хозяйств.</p> <p>16. Свободное производство кустарной промышленности.</p> <p>17. Свободное преподавание в школе и обязательное всеобщее обучение грамоте.</p> <p>18. Организованные и действующие ныне партизанские добровольческие отряды не должны быть распускаемы до созыва Учредительного собрания и разрешения им вопроса о постоянной армии</p>	<p>9. Частичная национализация фабрик и заводов. Крупная промышленность (каменноугольная и металлургическая) должна находиться в руках государства.</p> <p>10. Рабочий контроль и государственный надзор над производством.</p> <p>11. Допущение русского и иностранного капитала для восстановления хозяйственно-экономической жизни страны.</p> <p>12. Немедленное восстановление политических и торгово-экономических сношений с иностранными державами.</p> <p>13. Свободное самоопределение народностей, населяющих бывшую русскую империю.</p> <p>14. Открытие широкого государственного кредита личности.</p> <p>15. Свободное производство кустарной промышленности.</p> <p>16. Свободное преподавание в школе и обязательное всеобщее обучение за счёт государства.</p> <p>17. Организованные и действующие ныне партизанские добровольческие отряды не должны быть распускаемы до созыва Учредительного собрания и разрешения им вопроса о постоянной армии</p>

– восстановление нарушенных коммунистами прав – всеобщего прямого голосования и отзыв представителей, не выполняющих волю народа (пункт 4/3);

– установление принципа выборности для вхождения в органы власти, как центральные, так и местные; при этом отметим, что не только для партий, но и союзов (пункт 5/4);

демократических прав:

– свобода слова, печати, совести, союзов, собраний (пункт 6/5);

– самоопределение народностей (пункт 14/13);

– право на всеобщее образование, свободное от политики (пункт 17/16);

земельного устройства:

– социализация земли (пункт 7/6);

– поддержка государством мелких крестьянских хозяйств (пункт 15);

экономического устройства и организации торговли:

- допущение капитала в экономику, как русского, так и иностранного (пункт 12/11, 13/12);
- развитие государственного кредита (пункт 15/14);
- налаживание кооперативной торговли (пункт 8/7);
- свободное развитие кустарной промышленности (пункт 16/15);
- ограничение роли государства в развитии промышленности и ценовой политики (пункт 9/8, 10/9);
- установление рабочего контроля на предприятиях (пункт 11/10)

Из перечня видно, что программа СТК включала в себя ответы на самые болевые вопросы, волновавшие крестьян на конец 1920 г.

Как известно, в июле 1921 г. после завершения разгрома основных сил повстанцев председатель Полномочной комиссии ВЦИК В.А. Антонов-Овсеенко представил в ЦК РКП(б) обстоятельный доклад о положении дел в Тамбовской губернии и итогах борьбы с повстанческим движением. Этот доклад был прочитан В.И. Лениным, о чём свидетельствуют его пометы на полях. В настоящее время он опубликован, что позволяет увидеть позицию власти и её оценку крестьянского восстания в Тамбовской губернии, в том числе его причину и политическую программу.³²⁸

Так, по мнению В.А. Антонова-Овсеенко, крестьянское восстание в губернии «было внимательно подготовлено партией эсеров». В отношении программы он указывал: «Программа Тамбовского СТК, являвшаяся исправленным пересказом программы, рекомендованной циркулярным письмом ЦК партии с.-р. (от 13 мая 1920 г.), хорошо отражает социальные вожеления организовавших СТК групп, – здесь и полное политическое равенство всех граждан, «кроме дома Романовых», и представление хозяйственной свободы личности, и денационализация промышленности, и установление твёрдых цен на изделия фабрично-заводской промышленности без установления твёрдых цен на продукты сельского хозяйства и свобода кооперации, и свобода преподавания в школах».³²⁹

В какой степени В.А. Антонов-Овсеенко оказался прав с точки зрения оценки роли партии эсеров в крестьянском восстании в Тамбовской губернии? Чтобы ответить на этот вопрос, проведём сравнительный анализ выявленных нами текстов программ левых эсеров и Тамбовского СТК.

Хотя мы и не имеем текста вышеупомянутого в докладе Антонова-Овсеенко циркулярного письма ЦК партии эсеров от 13 мая 1920 г., но всё же в состоянии провести анализ предложенной левыми эсерами Программы Тамбовского СТК. Речь идёт о проектом варианте программы, выявленном специалистами в различных архивах. Он не имеет собственной даты, однако имеет подпись – губернский комитет левых эсеров, что позволяет утверждать о связи между циркулярным письмом ЦК партии эсеров и вариантом программы губернского органа партии.

Итак, проанализируем программы левых эсеров и Тамбовского СТК.

В первую очередь обращает внимание существенная разница в количестве пунктов. Если в утверждённой программе Тамбовского СТК имеется 18/17 пунктов, то в рекомендованном проекте – только 8. Из этих восьми в программе были учтены только семь, которые практически целиком вошли в окончательный текст программы Тамбовского СТК, а в ряде случаев были значительно дополнены. Для наглядности приведём табл. 2.

Из содержания таблицы хорошо видны коренные различия между существующими вариантами программ. При наличии общего призыва к всеобщему вооружённому восстанию «для свержения насильников-коммунистов» программа Тамбовского СТК предусматривала также окончание гражданской войны и установление мира.

Также видно, что предложенный эсерами вариант был значительно расширен и уточнён в выдвигаемых Тамбовским СТК программных требованиях. Несомненно, что в его окончательном оформлении просматривается присутствие грамотных, как в политических, так и в экономических вопросах, авторов. Принадлежность их к партии эсеров явно налицо. В то же время обращают внимание следующие противоречивые места этих двух программных документов.

В частности, вопросы о власти. Левые эсеры ни слова не говорят об Учредительном собрании, тогда как в программе Тамбовского СТК его созыв является важнейшим условием нормализации политической жизни в стране. Постоянная власть, по мнению левых эсеров, должна иметь выборные начала с «прямым и равным числом голосов всей трудящейся массы» (пункт 4); Тамбовский СТК уточняет этот пункт программы, оставляя право выбора политического строя за Учредительным собранием, избранным на условиях «равного всеобщего прямого и тайного голосования» (пункт 4).

Органом временного управления государством левые эсеры называют «Революционный союз Комитета трудового крестьянства» (пункт 3), тогда как Тамбовский СТК временную власть видит прежде всего выборной из представителей союзов и партий, «участвовавших в борьбе с коммунистами» (пункт 5).

Таблица 2

Программа СТК из РГВА (вторая половина декабря 1920 г.)	Проект программы Союза трудового крестьянства, предложенный левыми эсерами (без даты)
Союз трудового крестьянства своей первой задачей ставит свержение власти коммунистов-большевиков, доведших страну до нищеты, гибели и позора, для уничтожения этой	1. Всеобщее вооружённое восстание для свержения насильников-коммунистов.

³²⁸ См. сб.: Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919 – 1921 гг. С. 239 – 243 (док. № 278). В сборнике документ публикуется по экземплярам: копия – Архив УФСК РФ по Тамбовской области (Д. 4306. Л. 226); РГВА. Ф. 235. Оп. 5. Д. 133. Л. 18.

³²⁹ Там же. С. 231 (док. № 278).

<p>ненавистной власти и её порядка, Союз, организуя добровольческие партизанские отряды, ведёт вооружённую борьбу, преследуя нижеследующие цели.</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Политическое равенство всех граждан, не разделяя на классы. 2. Прекращение гражданской войны и установление мирной жизни. 3. Всемерное содействие установлению прочного мира со всеми иностранными державами. 4. Созыв Учредительного собрания по принципу равного всеобщего прямого и тайного голосования, не предрешая его воли в выборе установления политического строя, с сохранением права за избирателями отзыва представителей, не выполняющих воли народа. 5. Впредь до созыва Учредительного собрания, установления временной власти на местах и в центре на выборных началах союзами и партиями, участвовавших в борьбе с коммунистами. 6. Свобода слова, печати, совести, союзов и собраний 	<ol style="list-style-type: none"> 4. Власть постоянная должна быть на выборных началах прямым и равным числом голосов всей трудящейся массы. 3. Временное управление государством должно перейти в Революционный союз Комитета трудового крестьянства. 5. Свобода печати, слова, свобода личности и свобода вероисповеданий
--	---

Продолжение табл. 2

<p>Программа СТК из РГВА (вторая половина декабря 1920 г.)</p>	<p>Проект программы Союза трудового крестьянства, предложенный левыми эсерами (без даты)</p>
<ol style="list-style-type: none"> 7. Проведение в жизнь закона о социализации земли в полном его объёме, принятого и утверждённого бывшим Учредительным собранием. 8. Удовлетворение предметами первой необходимости, в первую очередь продовольствием, населения города и деревни через кооперативы. 9. Регулирование цен на труд и продукты производства фабрик и заводов, находящихся в ведении государства. 10. Частичная денационализация фабрик и заводов, крупная промышленность (каменноугольная и 	<ol style="list-style-type: none"> 2. Достижение закона о социализации земли.

<p>металлургическая) должна находиться в руках государства.</p> <p>11. Рабочий контроль и государственный надзор над производством.</p> <p>12. Допущение русского и иностранного капитала для восстановления хозяйственной и экономической жизни страны.</p> <p>13. Немедленное восстановление политических и торгово-экономических сношений с иностранными державами.</p> <p>14. Свободное самоопределение народностей, населяющих бывшую Российскую империю.</p> <p>15. Открытие широкого государственного кредита для восстановления мелких сельских хозяйств.</p> <p>16. Свободное производство кустарной промышленности.</p> <p>17. Свободное преподавание в школе и обязательное всеобщее обучение грамоте</p>	<p>6. Открытый широкий кредит государства для улучшения сельскохозяйственного производства.</p> <p>7. Широкий кредит на восстановление школ, как сельских, так и городских, а также курсы и университеты</p>
--	--

Продолжение табл. 2

<p>Программа СТК из РГВА (вторая половина декабря 1920 г.)</p>	<p>Проект программы Союза трудового крестьянства, предложенный левыми эсерами (без даты)</p>
	<p>8. Открытое преподавание во всех учебных заведениях и дать широкую инициативу торговой промышленности и сельскохозяйственного производства</p>
<p>18. Организованные и действующие ныне партизанские добровольческие отряды не должны быть распускаемы до созыва Учредительного собрания и разрешения им вопроса о постоянной армии</p>	

Вопросы о земле. Левые эсеры ограничивают это требование формулировкой «Достижение закона о социализации земли (пункт 2); Тамбовский СТК вносит добавление в соответствующий пункт «Проведение в жизнь закона о социализации земли в полном его объёме, принятого и утверждённого бывшим Учредительным собранием» (пункт 7).

Вопросы о гражданских правах. Общими для обоих вариантов является признание свобода слова, печати. Однако наряду с этими правами левые эсеры призывают к свободе личности и вероисповеданий (пункт 5), тогда как Тамбовский СТК вносит дополнение, призывая также к свободе «совести, союзов и собраний» (пункт 6).

Отметим, что в программе Тамбовского СТК отсутствует требование свободы личности и вероисповеданий, хотя присутствует самостоятельным пунктом требование свободного «самоопределения народностей» (пункт 15). Видимо, право на «самоопределение» включает в себя право на «свободу личности» и «свободу вероисповеданий».

Общая позиция прослеживается в вопросе права на образование. Левые эсеры ограничиваются требованием «Открытое преподавание во всех учебных заведениях» (пункт 8) с признанием за государством «широкого кредита на восстановление школ, как сельских, так и городских» (пункт 7); Тамбовский СТК видит это право прежде всего в «обязательном всеобщем обучении грамоте» при условии «свободного преподавания в школе» (пункт 17).

Вопросы экономического развития. Левые эсеры уделили внимание только вопросу кредитования, выдвигая требование к «открытому широкому кредиту государства для улучшения сельскохозяйственного производства» (пункт 6). Тамбовский СТК, также внося это требование самостоятельным пунктом в программу, уточняет его предназначение – «для восстановления мелких сельских хозяйств» (пункт 15).

Следует указать, что в программе Тамбовского СТК вопросы экономического блока значительно расширены и более приближены к крестьянским потребностям. Если левые эсеры ограничивают свои требования общим призывом «дать широкую инициативу торговой промышленности и сельскохозяйственного производства» (пункт 8), то Тамбовский СТК вносит в свою программу ряд самостоятельных пунктов с требованиями: «Допущение русского и иностранного капитала для восстановления хозяйственной и экономической жизни страны» (пункт 12), «Немедленное восстановление политических и торгово-экономических сношений с иностранными державами» (пункт 13), «Свободное производство кустарной промышленности» (пункт 16).

Кроме того, в программе Тамбовского СТК большое внимание уделено вопросам промышленного производства, в частности: «Частичная денационализация фабрик и заводов, крупная промышленность (каменноугольная и металлургическая) должна находиться в руках государства» (пункт 10), «Рабочий контроль и государственный надзор над производством» (пункт 11).

Несомненно, что все эти пункты отвечали требованиям времени, но наиболее актуальными для крестьян были вопросы кооперативной торговли и цен на продукты и предметы потребления. Поэтому они и нашли отражение в самостоятельных пунктах программы Тамбовского СТК – «Удовлетворение предметами первой необходимости, в первую очередь продовольствием, населения города и деревни через кооперативы» (пункт 8) и «Регулирование цен на труд и продукты производства фабрик и заводов, находящихся в ведении государства» (пункт 9). Этого нельзя сказать о программе левых эсеров.

В упомянутом нами ранее письме-заявлении Ю.Н. Подбельского автор даёт следующую оценку программе Тамбовского СТК: «Достаточно поверхностно ознакомьтесь с той безграмотной программой, которая была выработана этим вторым антоновским Союзом и отдельные пункты которой были приведены и в «Известиях ВЦИК» («государственный кредит личности» и прочие перлы грамотности), чтобы не смешивать в одну кучу две совершенно разнородные организации».³³⁰

Отметим, что вызвавший возмущение «перл грамотности» присутствовал в списке текста программы СТК, выявленной в РГАСПИ и Гуверовском институте. Видимо, этот вариант текста, посланный в ЦК РКП(б), был взят большевиками за основу при публикации в периодической печати и организации обвинения партии в причастности к деятельности повстанцев.

К сожалению, Подбельский не стал комментировать другие пункты программы Тамбовского СТК, лишь ограничился следующим важным выводом: «Именно этот Союз во главе с Антоновым, а не П.С.-Р. и является руководителем "антоновского" движения, и напрасны все попытки свалить всю вину за жестокости, проявленные крестьянами в борьбе с жестокостями противной стороны, на созданный весной 1920 г. союз, который, конечно никаких "зверств" не освящал, ибо в момент восстания он уже не существовал».

В то же время, не имея в своём распоряжении никаких материалов «антоновского» СТК, Подбельский сделал вывод о существовании его лишь на бумаге: «Некоторое сходство в названиях этих двух совершенно разнородных организаций дало ВЧК повод для того, чтобы всё что творилось от имени «антоновского» Союза (существующего, кажется, больше на бумаге), свалить на плечи погибшего осенью вследствие ареста и бегства его руководителей Союза трудового крестьянства, а по пути и на П.С.-Р.»³³¹

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что А. С. Антонов и руководители восстания заимствовали название созданного ранее Союза трудового крестьянства, имеющего свои ячейки на местах. Основным источником, свидетельствующим о деятельности этого Союза, является протокол сентябрьской (1920 г.) конференции партии эсеров, который в настоящее время частично опубликован. На него ссылается Подбельский в своём заявлении; этот же протокол имелся в распоряжении ВЧК, будучи изъят при аресте одного из членов ЦК партии эсеров.

Апеллируя к этому протоколу, Подбельский указывает, что на конференции действительно был сделан доклад представителем Тамбовской организации П.С.-Р. о восстании Антонова, но «относительно "участия в нём местных с.-р."» в докладе не говорилось и не могло говориться ни слова».³³²

В данном контексте важным для понимания поставленной проблемы является данное Подбельским разъяснение относительно действующего осенью 1920 г. на территории Тамбовской губернии Союза трудового крестьянства и его ячеек. Его суть состояла в том, что этот Союз, созданный весной 1920 г., не имел ничего общего с Антоновым. «Он – со слов Подбельского – был против вооружённого восстания при данных условиях, хотя и допускал возможность такого восстания в будущем. Если впоследствии отдельные, оторванные от губернского центра, начавшие стихийным восстанием ячейки Союза трудового крестьянства кое-где, может быть, и приняли участие в восстании, то... это происходило вопреки директивам руководителей Союза».

Частично опубликованный в настоящее время текст протокола заседания Всероссийской конференции Партии социалистов-революционеров, проходившего нелегально в Москве 8 сентября 1920 г., позволяет детализировать ситуацию с деятельностью Союза трудового крестьянства.

Так, из 19 участников конференции 10 представляли местные организации, из них 2 – Тамбовскую организацию партии эсеров. По мнению составителей сборника об «Антоновщине», где опубликован указанный протокол, одним из них как раз и мог быть Ю.Н. Подбельский.³³³

³³⁰ См. сб.: Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919 – 1921 гг. С. 245 (док. № 280).

³³¹ См. сб.: Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919 – 1921 гг. С. 245 (док. № 280, пункт 4).

³³² Там же. С. 245 (док. № 280, пункт 3).

³³³ Там же. С. 306 (комментарий к док. № 47).

В состоявшемся на конференции докладе о положении дел в Тамбовском уезде в отношении партии эсеров признавалось, что с февраля – марта 1920 г. Тамбовская организация «решительно стала на точку зрения работы нелегальной, не скрывая, однако, своей партийной физиономии». Отмечая наиболее «заметные результаты» работы среди крестьянства, в докладе акцентировалось внимание на её двух направлениях.

К первому было отнесено восстановление «строго партийных крестьянских братств». При этом указывалось на их малочисленность – «таких братств в 3-х уездах Тамбовской губернии можно насчитать, однако, очень немного, не больше десятка». Вторым направлением констатировалось – организация «строго классовых по составу», но беспартийных «союзов трудового крестьянства». В этой работе эсеры вошли в согласие с левыми эсерами, «причём союзы ставили перед собой две главные задачи, на которых согласились и «правые», и «левые» с-р».³³⁴ Далее в докладе излагались эти задачи.

Первая важнейшая задача относилась к вопросу о власти. Признавалось необходимым «отвоевания власти из рук коммунистической партии» и передача её «в руки временного правительства, составленного из представителей крестьянства, союзов, рабочих организаций и социалистических партий». Вопрос о форме государственной власти должен был решаться на всероссийских съездах трудящихся, созыв которых входил в обязанности Временного правительства.

Как уже указывалось нами, эти положения нашли отражение в пунктах программы Тамбовского СТК – пункты 4 и 5. Однако роль провозглашения формы власти в ней была отведена не «всероссийским съездам трудящихся», а Учредительному собранию.

Второй насущной задачей стал вопрос о земле, в частности «проведение во всей неприкосновенности закона о социализации земли». Эти положения отражены в пункте 7/6 программы Тамбовского СТК.

Далее в вышеупомянутом докладе отмечалось, что тамбовское крестьянство активно поддержало организацию подобных крестьянских союзов «с такого рода задачами».³³⁵ Поддержка эта выразилась в «успешном» росте СТК. Наибольшую активность проявили сёла Тамбовского уезда, где, по словам докладчика, «почти половина волостей обзавелась своими крестьянскими организациями»; менее активны были Кирсановский, Усманский и Борисоглебский уезды; «кое-где» были союзы на севере губернии. Более того, в Тамбовском уезде был образован районный СТК (из 4-х волостей) во главе с районным комитетом (из трёх человек), а весной 1920 г. «была созвана и благополучно прошла уездная конференция Союза трудового крестьянства».

Далее выступающий на конференции делегат затронул и работу среди рабочих, которую планировалось вести путём организации «нелегальных профсоюзов». Однако, по его словам, это направление работы не дало «заметных результатов». При этом было отмечено, что рабочие и «без нелегальных профессиональных союзов ведут борьбу с коммунистическими властями».³³⁶ В данном контексте понятно присутствие в программе Тамбовского СТК пунктов, отражающих интересы рабочих, пункты 10/11 – 11/12.

Опубликованный текст протокола сентябрьской конференции Партии эсеров позволяет прояснить ситуацию с пунктом 1, в котором крестьянство призывается к свержению существующей власти.

Известно, что ранее партия эсеров отказалась от вооружённой борьбы с большевиками, приняв решение о развитии приговорного движения – крестьянские приговоры должны были стать формой борьбы за изменение политики коммунистической власти. Однако подъём массового крестьянского движения в Тамбовской губернии дал основание представителям эсеров от губернской организации поднять на конференции вопрос об изменении методов борьбы.

Так, например, в прениях по докладам оба тамбовских делегата «настаивали на необходимости пойти навстречу нарастающему в массе трудового крестьянства стихийному протесту против большевистского режима». Они считали своевременным и актуальным дать крестьянству «испытанные в борьбе лозунги» и «не скрывать от народа неизбежности насильственной ликвидации большевистской диктатуры» и даже более того «не отвлекать свои силы на приговорное движение».

По мнению тамбовских делегатов, «время активной борьбы» настало, и лозунг должен соответствовать этому, под ним должна «протекать вся подготовительная работа».

Убеждая собравшихся в своей правоте, они говорили: «Иначе крестьянству будет непонятна и чужда вся мелкая, но необходимая для успеха восстания организационная работа по собиранию мелких сил. Чтобы подвигнуть деревни на организацию хотя бы крестьянских союзов, нужно, чтобы крестьянин ясно понимал, для чего ему потребуются эти организации, куда его поведут эти организации».³³⁷

Имея общие взгляды на развитие ситуации в губернии, тамбовские делегаты, тем не менее, по разному относились к декларированию курса на вооружённое восстание. Краткая запись протокола позволяет нам увидеть следующие особенности. Один из делегатов считал своевременным переход к «ответному террору защиты крестьянства», «как средству борьбы с крайностями большевистской диктатуры». Другой, его мнение более подробно зафиксировано в протоколе, предлагал «сохранить холодную голову», полагая, что «нужно стать на путь организации крестьянства с лозунгом свержения большевиков». Он был против декларирования вооружённой борьбы, но считал, что её нужно готовить.

«Испытанный» лозунг эсеров «В борьбе обретёшь ты право своё» был взят тамбовским повстанчеством как объединяющим для всего населения, что и было зафиксировано, например, на пленарном заседании представителей от полков боевой дружины Тамбовского края. Там же было принято решение призвать население к свержению «коммунистического правительства».³³⁸

Обращает на себя внимание характеристика «политического лица» повстанчества, содержащаяся в справке-обзоре губчека, составленной в июле 1921 г. В ней говорилось: «Анализируя и сопоставляя имеющийся в данный момент материал с прежним, можно сделать вывод, что руководителями являются *правые эсеры*, несмотря на то, что Батько именовал себя

³³⁴ См. сб.: Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919 – 1921 гг. С. 63 (из протокола заседания Всероссийской конференции П.С.-Р. от 8 сентября 1920 г.).

³³⁵ Там же. С. 63.

³³⁶ См. сб.: Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919 – 1921 гг. С. 63–64.

³³⁷ Там же. С. 63–64.

³³⁸ См. сб.: Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919 – 1921 гг.: «Антоновщина». М., 2007. С. 225.

левым эсером, ибо ряд имеющихся у нас документов – листовок, воззваний, программ и инструкций, как губернского комитета Союза трудового крестьянства, так и партии социалистов-революционеров, являются правого течения и определённно показывают нам, что руководители повстанческого движения правые эсеры».³³⁹

Таким образом, проведённый нами анализ главного документа «Антоновщины» – крестьянского восстания в Тамбовской губернии в годы Гражданской войны – программы Союза трудового крестьянства позволяет заключить, что она являлась прежде всего результатом творчества местных эсеров, а не центрального руководства этой партии. Данный факт свидетельствует о большом идейном влиянии партии эсеров на тамбовское крестьянство и его восстание против власти большевиков.

А.А. Васильев

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АГРАРНО-ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА: ПРИЧИНЫ СВЁРТЫВАНИЯ НЭПА В 1927 – 1929 ГГ. И ПРОБЛЕМЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Во второй половине 1980-х – 1990-е гг., в перестроечный и постперестроечный период, примером реформирования сельского хозяйства являлась нэповская аграрно-продовольственная политика Советской власти. Предпринятые попытки реализовать политику 1920-х гг. в современной истории не оправдали возлагаемых на неё надежд. Причины неудачи кроются в отсутствии критического взгляда на новую экономическую политику.

Неудачи и кризисы нэпа в основном связывают с широким противостоянием политике внутри правящей партии. Бесспорно этот фактор играл большую роль. Политико-идеологическое отрицание рыночных отношений грозило созданием фронта внутри самой РКП(б). Требования по углублению и расширению государственного капитализма просто повергали в шок приверженцев догматов марксизма. Как заметил американский бизнесмен того времени А. Хаммер, если бы программу нэпа предложил не Ленин, а другой лидер, его тогда бы расстреляли.³⁴⁰

Прочно утвердившийся в умах многих руководителей правящей партии и правительства революционный экстремизм не позволял дать объективную оценку развивавшимся процессам в условиях новой экономической политики. Рыночный либерализм нэпа противопоставлялся большевистской стратегии атаки на капитал и бескомпромиссной политической борьбе с буржуазией. В то же время сопротивление нэповской политике было вызвано не только программно-догматическими установками. Упорное неприятие рыночных принципов имело под собой научно-практическую почву. Ряд представителей Советского правительства был обеспокоен отсутствием должного контроля над рынком. Следовательно, невозможностью планирования экономики. По их мнению, такая политика неизбежно приведёт к глубокому кризису. Член ВЦИК и Комиссии по крупной промышленности Ю. Ларин заявлял, что «...Новая экономическая политика является для нас не движением вперёд, а неизбежной бедой». По его мнению, руководящим должно быть государственное начало, а не частное.³⁴¹ Более осторожно, но также против стихийного рынка выступал член президиума Госплана Л. Крицман. Критически оценивая положение в экономике страны, он указывал, что «основная социалистическая задача замены рынка внутри государственного хозяйства планомерно организованным распределением остаётся в основе, не затронутой новой экономической политикой».³⁴²

Подобные взгляды на нэп руководителей-хозяйственников заслуживают внимания, так как они сосредоточены на сути развивавшихся хозяйственно-экономических проблем. Но и их в годы перестройки и в 1990-е гг. многие представители учёного сообщества пытались интерпретировать как конъюнктурные.

В свою очередь, нэповская аграрно-продовольственная политика долгое время рассматривалась как абсолютно самодостаточная, саморазвивающаяся, нуждавшаяся только в невмешательстве государства. Попытки через подобное некротическое восприятие опыта нэповской аграрно-продовольственной политики 1920-х гг. применить его во второй половине 1980-х – в 1990-е гг. не дали ожидаемого положительного результата. Не были правильно расставлены приоритеты. Ключевые вопросы обязательного государственного регулирования агропродовольственного рынка, государственной поддержки аграрного производства оказались отставленными на заднем плане. В настоящее время сельскохозяйственное производство остаётся в кризисном состоянии, социальная жизнь на селе деградирует, а население стремительно сокращается. Страна не обеспечивает собственную продовольственную безопасность, 20 млн. га сельскохозяйственных земель пустует.

Здесь уместно вспомнить крылатую фразу одного из столпов отечественной исторической науки В.О. Ключевского: «Мы гораздо больше научаемся истории, наблюдая настоящее, чем поняли настоящее, изучая историю. Следовало бы наоборот». Сегодня, когда мировая экономика переживает глубокий кризис, эти слова звучат особенно актуально. Свободный рынок, в том числе и услуг по кредитованию, кредитный механизм не универсальная система решения проблем в экономике. Вновь заговорили о регулирующей роли государства.

История знает подобный пример, когда в ведущих странах мира пришли к пониманию, что утверждённая в конце XVIII в. парадигма свободного саморегулирующегося рынка (А. Смит – основоположник теории экономического либерализма) оказалась несостоятельной после Первой мировой войны. Учёные экономисты и обществоведы в те годы занимались поиском новой концепции социально-экономического развития общества.

³³⁹ Сб.: Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919 – 1921 гг. «Антоновщина». М.–Тамбов, 1994. С. 217 (док. № 255).

³⁴⁰ Коммунист. 1988. № 2. С. 65.

³⁴¹ Красная новь. 1921. № 4. С. 150, 151.

³⁴² Экономическая жизнь. 1921. 25 ноября.

Автор революции в экономической науке Дж. М. Кейнс, изучая социалистическую модель экономики СССР, заявил в 1925 г. в Москве: «Мы на Западе будем с симпатией и вниманием следить за тем, что вы делаете, надеясь, что сможем чему-нибудь у вас научиться. Нам ведь необходимо решать свои проблемы».³⁴³ Как известно результатом стало утверждение новой «кейнсианской» парадигмы, предусматривающей регулирующее участие государства в экономике.

В этой связи решение большевистского руководства перейти к тотальному государственному контролю и управлению экономикой не выглядит абсолютно выходящим за рамки мировой политэкономической мысли. Более того, развивающиеся в советской экономике негативные процессы, слабые результаты развития производства, товарооборота, сильная зависимость от мирового рынка в условиях растущего военно-политического напряжения представляют те меры во многом адекватными.

В условиях новой экономической политики сельское хозяйство так и не стало локомотивом развития национального рынка. С помощью рынка не удалось запустить механизм стабильного, в необходимых объёмах финансирования промышленности. В 1928–1929 гг. происходит свёртывание нэпа, изменение советской аграрно-продовольственной политики в связи с начавшейся социалистической индустриализацией, укреплением обороноспособности страны. Решать задачу индустриализации можно было только за счёт материальных средств, извлечённых из деревни через налоги и ценовую политику искусственного существенного занижения цен на сельскохозяйственную продукцию и завышения их на промтовары.

После урожая 1927 г. хлебозаготовительная кампания 1927/1928 г. оказалась сорванной, так как крестьяне отказывались продавать зерно государству по вновь установленным ценам, которые были в 5 раз ниже рыночных. Возник острый продовольственный кризис. В 1928 г. была введена карточная система распределения продуктов в городах с растущим рабочим классом. А экспорт зерна, за счёт которого импортировалось оборудование для строящихся заводов, в 1927/28 хозяйственном году сократился более чем в 8 раз по сравнению с предыдущим.³⁴⁴ Не стали панацеей и чрезвычайные меры против саботажников хлебозаготовок. Выход из сложившейся ситуации сталинское руководство страны видело в переводе деревни на путь коллективизации сельского хозяйства.

В историографии остаётся дискуссионным вопрос о причинах свёртывания нэпа. Имеется достаточно оснований для критики советской и постсоветской, а также и зарубежной научной литературы за прослеживающееся иногда конъюнктурное представление причин свёртывания нэпа. Из советской историографии 1930-х – первой половины 1950-х гг. было подхвачено в годы перестройки и постперестроечный период чрезмерное внимание к политическим целям и задачам перехода к тотальному огосударствлению экономики, но с противоположной оценкой нэповского курса. Открывшийся доступ в конце 1980-х гг. к архивным фондам, свидетельствующим о перипетиях противостояния в верхних эшелонах власти, многих увлёк исследованием политического аспекта. Выводы по итогам разработки политического аспекта стали восприниматься исчерпывающими, в том числе и для понимания отказа от нэповского аграрно-продовольственного курса и перехода к коллективизации.

Анализ состояния экономики на рубеже 20 – 30-х гг. XX столетия, нараставших кризисных явлений в этот период показывает, что объективно существовала необходимость в кардинальных изменениях принципов её функционирования и управления. В оценках вопросов политической проблематики того же периода преимущественно приоритет отдаётся целям и задачам внутрипартийной борьбы за власть. А негативные явления в аграрно-продовольственной политике представляются как причина и средство разыгрываемой карты личных властных амбиций. Определение первопричин свёртывания нэпа позволяет понять, был ли потенциал у экономической политики для её продолжения. Для решения поставленной задачи необходимо взвесить, что представляет собой переход к форсированному строительству социалистической экономики. Существовала ли острая необходимость создания передовой мощной индустрии в целях национальной безопасности и долгосрочных перспектив развития общества, или это радикальное волюнтаристское устремление реализовать программные партийные задачи в угоду личным властным амбициям и следование догматическим партийным планам государственного строительства? Какие выводы признать обоснованными по вопросу перехода к коллективной системе организации крестьянского труда (не путать с оценкой жёстких методов объединения в колхозы)? Был ли это необходимый, но очень болезненный процесс, требовавший слома всей социальной структуры деревни, мировоззрения, или единственно достижение политической цели партийного руководства уничтожить крепкого хозяина на земле, готового твёрдо отстаивать свои интересы и остававшегося главным внутренним политическим противником большевистской власти?

Искомым результатом должна стать всесторонняя объективная оценка потенциала нэповской аграрно-продовольственной политики, её возможностей дальнейшего наращивания товарного производства и способности обеспечить стабильное и достаточное снабжение государства и промышленных центров продовольствием и сырьём.

Кризисы хлебозаготовок неверно изначально рассматривать как результат политического конфликта государства и зажиточного крестьянства. Это односторонний взгляд на проблему, который неизбежно приводит к неверному пониманию причин и следствий. В этом случае научный поиск сведётся к бесплодному определению виноватого в этом противостоянии. Бесплодный потому, что существует две правды, а требуется найти истину.

Найдётся множество различных документов, подтверждающих разные точки зрения. На сегодняшний день издано несколько сборников архивных документов, свидетельствующих о тяготах налогового обложения для крестьянина, о жёстких административно-репрессивных мерах в отношении него, о методах политического контроля над деревней.³⁴⁵ Однако сосредоточение на политическом аспекте, на методах воздействия государства на крестьянина не приближает к

³⁴³ Скидельски Р. О «беглом взгляде на Россию» Дж. М. Кейнса // Вопросы экономики. 1996. № 2. С. 119.

³⁴⁴ См.: Жарова Л.Н., Мишина И.А. История Отечества. 1900 – 1940 гг. М.: Просвещение, 1992. С. 278, 281.

³⁴⁵ См.: Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927 – 1932 гг. Сб. документов. М., 1989; Рассказов Л.П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в Советском государстве (1917 – 1940 гг.) Уфа, 1994; Измозик В.С. Глаза и уши режима. Государственный контроль за населением Советской России в 1918 – 1928 гг. СПб., 1995; ВЧК – ОГПУ. Документы и материалы / Редактор-составитель Ю.Г. Фельштинский. М., 1995; ВЧК – ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства. 1921 – 1927 годы. По материалам информационных сводок ВЧК – ОГПУ / Сост. Г.Ф. Доброноженко. Сыктывкар, 1995; Неизвестная Карелия. Документы спецорганов о жизни республики. 1921 – 1940 гг. Петрозаводск, 1997; Лубянка. ВЧК – ОГПУ – НКВД – МГБ – МВД – КГБ. 1917 – 1960. Справочник / Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров; под ред. Р.Г. Пихоя. М. 1997; Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918 – 1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 1998; Как разваливали нэп. Документы и материалы. В 5 т. / Под ред. А. Яковлева. М. 2004 и др.

ответу на вопрос о потенциале, преимуществах и слабых сторонах нэпа и не позволяет извлечь практические уроки из того опыта государственной аграрно-продовольственной политики. Также они не могут служить основой при рассмотрении вопроса причин свёртывания нэпа.

Безусловно, на фоне возникающих трудностей в экономике и нарастающих кризисных явлений в народном хозяйстве обострялись и политические нерешённые вопросы, но они являлись следствием. Когда в результате кризисов хлебозаготовок вставал вопрос о борьбе с кулаком, как главным виновником бойкота государственных поставок, исходной точкой стал конфликт экономических интересов, а не идейно-политические разногласия. Но и сам срыв хлебозаготовок в 1927/28 г., вызванный установлением государством заниженных цен на хлеб, имеет более глубокие, комплексные причины. К этому времени назрел кризис всей экономической политики.

Понижение государственных цен на хлеб было вызвано благими для крестьянина сугубо экономическими задачами диверсификации сельскохозяйственного производства, увеличения ёмкости рынка за счёт роста поставок дорогостоящего сырья для промышленности в противовес дешёвым зерновым, соответственно увеличения доходности крестьянского двора. Во второй половине 1920-х гг. в сельском хозяйстве назрела проблема развития производственной специализации. Повсеместное засеивание хлебов не позволяло обеспечить национальную экономику необходимой сырьевой продукцией сельскохозяйственного производства, не создавало возможностей для расширения экспорта. Подавлялся механизм развития товарооборота, так как хороший урожай зерновых культур порождал переизбыток предложения и приводил к значительному снижению цен на хлеб и другие продовольственные товары. А в неурожайные годы резкое сокращение крестьянином поставок продукции на рынок влекло за собой возникновение дефицита и спекулятивных цен. Подобный сценарий имел место потому, что крестьянин вёл полунаатуральное хозяйство. Его привязанность к рынку была дискретной. В результате чего выработался алгоритм поведения, когда крестьянин при возникновении напряжения с поставками продовольствия не торопился удовлетворить спрос, ожидая роста цен.

Провал хлебозаготовительной кампании 1927/28 гг. олицетворял собой и кризис государственного регулирования сельского хозяйства, и стихийность свободного рыночного товарооборота. Крестьянство, подсознательно цепляясь за консервативное ведение хозяйства, в условиях рыночной экономики проявляло присущую ему двойственность: с одной стороны, стремилось торговать и упорно отстаивало это право, а с другой с не меньшим упорством не желало подчиняться интересам рынка, законам коммерческого расчёта. Это мешало Советскому правительству выработать оптимальную позицию, сочетающую преимущества рыночного и государственного регулирования сельскохозяйственного производства. Поэтому когда правительство в 1927 г. приняло решение понизить заготовительные цены на хлеб, с целью переориентировать крестьян на товарное производство мясо-молочной продукции и технических культур, стоимость которых была высока на рынке и значительно выгоднее для крестьянского хозяйства, то получило чрезмерный эффект. Крестьянин вообще бойкотирует хлебозаготовительную кампанию 1927/28 гг. И Советское государство вновь испытало, второй за последние три хозяйственных года, кризис своей продовольственной политики. Под угрозой оказался план экспортных поставок хлеба, соответственно план закупок импортного оборудования для промышленности, возникла острая нехватка продовольствия в городах. В крупных промышленных центрах стали вводить карточную систему снабжения продовольствием.

Возрастающие требования города и промышленности и прекращение роста сельскохозяйственного производства повели к утрате достигнутых результатов по созданию прочных торгово-экономических связей между селом и промышленными районами. Кооперация, как организация добровольного объединённого участия населения в хозяйственной и торговой деятельности, лишается самостоятельности. Кризис хлебозаготовок 1927/28 гг. и угроза срыва посевной кампании весной 1928 г. подтолкнули интеграцию кооперации в систему государственных структур.

Губернские органы исполнительной власти в Поволжье дали прямой приказ уездным комитетам немедленно организовывать кооперативы по совместной обработке земли. В некоторой степени усиление процесса прямого подчинения кооперации происходило из-за отсутствия на местах ясного понимания, что должны представлять собой колхозы. Поэтому давались обтекаемые распоряжения организовать через комитеты взаимопомощи поддержку рабочей силой *бедняцким коллективам* (курсив наш. – А.В.), безлошадным хозяевам, семьям красноармейцев и инвалидов войны. Комитеты взаимопомощи должны стать в деревне центрами, способствующими организации *бедняцких коллективов* (курсив наш. – А.В.).³⁴⁶ Таким образом, начинает практиковаться прямое управление органов исполнительной власти сельскими кооперативами.

Расширение административного управления потребовалось для усиления финансового контроля. До 1928 г. эти отношения строились в границах рыночных свобод и исполнения расчётов по налоговым и кредитным обязательствам. Но когда правительством было принято решение придать ускоренную динамику созданию коллективных форм хозяйствования, то пропорционально оно увеличивало нагрузку на государственный бюджет по финансированию и снабжению сельхозтехники и машинами этих хозяйств. Реализация задачи по организации бедняцко-средняцких коллективных хозяйств потребовала от местных властей расширить «выдачи возвратных ссуд».³⁴⁷ Вместе с тем губисполкомы Поволжья особо отмечали, что существует задержка в распределении кредитов из фонда бедноты, и потребовали провести на местах немедленно и полностью выдачу средств по назначению. Кредиты и особенно машины должны направляться строго по назначению: колхозам, бедняцким и середняцким группам населения, не допуская отпуск данных кредитов зажиточной части крестьянства. Местные органы власти и комитеты взаимопомощи должны усилить контроль над распределением кредитов.³⁴⁸ Особое указание адресатов кредитов в распоряжениях исполнительных властей в меньшей степени дань классовому подходу. Это обязательное требование к финансово-кредитным институтам строго следовать распоряжениям целевого направления средств. А нежелание этих организаций следовать директивам исполнительной власти тоже имеет объяснение. Они стремились кредитовать тех, кто гарантированно способен расплатиться, т.е. крепкие крестьянские

³⁴⁶ ГАПО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 229. Л. 284.

³⁴⁷ ГАПО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 229. Л. 284.

³⁴⁸ Там же. Л. 284 – 285.

хозяйства. Но стратегические задачи расширенного товарного производства требовали принятия иных решений. Это служило ещё одной нитью, привязывающей к прямому государственному управлению.

Высокая зависимость от государственного обеспечения фактически интегрировала такие коллективные хозяйства в состав госпредприятий. Оставалось это признать и оформить юридически. Такой алгоритм действий затрагивал большую часть кооперативных организаций. Поэтому следующим логичным шагом стало приведение всей кооперации к единому юридическому знаменателю, когда она становится одной из государственных структур.

Последний кризис нэпа показал, что не удалось добиться главного – не заработал механизм, обеспечивающий хозяйственно-экономические интересы. Техника и кредиты оставались труднодоступными для бедняцких и большей части середняцких хозяйств. Они могли всё это взять, но затем работать только на обслуживание своего долга. Это означало, что «смычка» между крестьянином и рабочим всё ещё не была достигнута.

«Смычка» города и деревни являлась ключевой целью нэпа, но она же являлась основой основ новой экономической политики. Под этим подразумевались все жизненно важные задачи в экономике, стоявшие перед Советским государством, – восстановление товарообмена, как стимула развития производства во всех отраслях; организация свободного рынка, главной движущей силы наращивания товарного производства и эффективного регулятора цен и ассортимента продаваемой продукции. К 1927/28 г. назрели проблемы, которые требовали кардинальной перестройки промышленного производства и технического оснащения сельского хозяйства.

К концу 1920-х гг. эта форма «смычки» исчерпала свой потенциал. «Такое положение имело два негативных последствия: крестьяне теряли заинтересованность в продаже хлеба государству, а государство не получало средств из деревни для реконструкции промышленности».³⁴⁹ Кризис хлебозаготовок 1927/28 г. явился выражением непреодоленных и вновь нараставших негативных явлений в экономике, в управлении народным хозяйством.

Правительству за годы подъёма экономики в условиях нэпа так и не удалось создать прочную систему товарооборота, финансирования и снабжения. Хлебозаготовительный кризис являлся не только выражением противоречий хозяйственных интересов государства и крестьянства, но и связанной с ними проблемой получения валюты и приобретения передовой импортной техники и производственного оборудования. Кризис в очередной раз показал, что существующая система не способна вывести на более высокую качественную основу планирование и решение хозяйственно-экономических задач. Из-за нестабильности поставок хлеба государству и на рынок внутренний товарооборот был подвержен постоянным колебаниям между двумя кризисными состояниями. Предложение большого количества хлеба обнаруживало острый дефицит наиболее востребованных в крестьянском хозяйстве промтоваров и сельскохозяйственной техники, а снижение поставок зерна и муки сразу же приводило к падению торговли фабрично-заводскими изделиями до минимальных значений (к кризису сбыта). В обоих случаях требовалось государственное регулирование.

В.В. Никулин

ЗАКОН НА ФОНЕ БЕЗЗАКОНИЯ. ФОРМАЛЬНО-ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОСНОВЫ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ (1929 – 1930 ГГ.)

Отношения между крестьянами и советской властью постоянно были напряжёнными и даже, несмотря на относительную стабилизацию отношений в период новой экономической политики, противоречия между властью и крестьянами оставались глубокими и постоянными. Пика противоречий они достигли к концу 1920-х гг., в период коллективизации. Особому давлению подвергалось так называемое «кулачество», термин в своей основе больше политический, чем экономический, поскольку все нормальные представления о природе классов, в том числе о признаках принадлежности к кулачеству, были полностью искажены. Кулаки были главными держателями товарного хлеба, что было одной из основных причин повышенного «внимания» к ним со стороны властей. Политика «наступления на кулака» базировалась на определённой законодательной базе, основу которой составляли специально принимаемые нормативные правовые акты, предназначенные для применения к крестьянским хозяйствам, отнесённым к кулацким. Но поскольку так и не были точно определены хозяйственно-экономические критерии «кулацких» и «зажиточных» хозяйств, то эти акты носили в большей степени политический характер, а практика их применения местными властями приобрела совершенно искажённый характер. В провинции понятие «кулак» трактовали весьма расширительно, а то и произвольно. Например, достаточно было иметь хороший дом под железной крышей или более чем среднее количество скота, чтобы попасть в уязвимую категорию, подлежащую разгрому. Для крестьянина критерии зажиточности приобрели в новых условиях принципиальный, судьбоносный характер.

В мае 1929 г. предпринимается попытка уточнения признаков кулацкого хозяйства. Постановление СНК СССР по этому вопросу к кулацким хозяйствам относило те хозяйства, которые обладали хотя бы одним из следующих признаков: систематическое применение наёмного труда; владение мельницей; маслобойней и т.п.; занятие торговлей, ростовщичеством, коммерческим посредничеством или извлечение нетрудовых доходов.¹ В июне 1930 г. специальным постановлением ЦИК и СНК к этим признакам было добавлено наличие промышленного предприятия, сдаваемого в аренду, и аренда земли на кабальных для сдатчика условиях.² Постановления СНК открывали возможность ещё более расширительного толкования понятия «кулацкое хозяйство», поскольку они предоставляли республиканским совнархозам, краевым и областным исполкомам право вводить дополнительно признаки отнесения крестьянских хозяйств к кулацким. Хозяйствам, признанным кулацкими, устанавливались повышенные твёрдые задания по сдаче хлебных излишков. Репрессивные нормы против кулаков содержали ряд статей Уголовного Кодекса (УК). В отношении этой категории применялись, как правило, шесть статей УК. Это ст. 58-8 (подготовка теракта); 58-9 (разрушение взрывом, поджогом

³⁴⁹ Политическая история России / Отв. ред. В.В. Журавлёв. М., 1998. С. 501.

¹ Собрание узаконений РСФСР. 1929. № 12.

² Там же. 1930. № 19.

складов и прочих строений); 58-13 (антисоветская пропаганда и агитация); 73 (сопротивление представителям власти); 79-1 (попытка или разбор конфискованного имущества); 79-1 (за подстрекательство или убой скота). Подкреплённые прямыми указаниями партийных органов, эти статьи стали основой подавления «сопротивления кулацко-зажиточной верхушки деревни, стремившейся сорвать различными методами хлебозаготовительные планы».³

Отсутствие чётких и понятных критериев кулацких хозяйств, халатность, правовая безграмотность приводили к многочисленным судебным и административным ошибкам и искажениям. По данным областного суда ЦЧО, в 1929 г. из общего количества 2537 человек, осуждённых судами по ст. 61, 107, 131, 73 УК, 623 (24,5%) составили середняки. Из общей суммы присуждённых штрафов в 320 668 р. 80% приходилось на кулаков, 7% – на середняков. Из общего количества конфискованного имущества в 85 536 р. и 9571 пуд. хлеба на кулаков пришлось 78%. Средняя сумма штрафа с середняка составила 53 р., с кулака – 196 р. Окружными судами было утверждено 90,7% приговоров нарсудов, остальные были отменены в основном из-за мягкости приговора.⁴ Количество дел было столь велико, что пришлось пойти на передачу части дел на рассмотрение народных судов. Все дела по части 1 ст. 73 УК (сопротивление кулаков при принудительном отборе у них хлебных излишков, при описании имущества и т.д.) и по ст. 131 УК (злостное невыполнение договоров по контрактации) передавались в пределах ЦЧО на рассмотрение народных судов. Хотя ранее такие дела были подсудны только окружным судам.⁵

В период коллективизации перед органами юстиции была поставлена задача активнейшего содействия коллективизации. В январе 1930 г. в суды поступает директивное письмо «О задачах суда в связи с политической ликвидацией кулачества как класса». В нём вся кампания называлась последним и решительным боем с кулачеством. Исходя из этого, ставилась задача «ликвидировать путём физического уничтожения (расстрела) тех кулаков, которые с обрезом и огнём выступают против жизни наших общественников, колхозников или против имущества колхоза».⁶ Новые законы и подзаконные акты, признавая уголовно наказуемыми целый ряд деяний, давали судам формальные основания уголовного преследования крестьян. Так, хищнический убой скота кулаками и частными скупщиками законом 16 января 1930 г. квалифицировался как один из способов вредительства со стороны кулаков, которые этим подрывают коллективизацию и препятствуют подъёму сельского хозяйства».⁷ Как уголовно наказуемое деяние квалифицировался незаконный убой лошадей, совершённый кулаками или частными скупщиками, а также подстрекательство со стороны этих лиц к убою лошадей.⁸ Неплатёж налогов и сборов по страхованию кулаками или лицами, облагаемыми по расписанию, совершённый в первый раз и без других отягчающих обстоятельств, влёк наказание до двух лет лишения свободы. В отношении трудящихся такой неплатёж налогов влёк за собой лишь административное наказание в виде взыскания в размере платежей. Признавалось преступлением уничтожение имущества кулаками в период коллективизации. Оно квалифицировалось по ст. 16 и 79 УК РСФСР. Уничтожение кулаками имущества вне районов сплошной коллективизации, чтобы оно в дальнейшем не могло быть использовано колхозами, квалифицировалось по ст. 16 и 791 УК РСФСР.⁹ Расширяется понятие спекуляции как уголовного преступления. Статья 107-я УК РСФСР в редакции от 22 августа 1932 г. признавала спекуляцией скупку и перепродажу в целях наживы продуктов сельского хозяйства и предметов массового потребления. Таким образом, наказуемой стала сама торговля сельхозпродукцией, что предопределялось введением плана заготовок сельхозпродукции.

Против крестьян был направлен закон от 10 января 1930 г. «О высылке и ссылке, применяемым по судебным приговорам». Этим законом устанавливалось, что «при определении в отдельных случаях сроков высылки и ссылки в пределах, установленных настоящим постановлением, суд руководствуется исключительно оценкой социальной опасности осуждённого и не связан сроками лишения свободы, установленными в соответствующих статьях УК». Это означало, что за отказ от выполнения хлебопоставок, за злостное невыполнение плана посева виновный кулак по ч. 3 ст. 61 УК мог быть подвергнут альтернативно или лишению свободы на срок до двух лет, или ссылке в качестве основной меры наказания на срок до десяти лет. Ссылка, соединённая с исправительно-трудовыми работами, применялась в практике в значительной мере именно по этой статье УК.¹⁰

Суды обязывались все дела, связанные с коллективизацией, возникшие в судебном порядке, рассматривать в трёхдневные сроки.³⁵⁰ Ускоренные сроки рассмотрения дел приводили к неизбежным ошибкам. В феврале 1930 г. областной суд ЦЧО предложил всем окружным судам в отношении кулаков применять жёстко репрессивные меры, включая расстрел, а также изоляцию, выселение, штрафы, превращая их в фактическую конфискацию имущества. Конфискация включала изъятие всего имущества, в том числе и денежных средств, в счёт оплаты недоимок по всем платежам (прямые налоги, сельхозналоги, самообложение, ссуды и пр.). Строгие указания были в отношении изъятых при конфискации золота и серебра, выполнение которых возлагалось на областных и окружных прокуроров. НКЮ в январе 1930 г. указал, что обнаруженные и отобранные во время обысков золото и серебро в монетах царской чеканки возврату не подлежат независимо от того, у кого оно было отобрано. Отобранная монета у лиц, ничего общего в данное время с налогоплательщиками не имеющими, компенсируется в общем порядке советскими деньгами. В отношении тех крупных недоимщиков, у которых после покрытия недоимок остаётся значительное количество ценностей или имущества, финансовым органам подлежит возбудить судебное преследование против злостных неплательщиков по ч. 2 ст. 59 УК (отказ от внесения налогов денежных или натуральных).³⁵¹

В связи с коллективизацией терял всякое значение ряд законов, да и вообще всякий закон. Общим отношением был тезис «Было бы преступным бюрократизмом, если бы ожидали новых законов. Основной закон для нас – это политика

³ Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. 840. Оп. 1. Д. 5. Л. 132.

⁴ Там же. Д. 9. Л. 462.

⁵ Там же. Л. 417.

⁶ Там же. Д. 11. Л. 63.

⁷ СУ РСФСР 1930 г. № 16.

⁸ Собрание законодательства СССР (СЗ СССР). 1931 г. № 71, ст. 474.

⁹ СУ РСФСР 1931 г. № 9.

¹⁰ Сб. документов по истории советского уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917 – 1952. С. 7 – 140.

³⁵⁰ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-527. Оп. 1. Д. 162. Л. 4.

³⁵¹ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-659. Оп. 1. Д. 147. Л. 14.

партии».³⁵² В этом и заключалась суть взаимоотношений политики и закона, положенных в основу создаваемой большевиками государственной системы. Именно поэтому, не дожидаясь хотя бы формального законодательного оформления, отменялись законы об аренде и найме рабочей силы. Немедленно прекращалась регистрация сделок купли-продажи у нотариусов, для того чтобы не позволить продать имущество и уйти от конфискации.

Составной частью коллективизации стало раскулачивание, проводившееся с 1929 г., но с января 1930 г. переросшее в «ликвидацию кулачества как класса». Порядок раскулачивания и депортации был конкретизирован в секретной инструкции ЦИК и СНК от 4 февраля и в приказе ОГПУ от 2 февраля 1930 г. Для непосредственного руководства операцией создавались оперативные тройки, в задачу которых входило составление и утверждение списков, подлежащих экспроприации и депортации. Коллегия ОГПУ 31 января установила сроки высылки. Из ЦЧО, в частности, устанавливался срок начала отправки со сборных пунктов 20 февраля. Для транспортировки высылаемых семей (около 100 тыс.) выделялось 57 эшелонов. Местами ссылки главным образом были Архангельск и Котлас.³⁵³ «Тройкам» же предоставлялось право окончательного вынесения решений по всем делам вплоть до применения высшей меры наказания. Прокурор мог опротестовать в коллегии ОГПУ постановления «тройки» и приостановить исполнение приговоров. Следует отметить, что случаи изменения приговоров «троек» по протестам прокуроров, возвращение дел на доследование и даже прекращение дел на лиц, приговорённых к расстрелу, были не так уж и редки.³⁵⁴ Это говорит о попытках прокуратуры предотвратить вынесение необоснованных приговоров в условиях скоротечного процесса и массовости контрреволюционных дел.

Таким образом, была создана ещё одна структура, став неофициальным органом юстиции, заменившая собой народные суды. В 1931 г. ими было осуждено по ст. 58-2 (организация в контрреволюционных целях вооружённых восстаний), 58-5 (участие в организации или содействие организации, действующей в направлении помощи международной буржуазии), 58-8 (организация терактов) 56 458 человек, из них 29 751 человек – кулаки, остальные более 25 тыс. – середняки и бедняки.³⁵⁵ «Тройки» и суды действовали предельно жёстко. К этому их обязывали партийные директивы, ориентировавшие противодействие нормальной деятельности госучреждений органы ОГПУ, суды и прокуратуру на исключительную жёсткость приговоров. Так, в директиве обкома ВКП(б) от 14 февраля 1930 г. говорилось, что судебные репрессии по контрреволюционным делам (кулацким) должны оставаться исключительно жёсткими вплоть до высшей меры социальной защиты – расстрела. Умышленная порча сельхозмашин и орудий должна была квалифицироваться по ст. 58-7 (экономическая контрреволюция) или по 58-9 (разрушение строений и сооружений УК). Обе статьи предусматривали высшую меру наказания».³⁵⁶

После того как обстановка в деревне накалилась до предела, стала угрожающей с переходом в состояние второй гражданской войны, власть отступила в давлении на крестьян. 10 и 14 марта Политбюро приняло постановление «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном строительстве». Признание ошибок ничего не меняло в политике по отношению к деревне. Виновными в «искривлениях» оказались не очень высокие провинциальные начальники и рядовые партийцы, привлечённые к коллективизации, т.е. те, кто выполнял указания свыше. На начало лета 1930 г. таковых в ЦЧО, например, оказалось 3275 человек, из которых осудили 1201.³⁵⁷ Над ними проводились показательные процессы по ч. 1 ст. 115 УК (незаконное задержание или незаконный привод, применение при допросе незаконных мер). Статья предусматривала наказание в виде лишения свободы на срок до одного года, а по второй части – применение незаконных методов допроса до пяти лет.³⁵⁸ Их обвиняли в реальных преступлениях, в частности, в делах фигурировали обвинения в незаконном раскулачивании, присвоении конфискованного имущества, преследовании учителей, нарушении их материально-правового положения, принуждении учительниц к половым связям, а также закрытии рынков, поголовном обходе дворов, запрещении молотить крестьянам зерно выше скудной потребительской нормы, принудительном распределении (с наганом) облигаций займа, нарушении всех сроков взимания налога, переводе бытовых отношений в классовые и т.д.³⁵⁹

Начались разбирательства и с органами юстиции. В директивном письме УКК Верховного Суда РСФСР по делам о терактах (утверждено Президиумом Верховного Суда 18.03.1930 г.) назывались ошибки судебных органов. Это осуждение значительного числа середняков и даже бедняков при отсутствии достаточных доказательств. С лёгкостью приваривали к высшей мере по делам, по которым было установлено лишь недовольство (без активных действий и тяжёлых последствий), отказы в обжаловании. Многие суды не справились с задачей жёсткими мерами воздействия заставить кулака и связанную с ним часть деревни отказаться от социально-опасных приёмов и методов сопротивления коллективизации, помогать классовому расслоению деревни, воспитывать основную часть крестьянства и на примере доказывать ей, что кулаки – враги.³⁶⁰ Судебная практика изобиловала неправильной квалификацией преступлений, что было связано порой с чрезмерным «усердием судей в классовой борьбе», а чаще давлением органов власти на суды принимать жёсткие решения. Например, такая ситуация сложилась с обвинениями крестьян в преступлениях, предусмотренных ст. 58-8 УК (теракт) и по другим «контрреволюционным» статьям. Часто, например, суды квалифицировали как террористический акт бытовые убийства на почве ревности, личной неприязни, убийства по другим мотивам. Уголовно-кассационная коллегия Верховного Суда РСФСР вынуждена была указать, что как террористический акт можно квалифицировать только убийства, связанные с классовой борьбой и общественно-политической деятельностью потерпевших.³⁶¹ В апреле 1932 г., когда значительное число людей уже были осуждены по ст. 58-8, приняли запоздалое решение о внесении в ст. 73 УК дополнения о разграничении террористических актов и общеуголовных преступлений, внешне с ними схожих. Часто поступали дела с неправильной квалификацией и с расширительным толкованием ст. 58-7 (вредительство) УК, за которое выдавалось халатное отношение к

³⁵² Там же.

³⁵³ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. М., 2000. Т. 2. С. 154, 165, 168.

³⁵⁴ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. М., 2000. Т. 2. С. 154, 165, 168.

³⁵⁵ Там же.

³⁵⁶ ГАТО. Ф. 527. Оп. 1. Д. 149. Л. 5.

³⁵⁷ Трагедия советской деревни. С. 479.

³⁵⁸ Уголовный кодекс РСФСР. 1926. Ст. 115.

³⁵⁹ ГАТО. Ф. 659. Оп. 1. Д. 147. Л. 116.

³⁶⁰ Там же. Ф. 527. Оп. 1. Д. 164. Л. 58.

³⁶¹ Там же.

службе; статьи 58-б (участие в контрреволюционной организации), когда не выяснялась конкретная роль обвиняемого в составе организации, не детализировались его преступные действия, а осуждали, например, за факт службы в белой армии. Нередки были случаи, когда ст. 58-13 (антисоветская пропаганда и агитация) суды применяли лишь за критические высказывания в адрес местных руководителей.³⁶² НКЮ в циркулярном письме от 29 апреля 1930 г. «О перегибах в судебной политике по уголовным делам» отмечал, что по уголовным делам, связанным с коллективизацией, в местах лишения свободы содержалось большое количество лиц, приговорённых с превышением санкций, установленных соответствующими статьями УК. Например, вместо условного срока давали 3 года заключения. Так, по ч. 1 ст. 61 УК, не предусматривавшей лишения свободы, таковое назначалось до двух лет. По ч. 2 ст. 61 максимальный срок предусматривался до одного года, приговаривали к двум и более годам. Часть 1 ст. 107 предусматривала лишение свободы до одного года, приговаривали к трём годам.³⁶³ Это ещё раз говорит о том, что судьи при вынесении приговора находились под жёстким давлением партийно-административных органов.

Формальное устранение «перегибов» не привело к отказу от сплошной коллективизации. Она продолжалась, как и продолжилось беззаконие в отношении крестьян. Официально конец массового гонения на крестьян и применения острых форм репрессий в деревне наступил в мае 1933 г. Правда, насилие в отношении крестьян конца 1920-х гг. в отличие от насилия периода «военного коммунизма» было облечено в формально юридические формы. Закон стал инструментом утверждения политической доктрины, а суды, прокуратура, ОГПУ, милиция, в целом правовая система стали «правовым обеспечением коллективизации». Правовая система именно в этот период окончательно заняла своё особое место в системе власти, основная роль которой заключалась в «содействии» реализации политической доктрины правовыми средствами. В сущности, закон стал наряду с силовым, налоговым, административным давлением основным методом решения экономических и политических проблем своими специфическими методами и способами.

Таким образом, сложившаяся после Октября 1917 г. односторонняя ориентация права на политику получила своё логическое завершение. Принцип законности был окончательно заменён принципом «революционной целесообразности», которую следует рассматривать как механизм юридической практики, активно применявшийся в конце 1920 – начале 1930-х гг. в целях воздействия на крестьян. «Инструментальное» применение закона в отношении крестьян становится повседневной практикой, что характерно для режимов авторитарного типа. Политическая доктрина являлась главным регулятором государственной и общественной жизни, закон играл лишь второстепенную роль, а местные партийные, советские структуры во взаимодействии с ОГПУ, судами и прокуратурой, составлявшие ядро всех кампаний конца 1930-х гг., были основными проводниками политической доктрины в жизнь. Советское право в этот период откровенно приобрело «служебную» роль, выполняя политический заказ руководства страны по подавлению сопротивления крестьянства насильственной коллективизации.

Т.Д. Надькин

РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА В ДЕРЕВНЕ МОРДОВИИ В ГОДЫ ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКИ И «БОЛЬШОЙ ТЕРРОР» 1937–1938 ГГ.

Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 10-01-23103 а/В

Новый отлив из колхозов, охвативший в 1932 г. как РСФСР в целом, так и Средневожский край в частности, показал, что окончательная «победа» колхозного строя в ряде регионов откладывается на неопределённое время. Низкие темпы коллективизации в начале второй пятилетки привели к ужесточению давления на единоличников. Очевидно, что отлив послужил одной из причин активизации репрессий в советской деревне. Так, 14 апреля 1933 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло предложение Средневожского крайкома о выселении 6 тыс. «кулацких» хозяйств и 1 тыс. хозяйств «наиболее разложившихся единоличников (саботирующих мероприятия советской власти, злостно и систематически не выполняющих государственные задания, ударившихся в спекуляцию)».³⁶⁴

Разосланный 19 апреля 1933 г. циркуляр полномочного представительства ОГПУ по Средневожскому краю определил контингент, подлежащий высылке: «во-первых, кулаки, вычищенные из колхозов; во-вторых, семьи кулаков, репрессированных судебными органами или органами ОГПУ (высланных или осуждённых); в-третьих, беглые кулаки, снимаемые из промышленных предприятий, совхозов и МТС; в-четвёртых, беглые кулаки из спецпосёлков; в-пятых, единоличники».³⁶⁵ «Подбор семей, подлежащих выселению, производится на основании имеющихся в органах ОГПУ агентурных и учётных данных, а также путём выявления кулацких хозяйств, указанных выше категорий, непосредственно на месте... Вся подготовительная работа по выявлению и учёту кулацких хозяйств должна проводиться без огласки и без постановки этого вопроса на обсуждение местных партийных организаций, колхозных и рабочих собраний».³⁶⁶ Разрешалось за 10 – 14 дней до начала выселения произвести арест глав семей (при их отсутствии – трудоспособных мужчин) с тем, чтобы содержать их в райцентре до момента выселения.³⁶⁷

Мордовский облотдел ОГПУ всем начальникам райотделов и райуполномоченным ОГПУ дал развёрстку о количестве выселяемых по районам Мордовии. «Отдельные районы подошли несерьёзно к определению наличия в районе подлежащего выселению контингента, – констатировал облотдел ОГПУ. – Так, в сторону преувеличения – Старошайговский район (свыше

³⁶² Там же.

³⁶³ ГАТО. Ф. 659. Оп. 1. Д. 162. Л. 87.

³⁶⁴ Центральный государственный архив Республики Мордовия (далее – ЦГА РМ). Ф. Р-238. Оп. 11. Д. 42. Л. 15; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927 – 1939. Документы и материалы : в 5 т. Т. 3. Конец 1930 – 1933. М., 2001. С. 739.

³⁶⁵ ЦГА РМ. Ф. Р-248. Оп. 3. Д. 32. Л. 210.

³⁶⁶ Там же. Л. 208.

³⁶⁷ Там же.

700 кулацких хозяйств), Ковылкинский район (свыше 400) и в сторону значительного преуменьшения – Темниковский район (всего 16 кулацких хозяйств)».³⁶⁸

Как проходила работа по подготовке к выселению, можно проследить на примере Ардатовского района. По решению облотдела ОГПУ из сёл района намечалось выселить 85 хозяйств, в том числе 15 хозяйств из Ардатова. Кроме того, подлежали выселению 20 хозяйств «разложившихся единоличников с семьями».³⁶⁹ В протоколе о выселении за пределы Средневолжского края от 2 мая 1933 г. значатся 153 хозяйства, из которых семей «кулаков-единоличников» – 57, вычищенных из колхозов в 1931 г. – 19, в 1932 г. – 17, в 1933 г. – 28, красноармейцев – 11, колхозников – 17.³⁷⁰ Оформлено к выселению и утверждено районными и областными органами 120 хозяйств.³⁷¹ После получения санкции на арест глав семей выселяемых «кулаков» было арестовано 67 человек.³⁷²

Однако 10 мая 1933 г. Политбюро ЦК ВКП(б) разослало секретную инструкцию, в которой снова давалось указание о прекращении «всяких массовых выселений крестьянства», при этом оговаривалось, что выселение допускается «в индивидуальном и частичном порядке и в отношении только тех хозяйств, главы которых ведут активную борьбу против колхозов и организуют отказ от сева и заготовок».³⁷³ В «индивидуальном порядке» предлагалось выселить 12 тыс. хозяйств, в том числе 1 тыс. из Средневолжского края.³⁷⁴

Тем не менее эта инструкция способствовала спаду в развитии новой волны репрессий, когда местные пытались решить возникшие проблемы чисто административными мерами. Так, с получением данного документа в Ардатовском районе был отменён арест в отношении остальных намеченных к выселению глав семей. Кроме того, 43 из 67 арестованных были освобождены.³⁷⁵

Согласно установке партийно-советских органов Средневолжского края для Мордовской АО было дано задание в счёт разрешённой 1 тыс. семей выселить за пределы области 215 семей, что и было осуществлено в мае 1933 г. Всего выслали из области 201 семью.³⁷⁶ Например, из Ардатовского района было выселено 17 семей и 4 человека-одиночки, а всего 84 человека, из них мужчин трудоспособных – 29 чел., нетрудоспособных – 3; женщин трудоспособных – 15, нетрудоспособных – 8; детей от 4 месяцев до 15 лет – 29 человек.³⁷⁷

Логическим завершением процесса «ликвидации кулачества как класса» на территории Мордовии стало создание спецпосёлений для «кулаков» в конце лета – начале осени 1933 г. и выселение в конце ноября – декабре на строительство Беломорско-Балтийского канала.

10 июля 1933 г. Средневолжский крайисполком в постановлении «О кулацких хозяйствах» вновь потребовал «приступить к организации в крае кулацких посёлков по 1–2 в пределах района».³⁷⁸ В нём повторялись основные положения документов 1930–1931 гг. по организации спецпосёлков, но значительно понижалась норма выделения земли для выселяемых по сравнению с предыдущими годами (4–5 га на 1 хозяйство в 1931 г. и 1–2 га в 1933 г.). 16 июля на места было разослано постановление Мордовской областной хлебопаятерки «О кулацких посёлках», в котором предполагалось провести выселение до 10 августа 1933 г.³⁷⁹ Конец июля – начало августа – это время всплеска активной работы над проектами выделения участков земли под спецпосёлки³⁸⁰, на которые предполагалось выселять тот же контингент, что и в мае 1933 г. В «Сведениях о спецпосёлках в районах Мордовской области», представленных Первым отделом областного земуправления 7 августа 1933 г., предусматривалось создание 30 спецпосёлков в 17 районах области с общим количеством выселённых хозяйств 1131 (без учёта сведений по Темниковскому району).³⁸¹ По другим данным, на 19 августа в 17 районах должно было существовать 28 спецпосёлков с 1239 хозяйствами.³⁸² В архивах Республики Мордовия имеются сведения о создании 13 спецпосёлков в 11 районах из 18.

В Ардатовском районе спецпосёлок был создан за счёт земель единоличников с. Луныга. В ходе подготовки к выселению был составлен список на 102 семьи, при этом в нём оказались лица, даже не лишённые избирательных прав. Через «кулацкий» посёлок с августа по конец декабря 1933 г. прошло 54 хозяйства, из которых 8 не были даже лишены избирательных прав и 7 восстановлены райисполкомом и возвращены в свои сёла, 24 семьи самовольно выехали на заработки, 6 семей выселены на строительство Беломорско-Балтийского канала. На 30 декабря, согласно акту обследования спецпосёлка районным прокурором, в нём оставалось 9 человек – глав «кулацких» семей в возрасте от 35 до 63 лет. Все они жили в одной землянке. В посёлке имелись: один дом, две избы, конный двор и конюшни, семь крайне истощённых лошадей. При переселении у крестьян были отобраны все запасы продовольствия, а в спецпосёлке им не выдавались никакие продукты. Население посёлка существовало «за счёт собирания подачек в окружающих селениях».³⁸³

В Большеигнатовском районе намечалась организация двух спецпосёлков (70 хозяйств) в районе с. Горки и Вармазейка. К осени были выселены в один из них (в документе не отмечено его местонахождение) две семьи и 16 глав семей. На 2 января 1934 г., согласно акту обследования прокурором района, в посёлке находился 21 человек, в том числе 14 глав семей, которые жили в одном доме и бане.³⁸⁴

³⁶⁸ ЦГА РМ. Ф. Р-248. Оп. 3. Д. 32. Л. 222.

³⁶⁹ Там же. Л. 221.

³⁷⁰ Там же. Д. 35. Л. 1–35.

³⁷¹ Там же. Д. 32. Л. 259.

³⁷² Там же.

³⁷³ Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930 – 1940: в 2 кн. М., 2005. Кн. 1. С. 609.

³⁷⁴ Там же.

³⁷⁵ ЦГА РМ. Ф. Р-248. Оп. 3. Д. 32. Л. 249.

³⁷⁶ ЦГА РМ. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 14. Л. 66 об.

³⁷⁷ ЦГА РМ. Ф. Р-248. Оп. 3. Д. 32. Л. 249.

³⁷⁸ Государственный архив Самарской области (далее – ГАСО). Ф. Р-779, оп. 3. Д. 79. Л. 57 – 59.

³⁷⁹ ЦГА РМ. Ф. Р-309. Оп. 2. Д. 57. Л. 11.

³⁸⁰ Там же. Л. 2–3.

³⁸¹ Там же. Л. 223, 302.

³⁸² ЦГА РМ. Ф. Р-1520. Оп. 8. Д. 36. Л. 49.

³⁸³ ЦГА РМ. Ф. Р-238. Оп. 11. Д. 155. Л. 24–25; ф. Р-437. Оп. 1. Д. 42. Л. 12.

³⁸⁴ ЦГА РМ. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 42. л. 13.

В Дубенском районе спецпосёлок был организован во второй половине августа около с. Тазина. Согласно акту обследования прокурором района, в посёлке 6 марта 1934 г. находилось 27 семей с 159 едоками (из них мужчин – 83, женщин – 76). Со дня организации было 5 побегов глав семей.³⁸⁵

В Зубово-Полянском районе в начале сентября 21 крестьянская семья была выселена на участок около с. Березинка. На момент обследования спецпосёлка прокурором района 17 января 1934 г. в нём проживала одна семья в количестве пяти человек. Главе семьи комендантом была поручена охрана имущества посёлка. Из остальных семей 6 были высланы на строительство Беломорско-Балтийского канала, 14 семей разошлись «ввиду тяжёлых материальных условий».³⁸⁶

В Ичалковском районе спецпосёлок был создан при с. Протасове, в него переселили 18 семей. Согласно акту обследования народным следователем при участии коменданта посёлка, на 11 января 1934 г. в нём оставалось 4 семьи, 8 семей были выселены по линии ОГПУ, 6 восстановлены в избирательных правах. В посёлке было построено 6 жилых помещений с сенями при каждом, из них 3 избы крыты соломой и 3 железом. По заявлению коменданта вначале люди, убеждённые, что это будет их постоянное место жительства, работали, «без внешнего вмешательства». С выселением семей по линии ОГПУ «уверенность у посёленцев парализовалась, появилась склонность к дезертирству».³⁸⁷

В Кочкуровском районе «кулацкий» посёлок организован рядом с Пермским торфохозяйством. Сначала была переселена 31 семья в количестве 142 человека. В спецпосёлок перевезли 26 домов, из них отремонтировали и отстроили 18. В этих домах по 2–3 семьи и жили посёленцы. Осенью труд посёленцев использовался в торфохозяйстве. С прекращением там работ «кулаки» попали в трудное материальное положение, особенно плохо обстояло дело с продовольствием. На главу семьи выдавалось 600 г хлеба, на членов семьи – 100 г в день.³⁸⁸ Количество посёленцев постоянно менялось. В конце осени 8 семей были высланы на строительство Беломорско-Балтийского канала. Зимой 11 человек сбежали. Но контингент посёлка постоянно пополнялся. На 10 февраля 1934 г. в нём находились 33 семьи (178 человек), на 15 апреля – 34 семьи (185 человек). К 1 мая – из 189 человек (35 семей) умерли «взрослых и малых 7 человек». На 13 августа 1934 г. в спецпосёлке остались 26 семей с 117 едоками, из них трудоспособных – 69 человек, нетрудоспособных – 48 человек.³⁸⁹

В Саранском районе было создано два спецпосёлка: один – около с. Скрябино, другой – около с. Саловка. В первом на 12 октября 1933 г. находилось не менее 6 семей с 33 едоками, во втором на 8 октября – 17 семей с 80 едоками. В обоих посёлках большинство посёленцев жили в недоделанных домах (не покрыта изба, не сложена печь и т.п.).³⁹⁰ По сообщению прокурора г. Саранска, к 20 января спецпосёлок около с. Скрябино был ликвидирован, а около с. Саловка передан в Ромодановский район.³⁹¹

В Старошайговском районе один спецпосёлок располагался в 3 км от с. Сивинь, второй – в 1,5 км от деревни Гавриловка. В каждый из них было выселено по 32 семьи. В первом посёлке было построено 22 жилых дома, из колхозов передали 9 рабочих лошадей и к ним сбрую и сельхозинвентарь. На день обследования спецпосёлка районным прокурором (8–9 января 1934 г.) осталось 17 семей (80 человек), две неспособные к работе лошади. Фуража для лошадей не было, продовольствия для посёленцев тоже. Последние кормились «сбором с населения».³⁹² Со дня организации 5 семей (24 человека) бежали, 4 семьи выселены «по спецназначению», 6 освобождено вследствие восстановления их в избирательных правах. Во втором посёлке было построено 25 жилых домов, 2 конюшни и 2 бани. Колхозы выделили 7 лошадей и сельхозинвентарь. На день обследования в посёлке находилось 20 семей. Из 32 семей 5 отправили по спецназначению, а одна была освобождена. Где находились остальные, не знал и сам комендант спецпосёлка.³⁹³

В Темниковском районе спецпосёлок создали около посёлка Бочин-Бугров. Всего в него предполагалось переселить 16 семей. На 18 января 1934 г., по сообщению прокурора района, в нём проживали 3 семьи (18 человек) в одном пятистенном доме. Остальные за неимением жилья жили на квартирах в посёлке Бочин-Бугров.³⁹⁴

В Теньгушевском районе 16 августа 1933 г. на участок, принадлежавший ранее Шокшинскому колхозу, были выселены 17 семей из 32 запланированных. К 17 января 1934 г. в посёлке не осталось не одного посёленца. Из-за отсутствия запасов питания, необеспеченности жильём спецпосёлок «развалился».³⁹⁵

В Чамзинском районе в спецпосёлок были переселены 36 семей. Его местонахождение в документе не обозначено, но, согласно «Сведениям о спецпосёлках...», он относился на территории Большеберезниковского сельсовета. К моменту проверки районным прокурором (30 декабря 1933 г.) в нём осталось 28 семей. Из остальных 3 высланы за пределы края и 4 возвращены в свои сёла. Построены 15 деревянных изб и 4 землянки. В некоторых избах жили по 2 семьи.³⁹⁶

По предварительным подсчётам, через 13 спецпосёлков («кулацких» посёлков) в Мордовии в течение года (осень 1933 г. – лето 1934 г.) прошло более 300 крестьянских семей. Условие жизни и труда в районных спецпосёлках Мордовии были менее тяжёлые, чем в спецпоселениях Севера, Сибири или Казахстана. Сказывалась близость родных сёл и деревень, из которых были выселены крестьяне. Кроме того, коменданты посёлков часто сами были не в состоянии контролировать их население, поэтому часть посёленцев совершала побег. Вырванные из родных мест и брошенные на необжитые участки, иногда даже без питьевой воды, оставшиеся к зиме 1933 – 1934 гг. без продовольствия, посёленцы были вынуждены нищенствовать и заниматься воровством в окружающих селениях. Большинство районных спецпоселений для «кулаков» и «разложившихся единоличников» в Мордовии распалось в первые годы существования.

³⁸⁵ Там же. Л. 20.

³⁸⁶ Там же. Л. 17.

³⁸⁷ Там же. Л. 14.

³⁸⁸ Там же. Л. 22.

³⁸⁹ ЦГА РМ. Ф. Р-1520. Оп. 8. д. 36. л. 32–70.

³⁹⁰ ЦГА РМ. Ф. Р-165. оп. 2. Д. 128. л. 1–28.

³⁹¹ ЦГА РМ. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 42. Л. 21.

³⁹² ЦГА РМ. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 42. Л. 16–16 об.

³⁹³ Там же.

³⁹⁴ ЦГА РМ. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 42. Л. 20.

³⁹⁵ Там же. Л. 10–11.

³⁹⁶ ЦГА РМ. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 42. Л. 18.

Создание районных спецпоселений на территории Мордовии в 1933 г. имело целью ускорить завершение процесса коллективизации. Колхозникам, вышедшим из колхозов в ходе отлива 1932 г., а также оставшимся единоличникам на конкретных примерах было показано, что их может ожидать в случае несогласия с проводимой в деревне политикой.

В августе 1933 г. Политбюро ЦК разрешило ОГПУ изъять в «индивидуальном порядке из сёл Союза особо злостный кулацкий элемент» для заселения Беломорско-Балтийского канала.³⁹⁷

8 ноября 1933 г. ПП ОГПУ по Средневолжскому краю во исполнение директивы ОГПУ о выселении из края 2 тыс. семей на строительство Беломорско-Балтийского канала дало конкретные указания начальникам районных отделений о порядке отбора, выявления «кулацких» семей, сроках и порядке выселения.³⁹⁸ Операция по выселению проводилась в конце ноября – декабре 1933 г., при этом часть семей была выслана из только что организованных районных спецпосёлков.

Из Ардатовского района было выслано 15 семей, из которых 3 семьи единоличников, 2 – «кулаков-единоличников», 8 – вычищенных из колхозов в 1931 – 1933 гг.³⁹⁹ В Ичалковском районе выселены 8 семей полностью и 4 человека – глав семей (всего 40 человек)⁴⁰⁰ Из Темниковского района «все кулаки, подлежащие выселению в количестве 15 хозяйств, отправлены по назначению».⁴⁰¹ Торбеевскому райисполкому было дано задание выселить 10 хозяйств, а прокурором района совместно с райкомиссией были арестованы 13 семей, из них выселены 7 семей (24 человека).⁴⁰² Из Чамзинского района были выселены 12 семей.⁴⁰³ Кроме того, было намечено к выселению из Саранского района 19 семей, из Старошайговского района 15 семей.⁴⁰⁴ В Теньгушевском районе из 13 семей, намеченных к выселению, были утверждены 12, «из которых у двух семей оказалось, что главы семей – инвалиды второй группы».⁴⁰⁵

Таким образом, за 1933 г. не менее 500 семей были переселены на внутрирайонные спецпосёлки и за пределы Мордовии, в том числе более 100 семей отправлены на строительство Беломорско-Балтийского канала.

Если массовое «раскулачивание» и выселение десятков тысяч крестьянских хозяйств с 1933 г. ушло из политики советской власти в деревне, то применение административных мер воздействия, угроз и запугивания, конфискация имущества, арестов за невыполнение заданий по заготовкам сельхозпродукции как в отношении единоличников, так и колхозников, по-прежнему занимали существенное место в практической работе местных советско-партийных органов.

Одной из широко распространённых репрессивных мер был отбор земельных участков у единоличных хозяйств, даже у тех, кто не прекращал их обработку, и передача их колхозам. Это были явно незаконные действия, но очевидно, по мнению местных властей, он способствовал их вхождению в колхозы. Например, в с. Атюрьево Торбеевского района в июне 1933 г. 125 хозяйств были лишены земельных наделов, среди них и бедняки, имевшие свои посевы и закончившие весенний сев.⁴⁰⁶ Незаконные отрезки земли единоличников не прекращались в дальнейшем. В 1936 г. в связи с вручением актов на вечное пользование землёй колхозам в Торбеевском районе единоличникам оставили всего 400 – 500 га земли, в Большеигнатовском районе на 1120 единоличных хозяйств – 300 га (т.е. 0,26 га на хозяйство), в Кадошкинском районе вся земля была отдана колхозам.⁴⁰⁷

Единоличникам было довольно трудно выполнять «свои обязательства» по хлебопоставкам, мясоналогу и финансовым платежам, которые повышались из года в год. Некоторые сельские Советы и руководящие работники районных организаций применяли, по данным председателя СНК МАССР А.Я. Козикова, «массовые огульные репрессии» (штрафы, аресты, обыски, отбор лошадей, коров и т.п.) не только против «действительно саботирующих выполнение обязательств», но и в отношении добросовестных хозяйств.⁴⁰⁸ Штрафовали все, кому только вздумается: правления колхозов, бригадиры, председатели сельсоветов и другие работники.⁴⁰⁹ Например, в с. Кочелаево Ковылкинского района сельсовет с утверждения уполномоченного комитета заготовок Совнаркома МАССР и санкции райисполкома производил массовые штрафы единоличников: с 1 по 12 августа 1936 г. были оштрафованы 287 из 476 хозяйств, имевшихся в селе.⁴¹⁰ В Неклюдовском сельсовете Дубенского района было оштрафовано 7 хозяйств за невыполнение хлебопоставок. Однако при проверке оказалось, что эти хозяйства хлеб уже сдали и имели на руках квитанции. В Булдыгинском, Мордовско-Полянском, Тарханно-Потьминском, Журавкинском сельсоветах Зубово-Полянского района, а также в ряде сельсоветов Ардатовского района у единоличников, не сдававших хлеб, производились массовые обыски и изъятия различных домашних вещей (валенки, платки, полотенца, рубашки и т.п.).⁴¹¹ В ряде сёл Темниковского района за неуплату сельхозналога, зернопоставок произведён был массовый отбор скота (лошадей, коров, овец) и мелкой птицы. При этом вместо «реализации этого имущества на общих основаниях продавали этот скот за бесценок, а часть скота передавали потребительской кооперации по заготовительным ценам».⁴¹² В колхозе им. Фрунзе Дракинского сельсовета за 1936 г. оштрафованы 70 колхозников на 830 трудодней.⁴¹³ Руководители МАССР пытались прекратить «незаконное применение к добросовестным единоличникам» репрессий и наказать виновных. Однако одновременное требование обеспечения государственных поставок хлеба, картофеля, мяса и другой продукции часто снова приводило к тем же «извращениям». Так, в октябре 1935 г., по сообщению из Краснослободского района, в сёлах Демина Поляна и Старое Синдрово работники сельсовета в отсутствие домохозяев с

³⁹⁷ Политбюро и крестьянство : высылка, спецпоселение. 1930 – 1940 : в 2 кн. Кн. 1. М., 2005. С. 629.

³⁹⁸ ЦГА РМ. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 42. Л. 32; Политбюро и крестьянство : высылка, спецпоселение. 1930 – 1940 : в 2 кн. Кн. 2. М., 2006. С. 426.

³⁹⁹ ЦГА РМ. Ф. Р-248. Оп. 1. Д. 35. Л. 36.

⁴⁰⁰ ЦГА РМ. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 42. Л. 36.

⁴⁰¹ Там же.

⁴⁰² ЦГА РМ. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 42. Л. 40.

⁴⁰³ Там же. Л. 47.

⁴⁰⁴ Там же. Л. 33.

⁴⁰⁵ Там же. Л. 42.

⁴⁰⁶ ЦГА РМ. Ф. Р-238. Оп. 11. Д. 87. Л. 165.

⁴⁰⁷ ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 3. Д. 18. Л. 65.

⁴⁰⁸ ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 3. Д. 2. Л. 282.

⁴⁰⁹ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 2. Д. 475. Л. 6.

⁴¹⁰ ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 3. Д. 2. Л. 282.

⁴¹¹ Там же. Л. 283.

⁴¹² Там же.

⁴¹³ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 2. Д. 475. Л. 6.

сундуков и амбаров сшибали замки и производили изъятие сох, борон, багров, уздечек, старых и рваных полушубков, которые складывали в помещении сельсовета. В с. Селищи председатель сельсовета занимался рытьём картофеля у единоличников и отправлял его в счёт хлебопоставок государству.⁴¹⁴

О бесправном положении колхозников в некоторых колхозах свидетельствует следующее. В с. Татарские Юнки Торбеевского района председатель колхоза, председатель сельсовета и бригадир колхоза в 11 часов ночи вызвали в сельсовет колхозников З. Кадралиева и И. Китаева, являвшегося в 16 лет ударником колхозного труда, и предъявили им обвинение в краже пшеницы. Колхозники эти обвинения отвергли, и тогда указанные руководители, раздев их, стали «наносить удары ремненным кнутом до кровавых рубцов».⁴¹⁵

Пытаясь решить проблему недостаточно высоких показателей по коллективизации в отдельных районах и сёлах, местные руководители по-прежнему отдавали предпочтение насильственным способам убеждения аналогичным методам 1930–1931 годы. Многочисленные факты таких действий сообщались руководству Мордовии в годы второй пятилетки, например начальником УНКВД В.М. Вандом.

Репрессии обрушивались и на партийно-советских работников различного уровня, руководителей колхозов, совхозов и МТС. При этом значительная часть из осуждённых понесла наказание вполне заслуженно. Доказательством служат многочисленные сообщения о «перегибах» и «искривлениях», хотя именно директивы вышестоящих органов толкали их на эти преступления. Некоторые местные руководители, особенно в голодные годы, пытались облегчить положение колхозников и единоличников. Их, как правило, обвиняли в связи с «кулачеством» и снимали с работы вплоть до привлечения к уголовной ответственности.

О текучести кадров на селе говорят следующие факты: с 1930 г. в МАССР в качестве председателей колхозов работало всего 1,7%; с 1931 г. – 2,2; с 1932 г. – 4; с 1933 г. – 5,7; с 1934 г. – 22,4; с 1935 г. – 43,7; с 1936 г. – 20,3%.⁴¹⁶ Проведённой в 1936 г. проверкой были установлены следующие причины снятия председателей колхозов за 1935 г. и частично за 1936 г.: из 421 человека снято за «несправляемость с работой» – 58 человек, за «халатное отношение к делу» – 55, за «уголовные преступления» – 96, за «пьянство и бытовое разложение» – 62, «классово-чуждых» – 9, за «нарушения устава сельхозартели» – 4, «переброска и выдвижение» – 51, по другим причинам – 86 человек.⁴¹⁷

В конце второй пятилетки деревня вновь была потрясена массовыми репрессиями, связанными с исполнением известного оперативного приказа наркома внутренних дел СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» от 30 июля 1937 г., хотя выселения и переселения крестьянских семей не прекращались и в предыдущие годы. В первоначальном варианте для Мордовской АССР согласно протоколу № 51 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 10 июля 1937 г. об утверждении лимитов репрессированных было утверждено к расстрелу «кулаков 930 человек, уголовников 320 человек и высылке кулаков 1883 человека, уголовников 380 человек.»⁴¹⁸ (всего 3513 человек). Однако в самом оперприказе число репрессированных было уменьшено с 3513 до 1800 человек, в том числе по «первой категории» – 300 человек, по «второй категории» – 1500 человек.⁴¹⁹ Тем не менее эти лимиты по репрессированным по просьбе местных властей неоднократно увеличивались. В первую очередь предлагалось подвергать репрессиям «контингенты», отнесённые к «первой категории».⁴²⁰

Первые результаты выполнения оперприказа № 00447 по Мордовской АССР были следующие: на 15 августа 1937 г. были арестованы 288 человек (в том числе «бывших кулаков» – 200 человек), из них 110 человек приговорены к расстрелу.⁴²¹ Маховик репрессий продолжал раскручиваться, так как под действие приказа мог попасть человек, как живущий в сельской местности в данное время, так и мигрировавший из неё. На 30 сентября 1937 г. в Мордовии были арестованы уже 761 человек, а осуждены 629 человек, в том числе к расстрелу – 355; на 1 января 1938 г. были арестованы и осуждены 2395 человек, в том числе к расстрелу – 892 человека⁴²²; на 1 марта были арестованы и осуждены 3 тыс. человек, в том числе к расстрелу – 1497 человек.⁴²³ Таким образом, план репрессий, обозначенный в оперприказе № 00447 НКВД СССР в целом в Мордовии был перевыполнен на 1,2 тыс. человек или на более чем 66%. О том, что аресты продолжались в МАССР, и дальше свидетельствует, например, рапорт начальника Ардатовского райотделения НКВД заместителю наркома внутренних дел МАССР: «С 26 по 30 марта 1938 г., находясь в Ардатовском районе, провел операцию: К аресту подлежало 66 человек, операцию провёл в три очереди, с 27 по 28 марта произвёл операцию по городу Ардатову, где подлежало аресту 30 человек с 28 на 29 марта произвёл операцию в селе Четвертаково, где подлежали аресту 22 человека, и с 29 на 30 марта произвёл операцию в остальных населённых пунктах Ардатовского района. В результате операции арестовано 58 человек, не арестовано 8 человек».⁴²⁴

Одновременно с реализацией оперприказа № 00447 по сельским районам страны прокатились показательные судебные процессы, значительно расширившие масштабы чисток, исходной точкой для которых стала директива от 3 августа 1937 г. С августа 1937 г. областная печать усиливает идеологическую обработку населения. Например, «Красная

⁴¹⁴ Там же. Л. 285.

⁴¹⁵ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 2. Д. 277. Л. 22.

⁴¹⁶ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 2. Д. 313. Л. 8.

⁴¹⁷ Там же. Л. 8.

⁴¹⁸ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927 – 1939. Документы и материалы : в 5 т. Т. 5. 1937 – 1939. Кн. 1. 1937. М., 2006. С. 325.

⁴¹⁹ Там же. С. 332; От ВЧК до ФСБ : История и современность Управления ФСБ Российской Федерации по Республике Мордовия. Саранск, 2003. С. 144–149.

⁴²⁰ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927 – 1939. Документы и материалы : в 5 т. Т. 5. 1937 – 1939. Кн. 1. 1937. М., 2004. С. 334.

⁴²¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927 – 1939. Документы и материалы : в 5 т. Т. 5. 1937 – 1939. Кн. 1. 1937. М., 2004. С. 345.

⁴²² При том, что было утверждено к аресту «первой категории» 740 человек (см.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927 – 1939. Документы и материалы : в 5 т. Т. 5. 1937 – 1939. Кн. 1. 1937. М., 2006. С. 389). Там же. С. 369, 389.

⁴²³ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927 – 1939. Документы и материалы : в 5 т. Т. 5. 1937 – 1939. Кн. 2. 1938 – 1939. М., 2006. С. 57.

⁴²⁴ Память: жертвы политических репрессий. Саранск, 2000. С. 818.

Мордовия» запестрела сообщениями о разоблачении «вредителей»: «Выкорчевать последствия вредительства», «К чему приводит политическая беспечность», «Уборка затянулась», «Вражеские дела в строительстве машинно-тракторных мастерских», рубрика «Из зала суда» и др.

В 1937–1938 гг. в МАССР как «враги народа», по подсчётам Е.Н. Тязина, были «разоблачены» около 200 человек, в том числе

4 председателя ЦИКа, СНК и заместитель председателя СНК, 12 наркомов и зам. наркомов, 5 секретарей обкома ВКП(б), 27 руководящих работников ЦИКа, СНК и обкома ВКП(б), 34 секретаря райкомов партии, 10 председателей райисполкомов.⁴²⁵ Партийному активу о бывшем первом секретаре обкома партии М. Д. Прусакове сообщили, что он «разваливал колхозы, срывал хлебозаготовки. В Саранске по его указанию пеньковый комбинат построили в яме, а котонинную фабрику и Саранскую ТЭЦ-1 – вблизи республиканской больницы, чтобы осложнять лечение больных... ставленники Прусакова в Сарлегпромстрое вредительски вели строительство. На котонинной фабрике они создали террористическую группу, которая совершила 27 поджогов сырья».⁴²⁶

Первый крупный показательный политический процесс прошёл в г. Саранске в октябре 1937 г. На выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР было рассмотрено дело «террористов и вредителей» Рузаевской заготконторы Мордовпотребсоюза. «Террористы» были приговорены к высшей мере наказания. В ходе процесса особо подчёркивалась связь подсудимых с партийным и советским руководством района и республики.⁴²⁷ В конце 1937 г. прошла серия судебных дел по районам республики. Все они напоминали отлаженные, хорошо отрепетированные спектакли, в ходе которых подсудимые, опережая обвинителя, вставали и признавали свою вину.

Большинство представителей республиканской элиты были уничтожены в ходе работы в Саранске выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР (май 1938 г.). В ходе процесса судили так называемую «правотроцкистскую буржуазно-националистическую террористическую организацию», руководителем которой значился М. Д. Прусаков. В утверждённом наркомом внутренних дел МАССР полковником Красовским обвинительном заключении было отмечено: «НКВД МАССР вскрыта и ликвидирована антисоветская организация, являвшаяся филиалом московско-правотроцкистского блока, ставило своей задачей – путём организации террора, шпионажа, диверсий, подрыва народного хозяйства и благосостояния трудящихся, свержение советской власти, расчленение Советского Союза и реставрацию капитализма».⁴²⁸ Тогда по сфальсифицированному делу были осуждены и расстреляны около 100 человек.

Учёт «антисоветского элемента» продолжался и после прекращения «Большого террора». Видимо, власть опасалась, что «вычищены» далеко не все «саботажники» и «вредители». Так, согласно «Политико-экономической характеристике Мордовской АССР на 15 августа 1940 г.» на учёте в районах республики состоял 6021 человек.⁴²⁹

После официально провозглашённой «победы колхозного строя» в основных зерновых районах и указания о прекращении «всяких массовых выселений крестьянства» репрессии в деревне, хотя и потеряли на время актуальность, однако по-прежнему применялись местными руководителями для решения целого ряда задач (например, завершения коллективизации, сбора налогов).

Убийство С.М. Кирова в 1934 г. стало поводом для новой волны репрессий. Однако основным объектом репрессивной политики до середины 1937 г. оставались партийные, советские и хозяйственные работники различного уровня, обвинённые заслуженно и незаслуженно в различного рода преступлениях против государства. Одновременно шёл и процесс пересмотра дел о частичном или полном отчуждении имущества в ходе «раскулачивания», налоговых, посевных и уборочных и других кампаний. Всё это создавало в обществе иллюзию восстановления элементарной справедливости и перекладывало всю ответственность за бесчеловечное отношение к простым сельским труженикам на «стрелочников». Для сельских жителей «час икс» настал 30 июля 1937 г. Советская власть припомнила некоторым крестьянам их якобы «кулацкое» прошлое, и снова по городам и сёлам прокатилась волна массовых арестов «бывших кулаков», «уголовников» и «прочих антисоветских элементов».

По подсчётам Н.А. Ивницкого, в течение 1929 – 1937 гг. в связи с коллективизацией и другими хозяйственно-политическими кампаниями (налоговыми, заготовительными и т.п.) в СССР было репрессировано не менее 750 тыс. крестьянских хозяйств, и примерно 200 – 250 тыс. хозяйств покинули свои сёла, бросив своё имущество из-за боязни попасть в списки «кулаков» или «антисоветских элементов». Это примерно 5–6 млн. человек.⁴³⁰ Среди репрессированных оказались и более 7–8 тыс. «раскулаченных» хозяйств в Мордовии, в том числе не менее 3,3 тыс. выселенных со своего местожительства в 1930 – 1933 гг., и, очевидно, ещё несколько тысяч семей, члены которых подверглись репрессиям в последующие годы, в том числе в ходе «Большого террора» 1937 – 1938 годы.

Л.Е. Яковлева, П.П. Щербинин

ПОСТОЯННАЯ ПОВИННОСТЬ И КРЕСТЬЯНСТВО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII В.

Изучая постоянную повинность в России в XVIII в. невозможно не затронуть проблему взаимоотношений военных и аграрного социума. По оценкам А. Чужбинского: «...военный постой одна из тяжелейших повинностей, замечателен тем, что в иных местностях является постоянною обязанностью, как городских, так и сельских жителей, а в других остаётся

⁴²⁵ Тязин Е.Н. Репрессии 1930-х годов. Мордовия : энцикл. : в 2 т. Т. 2 : М – Я. Саранск, 2004. С. 236.

⁴²⁶ Цит. по: История Мордовии : в 3 т. Т. 3. От Гражданской войны к гражданскому миру : монография. Саранск, 2010. С. 235.

⁴²⁷ Там же. С. 236.

⁴²⁸ Там же.

⁴²⁹ Архив УФСБ РФ по РМ. Д. 13-2. Л. 11.

⁴³⁰ Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. М., 2004. С. 30.

невиданным явлением...».⁴³¹ К тому же при малейшем неурожае постой становился чрезвычайно обременительным: «например, в губернии саранча и неурожай, а солдат всё равно не выводят хотя жители без хлеба. Представьте себе положение бедных жителей и положение солдат. Какою пищей они питались? Причина такого положения сельских жителей не в постое, а в несообразности при распределении войск по деревням, да плюс несообразность с местной обстановкой».⁴³²

Заметим, что сама система расквартирования войск делала солдата зависимым от местных условий, которые очень сильно отличались по всей Российской империи в экономическом, географическом и культурном плане. Размещение большинства отрядов полностью зависело от решения военных властей, при этом плотность населения и экономическое развитие региона не были решающими факторами. В результате было глубокое расхождение между местными возможностями и потребностями армии⁴³³, от чего могло происходить ещё большее непонимание солдат с местным населением. Тем более нельзя не согласиться с В.В. Лапиным о том, что вторжение постороннего человека в жизнь дома, в жизнь семьи подчас обходилось обывателю дороже, чем выплата какого-нибудь фиксированного налога и отправление другой, пусть и тяжёлой физически, но не столь «хлопотной» повинности.⁴³⁴

Немаловажным был тот факт, что солдаты в XVIII в. ставились на квартиры в дома жителей «поскольку человек на двор придётся», вытесняя иной раз хозяев. Конечно, солдатам под страхом смертной казни предписывалось на постое жить смиренно и никаких обид и убытков хозяевам не наносить, но на деле тех же самых обид, и самоуправства, и нанесения убытков было сколько угодно. «При квартирах солдаты и драгуны так не смиренно стоят и обиды страшные чинят, – говорит современник, что и исчислить их не можно... А где офицеры их стоят, то и того горше чинят: дрова жгут нагло, а буде дров не достанет, то и надобно хозяевам для них лес рубить; а буде кто станет говорить, что де вам по указу великого государя велено дрова свои жечь, то жесточае будут чинить; и того ради многие и домам своим не рады, а в обидах их суда никак сыскать негде: военный суд, аще и жесток учинен, да и жестоко достигать его, понеже далёк он от простых людей: не токмо простолудин не доступен к нему, но и военный человек не на равного себе не скоро суд същёт».⁴³⁵

Положение войск во внутренних российских территориях в XVIII в. было, несомненно, тяжёлым для населения, но вдвойне тяжесть несли на себе пограничные земли. Современники отмечали, что в Великороссии, где крестьяне были богаты и горды, солдаты уважительно обращались с ними, а зачастую становились им друзьями. Но в Малороссии, а особенно в Польше, военные постояльцы становились настоящим бичом хозяев. Хотя крестьяне и не должны были кормить солдат, как правило, этого нельзя было избежать, а в Польше военные и вовсе забирали всё, что хотели. Если солдату отказывали в этом и если это случалось в Великороссии, где солдат не смел употреблять насилие, то последний придумывал тысячи ухищрений, чтобы «переубедить» хозяина: проводил по ночам учение, днём командовал, беспрестанно кричал, и в конце концов крестьянин, утомлённый докучливостью солдата кормил его даром при условии, что он не будет с таким усердием относиться к службе...⁴³⁶

Говоря о системе взаимоотношений военных и гражданских лиц, хочется отметить тот факт, что этот вопрос являлся одним из сложнейших вопросов нового размещения армии. Наученное горьким опытом расквартирования полков в годы войны, ещё правительство Петра I стремилось регламентировать отношения крестьян и военных, чтобы в будущем предотвратить возможные недоразумения и стычки.

По законодательству 20-х гг. XVIII в. в спорах между крестьянами и солдатами суд должен был производиться пополам: полковым комиссаром из офицеров и земским комиссаром из местных дворян. К примеру, в Инструкциях или Наказах, данных Петром I генерал-майору Чернышову для росписи полков, говорится о том, что если будут происходить ссоры между крестьянами и солдатами, то для того, чтобы наилучшим образом справедливость установилась могла, солдата должны судить офицеры, и при этом присутствовать Земскому комиссару, а когда крестьянина судить будут, при этом должен присутствовать один офицер той роты, из которой был челобитчик.⁴³⁷ В основу законов, регулирующих отношения военных и гражданских лиц был положен незыблемый принцип охраны помещичьей собственности. Однако, согласно документам и инструкциям 20-х годов XVIII в., и в частности второй части Плаката «О полковнике с офицеры», для сбора подушных денег помещики, а там, где их не было, – простые обыватели, должны были из своей среды ежегодно избирать земского комиссара, которого полковник имел право, в случае неисправности, отрешить, предать суду и назначить на его место новое лицо. Для этого дворяне должны были избирать кроме настоящего комиссара другого, запасного. Полковник должен был наблюдать, чтобы сверх подушного оклада ни с кого никаких сборов никем не было взимаемо, и виновных арестовывать. Он являлся судьёй во всех столкновениях между солдатами и крестьянами. Как писал Н.И. Костомаров, приказано было сделать расписание: на сколько душ крестьян придётся содержание рядового солдата – и затем более уже никаких податей и работ для войска не требовать, разве в случае неприятельского нападения или внутреннего междоусобия.⁴³⁸ При столкновениях в городах с посадскими людьми суд производился в городском магистрате офицером полка при двух депутатах от земства, если обвинялся солдат. Если же земское лицо, то в магистрате должны были присутствовать только депутаты от полка.⁴³⁹ Для того чтобы не доходило до судебных разбирательств, военным предписывалось «ни в какие, как помещицкие, так и крестьянские, владения и в их управления и работы... не вступать и помешательства отнюдь не чинить» (Плакат, ч. 2, п. 2).⁴⁴⁰

⁴³¹ Чужбинский А. Военный постой. Указатель экономический. 1861. № 3. С. 30.

⁴³² Несколько слов о военном постое // Указатель экономический. 1861. № 53. С. 478.

⁴³³ Wirtschafter E.K. From Self to Russian Soldier. Princeton University Press, 1990. P. 83.

⁴³⁴ Лапин В.В. Постоянная повинность в России // Английская набережная, 4: Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 2000. С. 147.

⁴³⁵ Цит. по кн.: Князьков С. Из прошлого земли русской. Время Петра Великого. М. СПб., 1991. С. 75.

⁴³⁶ Лапин В.В. Постоянная повинность в России // Английская набережная, 4: Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. С. 148.

⁴³⁷ ПСЗ. Т. VI. № 3901.

⁴³⁸ Костомаров, Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей в 3-х кн. Книга III С. 688.

⁴³⁹ Агапьев П. Расположение русской армии // Военный сборник. 1896. № 4. С. 414.

⁴⁴⁰ ПСЗ. Т. VII. № 4533.

Полковых лошадей разрешалось пасти лишь по отводу крестьян и помещиков вместе с их табунами. Запрещалось без разрешения помещиков выезжать в их угодья для охоты и рыбной ловли, а также привлекать крестьян к заготовке дров для солдат (ч. 2, п. 3, 4, 6). Плакат разрешал военным содержать скот и птицу, но только «для нужд своих и пропитания, а не заводов» (ч. 2, п. 7).

Ещё в январе 1721 г. по упомянутому выше Регламенту главного магистрата было поставлено строго смотреть за тем, чтобы офицеры, солдаты, матросы и полковые харчевники в городах никаким товаром и харчевым промыслом, какого бы они звания ни были, не торговали, «...чтобы в торгах и промыслах их никакого помешательства не было, а в квартирах – обыватели давали бы только то, что давать по регламенту велено». Полковым и градским квартирмейстерам и фискалам надлежало смотреть за тем, чтобы стоящие на квартирах городским жителям «никаких обид, грабительства и безчиния не причиняли и сверх определённого ничего не брали, без отвода квартирмейстера никаких квартир не занимали и со двора на двор не переходили».⁴⁴¹ По второй части Плаката военным также запрещалось заниматься «винной, пивной, соляной и табачной продажами», нарушающими монополию государства и купечества на эти занятия, хотя они могли торговать товарами «своего мастерства». Наконец, солдаты могли наниматься к помещикам и крестьянам в работы «не в даль». Также специально оговаривался вопрос о женитьбе на крепостных женщинах. Было постановлено, чтобы никто, будучи на квартирах, на дворовых и крестьянских вдовах и девках без ведома помещиков и без отпускных писем («вывода») не женился; однако в этом же документе специально оговаривался тот момент, что помещик такой вдовы или девки, которая захочет за военного выйти замуж, не должен удерживать, если тот солдат, кто её берёт, заплатит вывод, как и с других принято брать.⁴⁴²

Необходимо обозначить и полицейские функции армии, которые отразились в основных руководящих документах, предназначенных для полковника, признанного главой полиции в дискрикте размещения его полка. Обязанности его были изложены в двух основных документах – Плакате и особом указе «О должности полковника по наблюдению земской полиции в уезде», определённом для квартирования и продовольствия полка. Так, в п. 11 и 12 этого указа говорилось о том, что, если от офицеров или от рядовых будут причиняться населению какие-либо обиды, принимая жалобы, следует разыскивать, и, кто окажется виноват, тех судить и наказывать. «А если от хозяев будут исходить обиды, тех хозяев судить полковнику, призвав Земского комиссара, а если в этом деле будет сам помещик задействован, то должны присутствовать ещё один–два человека из дворян, и судить с ними и наказывать по достоинству, а если это окажется криминальным делом, то отсылать в надворный суд».⁴⁴³

Одной из важнейших обязанностей полковника была борьба с бегством крестьян. В п.9 (ч.2) Плаката, называемом «Об удержании крестьян от побегу», эта задача была сформулирована так: «Полковнику ж и офицером велено смотреть того, чтоб и с крестьян, которые на тот полк написаны, никто не бегал; а ежели проведуют, что к побегу будут собираться, тех от того удерживать. А которые побегут, за теми гнать в погоню и ловить. И как пойманных, так и удержанных велеть помещикам наказывать». Особенностью норм Плаката и указа о бегстве является то, что они посвящены не столько поимке и возвращению беглых, сколько пресечению бегства в зародыше. А это могло быть достигнуто лишь неусыпным надзором за населением, поощрением доносов о готовящихся побегегах. Кроме того, в Плакате подчёркивалось, что помещики должны «иметь смотрение» не только о своих крестьянах, готовящихся к побегу, но и о крестьянах соседей, сообщая им об этом. «Буде же до того время не допустит, то, собравшись, ловить и посторонним» (ч. 2, п. 10). Одновременно «накрепко» запрещалось принимать беглых в дискрикте под угрозой штрафа.

Контроль за населением облегчался ещё и тем, что крестьяне, приписанные к полку, были расписаны по ротам, и в каждой роте имелся поимённый их список. В результате обязанности и власть полковника разделяли ротные командиры в районе расположения рот. Они обязаны были следить, нет ли в районе воровства и разбоев, ловить преступников, препровождать их в указанные места и затем наблюдать, чтобы «в отправлении розысков и в окончании дел замедления не было».⁴⁴⁴ Они обязаны были также наблюдать за сохранением лесов, запрещённых для вырубки, и вместе с вальдмейстером отыскивать виновных и отдавать их в руки правосудию. Право надзора полковников и офицеров распространялось на все местные власти, начиная с губернаторов, относительно исполнения указов Сената. Каждый офицер имел право доносить Сенату, если указ его не исполнялся в точности.

Как уже говорилось, важной особенностью армии в уездах было искоренение вооружённой рукой всякого «разбоя» и сопротивления крестьян властям и помещикам. Как и в случае с бегством, население было обязано содействовать военным в поимке «воров и разбойников». Разумеется, под этими терминами понимались не только уголовные элементы, но и восставшие крестьяне. В начале мая 1724 г. при слушании п. 11 Плаката «Об искоренении воров и разбойников» Пётр I постановил: «В Плакате под пунктом и о искоренении воров и разбойников, ежели кто, уведав таких воров, не донесет или в поимке не будет помогать, то конечно тем людям учинено будет по государственным правам, безо всякого милосердия такс вписать имянно».⁴⁴⁵ В Плакате же было прямо указано, что за недонесение следует «жестокое наказание и сосланы будут на каторгу вечно, а движимое и недвижимое их имение взято будет» (ч. 1, п. П).⁴⁴⁶ В истории России эти положения знамениты тем, что являлись документами, положившими начало системе жестокого полицейского надзора за поданными крестьянами. Полковые власти обязаны были смотреть и за помещиками, чтобы они не переводили крестьян в другие места без указа камер-коллегии и в случае разрешения переселения непременно платили бы подушные деньги в тех местах, где крестьяне записаны в подушный сбор (ч. 1, п. 17). Это и был, в сущности, весь кодекс основных законов, согласно которым регулировались отношения армии с населением. Решение всех других вопросов взаимоотношений населения и военных поручалось полковнику, который признавался главным арбитром в возникающих между ними спорных делах.

⁴⁴¹ ПСЗ Т. VI. № 3708.

⁴⁴² ПСЗ. Т. VII. № 4535.

⁴⁴³ ПСЗ. Т. VII. № 4535.

⁴⁴⁴ Агапьев П. Указ. соч. // Военный сборник. 1896. № 4. С. 413.

⁴⁴⁵ Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России 1719 – 1728 гг. Л., 1982. С. 253.

⁴⁴⁶ Там же. С. 254.

В воспоминаниях суворовского солдата И.О. Попадичева отмечается, что на квартирах местных жителей солдатам стоять было легко и привольно. Настоящим хозяином был солдат, а не обыватель. «Бывало, если не в квартире что ему случится, так иди прямо к эскадронному командиру и говори настоящую правду. Тогда, чтобы не случилось всё будешь прав, а если не пришёл и не доложил о случившемся да хозяин пожалуется командиру, тогда беда, взыщут строго!». ⁴⁴⁷

Говоря об эпохе полковых слобод, растянувшейся на несколько десятилетий XVIII в., необходимо не забывать о том, что в результате крайне противоречивой и непоследовательной политики, которая проводилась государством, войска по-прежнему вынуждены были оставаться на постое у обывателей. Погреба, поварни, сараи, по указу 1738 г. солдаты имели общие с хозяевами. Кроме того, войска часто брали у гражданских лиц провиант, транспорт и жильё, которое им было необходимо. Это не означало, что злоупотреблений не замечали. Однако ситуация складывалась таким образом, что, например, по указу 1738 г. особенно оговаривалось, что обыватели были обязаны давать под постой покои твёрдые и тёплые, в которых печи и трубы были бы безопасные, а кровли, потолки, полы, двери и окна целые. И для этого при вводе поста, для осмотра квартир должны были присутствовать от полков особенные приёмщики, и всё, что оказывается повреждённым, заставляли хозяев немедленно починить, при необходимости вынуждая их к этому через полицию. ⁴⁴⁸ Впрочем, необходимо отметить, что правило это распространялось только на города. По выступлении же войск оставленные ими квартиры снова должны были осматриваться теми же лицами, которые их принимали, и если что-либо оказывалось испорченным от поста, то это должно было немедленно чиниться полком за счёт их жалования, так чтобы покои были сданы хозяину во всей целостности. ⁴⁴⁹ Кроме этого, каждый месяц перед выходом из мест квартирования должны собирать крестьян, опрашивать их о претензиях и отбирать у них подписи. Действительное же положение вещей выявляло то, что если крестьяне были довольны, что бывало редко, то они выдавали подписи вполне охотно... и солдатские провиантские деньги частью поступали в артель, а частью в карманы полкового и ротного командиров. Если же крестьяне не довольны, то их поили вином, напивали, и они подписывали. Если же несмотря и на всё это они отказывались подписывать, то им угрожали, и всё это кончалось тем, что они умолкали и подписывали. Если же жалобы таковы, что их невозможно затушить, то «входят в соглашение с помещиком или капитан-исправником: этот последний должен быть защитником крестьян, но он всегда держал сторону полковых командиров, которые или платят ему, или делают подарки...». ⁴⁵⁰ Однако, справедливости ради надо отметить, что офицеров и солдат, которые запугивали своих хозяев, иногда даже наказывали.

Необходимо отметить, что вопросы о плюсах натурального поста обсуждались вплоть до середины XIX в., и существовало мнение о том, что ласковый трудолюбивый солдат делается как бы членом семейства, принявшего его под свой кров, помогает в свободное от службы время своему хозяину в сельских работах. ⁴⁵¹ Ещё одной болевой точкой этого вопроса для государства являлась финансовая составляющая. Действительно, размещение армии по домам обывателей вело к известной «экономии» провианта и фуража по сравнению с тратами государства в летние месяцы, когда войска находились в лагерях и кормились непосредственно из «казённого котла... на зимних квартирах армия потребляла бесплатно обывательского хлеба и фуража на 40 – 45 млн. р. ассигнациями ежегодно», так как в большинстве случаев полагавшаяся по закону компенсация населению не выплачивалась. ⁴⁵² В таком случае политика правительства, несмотря на кажущуюся добродетель в пособничестве к поддержанию многолетней традиции и культуры, на самом деле приводила к обратным результатам и проводила чёткую грань между крестьянством и военными, чему не могли помешать даже крестьянские корни солдат. И в конце концов, возведение солдат в ранг хозяйских нахлебников приводило к тому, что крестьянин в мундире скоро переставал чувствовать себя крестьянином и заботы земледельца становились для него чужими.

Военное начальство мало считалось с интересами гражданского населения. В воспоминаниях суворовского солдата приводится случай, когда солдаты, которым требовалось провести зимой обучение ружейным приёмам, просто выкопали в домах хозяев ямы, так чтобы четыре человека могли стать в них свободно, и делали приёмы ружьём, не доставая потолка. ⁴⁵³

Расквартирование воинских частей по домам горожан и крестьянским сёлам имело также и серьёзную угрозу для здоровья гражданского населения. Как упоминали современники, «жёны, оставленные мужьями дома, нередко заражаются сифилисом от квартирующих в деревне солдат». Нижние воинские чины, расположенные по деревням на зимние квартиры, хотя по закону и должны были осматриваться врачами, но так как собрать батальон, расположенный иногда по целому уезду, в одно место в зимнее время очень трудно, то солдаты скрывали свою болезнь и распространяли в деревнях сифилис. Однако была и обратная связь – сами солдаты во время походов и лагерных сборов при расквартировании по деревням часто заражались. Так как сифилис в то время в деревне неполовым путём мог распространяться очень быстро, то одного больного солдата могло быть вполне достаточно для того, чтобы заразить всю деревню. В подтверждении этого, врачи констатировали тот факт, что одним из вероятных моментов усиления сифилиса в одном из селений можно считать то обстоятельство, что в этой деревне стояли войска. ⁴⁵⁴

Однако, рассматривая воздействие постоянной повинности на повседневную жизнь россиян и россиянок в XVIII в., необходимо учитывать, что расквартирование солдат и офицеров несло совершенно различную нагрузку. Если солдат принимали неохотно и с боязнью, то к офицерам отношение было совершенно иным. Офицеры всегда приглашались в городах в дворянские собрания и на балы, устраиваемые городским начальством, а в сельской местности офицеры всегда были желанными гостями на вечерах и балах, провидимых местными помещиками.

Русского солдата на всяческие злоупотребления толкали искусственно созданные ещё при Петре I условия проживания. Лишённый в течение полугода довольствия и в то же время надзора со стороны немногочисленных унтер-офицеров и

⁴⁴⁷ Цит. по: Охлябин, С. Повседневная жизнь русской армии во времена суворовских войн. М., 2004. С. 285.

⁴⁴⁸ Свод законов Российской империи. Т. 4. // Уставы о повинностях. С. 180.

⁴⁴⁹ Свод законов Российской империи. Т. 4. // Уставы о повинностях. С. 185.

⁴⁵⁰ См.: Лапин В.В. Постоянная повинность в России. С. 149.

⁴⁵¹ Богданович М. О гигиене (сохранении здоровья) русского солдата // Военный журнал. 1855. № 4. С. 9.

⁴⁵² Лапин В.В. Постоянная повинность в России // Английская набережная, 4: Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. С. 155–156.

⁴⁵³ Охлянин С.Д. Указ. соч. С. 279.

⁴⁵⁴ См.: Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начала XX в. Тамбов, 2004. С. 76.

офицеров, он вынужден был приспосабливаться к такой жизни; самым лёгким способом облегчить свою судьбу были притеснения крестьян. Кроме того, взаимоотношения с крестьянством зависели, на самом деле, от культуры самого солдата или офицера и носили сугубо индивидуальный характер. В воспоминаниях А. Болотова отмечается, как тяжёл был постой для жителей Эстляндии, многие из которых сами едва могли себя обеспечивать предметами первой необходимости.⁴⁵⁵ Нежелание населения принимать у себя в доме постояльцев накладывало негативный отпечаток на функционирование всего государства, тогда как даже возможное урегулирование частных проблем объективно приводило к решению многих общегосударственных задач.

Таким образом, мы видим, что в XVIII в. наметились все те основные проблемы, которые были связаны с личностными взаимоотношениями между военными и принимающими их сельчанами и горожанами. В целом можно говорить о некоего рода преемственности означенных выше проблем и в XIX в. Вполне очевидна и травматичность, тяжесть постоя для населения Российской империи.

Необходимо констатировать, что в условиях почти не прекращающейся военно-мобилизационной деятельности, роста вооружённых сил военным и гражданским властям удавалось решать проблему расквартирования русской армии посредством натурального поста. Примечательно, что население России в XVIII в. в целом воспринимало военный постой как предназначенную свыше обязанность, которая вполне отражала привычные принудительные обязанности городского и сельского сообществ. Обычай терпеть бытовые неудобства и ограничения, вызванные соседством с военными постояльцами, вполне отражал менталитет жителей страны, которые традиционно несли многочисленные натуральные повинности и обязанности. Наличие подобных отношений властей и населения Российской империи свидетельствовало о сохранении феодальных пережитков, трудностях модернизации взаимоотношений армии и общества, личности и государства.

Л.Е. Яковлева

ВОЕННЫЙ ПОСТОЙ В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННОКОВ (XIX В.)

Жизнь, особенно в провинциальных городах, заметно оживлялась с приходом войск, и привлечение большого количества лиц в небольшой городок даже в некоторой степени могло стимулировать его экономически. Из художественной литературы следует, что военные вносили существенные перемены в привычную, устоявшуюся «штатскую» жизнь: «Городок Б. очень повеселел, когда начал в нём стоять кавалерийский полк. А до того времени было в нём страх как скучно...».⁴⁵⁶ Одним из наиболее ярких свидетельств взаимоотношений военного и гражданского общества в провинции в период размещения военных частей на постой является поэма М.Ю. Лермонтова «Тамбовская казначейша»:

Вдруг оживился круг дворянский;
Губернских дев нельзя узнать;
Пришло известье: полк уланский
В Тамбове будет зимовать.
Уланы, ах! такие хваты...
Полковник, верно, неженатый –
А уж бригадный генерал
Конечно даст блестящий бал.
У матушек сверкнули взоры;
Зато, несносные купцы,
Неумолимые отцы
Пришли в раздумье: сабли, шпоры
Беда для крашенных полов...
Так волновался весь Тамбов.⁴⁵⁷

Поэт весьма точно описывает переживания россиянок при расквартировании в города военных:

«Ах, посмотри сюда, кухня,
Вот этот!» – «Где? майор?» – «О, нет!
Как он хорош, а конь – картина,
Да жаль, он, кажется, корнет...
Как ловко, смело избочился...
Поверишь ли, он мне приснился...
Я после не могла уснуть...»
И тут девическая грудь
Косынку тихо поднимает –
И разыгравшейся мечтой
Слегка темнится взор живой.⁴⁵⁸

Гоголь Н.В. достаточно подробно описывает оживление городской жизни в провинции, когда на постой становились солдаты и офицеры: «...Улицы запестрели, оживились – словом приняли совершенно другой вид. Низенькие домики часто видели проходящего мимо ловкого, статного офицера, шедшего к товарищу поговорить, ... деревянный плетень между

⁴⁵⁵ Болотов А.Т. Указ. соч. С. 332.

⁴⁵⁶ Гоголь Н.В. Коляска // Собр. соч.: В 6 т. М., 1959. Т. 3. С. 160.

⁴⁵⁷ Лермонтов М.Ю. Тамбовская казначейша // Сочинения в двух томах. М., 1988. Т. 1. С. 530.

⁴⁵⁸ Лермонтов М.Ю. Сочинения в двух томах. М., 1988. Т. 1. С. 531.

домами весь был усеян висевшими на солнце солдатскими фуражками; серая шинель торчала непременно где-нибудь на воротах; в переулках попадались солдаты с такими жёсткими усами, как сапожные щётки. Усы эти были видны во всех местах... На лобном месте солдат с усами уж верно мылил бороду какому-нибудь деревенскому пентюху, который только покрхтывал, выпуча глаза вверх. Офицеры оживили общество, которое до того времени состояло только из судьи, жившего в одном доме с какой-то диаконицею, и городничего.. Общество сделалось ещё многолюднее и занимательнее, когда переведена была сюда квартира бригадного генерала.⁴⁵⁹

Чехов А.П. устами своих персонажей также отмечает влияние военных, прежде всего офицеров, на социокультурное развитие городского общества в середине XIX в.: «...Может быть в других местах и нет, но в нашем городе самые порядочные, самые благородные и воспитанные люди – это военные».⁴⁶⁰

Как писали провинциальные газеты, в городской жизни военные играли вдохновляющую роль и особенно радовали находящихся на выданье дочерей дворян, купцов и зажиточных мещан. «Тамбовские губернские ведомости» отмечали в 1856 г.: «...Всё обещает шумное веселье. Недостаток в кавалерах, значительно чувствовавшийся с приходом весны; соперничество блестящих эполет и скромных чёрных фраков должно придать новый характер тамбовским собраниям».⁴⁶¹

Однако, с другой стороны, солдаты в свободное от службы время без дела слонялись по городу в поисках незамысловатых развлечений, среди которых могли быть как народные гулянья, игра в карты, так и кулачные бои, распитие спиртных напитков, вина, что могло дискредитировать армию в глазах у населения.⁴⁶² Подобная ситуация была характерна и для рекрутов, которые сразу после присяги распределялись по квартирам и передавались под непосредственный надзор городничих, в обязанности которых среди прочих обязанностей входили следующие: «По отнятию ж у них способа обращаться в пьянстве, особенно в ночное время, харчевни и, буде есть пивочки, запирать, и за всем тем в ночное время рекрутам никуда с квартир отлучаться не позволять».⁴⁶³ Здесь формулировка должностных обязанностей говорит сама за себя, показывая тем самым наиболее слабые моменты поведения военных на постое.

Письмо Тамбовского губернатора от 24 октября 1826 г. как раз говорит о том, что для улучшения состояния городов даже с точки зрения представителя городской администрации представлялось необходимым наперво решить проблему постоя в городе, так как «последние 10 лет весьма мало из дворян в город переселилось... и останавливает их переселение в города военной постой, продолжающийся в здешней губернии более 9 лет, что подтверждается отзывами дворян...». Таким образом, обзаведясь в деревне хорошим устройством помещений и будучи свободным от всяких повинностей, губернатор говорит о том, что «едва ли в настоящем положении постоянной повинности решится пожертвовать капиталом на возведение вновь в городе дома, с которым он подвергнется исправлению городских повинностей, ... которая отправляема или в натуре и может стеснять его семейство или требует уплаты довольно значительной на то суммы».⁴⁶⁴ Данное обстоятельство, как указывает губернатор, было неприятным для любого гражданина и тем более для представителей дворянского сословия.

Существовали и другие мнения на систему постоя войск в городах и сёлах, такие как: «...Стоянки в средних губерниях были чистым привольем. Эскадронный командир квартировал в большом селе настоящим помещиком и хозяйничал в нём как у себя дома. Кроме деревни, в которой размещался штаб, к району эскадронного расположения были приписаны несколько соседних деревень, что доставляло большую выгоду постояльцам. Солдаты имели по несколько домов, с которых поочередно получали обед. Для жителей это было необременительно, а солдаты имели всегда прекрасное продовольствие». В доме, где жил солдат, его считали членом семейства. Такое мнение разделял и М. Богданович в середине XIX в., описывавший состояние военных, которые пользуются на дворах приварком или одинаковой пищей с семейством своих хозяев. Опыт показывает, что такое содержание вместе с казённым пайком весьма достаточно, а в южных хлеборобных и в некоторых подмосковных губерниях поселяне нередко отказываются от солдатской дачи провианта, которая поступает в артель, и кормят своих постояльцев собственным хлебом.⁴⁶⁵ За то, что солдаты помогали своим хозяевам в работах, последние давали лошадям вдоволь соломы, а часто и овса... Однако на деле, о существовании платы за корм людей... многие русские крестьяне до половины 1840-х гг. даже не подозревали.⁴⁶⁶

Очень интересным при рассмотрении проблемы взаимоотношений военных и гражданских лиц является вопрос, пыталось ли население извлечь из данной ситуации какую-либо выгоду. Необходимо упомянуть о том, что, после того как правительство стало предпринимать шаги по замене натурального постоя денежными сборами с населения, получила значительное развитие практика откупа помещений у частных лиц. И такие случаи достаточно часты, поэтому мы можем сделать вывод о том, что эти операции с недвижимостью приносили существенный доход. Так, в 1865 г. г. Козлов постиг большой пожар, и для облегчения жителей города, по случаю пожара, хотели переместить 44 пехотный резервный батальон в г. Борисоглебск. Но, как ни парадоксально, некоторые домовладельцы г. Козлова обратились к начальнику Московского военного округа с просьбой оставить в их городе 44 пехотный резервный батальон и при этом изъявили желание при отделке сгоревших домов приспособить их под казарму для размещения нижних чинов батальона. По этому поводу между военным министром и МВД завязалась следующая переписка:

«Домовладельцы объявили, что пребывание этой части в Козлове не может стеснять жителей, так как городские повинности, заключающиеся в преимущественном отводе квартир офицерам, будучи по малому числу офицеров в батальоне, не обременительны, а также не касаются погоревших жителей, освобождённых от этой повинности по закону....».⁴⁶⁷ Так, расквартирование батальона не может вызвать и повышение цен, так как город находится посреди

⁴⁵⁹ Гоголь Н.В. Коляска / Сочинения в двух томах. М., 1965. Т. 1. С. 582.

⁴⁶⁰ Чехов А.П. Три сестры // Избранные произведения в трёх томах. М., 1964. Т. 3. С. 526.

⁴⁶¹ Тамбовские губернские ведомости. 1856. № 41. С. 2.

⁴⁶² Быт русской армии XVIII начала XX века / Автор-составитель С.В. Карпушенко. М., 1999. С. 37.

⁴⁶³ Цит. по: Белоусов С.В. Провинциальное общество и отечественная война 1812 года (по материалам Среднего Поволжья). Пенза, 2007. С. 94.

⁴⁶⁴ РГА. Ф. 1286. Оп. 3. Д. 79. Л. 41–42.

⁴⁶⁵ Богданович М. О гигиене (сохранении здоровья) русского солдата // Военный журнал. 1855. № 4. С. 9.

⁴⁶⁶ См.: Лапин В.В. Постоянная повинность в России // Английская набережная, 4: Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. С. 149–150.

⁴⁶⁷ РГА. Ф. 1287. Оп. 26. Д. 17. Л. 50.

хлеборобной местности. Напротив, в г. Борисоглебске возможно отыскать лишь четыре свободных дома. Удобны для распределения батальона Усмань и Лебедянь, но они назначены для размещения полевых войск. И, таким образом, решено оставить войска в Козлове.⁴⁶⁸ Однако данное дело имело своё продолжение, так как в августе того же года от почётного гражданина Рогова, козловских купцов Порецкого и Поляновского была направлена Докладная записка в МВД: «На себя готовы взять постой и отдать свои дома под размещение войск, принимая квартирное довольствие господ офицеров именно на себя, без всяких расходов города». Тем не менее мнения горожан относительно казенного постоя сильно различались, и городской голова от имени общества отрицательно высказался о помещении войск в городе, несмотря на заявления купцов.⁴⁶⁹ Также 20 сентября 1865 г. губернатор писал в МВД о том, что «горожане вообще против, так как квартиры вздорожают и погорельцы будут не в состоянии добыть себе жильё в зимнее время, а поэтому квартирование батальона в городе Козлове будет обременительно для жителей. А другие уездные города Тамбовской губернии, не занятые полевыми войсками, по бедности жителей и небольшим постройкам, не могут удовлетворить всем условиям при расквартировании войск по казарменному расположению».⁴⁷⁰ Причина же настойчивости Порецкого и Поляновского заключалась в материальных выгодах. Об этом вышеназванные господа прямо и заявили: «Какое есть право общества на имущество наше, когда мы, предлагая правительству услуги отдать свои дома под квартирование войск, не привлекаем никаких даже мелочных расходов кроме прибыли, ибо отпускаемое содержание войску само собой остаётся в руках наших торговцев, а суммы, платимые за постой, как есть сбор земского налога, не относятся к городу».⁴⁷¹

В итоге этого разбирательства материальные интересы состоятельных граждан были удовлетворены и войска оставлены по распоряжению военного министра.⁴⁷² Вскоре помещения были наняты, о чём и сообщил губернатор в МВД в ноябре 1865 г.⁴⁷³ Однако далеко не всегда материальные интересы тех или иных слоёв населения находили поддержку со стороны государства, особенно когда дело касалось финансовых затрат и разнообразных судебных исков со стороны обывателя.

В журнале «Указатель экономического» за 1861 г. были изданы следующие размышления на тему воинского постоя: «...Расспросите старого усача капитана, каких он чудес вам порасскажет. Было время блаженное, как называют его старички, когда рота для ротного командира была то же, что небесное именье. Особенно где-нибудь в глуши, в резервах солдаты стояли на постоянных квартирах по деревням, провиант поступал полностью в карман ротного командира, а люди ходили на работы».⁴⁷⁴ Мнение этого автора особенно интересно, так как он военный. И его взгляд особенно ценен. Однако, несмотря на то, что сам же автор говорит о необычайной тяжести постоя, он против казарм. И мотивация его достаточно интересна и убедительна. Казармы, по его мнению, лишат солдата родной ему среды селян: «...Выходит этот воин в отставку, или увольняется в бессрочный отпуск – это мёртвый член общества».⁴⁷⁵ Поэтому автор высказывается за учёт возможностей жителей при отправлении постоянной повинности и предлагает «рассчитываться с жителями за всё добросовестно; строить манежи и др. хозяйственные помещения не экономическим способом, а из сумм налогов».⁴⁷⁶

Вообще оценки ряда современников, издаваемые в 60-х гг. XIX в. на страницах многих журналов, являются ценным источником для изучения вопроса отношения людей к военному постую. Акцент на проблеме именно в этот период, возможно, был связан с тем, что в 1861 г. в законодательных механизмах империи появились бумаги с проектом закона о постоянной повинности, следствием чего и стали публикации в периодических изданиях. Так или иначе, в этих статьях высказывались разнообразные мнения по поводу отправления постоянной повинности и отношения к ней простого обывателя. Все современники без исключения говорили о тяжести и неуравнительности повинности. Но всё же у каждого из авторов имелся свой подход и своё видение проблемы.

В частности, автор статьи в «Военном сборнике» высказывается о неудобствах отправления квартирной повинности натурой, а особенно выделяет в этом отношении сельскую местность. Кроме того, он пишет, что эти неудобства распространяются не только на обывателей, но и на их постояльцев, военнослужащих: «...неудобства квартирной повинности в натуре давно уже испытываются как самими обывателями, так и постояльцами их – офицерами ...Во многих уездных городах, где квартирная повинность отбывается в натуре, владельцы домов, к которым назначается офицер, откупаются, платят или государству в квартирную повинность, или самому офицеру, который доплачивает и снимает приличное жильё».⁴⁷⁷ Однако в статье говорится о том, что в весьма не многих местностях жители порешили отбывать квартирную повинность деньгами, для чего и положили ежегодно вносить в общественный комитет известное количество денег с тягла или с души, или с капитала и нанимать квартиры. Примером этого может служить, Алексеевская графа Шереметьева вотчина в Воронежской губернии, ... где по 25 – 30 к. серебром с каждого тягла.⁴⁷⁸ Для избегания всех вышеперечисленных неудобств, автор предлагает введение денежных сборов взамен натуральной повинности. При этом вышеуказанный пример приводится как доказательство удачного новшества.

Ещё один автор начала 1860-х гг., А. Чужбинский, высказывается за обращение натуральной повинности в денежную и строительство казарм. В его статье акцентируется внимание на особенно плачевном положении бедноты, так как, по мнению автора, военный постой всей тяжестью ложится именно на беднейшие слои населения. В городах существуют ещё квартирные комиссии, и натуральная повинность заменяется взносом известной суммы, уплачиваемой домовладельцем.

⁴⁶⁸ Там же. Л. 51.

⁴⁶⁹ Там же. Л. 55.

⁴⁷⁰ Там же. Л. 59.

⁴⁷¹ Там же. Л. 59.

⁴⁷² РГИА. Ф. 1287. Оп. 26. Д. 17. Л. 62.

⁴⁷³ Там же. Л. 64.

⁴⁷⁴ Несколько слов о военном постое // Указатель экономического. 1861. № 53. С. 478.

⁴⁷⁵ Там же. С. 479.

⁴⁷⁶ Там же. С. 480.

⁴⁷⁷ Труды комиссии для определения довольствия армейских войск // Военный сборник. 1863. № 1. С. 125 – 127.

⁴⁷⁸ Там же. С. 128.

Человек же с малыми средствами должен отбывать повинность натурою, потому-то сам живёт в домике и не получает с него дохода. В результате чего именно беднейший класс постоянно отягощён постоем.⁴⁷⁹

Очень наглядно звучит и ироничное высказывание ещё одного автора этого же периода по поводу квартирных комиссий: «...Председатель квартирной комиссии в уездных городах – городничий. Депутаты по выборам – они почти всегда бывают от чиновников и дворянства – лица вроде Добчинских и Бобчинских, от купцов какой-нибудь маклер – прислужник полиции, от мещан – мытарь, от разночинцев – пробивающийся крохами от той же полиции. Кто же посмеет подать голос против такого полновластного председателя, каков городничий? Правда, в большинстве городков, где квартируются одни инвалидные команды, у такой комиссии работы очень немного: назначить 7 – 10 квартир для офицеров, в том числе для квартирующих надзирателей, да 150 – 200 для солдат.⁴⁸⁰ Автор статьи выступает за председательство над квартирной повинностью предводителя дворянства или городской головы, надеясь, по видимому, таким образом навести порядок в квартирных комиссиях. В целом необходимо отметить, что работа квартирных комиссий очень часто вызывала недовольство, как обывателя, так и чиновника различного уровня. Об этом свидетельствует и рапорт тамбовского губернатора: «...В квартирных комиссиях порядок письмоводства в исправном состоянии. Но в Тамбове замечена неисправность в уравнивании жителей постоянной повинностью, произошедшая более из того, что избираемые депутаты, а особенно дворяне все уклоняются от службы, не приносящей ни жалования, ни других выгод под разными предлогами».⁴⁸¹

Многие исследователи поста в XIX в. сходились на том, что натуральная повинность, которая с первого взгляда должна бы обходиться дешевле других для правительства, оказывалась в действительности весьма дорогостоящей, потому что повинность эта, обременяя обывателей, препятствовала их благосостоянию; а с упадком благосостояния жителей государственный доход уменьшался ещё в большей степени.⁴⁸² Таким образом, подводя итог, можно сказать, что все современники без исключения, единодушно отмечали тяжесть и разорительность поста для населения и что государство при этом несло значительные материальные потери. Также отличительной особенностью поста является его неуравнительность. Мнения исследователей разделялись лишь в вопросах реформирования поста. Спектр предложений по этому поводу достаточно широк и разнообразен, начиная с того, что нужно оставить войска на обывательских квартирах, преимущественно в сельской местности, и уделить значительное внимание лишь уравнительному распределению, и заканчивая скорейшей необходимостью введения казарменной системы.

Важно заметить, что в конце XIX в., когда уже формально натурального военного поста не было, войска продолжали активно использовать дома городских и сельских обывателей для расквартирования войск. В воспоминаниях В. Литтауэра отмечается, что у военнослужащих иногда возникали споры с местным населением, которое не хотело брать постояльцев. Тогда офицеры использовали один достаточно эффективный приём. Они просили письменное объяснение, что жители возражают против размещения военных, но как раз подписывать любые официальные бумаги жители категорически отказывались, предпочитая разместить «незваных» гостей в своих домах.⁴⁸³

Учитывая всё вышеизложенное, можно выделить несколько «болевых» точек соприкосновения армии и гражданского населения:

- совместное общежитие в течение долгого времени вызывало значительный бытовой дискомфорт;
- имела место правовая незащищённость городского и сельского населения;
- выполнение военными полицейско-контролирующих функций делало их практически безнаказанными на местах;
- сознательная деятельность государства, при которой оно, понимая боязнь населения постоянной повинности, часто пыталось использовать постой в качестве рычага давления;
- неуравнительность постоянной повинности как в плане географических рамок (концентрация вокруг столиц, приграничных регионов и пр.), так и в количестве распределения на местах, в выборе и назначении домов, невозможность иметь достаточный выбор помещений, отвечающих требованиям войсковых частей, приводило к тому, что лучшие из домовладений привлекали к себе наибольшее внимание.

Таким образом, нельзя назвать единственную причину недовольства совместного общежития военных и гражданских лиц, как нельзя говорить и о дискриминации одной части другою. При вынужденности такого положения, естественно, находились причины к взаимному недовольству, вытекавшему, однако, не из правоты солдат, с одной стороны, и горожан, сельчан – с другой, а из внутреннего конфликта с чуждыми, навязываемыми сверху обстоятельствами, в которых приходилось решать все самые насущные каждодневные вопросы сообща с чужими людьми. Такое общежитие не могло не вызывать конфликтов на самые различные проблемы повседневной жизни военных и гражданского населения.

С.В. Белоусов

РЕКРУТСКИЕ НЕДОИМКИ В 1801 – 1815 ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)

В начале XIX в. основой комплектования русской армии продолжали оставаться рекрутские наборы. С 1801 по 1815 гг. в России было проведено 14 рекрутских наборов (73-86-й наборы по общей нумерации), не считая наборов, распространявшихся лишь на отдельные губернии, и наборов в земскую милицию 1806 г. и народное ополчение 1812 г. Необходимое число рекрутов определялось в зависимости от степени некомплекта войск. Рекрутский набор чаще всего объявлялся в августе или сентябре «именным указом» или манифестом императора, в соответствии с которым Сенат

⁴⁷⁹ Чужбинский А. Военный постой // Указатель экономического. 1861. № 3. С. 30.

⁴⁸⁰ Квартирные комиссии в уездных городах // Указатель экономического. 1861. № 41. С. 388.

⁴⁸¹ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1112. Л. 729.

⁴⁸² Постоянная повинность в России // Военный сборник. 1862. № 1. С. 44.

⁴⁸³ Литтауэр В. Русские гусары. Мемуары офицера императорской кавалерии. М., 2006. С. 52.

рассылал постановления к гражданским губернаторам, в губернские правления и казённые палаты с указанием того, кому и как проводить набор. Военное министерство составляло расписание войск, в котором отмечался их некомплект и число поступающих на пополнение рекрутов от каждой губернии. Обычно набор рекрутов начинался 1 ноября и проходил в течение двух месяцев.

Рекрутская повинность сопровождалась для крестьянских и мещанских обществ большими расходами. Так, в начале XIX в. в Пензенской губернии снаряжение рекрута минимально обходилось в 70 – 80 р., что составляло 1 р. 10 к. – 1 р. 25 к. с одной ревизской души. Натуральные поставки обмундирования и провианта приводили к росту издержек из-за необходимости приобретения нужных вещей на рынке по высоким ценам, возможных злоупотреблений со стороны отдатчиков и увеличения времени нахождения рекрута в общине до его отдачи в рекрутском присутствии. Поэтому снаряжение рекрута реально обходилось отдатчикам в 300 – 400 р. (по 4 – 6 р. с одной ревизской души, а в малых по численности крестьянских общинах достигая даже 10 – 12 р.)⁴⁸⁴.

Государство стремилось заменить натуральную форму поставок обмундирования и провианта денежной, что позволило бы, по мнению властей, снизить расходы населения на рекрутскую повинность в связи с минимизацией суммы сбора. Однако это вело и к некоторым негативным последствиям. Для получения необходимых денежных средств в условиях сравнительно низкой товарности производства крестьянин вынужден был бы выходить с результатами своего труда на рынок и реализовывать сельскохозяйственную продукцию по ценам, которые складывались в данный момент и могли быть ниже её реальной стоимости. Это являлось для крестьянина невыгодным и поэтому неприемлемым. Государство же оказывалось перед проблемой увеличения сроков проведения рекрутского набора и роста недоимок в связи с тем, что отдатчики не располагали необходимыми денежными средствами для снаряжения рекрутов.

В целом, следует отметить, что в начале XIX в. проблема рекрутских недоимок стояла достаточно остро. Перед началом Отечественной войны 1812 г. наблюдалась динамика их неуклонного роста, что, в частности, прослеживается на примере Пензенской губернии. Так, на 1 января 1811 г. в губернии значились в недоборе 117 человек (по 79 набору – 82, по всем остальным – 35). По ведомости Пензенского рекрутского присутствия, составленной в мае 1812 г., в недоимке по прошедшим наборам числилось уже 200 человек (по 76 набору – 3, по 77 – 2, по 78 – 18, по 79 – 32, по 80 – 20, по 81 – 125). Перед проведением 85 набора в 1813 г. в губернии было 305 недоимочных рекрутов, а перед проведением 86 набора в 1815 г. – 434.⁴⁸⁵

Называя основные причины рекрутских недоимок в своём донесении Сенату в конце 1810 г., пензенский губернатор А.Ф. Крыжановский отмечал, что, во-первых, недоимочные рекруты состоят на тех помещиках, которые распродали своих крестьян, «а из достальных душ оказались одни умершими, другие отданными прежде в рекруты, а иные беглыми». Во-вторых, недоимки происходят из-за неправильного, по мнению владельцев, назначения на них рекрутов. В-третьих, из-за многократного представления в рекрутские присутствия «неспособных и негодных к службе» людей. В-четвёртых, в селениях государственных крестьян многие, особенно очередные, находятся в бегах или отлучках.⁴⁸⁶ Его преемник на посту пензенского губернатора князь Г.С. Голицын, сообщая в феврале 1814 г. Главнокомандующему в С.-Петербурге С.К. Вязмитинову о проведении 85 набора, так рассуждал об основных причинах рекрутских недоимок: «главную причину недоимки рекрут была не только необыкновенная распутица осени, продолжавшаяся до самого декабря месяца, но и необыкновенная по непрерывным вьюгам и метелицам зима, имевшая последствием неудобность молотбы хлеба и продажи его, так как через сей единственно способ выручаются здесь деньги на необходимые нужды поселян; а от сего и вышло, что отдатчики по большей части привозили рекрут без денег на обмундировку и прочие принадлежности потребных, за которыми принуждены были обращаться опять в селении и там дожидаться пока сбудут с рук крестьянские продукты, чтобы иметь деньги. Сверх сего и разные... недостатки представляемых в рекруты людей, из коих обрковано было рекрутским присутствием при всём желании ускорить набор 7331 человек, столь много затрудняли ход дела сего, что отдатчики должны были ездить в свои селения и переменять их другими способнейшими, что так же делало значущую расстановку во времени скорого сбора рекрут».⁴⁸⁷

Недоимки по причине якобы неправильного, по мнению владельцев, назначения на них рекрутов действительно были достаточно распространены среди помещиков. В губернских правлениях, дворянских собраниях, уездных судах рассматривалось множество прошений дворян об избавлении их от поставки рекрутов. Они приводили различные доказательства своей правоты. Так, помещица Балашовского уезда Саратовской губернии княгиня П.Ф.Кудашева просила освободить её от поставки рекрута по 75 набору на том основании, что со своих 105 ревизских душ она уже выставляла трёх жеребёвых рекрутов в 72, 73 и 74 наборы.⁴⁸⁸ Схожая ситуация в этот набор сложилась и по имению господ Селявиных, которые с 82 душ уже выставляли рекрутов по 69, 71 и 74 наборам.⁴⁸⁹ По решению Саратовского губернского предводителя дворянства И.М. Баратаева этих дворян следовало избавить от поставки рекрутов по 75 набору и взыскать их с других помещичьих владений Балашовского уезда.⁴⁹⁰ Помещик И.И. Бурцов просил разобраться в том, почему со своих имений, находящихся в Саратовском (171 душа) и Сердобском (259 душ) уездах, по 75 набору, по которому повелевалось собрать по одному человеку с пятисот душ, он должен выставить двух рекрутов.⁴⁹¹ До рассмотрения прошений и принятия по ним решений владельцы рекрутов не выставляли.

На рост рекрутских недоимок и увеличение сроков набора влияла поставка отдатчиками в рекрутские присутствия негодных в физическом отношении людей. Так, при проведении 73 набора в 1802 г. военный приёмщик майор Керн отбраковал «по разным болезненным припадкам и наружным порокам» 137 из 1022 уже принятых до него Пензенским

⁴⁸⁴ Государственный архив Пензенской области (далее ГАПО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 474. Л. 524–525.

⁴⁸⁵ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 379. Л. 93; Д. 425. Л. 43; Д. 474. Л. 215; Д. 530. Л. 27об-28.

⁴⁸⁶ Там же. Д. 379. Л. 93–94.

⁴⁸⁷ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 474. Л. 216 – 218.

⁴⁸⁸ Государственный архив Саратовской области (далее ГАСО). Ф. 179. Оп. 2. Д. 48. Л. 2-2 об.

⁴⁸⁹ ГАСО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 48. Л. 1-1об.

⁴⁹⁰ Там же. Л. 8-8об.

⁴⁹¹ Там же. Д. 45. Л. 1-2, 19-21об

рекрутским присутствием рекрутов и потребовал их замены.⁴⁹² В 1809 г. пензенский губернатор А.Ф. Крыжановский отмечал, «что весьма часто случается, отдатчики привозят своих рекрут первоначально неспособных, неочередных, увечных, малорослых и несколько раз обрakovанных рекрутским присутствием людей, коих и при настоящем наборе принять невозможно, а только пересматриванием оных теряется напрасно время». Он предложил Пензенскому губернскому правлению объявить отдатчикам через земские суды и городничих, чтобы они привозили рекрутов за неделю до открытия присутствия для их предварительного осмотра медицинскими чиновниками, дворянскими предводителями и городничими.⁴⁹³ Пензенский прокурор Пещуров опротестовал это распоряжение губернатора по проведению 79 набора, как противоречащее закону, с чем согласился и Сенат.⁴⁹⁴

Поставка отдатчиками рекрутов, негодных к военной службе, подчас осуществлялась при прямом попустительстве местных властей. Так, в январе 1807 г. пензенский губернатор Ф.Л. Вигель получил грозное предписание из С.-Петербурга, в котором говорилось, что до императора дошли сведения о нарушениях при приёме рекрутов в Пензенском рекрутском присутствии, что рекруты принимаются «не в узаконенной годности, как то слабые здоровьем, старые, имеющие по телу ранки, косолапые и с повреждением пальцев». Александр I предупреждал губернатора, что если сведения подтвердятся, то вся вина за срыв рекрутского набора в губернии ляжет на него.⁴⁹⁵ Оправдываясь, Ф.Л. Вигель отмечал, что приём рекрутов происходил и происходит с соблюдением всех правил. Присутствия проводят большую работу по приёму годных к службе рекрутов, доказательством чего, по его мнению, служит тот факт, что из 7828 человек, поставленных отдатчиками, было принято всего 3201 (следовательно, 59,1% представленных рекрутов было отбраковано). Кроме того, губернатор сетовал, что «в здешнем краю люди по большей части малорослы и что одна крайность могла заставить принимать некоторых здоровых и молодых с неприметными и по военной даже разборчивости незначущими наружными знаками, никак не могущими препятствовать способности служить, когда уже совершенно не оказывалось лучшего рекрута с того, на кого оной положен».⁴⁹⁶

В селениях государственных крестьян многие молодые люди, особенно из числа тех семей, на которые падала рекрутская очередь, после объявления царского манифеста о проведении набора находились в бегах или отлучках. Так, в 1812 г. при проведении 82 набора чембарский земский исправник Щетинин доносил пензенскому губернатору князю Г.С. Голицыну, что он был в казённых селениях с. Маче и деревнях Куликовке и Кукарке для объявления их жителям высочайшего манифеста. «И оных деревень соцкие с лучшими людьми, – писал он, – показали, что состоящие у них на рекрутской очереди обыватели все почти побегом скрылись и просят для удержания на будущее время от подобных побегов представить их к отдаче после явки в зачёт будущих наборов, а отцов или сродственников, которые непосредственно знают о настоящем их укрывательстве, но не объясняют и делают тем всякое пособие на уклонение от государственной повинности, а миру отягощение не отдачею в срок и убытки через платёж штрафных на излишние проезды, предавать суду».⁴⁹⁷ Пензенский губернатор распорядился, что если «состоящие на очереди в казённых селениях семейства разбежались, то по сей необходимости высылать годных на службу из семейств, под очередью состоящих, а бежавших, когда явятся в селении, предоставить обществам представлять в зачёт будущих наборов неукоснительно, дабы не было поводу другим делать подобные побегии».⁴⁹⁸ Однако проблема побегов так и не была решена. В том же году при проведении 84 набора чембарский земский исправник Щетинин не смог в намеченный срок собрать рекрутов из татарских деревень Мочалейской волости, так как многие татары из очередных семейств, отпущенные «по пашпортам» для работы в Астрахань, живут там по просроченным пашпортам до тех пор, пока не узнают об отдаче всех рекрутов, причитающихся с их деревень.⁴⁹⁹

Таким образом, перед началом Отечественной войны 1812 г. в Среднем Поволжье наблюдалась динамика неуклонного роста недоимок. На рост рекрутских недоимок и увеличение сроков наборов влиял целый ряд факторов социально-экономического характера, о которых в своих донесениях в С.-Петербург неоднократно сообщали губернские власти.

Е.Д. Выжимов

РЕКРУТСКИЕ НАБОРЫ В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ПЕРИОДА КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853 – 1856 ГГ.

Рекрутский набор 1853 г. был обычным, и лишь в результате начавшейся войны в него внесли некоторые изменения. В частности, по набору полагалось взять семь человек с тысячи душ плюс три человека, которых не взяли ранее из Западной полосы империи. Этот расчёт удалось произвести потому, что в 1851 г. во время девятого частного рекрутского набора с Восточной полосы империи было взято по четыре рекрута с тысячи душ, а в 1850 г. в девятый частный набор с Западной полосы империи семь рекрутов с тысячи душ. И в Указе о проведении рекрутского набора за 1853 г. государство вспомнило об этой разнице.¹ В связи с этим набор не был приравнен к чрезвычайным, хотя все наборы из расчёта десять человек с тысячи считались таковыми.

⁴⁹² ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 31. Л. 104 – 106об.

⁴⁹³ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 347. Л. 25–26.

⁴⁹⁴ Там же. Д. 379. Л. 24 – 26об.

⁴⁹⁵ Там же. Д. 149. Л. 86–86об.

⁴⁹⁶ Там же. Л. 87 – 91об.

⁴⁹⁷ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 425. Л. 24–24об.

⁴⁹⁸ Там же. Л. 25–25об.

⁴⁹⁹ Там же. Д. 426. Л. 108–109. В списке татар Мочалейской волости, находящихся в Астрахани, на которых состоит рекрутская очередь, значится 47 семей. В 1812 г. по 84 набору татарские деревни должны были выставить 58 рекрутов, из которых в срок было поставлено лишь 11 (Там же. Л. 110–111об).

¹ Государственный архив Тамбовской области (далее – ГАТО) Ф. 4. Оп. 1. Д. 1291. Л. 2.

После окончания срока набора местные учреждения, отвечающие за его проведение, сразу должны были отослать в Сенат документы о числе собранных людей, деньгах, взятых на их содержание с обществ, к которым они принадлежат, всех особо выдающихся происшествиях. Кроме того, в манифесте указывался возраст призываемых и качество солдат, под последним понимали рост и физическое состояние человека. По набору 1853 г. было велено принимать людей от двадцати до тридцати пяти лет, ростом не меньше двух аршин четырёх вершков.² В качестве исключения могли принять человека ростом два аршина три с половиной вершка, если ему было не более двадцати одного года отроду. Все эти нормы были характерны для наборов мирного времени.

Кроме того, строго оговаривались нормы пищевого довольствия рекрут во время призыва. В него входили шесть четвериков муки, шесть фунтов соли, четыре фунта крупы. Понятно, что отдатчик – человек, выделенный крестьянской общиной или городским обществом, приводивший рекрут на место сбора – должен был иметь при себе 10 р. 20 к. на обмундирование каждого рекрута, 40 к. на гербовую бумагу, 60 к. на печать и 30 на квитанцию, если рекрут будет принят в армию. Эти деньги собирались с тех семейств общества, которым не пришлось исполнять рекрутскую повинность натурой. Без данных сумм рекрут принят быть не мог, даже если был здоров. Строжайшим образом воспрещалось брать людей, наказанных рукой палача или находящихся под следствием. Евреи независимо от времени мирного или военного поставляли в набор по десять человек с тысячи душ.

Другим документом, исходящим от верховных властей, был Указ Департамента палаты Государственных Имуществ от 31 июля 1853 г. о принятии зачётных квитанций по десятому частному набору с Восточной полосы империи. Стоимость одной квитанции была определена в 300 р. серебром.³ Следует заметить, что Высочайший манифест и Указ палаты государственных имуществ традиционно сопровождали любой рекрутский набор, как в мирное, так и в военное время.

Примечательно, что местные органы власти в Тамбовской губернии работали с усердием. Высочайший манифест о рекрутском наборе получили в Тамбове 9 июля 1853 г., и уже 17 июля был создан комитет для назначения людей по приёму рекрут в рекрутские присутствия. В него вошли: губернатор Пётр Алексеевич Булгаков, предводитель дворянства Максим Петрович Палов, вице-губернатор Иосиф Петрович Дубецкий и представитель казначейской палаты Иван Фёдорович Поссе.⁴ На протяжении всех наборов периода Крымской войны состав комитета не изменялся. Опираясь на Рекрутский устав и традиции предыдущих наборов, было созданы четыре рекрутских присутствия, так как более четырёх присутствий в одной губернии иметь было запрещено. Одно рекрутское присутствие обязательно было в губернском городе, а прочие – в уездных. В состав губернского рекрутского присутствия входили: вице-губернатор в роли председателя, местный уездный предводитель дворянства, советника казённой палаты, военный приёмщик и медик. В уездных присутствиях: местный уездный предводитель дворянства в качестве председателя, городничий, военный приёмщик и медицинский чин.⁵ Тамбовское губернское рекрутское присутствие отвечало за сбор людей с Тамбовского, Кирсановского, Борисоглебского уездов. Моршанское присутствие вело сбор с Моршанского, Шацкого, Козловского уездов. Темниковское – Темниковский, Елатомский и Спасский уезды. Липецкое присутствие собирало людей с Липецкого, Лебедянского, Усманьского уездов и заштатного города Кадама. Рекрутский комитет постановил, что с 1 по 8 ноября 1853 г. сбор рекрут будет вестись с ближайшего уезда, с 8 по 15 ноября – со среднего уезда, а с 15 по 21 – с последнего, или дальнего, уезда. После двадцать первого разрешалось принимать людей из всех округов подряд. Это последнее введение было новшеством. Обычно последняя неделя отводилась для замены забракованных рекрут, а опоздавших принимали после истечения срока набора. В 1853 г. в связи с войной от этого обычая отошли.

Губернатор приказал Врачебной управе отправить врачей в рекрутские присутствия 19 июля 1853 г. Без врача, который освидетельствовал рекрут, присутствие работать не могло. Квалифицированных медиков не хватало, и эта проблема сопровождала все рекрутские наборы.

В уезды исправникам были разосланы документы, однако в октябре 1853 г. многие из них жаловались губернатору, что так и не получили списки призывников от ревизского отделения. Проблема времени стала в 1853 г. главной. Устав Рекрутский строго определял часы приёма людей, часы работы чиновников в сутки, рабочие дни. В частности, принимать рекрут после пяти часов дня запрещалось, дабы не допустить ошибки при осмотре в связи с плохим освещением. Работать более восьми часов тоже было запрещено, дабы чиновники не уставали, не ослабляли внимание и опять же не допускали ошибки. Работу в воскресенье чиновники отвергали, хотя палата государственных имуществ это предлагала. Губернатор был вынужден согласиться с ними, закон был на их стороне. Но чиновникам всё же надо отдать должное. Отказавшись от увеличения часов рабочего дня и самих рабочих дней, пассивного метода увеличения темпов работы, они стали принимать больше людей в обычное время. Они принимали более ста человек в день, при средней норме приёма 40 – 50 человек. Исправники и урядники на местах также следили за порядком отправки рекрут отдатчиками. Каждую неделю они давали отчёт о том, как идёт отправка людей с вверенного им участка.

В связи с отсутствием постоянных органов, отвечающих за рекрутские наборы и подключение исполнению этой повинности по мере надобности почти всех государственных учреждений губернии, отсутствовали и здания для размещения рекрутских присутствий. Это иногда доставляло не мало хлопот чиновникам, привлечённым к населению службы в рекрутских присутствиях. Такая ситуация возникла и в Тамбове в 1853 г., когда титулярный советник Герасимов, всегда сдававший свой дом под присутствие, отказался это сделать. Другой подходящий дом для рекрутского присутствия был у

² ГАТО Ф. 4. Оп. 1. Д. 1291. Л. 3.

³ ГАТО Ф. 4. Оп. 1. Д. 1291. Л. 22.

⁴ ГАТО Ф. 4 Оп. 1 Д. 1291 Л. 7.

⁵ ГАТО Ф. 161 Оп. 1 Д. 72. 70 Л. 243.

полковницы Черницкой, но как она поступит, никто не знал. Торги шли с 27 сентября по 15 октября. В итоге дом был снят за 250 р. на время набора.⁶

Основную массу призванных составили рекруты ростом выше 170 см и по стандарту подходившие для службы в армии. Если брать семейное положение призываемых, то получилось, что женатых было больше, чем холостых, 4049 против 3132 человек. Что касается возраста, то значительное большинство людей, а именно 5274 человека, подпадали под норму, указанную в манифесте, от 20 до 35 лет. Рекруты, которым было менее 20 лет, в основе своей пошли в армию охотой за своих женатых старших братьев. Всего в десятый частный набор было собрано с Тамбовской губернии 7585 человек.

Как положительные факты надо отметить, что набор 1853 г. показал строжайшее соблюдение законов даже в ущерб государству. Это выразилось в соблюдении прав на частную собственность и рабочих прав мелкого чиновничества. Плюс к этому надо отметить активность чиновничества при проведении набора и его желание помочь государству.

На примере одиннадцатого частного рекрутского набора 1854 г. можно увидеть много изменений, которые помогли ускорить сбор рекрут, что говорит о гибкости государственной машины, её умении реагировать на запросы времени. 27 апреля 1854 г. царь объявил о наборе Сенату, а уже 28 апреля его указ был объявлен народу. По нему предполагали взять по двенадцать человек с тысячи душ. Евреи поставляли свою обычную норму в десять человек с тысячи, как это было установлено по закону от 1834 г. 29 апреля вышел указ Правительствующего Сената, где более подробно разбирался порядок набора. Он подтверждал дату начала и окончания набора, оговаривал денежные суммы, положенные рекрутам, а также качественные характеристики призываемых.⁷ Набор был признан чрезвычайным, и было произведено ослабление норм качества солдат. При наборах чрезвычайных, а именно при сборе с каждой тысячи человек более десяти, велено допускать приём людей всех возрастов, ростом не менее двух аршин трёх с половиной вершков, но никак не ниже двух аршин трёх вершков. Нормы продуктового довольствия оказались теми же, что и в 1853 г. Цены на продукты, закреплённые для покупок, на основании армии определялись по июльским и августовским ценам на рынке. На время набора государство устанавливало «потолок цен», дабы рекрутские партии, ожидавшие приёма в рекрутских присутствиях, и городские общества, принявшие их на квартиры, а также само государство не несло лишних убытков. Причём о последнем заботились больше всего. Государство, таким образом, препятствовало искусственному росту цен на продукты в момент скопления в городах большой массы людей, исполняющих рекрутскую повинность.

Сенат также ужесточил контроль за сбором рекрут. Так, приставы и урядники, следящие за проведением набора на местах, были обязаны в течение трёх дней отчитываться перед рекрутскими присутствиями вместо недели. Кроме того, в городах каждую неделю проверяли цены на питание и квартиры. Нарушителей штрафовали. Пристав также должен был следить за отдатчиками, которые после сдачи партии должны были в течение трёх дней покинуть город.⁸ По возможности рекрутские присутствия стали размещать прямо в полицейском участке или рядом с ним. Это говорит о том, что в 1853 г. при наборах были беспорядки, и государство предпочло подстраховаться на будущее, имея под рукой силы для их быстрой ликвидации.

На местах первоначально работали по-старому. Был создан рекрутский комитет, определены люди на местах. Но ситуация была особой. Обычно рекрутские наборы проходили зимой, дабы не отвлекать крестьян от работы, а этот набор провели летом в связи с чрезвычайной ситуацией. Отрыв людей от работы, обеспечивающий их жизнь, был чреват последствиями. Государство сделало всё возможное для предотвращения этого сверху, разместив присутствия рядом с полицией, но и местные чиновники приложили все силы. В Тамбовской губернии местные власти решили открыть ещё два новых рекрутских присутствия для ускорения набора. Это решало сразу три проблемы: ускорение приёма людей; люди быстрее возвращались к обычной жизни; рассредоточили массы людей по разным городам. Губернатор одобрил это решение и попросил разрешение у Сената для этого мероприятия. Так, в 1854 г. в Тамбовской губернии работали шесть рекрутских присутствий. Тамбовское присутствие отвечало за Тамбовский, Кирсановский и южную часть Козловского уезда. Моршанское – за Моршанский и северную часть Козловского уезда. Липецкое – Липецкий, Лебедянский и Усманьский уезды: Борисоглебское присутствие – за Борисоглебский уезд. Спасское – за Спасский и Темниковский уезды, плюс заштатный город Кадам. Шацкое – за Шацкий и Елатомский уезды. Предполагалось с 15 по 25 июля 1854 г. брать людей из ближайшего уезда, с 25 июля по 4 августа – из среднего уезда или двух последних уездов. С 4 по 15 августа – из всех уездов без разбора. После 15 августа принимать людей только вместо забракованных. Плюс к этому разделили сроки приёма государственных и помещичьих крестьян. Вероятно, крестьяне часто выясняли силой, какой из партий идти первой, как в случае в книге Шолохова «Тихий Дон». Вряд ли крестьяне разных групп чувствовали себя одним целым и в XIX в. Было решено, первые пять дней принимать государственных крестьян, а следующие пять дней – помещичьих с определённого уезда, что мешало им находиться в рекрутском присутствии в одно и то же время.

По набору 1854 г. полагалось брать людей, достигших к 1 января 1854 г. 20 лет, но не больше 24 в первую очередь. В случае нехватки людей из пяти данных возрастов призывать и людей от 25 до 30 лет. По указу 1854 г. все семьи были поделены на два разряда: многорабочие и двойниковые. Забракованные по болезни или малому росту в предыдущие наборы обязывались пройти переосвидетельствование в 1854 г. Но забракованные по болезни и вышедшие за 24 года набору не подлежали. В рекруты поставляли людей по порядку разрядов: сперва из первого отделения первого разряда, т.е. из многорабочих семей двадцатилетнего возраста; потом из второго отделения первого разряда. Если людей не хватало, то брали из первого отделения второго разряда, т.е. двойниковых семейств, где были люди 20 лет от роду, а затем из второго

⁶ ГАТО Ф.4 Оп. 1. Д. 1291 Л. 105-107.

⁷ ГАТО Ф. 4. Оп. 1. Д. 1349. Л. 23–24.

⁸ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1349. Л. 46.

отделения второго разряда. В случае наборов предлагали брать людей из старших возрастов (60). Но при уменьшении роста рекрут до трёх вершков, вряд ли будет тронут даже второй разряд. Эта уверенность основана на том, что при прежних наборах, браковалось большое число людей и почти половина из них по росту.

Всего по одиннадцатому частному рекрутскому набору собрали 9184 человека и 147 человек попали в армию по различным причинам, а именно: добровольно, в зачёт будущих наборов, а также преступники по приговорам суда. Основную массу призванных составляли крестьяне, причём число помещичьих и государственных приблизительно равно. С той лишь разницей, что за государственными крестьянами полностью отсутствуют недоимки.

Кроме этого надо отметить одну из особенностей набора 1854 г. В связи с войной требовалось скорейшее перемещение людей в учебные полки, чтобы срочно приступить к их подготовке. Поэтому Генеральный штаб прислал указ, по которому люди, отобранные для службы в артиллерию, переправлялись до места службы на подводах. Обычно партии рекрутские шли пешком. Ни число людей в партиях, ни число их сопровождающих никогда точным не было. Будущих артиллеристов было около тысячи и их предполагали отправить двумя партиями, что и было сделано. Причём извозчики и крестьяне, привлечённые к этой работе, от денег отказывались, о чём было с гордостью доложено вышестоящему начальству. По указу императора все деньги, сохранённые в казне, таким образом поступали на нужды армии как дополнительные средства. Дворяне, привлечённые к поставке подвод, также от денег отказывались.

Единственной проблемой, омрачившей радость тамбовских чиновников, стали наши медики, а вернее их отсутствие. 11 ноября Министерство внутренних дел издало указ о привлечении гражданских лекарей к рекрутским наборам. Но эту проблему не решило. Так, в Тамбовской лечебнице, где по штату должно было быть двенадцать врачей, имелось только шестеро. Причём часть их должна была остаться на месте работы, чтобы не закрывать вышеупомянутое учреждение. В целом набор 1854 г. прошёл великолепно, несмотря на все сложности, его сопровождавшие. Государство в минимальный срок частично модернизировало систему сбора на местах, при сохранении основных принципов добилось результата. К этому надо добавить и патриотический подъём среди всех классов общества, их бескорыстную помощь государству. Всё это в итоге дало положительный результат.

Рекрутский набор 1855 г. по документальному оформлению мало чем отличался от предыдущих наборов. Но временной разрыв между окончанием одиннадцатого набора и началом двенадцатого частного набора очень мал. Это показывает трудное положение России в Крымской войне. 3 декабря 1854 г. указ о новом рекрутском наборе был опубликован, но он предполагал своё начало в феврале следующего года. Следует отметить, что частные наборы в этот период проводились с обеих полос империи, фактически произошёл возврат к общим рекрутским наборам. Как и набор 1854 г., двенадцатый частный рекрутский набор был объявлен чрезвычайным. Его предполагалось провести с 15 февраля по 15 марта 1855 г. Предполагали взять по десять человек с тысячи душ. Экономические требования к набору остались прежними. Манифест отменил все ограничения по росту и возрасту. При этом сохранив право людей на покупку рекрутских квитанций.⁹ Кроме того, губернатор разрешил принимать мещан в городах, где есть присутствия, раньше намеченного срока. К функциям полиции в 1855 г. добавилась слежка за смутьянами, распространяющими слухи о скорой воле, и по возможности их арест.

В целом система набора была сохранена. Проводить его по следующим правилам.

I. Допускать на службу людей ростом ниже установленных для обыкновенных наборов норм, но не менее двух аршин трёх вершков. К набору призвать молодых людей, которым к 1 января 1855 г. исполнилось 20 лет, но не старше 30. В случае недостатка призывать старше возрастом до 35 лет включительно.

II. При наборе руководствоваться следующими правилами:

1) поставку рекрут начать с людей, которые вытянули жребий в 1854 г., но были оставлены по болезни;

2) затем призвать людей:

а) от 21 до 30 лет, которые призывались ранее, но были забракованы по росту;

б) потом от 21 до 24 лет из многорабочих семейств, которые в предшествующие наборы остались в запасных;

в) люди от 25 до 30 лет из многорабочих семейств, в следующей последовательности: в начале 25 и 26 лет, потом 27 и 28 лет и т.д.;

3) Потом призвать людей из малорабочих семей, которым к 1 января будет 20 лет.¹⁰

Чиновники в рекрутских присутствиях отмечали, что при уменьшении норм роста рекрут до трёх вершков можно было ожидать, что набор будет выполнен из семейств первого разряда в возрасте до 30 лет. Но на случай недостатка обычно брали людей из двойниковых семейств. Прогноз полностью подтвердился. По росту основная часть людей была от двух аршин четырёх вершков до двух аршин шести вершков. Но людей с ростом ниже четырёх вершков было довольно много – 1954 человека, что составило около 35% всех призванных.

Словное состояние призывников не изменилось. Наличие рекрут, отправленных в армию за преступления по суду, подтверждает сохранение взглядов на армию как место наказания.

Набор 1855 г., как и 1854 г., прошёл на фоне подъёма патриотических чувств. Рекруты шли в службу с полной готовностью и весело, провожали их без уныния, просьб по возврату после отдачи не было.¹¹ Набор был признан отличным даже с учётом того, что были случаи уклонения. Так, мещанин Князев бежал, а при поимке оказал сопротивление. Крестьянин Ф. Трифонов бежал, но за него забрали брата. Это ещё раз подтверждает невозможность недоимок. Но эти происшествия были столь незначительны и малочисленны, что на них не обращали внимания. Рекрут же везде принимали охотно, сполна отбывая постоянную повинность.

⁹ ГАТО Ф. 4. Д. 1350. Л. 44.

¹⁰ ГАТО Ф. 4. Д. 1350. Л. 30.

¹¹ ГАТО Ф. 161 Оп. 1 Д. 1855. Л. 233.

Если подводить итог по всем трём наборам, можно сделать следующие выводы. Рекрутские наборы военного времени показали, что рвение местных властей и их желание успешно провести наборы в целом удались. Вероятно, экстренные условия всех трёх наборов и способствовали их успешному завершению.

Е.Д. Выжимов, Ю.В. Щербинина

ОТСТАВНЫЕ И БЕССРОЧНООТПУСКНЫЕ СОЛДАТЫ В ПЕРИОД КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ (1853 – 1856 ГГ.)

Начало Крымской войны 1853 – 1856 гг. положило начало призыву отпускных солдат.⁵⁰⁰ В 1853 г. были введены в действие расписания по сбору отпускных и бессрочноотпускных, как для пополнения войск корпусов по штатам военного времени, так и для комплектования резервных войск: расписание № 2 на пополнение комплекта 4 корпуса, № 3 на пополнение некомплекта 5 корпуса, № 4 на формирование резервных частей 4 корпуса. Формирование резервов 10 – 12 пехотных дивизий осуществлялось в Тульской, Калужской и Тамбовской губерниях с последующим вооружением и организацией их в Киеве.⁵⁰¹ 29 июля 1853 г. последовал указ о призыве на службу бессрочноотпускных нижних чинов Морского ведомства, приписанных к Черноморскому флоту⁵⁰², а 25 декабря того же года – о призыве отставных моряков, приписанных к Балтийским портам.⁵⁰³ В 1853 г. призвано на службу 199 438 человек отпускных нижних чинов. В 1854 г. – 11561 человек.

В 1853 г. при сборе отпускных нижних чинов на действительную службу в некоторых губерниях были выявлены «неверности, от несвоевременной и неисправной высылки письменных на сих людей сведений» и отсутствие точных данных по отпускным солдатам. На воинских начальников возложили обязанности: а) увольняемые в бессрочный и годовой отпуск нижние чины должны снабжаться, прежде отправления их на родину, билетами по установленным формам...; б) ...нижние чины непременно должны быть опрошены: в каких именно уездах и в каких сёлах или деревнях будут находиться на жительстве во время отпуска...; в) ...по прибытии должны являться в местные полиции и предъявлять отпускные билеты, под опасением, за отступлением от сего порядка, строгого наказания.⁵⁰⁴

Власти строго контролировали поведение и образ жизни бессрочноотпускных солдат. Не случайно в отчётах губернаторов всегда были строки о количестве бессрочноотпускных солдат в губернии, их занятиях и социальном поведении. Губернаторы получали эти сведения от уездных исправников и уездных предводителей дворянства. Так, в 1854 г. Липецкий уездный предводитель дворянства сообщал, что «по отзывам помещиков и по собранным сведениям: 1) бессрочноотпускные ведут себя: в собственном их роде жизни – хорошо. В отношении к местным властям – послушны. В отношении к помещикам – вежливы. В отношении к жителям – обходительны; 2) сообразно с поведением нижних чинов и образом их жизни им оказывают: местные власти – законную защиту. Помещики – внимание. Жители – ласку и радушие; 3) общее о бессрочноотпускных нижних чинах мнение по Липецкому уезду хорошее».⁵⁰⁵ Из Усманского уезда в том же году сообщали: «В Усманском уезде бессрочноотпускных нижних чинов 4 человека, которые ведут себя хорошо, местным властям повинуются и никаким жалобам помещиков не подвергались». Заметим, что бессрочноотпускных солдат могло и не быть в пределах уезда, и Лебединский уездный предводитель дворянства указывал, что в «помещичьих имениях Лебединского уезда в истёкшем 1854 г. бессрочноотпускных не было».⁵⁰⁶ Из Борисоглебского уезда также подтверждали, что за высылкой на службу бессрочноотпускных в уезде нет.⁵⁰⁷ Трудности подсчёта отставных нижних чинов заключались в том, что нередко в уездах вели их счёт вместе с семьями солдат, призванных в армию. Командир тамбовского внутреннего гарнизонного батальона доносил губернатору, что ведомости о том, сколько в губернии бессрочноотпускных нижних чинов и их жён и вдов, от некоторых городских сельских полиций не доставлены, и он не может точно сообщить их число.⁵⁰⁸

В условиях Крымской войны 1853 – 1856 гг., когда Россия вновь нуждалась в подготовленных воинах, находящихся в отставке, Николай I пошёл на дарование беспрецедентных льгот тем отставным нижним чинам, которые пожелали бы поступить на вторичную службу. 15 марта 1854 г. было объявлено через губернаторов, что те из отставных воинских чинов, которые чувствуют себя ещё здоровыми, бодрыми, усердными и способными, приглашаются в военное время на службу. Этим отставным нижним чинам были дарованы значительные льготы и поощрения. При самом поступлении на вторичную службу солдаты награждались серебряными медалями с надписью «за усердие» для ношения в петлице на Аннинской ленте, и те из отставных нижних чинов, кои награждены при отставке унтер-офицерским званием, зачислялись на службу унтер-офицерами.

Сверх того, была назначена к выдаче единовременная награда унтер-офицерам: гвардии – 5 р. серебром, армии – 3 р. серебром; рядовым: гвардии – 3 р., армии по 1 р. 50 к. серебром.⁵⁰⁹

Зачисляемых в резервы решено было не посылать на пополнение действующих войск, исключая те случаи, когда сами нижние чины пожелают служить в действующих войсках. При увольнении этих нижних чинов в отставку отдать им сыновей, прижитых со дня первой отставки до вторичного вступления на службу.⁵¹⁰

⁵⁰⁰ Подробное расписание призыва отпускных солдат см.: Расписания о сборе отпускных нижних чинов на действительную службу. СПб., 1852 – 1854.

⁵⁰¹ Кухарук А.В. Указ. соч. Л. 130.

⁵⁰² ПСЗ. 1853. Т. XXVIII. № 27472.

⁵⁰³ Там же. № 27794, 27795.

⁵⁰⁴ ПСЗ. 1853. Т. XXVIII. № 27445.

⁵⁰⁵ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1298 ч. 2. Л. 154.

⁵⁰⁶ Там же. Л. 164.

⁵⁰⁷ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1298 ч. 2. Л. 169.

⁵⁰⁸ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1298. Л. 125.

⁵⁰⁹ ПСЗ. 1854. Т. XXIX. № 28027.

Представители дворянской корпорации, чутко улавливая позицию своего монарха, не раз заявляли о готовности призывать военных инвалидов. Так, дворянство Курляндской губернии на состоявшемся ландтаге постановило оказывать отпускным и отставным солдатам – курляндским уроженцам те же пособия, которые оказывались их семействам во время войны, а сверх того выдавать из кассы дворянства по 10 р. каждому изувеченному при защите Севастополя.⁵¹¹ То же решение приняли дворяне Лифляндской и Эстляндской губерний.⁵¹² Иногда свои услуги по содержанию увечных отставных солдат предлагали помещики. 1 сентября 1854 г. Николай I соизволил благодарить помещика Черниговской губернии, отставного гвардии ротмистра Ярошевицкого за содержание в период Крымской войны в построенной для крестьян больнице десяти кроватей для безвозмездного лечения уволенных со службы нижних чинов, возвратившихся на родину в Черниговскую губернию.⁵¹³

Вступивший на престол Александр II в своём Манифесте от 27 марта 1855 г. даровал прощение отлучившимся от своих команд или просрочившим в отпуску, либо не явившимся из временного и бессрочного отпуска по призыву на службу, если в течение трёх месяцев они добровольно сами явятся к своему начальству.⁵¹⁴ Таким образом, и в царствование Александра II правительство не ослабляло своё внимание к бессрочноотпускным солдатам и активно использовало эту категорию представителей военного сословия в интересах государственной политики в области комплектования вооружённых сил. В 1856 г. в армию поступило 215 197 отпускных нижних чинов. В том же 1856 г. были утверждены «Правила для увольнения из войск нижних чинов в отпуск и в отставку».⁵¹⁵ Эти правила уточняли правила призыва из отпуска солдат, а также регламентировали их служебное поведение.

Интересным представляется факт, что ратники ополчения, мобилизованные в 1855 г. в период Крымской войны, после возвращения со службы вполне соотносили себя с отставными солдатами. Если отставные солдаты после увольнения со службы освобождались от крепостной неволи и принадлежали к военному сословию, то и ратники государственного ополчения считали себя как бы отслужившими в армии и имеющими право на льготы. Когда 2 апреля 1854 г. был обнародован указ о формировании резервной гребной флотилии («морского ополчения»), то в него могли записываться и помещичьи крестьяне, но с согласия помещика и с письменным обязательством ополченца о возвращении к своему помещику после роспуска флотилии. Указ ограничивал район формирования флотилии всего четырьмя губерниями: Санкт-Петербургской, Олонецкой, Тверской и Новгородской. Но весть об этом указе всколыхнула центральные и поволжские губернии: Московскую, Владимирскую, Рязанскую, Тамбовскую, Пензенскую и Нижегородскую. Всего в 1854 г. указанное движение охватило крестьян десяти губерний, в 1855 г. оно с ещё большей силой вспыхнуло в шести губерниях Центральной России и Киевской губернии.⁵¹⁶ Среди крестьян разнеслась молва о том, «что государь император призывает всех охотников в военную службу на время и что за это семейства их освободятся навсегда не только от крепостного состояния, но и от рекрутства и платежа казённых повинностей».⁵¹⁷ В «Письмах к родным. 1849 – 1856 гг.» И.С. Аксакова отмечается, что по «наущению какого-нибудь отставного солдата» крестьяне были готовы отправиться служить царю в ополчение.⁵¹⁸ Тысячи крестьян самовольно уходили для записи в ополчение, и правительство было вынуждено устанавливать кордоны на дорогах, отсылать затем крестьян на места жительства в кандалах, под конвоем, иногда с обритыми головами. Ещё больший характер приняло движение 1855 г. в связи с манифестом 29 января 1855 г. о наборе ратников в подвижное сухопутное ополчение. Например, воронежский губернатор сообщал, что, стремясь записаться в ополченцы, крестьяне «на деле скрывают под этим благовидным предлогом желание отложиться от помещичьей власти».⁵¹⁹

Не случайно после окончания Крымской войны 1853 – 1856 гг. в целом ряде губерний – Московской, Калужской, Ярославской, Воронежской, Пензенской, Смоленской, Саратовской, Тамбовской и др. – возникли волнения среди вернувшихся ратников ополчения.⁵²⁰ Крестьяне оказывали неповиновение помещикам, отказывались нести оброк и барщину. Уже весной 1856 г. среди крестьян стали упорно распространяться слухи о том, что во время предстоящей коронации императора будет объявлена «воля». Подобные слухи распространяли главным образом ополченцы и бессрочноотпускные солдаты, которые, вернувшись домой, отказывались повиноваться помещикам и «заражали» таким же социальным поведением крестьян. Некоторые из них говорили: «Вот призовут нас снова на службу и тогда даруют нам совершенную свободу». Другие заявляли о себе, что «они теперь не обязаны повиноваться и исполнять сельские работы на том основании, что служба их уже закончилась и в билетах, данных им от дружины, ничего не сказано, что они возвращаются в первобытное состояние, а напротив того, разрешается им всегда носить крест на фуражке», при этом добавляли с достоинством: «С этим крестом мы и царю фуражек не снимали». 24 августа 1856 г. в Калужской губернии началось восстание ополченцев 72 дружины ополчения, воспротивившихся роспуску их по домам и возвращению к помещикам. Считая себя «государевыми людьми», ополченцы отказывались от помещичьих работ и вообще от какого бы то ни было повиновения помещику, нередко оказывая вооружённое сопротивление, когда их силой принуждали к этому.⁵²¹ «Нас помещики сами отдали государю, – говорили они, – теперь мы государевы и просим государя нас пристроить».⁵²² Вполне очевидно, что ополченцы являлись серьёзным ферментом брожения среди крестьянства. Бывшие ополченцы, отставные и бессрочноотпускные солдаты очень часто становились вожаками крестьянских волнений. Всё это вызывало сильное беспокойство у правящих кругов. Местным властям было приказано в случае малейшего

⁵¹⁰ ПСЗ. 1856. Т. XXXI. № 32295.

⁵¹¹ ПСЗ. 1857. Т. XXXII. № 32174.

⁵¹² ПСЗ. 1858. Т. XXXIII. № 33299.

⁵¹³ Там же. № 28517.

⁵¹⁴ ПСЗ. 1855. Т. XXX. № 29167.

⁵¹⁵ ПСЗ. 1856. Т. XXXI. № 30493.

⁵¹⁶ Игнатович И. Крестьянские волнения в первой четверти XIX в. // Вопросы истории. 1950. № 9. С. 68.

⁵¹⁷ Революционная ситуация в России в середине XIX в. Под ред. М.В. Нечкиной. М., 1978. С. 44.

⁵¹⁸ Аксаков И.С. Письма к родным. 1849 – 1856 гг. М., 1994. С. 298.

⁵¹⁹ Революционная ситуация в России в середине XIX в. Под ред. М.В. Нечкиной. С. 46.

⁵²⁰ Дружинин П.М. Указ. соч. С. 351.

⁵²¹ Джаншиев Г. Эпоха Великих реформ. М., 1896. С. 17–18.

⁵²² Революционная ситуация в России в середине XIX в. Под ред. М.В. Нечкиной. М., 1978. С. 48.

неповиновения или протеста со стороны ополченцев лишать их права ношения креста на фуражке, отбирать свидетельства о прохождении службы и отдавать в солдаты.

В работе Я.И. Линкова о крестьянских волнениях в дореформенной России совершенно справедливо указывается, что, как и в предшествующий период, в крестьянском движении и в первые годы после Крымской войны весьма заметную роль в качестве организаторов, подстрекателей и зачинщиков играли временные и бессрочноотпускные солдаты и унтер-офицеры.⁵²³

По мнению М. А. Рахматуллина, заметное влияние на изменение обыденного сознания и социального поведения крестьян во второй половине 50-х гг. XIX в. оказывали освобождённые от службы ополченцы, которые, явившись в свои деревни, рассказывали о том, что они видели и слышали. Но не только рассказы ополченцев поражали и подвигали к размышлениям односельчан, но и их нестереотипное поведение. Как свидетельствовали жандармские офицеры, они «не сохраняют должного уважения к помещицкой власти, особенно в тех имениях, где сами помещики не живут. Ратник, разговаривая с вотчинным начальством, или даже с помещиком, шапки не снимает, говоря, что ему не приказано её снимать... Прочие крестьяне смотрят на это, как на чудо, выходящее из обыкновенного круга своей подчинённости».⁵²⁴

В работе А.В. Фёдорова «Русская армия в 50 – 70-е гг. XIX в.» сделан совершенно справедливый вывод о том, что бессрочноотпускные и находившиеся во временном отпуске солдаты и некоторые унтер-офицеры не были пассивными зрителями борьбы крестьян против помещиков, а часто сами принимали активное участие в борьбе своих односельчан против деспотов помещиков и местной административно-полицейской власти. Это имело место не только в 1850-е гг., но и в более ранние годы. В 1850-е же и в начале 1860-х гг., особенно после Крымской войны, участие отставных и отпускных солдат в крестьянских волнениях становится повсеместным.⁵²⁵ В архивах военно-судных учреждений сохранилось немало документов, рассказывающих о том, как судили и жестоко наказывали военнослужащих «за склонение крестьян к бунту и неповиновению своим помещикам», «за ложные и превратные» толкования Манифеста и Правил о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости.

А.В. Кондратьев

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПОЛОЖЕНИЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ПЕРИОД ВОЙН РОССИИ НАЧАЛА XX В.

Российская империя ратифицировала Женевскую конвенцию 1864 г. «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях» и принятую в дополнение к ней Женевскую конвенцию 1906 г. В юридической литературе эти документы получили наименование конвенций Красного Креста, так как были приняты на международных конференциях, созванных этой организацией. Результатом проведения Гаагских конференций 1899 и 1907 гг. стало принятие конвенций, распространивших правовую защиту на все категории военнопленных. При этом конференция 1899 г. была создана по предложению Николая II, а в основу одобренной в Гааге конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны» были положены предложения известного российского юриста-международника Фёдора Мартенса, а также положения оставшейся неутверждённой Брюссельской декларации 1874 г., заслуга в разработке которой также принадлежит России.⁵²⁶

Гаагские конвенции закрепили международно-правовой принцип, заключающийся в том, что удержание солдат и офицеров противника в плену не является ни мстью, ни наказанием, а служит воспрепятствованию военнослужащему принимать дальнейшее участие в боевых действиях. Установленный в этих документах правовой статус военнопленных предполагал гуманное обращение с ними. В тексте конвенций содержался запрет на преследование военнопленных за свои убеждения и вероисповедание, оговаривался режим содержания, материального обеспечения и трудового использования, медицинского обслуживания военнопленных. Документы конференций 1899 и 1907 гг. содержали положения о мирном разрешении международных споров, нейтралитете, защите мирных жителей в период военных действий, в них был, наконец, определён состав комбатантов – участников боевых действий, которые имели право на статус военнопленных.

Особая значимость Гаагских конвенций заключалась в том, что они возложили ответственность за содержание военнопленных на правительства воюющих держав. Данное положение подталкивало правительства государств к разработке своих нормативно-правовых документов, касавшихся содержания в стране бывших военнослужащих противника, созданию системы органов, обеспечивавших приём от войск, обеспечение и эвакуацию их в тыл страны и трудовое использование.

Российское законодательство о военнопленных этого периода явилось закономерным продолжением конвенций Гаагских и Женевской конференций. Основой для него послужили гуманистические тенденции вышеназванных конвенций, а также законодательство предыдущих лет. Характерной чертой его является детальная разработка вопроса о военнопленных.

В законодательство периода Первой мировой войны вошли:

- 1) утверждённое Советом Министров и Императором 7 октября 1914 г. «Положение о военнопленных»;
- 2) «Правила о порядке предоставления военнопленных для исполнения казённых и общественных работ в распоряжение заинтересованных в том ведомств», которые были утверждены Советом Министров 16 сентября 1914 г.;
- 3) «Положение об утверждении правил об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы, утверждённые Советом Министров 28 февраля 1915 г.

В этих законодательных актах детально расписана политика центральных и местных властей Российской империи в отношении иностранных военнопленных, находящихся на её территории.

⁵²³ Линков Я.И. Очерки истории крестьянского движения в России в 1825 – 1861 г. М., 1952. С. 188–189.

⁵²⁴ Там же. С. 225.

⁵²⁵ Фёдоров А.В. Русская армия в 50 – 70-е гг. XIX в. Очерки. Л., 1959. С. 77.

⁵²⁶ http://nvo.ng.ru/history/2004-10-08/5_plen.html

В 1914 г., на момент начала военных действий, все государства были уверены в неукоснительном соблюдении противником положений нового международного права. В целом же в ходе войны во всех странах-участницах фиксировались многочисленные нарушения установленных соглашений, в том числе и в отношении военнопленных.

России выпало бремя содержать на своей территории более 3,5 млн. военнослужащих противника. По мнению Б.И. Ниманова, в целом по стране военнопленные находились в разных условиях. В некоторых пунктах постоянного водворения обеспечивалось хорошее содержание, соответствующее международному гуманитарному праву, но основная масса военнопленных находилась в тяжёлом положении. Затянувшийся характер войны стимулировал жёсткое обращение военнопленных и гражданских властей по отношению к военнопленным.⁵²⁷

По совершенно справедливому мнению О.С. Нагорной, в ходе Первой мировой войны военный плен превратился в особую сферу международных отношений и в один из узловых пунктов внутригосударственной дискуссии о войне. Различные аспекты содержания солдат и офицеров противника долгое время оставались важной основой для контактов враждующих сторон, нейтральных стран и негосударственных организаций. Именно в этой области были выявлены излишняя размытость созданных до войны норм международного права и узость поля деятельности благотворительных учреждений. Многочисленные нарушения подписанных соглашений всеми сторонами и попытки совершенствования правоприменительной практики во многом определили развитие международных отношений в межвоенный период.⁵²⁸

В соответствии с военно-уголовным законодательством почти всех стран добровольная сдача в плен определялась как государственная измена и каралась уголовными наказаниями. Тем не менее в ситуации нового характера военных действий, массовости плена, длительности войны, а также под давлением общественности западные государства Антанты и Центральные державы были вынуждены активизировать дипломатические усилия и организацию материальной помощи собственным подданным, содержащимся в лагерях противника.

Тамбовский уездный воинский начальник сообщал в январе 1916 г. о положении военнопленных начальнику местной бригады: «Все военнопленные нижние чины разбиты поротно до 300 человек, каждая при своих унтер-офицерах. Корреспонденция проверяется мной лично, собственные деньги и вещи остаются в полной собственности и расходуются по их усмотрению. Начальниками военнопленных считаются фельдфебель и унтер-офицеры окарауливающие и все офицеры, непосредственно соприкасающиеся к заведыванию пленными. Отдание чести всем офицерам русской службы. Военнопленные офицеры ежедневно являются в помещение нижних чинов для прогулки каждый со своей ротой, и офицеры дежурят в помещении пленных нижних чинов. Во время пребывания военнопленных на прогулке помещение основательно проветривается. Поверка два раза в день в 8 утра и вечера, переключка по спискам. Огонь поддерживается всю ночь в общем помещении до рассвета. Стража у нижних чинов и офицеров живёт в общем помещении, при некоторой изоляции. Питьевая вода из водопровода в том же помещении. Баня два раза в месяц с выдачей мыла по полфунта на человека. Сношение с внешним миром не допускается без моего разрешения. В церковь увольняются командами при сторожах. Мытьё белья в банях во дворе помещения при достаточном количестве кипятка и корыт. Курение табака разрешается беспрепятственно. Время сна с 9 вечера до 7 утра, подстилка соломенные маты. За дисциплинарные проступки арест при местной тюрьме нижних чинов, офицеров на гауптвахте. Проступки очень редки. Офицеры живут в нанятых домах артелями. Прогулки разрешаются при сопровождающих. От 8 часов вечера до 8 часов утра отлучки из помещения воспрещаются.⁵²⁹

После Февральской революции тенденции активного вовлечения военнопленных в российскую политическую жизнь значительно укрепились, что совершенно не устраивало Временное правительство. А потому при первой же возможности была предпринята попытка восстановить их прежний статус-кво. Ужесточился лагерный режим, усиленно пресекавший попытки общения пленных с местным населением, миролюбиво относившимся к поверженному врагу. Самых активных участников участвовавших митингов и демонстраций лагерному руководству предписывалось водворять в тюрьмы и штрафные лагеря. Однако неудача корниловского наступления осенью 1917 г. и Октябрьская революция положили конец попыткам властей пресечь всё усиливающееся политическое движение среди военнопленных.

Большевиками они рассматривались как «братья по классу», которые должны были водрузить в своих странах знамёна мировой революции – такие лозунги были провозглашены на созванном в апреле 1918 г. Всероссийском съезде военнопленных. Новая власть делала всё возможное и для обеспечения лояльности россиян, оказавшихся в германском и австро-венгерском плену, а таких насчитывалось около 2,5 млн. Известие о победе Октябрьской революции большинство российских военнопленных, не испытывавших пиетета к царскому режиму, втянувшего страну в войну, обернувшуюся тяготами и лишениями плена, восприняло как весть об освобождении. Первые декреты советского правительства были направлены на защиту интересов российских пленных и гарантировали материальную поддержку возвратившимся на родину и семьям ещё находившихся в плену российских военных.

Комиссар по делам военных и гражданских пленных от 25 мая 1918 г. отмечал, что в деле содержания военнопленных в Тамбове достигнуты хорошие результаты, так как прежде пленные находились чуть ли не неделями без пищи и сплошь и рядом их можно было видеть расхаживающими по г. Тамбову и просящими милостыню... «К сожалению этого нельзя сказать по уезду, отчасти ввиду общего кризиса продовольствия и неорганизованности вообще, средств на содержание военнопленных не получают, пункты содержания переполнены и пр.»⁵³⁰

Было направлено продовольственным отделом Центральной коллегии о пленных и беженцах продуктов на 40 дней по числу 12 тыс. человек. Эвакуировались лишь инвалиды, но в мае было отправлено 244 здоровых военнопленных германцев и 21 гражданских пленных германцев (стариков, женщин, детей). В отношении австрийцев указаний пока нет.⁵³¹

К тем, кто оказался в плену в ходе начавшейся Гражданской войны, отношение было иное. Постановлением Совета рабочей и крестьянской обороны от 1 августа 1919 г. семьи бывших красноармейцев лишались всех видов государственного

⁵²⁷ Ниманов Б.И. Содержание военнопленных на территории России в годы Первой мировой войны // Вестник РУДН. Серия История России. 2009. № 2. С. 60 (53 – 61)

⁵²⁸ Нагорная О.С. Другой военный опыт: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914 – 1922). М., 2010. С. 31.

⁵²⁹ ГАТО. Ф. 504. Оп. 1. Д. 115. Л. 21–21 об.

⁵³⁰ ГАТО. Ф. 1832. Оп. 1. Д. 68. Л. 8.

⁵³¹ Там же. Л. 8.

пособия и земельного надела. 22 апреля 1920 г. в Особые отделы фронтов и армий поступила телеграмма из ВЧК о строжайшей фильтрации пленных и перебежчиков и направлении неблагонадёжных в концлагеря, «лояльных» – в трудовые армии, остальных – в места заключения военнопленных.

Вскоре после подписания в марте 1918 г. Брестского мирного договора советское руководство по указанию Ленина установило контакты с Международным Комитетом Красного Креста (МККК). 30 мая того же года Совет народных комиссаров (СНК) РСФСР принял постановление «О признании Женевской и других международных конвенций, касающихся Общества Красного Креста» и обязался соблюдать соглашения, ранее ратифицированные царской Россией. В 1921 г. МККК объявил о том, что РСФСР получает право на покровительство Женевских соглашений и признаёт Красный Крест.

С.А. Ильин

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА 1914 – 1918 ГГ. И ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИУДЕЕВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

«Еврейский вопрос» возник в России в последней трети XVIII в. после аннексии польских территорий с включением в российское подданство многочисленного еврейского населения присоединённых земель. Правительство, исходя из религиозных традиций, запрещавших иудеям въезжать в Российское государство, установило для исповедовавших иудаизм ряд законодательных ограничений. Они касались в основном свободы передвижения («черта осёдлости»), получения образования («процентная норма»), занятия некоторыми видами хозяйственной деятельности. Набор дискриминационных мер то расширялся, то сужался, но принципиально решить «еврейский вопрос» не решился ни один из российских монархов.

Первая мировая война 1914 – 1918 гг. резко ухудшила положение российских иудеев, страдавших от враждебного отношения военного руководства, в массовом порядке депортировавшего реальных и мнимых изменников из прифронтовых районов в тыловые губернии. В то же время грозные военные испытания, требовавшие консолидации всех сил для борьбы с внешним противником, потеря значительных территорий, в том числе с компактным проживанием иудеев, приведшая потоки еврейских беженцев во внутренние регионы страны, способствовали решению многих проблем, составлявших юридическую сторону «еврейского вопроса». Необходимость отмены дискриминационных мер диктовалась не абстрактными идеалами гуманизма, а конкретными практическими нуждами воюющей державы. Рост военного производства резко увеличил спрос на квалифицированные рабочие руки – среди иудеев преобладали ремесленники, уровень грамотности которых заметно превышал аналогичный показатель русских рабочих. Эвакуация из прифронтовых районов оборонных предприятий совместно с работавшими на них иудеями минимизировала неизбежные в таких случаях издержки. Угроза всеобщей культурной деградации заставляла открыть двери учебных заведений всем стремящимся получить образование. Большое значение имел и международный престиж (ограничения прав иудеев сохранялись только в России и Румынии), а также перспектива получения займов в зарубежных банках с еврейским капиталом.

В начале 1914–1915 учебного года министр народного просвещения «в виду обстоятельств, вызванных военными действиями», разрешил проводить испытания посторонних лиц иудейского вероисповедания на звание инженера-технолога в Петроградском технологическом институте без ограничения процентной нормой.¹ 10 августа 1915 г. правительство предписало всем учебным заведениям принимать без различия национальности и вероисповедания детей участников войны, лиц, демобилизованных из действующей армии по ранению или болезни, сотрудников общественных организаций, занимавшихся эвакуацией и лечением раненых и больных воинов, а также детей иудеев, служивших по ведомству Министерства народного просвещения.² 15 августа 1915 г. циркуляр министра внутренних дел Н.Б. Щербатова фактически ликвидировал «черту осёдлости»: «в виду чрезвычайных обстоятельств военного времени» иудеям разрешалось проживание, производство торговли и промыслов во всех городских поселениях Российской империи, кроме столиц и местностей, находившихся в ведении министерств императорского двора и военного.³ 29 октября 1915 г. Совет министров смягчил условия поступления «иноверцев», включая иудеев, в адвокатуру.⁴ Стала неизбежной цепная реакция отмены других дискриминационных нормативно-правовых актов об иудеях. Но в правительстве восторжествовала точка зрения, что законодательное решение «еврейского вопроса» следует отложить до окончания войны. Все подготовительные работы в данном направлении приостановили.

Процесс гражданской эмансипации иудеев форсировала Февральская революция 1917 г.: 20 марта 1917 г. Временное правительство одновременно отменило все национальные и вероисповедные ограничения. Однако это не предотвратило нового витка насилия, количество жертв которого, в том числе среди евреев, в условиях глубокого экономического кризиса и распада государственных структур во много раз превысило аналогичные показатели за всё время существования Российской империи.

Исторический опыт убедительно доказывает, с одной стороны, полную бесперспективность неоправданной медлительности в решении проблем, затрагивающих судьбы миллионов людей, а с другой стороны, опасность крайнего радикализма, ведущего к национальной катастрофе. Оптимальным, на наш взгляд, является путь постепенных, продуманных

¹ Земщина. 1914. 5 сентября.

² Миндлин А.Б. Государственные, политические и общественные деятели Российской империи в судьбах евреев. 1762 – 1917 годы: справочник персоналий. СПб., 2007. С. 153; Иванов А.Е. Российское еврейское студенчество в период Первой мировой войны // Мировой кризис 1914 – 1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства / Отв. ред. О.В. Будницкий. М., 2005. С. 152.

³ Миндлин А.Б. Указ. соч. С. 60, 355–356.

⁴ Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. М., 2004. С. 210.

реформ в сочетании с формированием в сознании населения общей культуры межнационального и межконфессионального взаимодействия, толерантности.

И.Н. Канаев

РУССКАЯ КОНТРРАЗВЕДКА В 1917 Г.: ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРИОДА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В конце 1916 г. значительно активизировалась шпионская деятельность зарубежных спецслужб. Внутренняя и прифронтовая Россия была наводнена всевозможными агентами-резидентами и кишела агентами-ходоками с самыми разнообразными задачами. Среди немецких шпионов можно было встретить артисток и артистов разных варьете, шулеров, коммивояжёров, фокусников, нищих-калек, рабочих, железнодорожных агентов, инженеров, воров, преступников разного рода, проституток и пр.⁵³²

При всяком отступлении противник всегда оставлял многих тайных агентов на покидаемой территории, причём австрийцами оставлялись большей частью агенты парами – взрослый резидент и мальчик-бегун для связи. По мнению генерал-майора Генерального штаба П.Ф. Рябикова, очень много было выслано агентов мальчиков 13 – 16 лет под видом беженцев, нищих и русских солдат-добровольцев, отбившихся от своих частей; пользуясь доверчивостью и добродушием, они выведывали нужные сведения, причём им рекомендовалось выпрашивать все, что можно, у раненых солдат, ездить в санитарных и воинских поездах и пр.; при малейшей возможности они должны были воровать воинские документы. Сплошь и рядом немцы советовали своим агентам поступать в число наших разведчиков.⁵³³

Немецкая разведка наряду с кадровыми разведчиками-профессионалами привлекала к шпионской деятельности сотни и тысячи людей самых разных профессий. Для подготовки кадров в непосредственной близости от фронта была организована сеть школ, в том числе и для обучения детей и подростков в с. Березинском Волынской губернии, в с. Дубовец Люблинской губернии, в Варшаве, в Ковно.⁵³⁴

Только в одной Варшавской разведшколе для малолетних шпионов обучалось 72 русских мальчика и 300 девочек. В остальных школах по 30 и более детей. Сроки обучения колебались от двух недель до пяти месяцев, в зависимости от важности предстоящего задания. В числе предметов преподавались топография, подрывное дело, строение русской армии, методы передачи донесений и пр.⁵³⁵

К началу 1917 г. российская военная контрразведка окрепла, стала работать устойчиво и целенаправленно. Её сотрудники много сил потратили, чтобы создать более или менее эффективный агентурный аппарат, прежде всего в тылу противника, а также на территории иностранных государств.

Вполне очевидно, что Февральская революция 1917 г. значительно затруднила работу органов контрразведки как в столицах, так и в провинции. Дело в том, что в дни февральского переворота из тюрем были освобождены под видом людей, пострадавших за убеждения при старом режиме, десятки тысяч преступников. По воспоминаниям начальника контрразведки Петроградского военного округа, на свободу в те дни попали и все уличённые в шпионаже.⁵³⁶

Февральская революция, свергнувшая самодержавие в 1917 г., стала началом разрушения сложившейся системы правоохранительных органов. 10 марта 1917 г. были разогнаны полицейские структуры, а несколько позже упразднён Отдельный корпус жандармов. Для ликвидации и расследования деятельности ДП была создана специальная комиссия. Первоначально Департамент полиции был преобразован во «Временное управление по делам общественной полиции и обеспечению личной и имущественной безопасности граждан», затем – в Главное управление по делам милиции, которая должно было обеспечить «личную и общественную безопасность граждан». Функции уголовного розыска были переданы в Министерство юстиции, а контрразведки – полностью перешли в ГУГШ. Страх перед жандармерией и охранкой в период царизма повлиял на поведение представителей либеральной интеллигенции после революции. Поэтому, как только она оказалась на вершине власти, то принялась крушить всё оставшееся от прежнего режима. Разницы между контрразведкой и политическим сыском многие деятели Временного правительства видеть не хотели. Ярлыки «жандарм» и «охранник» навешивались на всех без исключения сотрудников спецслужб. Новыми властями были отстранены от должностей в контрразведывательных органах офицеры ОКЖ. Многие контрразведчики, не дожидаясь репрессивных мер в отношении себя, скрылись, используя, по возможности, фиктивные документы. Наряду с недостаточно подготовленными в профессиональном отношении лицами в ряде случаев вынуждены были покинуть свои посты высококвалифицированные контрразведчики из числа бывших жандармов. Кроме того, восставшие толпы громили здания полицейских управлений и сжигали бумаги. Но уничтожались не только документы и здания, а главное – была, по сути ликвидирована внутренняя агентура и сеть осведомителей. Если до революции главным источником информации оставалось охранное отделение Министерства внутренних дел, то теперь полиция прекратила существование и были утеряны каналы сбора сведений и противодействия иностранному шпионажу.

Безусловен исторический факт: разведчики и контрразведчики всех стран мира на протяжении минувшего века, особенно в условиях чрезвычайных – военных, всегда находились под воздействием некоей «магии» результатов, полученных оперативным путём. Подавляющее большинство контрразведчиков всех рангов всегда отдадут предпочтение

⁵³² Рябиков П.Ф. Разведывательная служба в мирное и военное время. Часть 1. Томск, 1919. // *Анатолия истории спецслужб. Россия. 1905 – 1924 / Вступительная статья А.А. Здановича. М.: Кучково поле, 2007. С. 209.*

⁵³³ Там же. С. 210.

⁵³⁴ Галвазин С.Н. Охранные структуры Российской империи: Формирование аппарата, анализ оперативной практики. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2001. С. 13.

⁵³⁵ Дресвянин С. Секретная война. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 147–148.

⁵³⁶ Никитин Б.В. Роковые годы. М, 2000. С. 5.

этим данным, особенно в делах по шпионажу и измене родине. В таких случаях часто происходит определённая психологическая абберация: законность видится ненужной формалистикой, а истина кроется в добытых с таким трудом и с такими ухищрениями фактах. Очень медленно будет пробивать себе дорогу понимание того, что главное для контрразведчика – преодолеть свои эмоции, обуздать собственные пристрастия и предпочтения. Но это всегда даётся с трудом. А подчас и сами руководители не были заинтересованы в таком «оперативном аскетизме». Это особенно характерно для времени становления специальных служб. Ушедший век, к сожалению, изобилует бесчисленными фактами подобного рода.⁵³⁷

Естественно, что органы полиции и контрразведки не смогли бы спасти царский режим и обеспечить победу в мировой войне, но объединённые, поддерживаемые высшими военными и гражданскими властями, они бы значительно эффективнее противостояли внешним и внутренним противникам императорской России. Решения Временного правительства об упразднении Отдельного корпуса жандармов и Департамента полиции со всеми их структурами на местах, организованные и направляемые пришедшими к власти революционными и либеральными лидерами, гонения на жандармов и полицейских привели к резкому ослаблению контрразведки, так как именно они на 90% составляли руководящее звено контрразведывательных отделений фронтовых штабов и округов. Агентурный аппарат был практически уничтожен. Понимая, что идёт процесс фактической ликвидации КРО, наиболее думающие военные руководители предпринимали некоторые меры по укреплению их личного состава за счёт офицеров Генштаба и юристов. В определённой степени эту задачу удалось решить только к концу лета 1917 г. Легализация КРО, разработка основополагающих документов по их организации и деятельности позволили создать основу для повышения эффективности борьбы со шпионажем. В случае, если бы Временное правительство удержалось у власти, контрразведка могла выйти на качественно новый уровень. В это время начался процесс реального превращения контрразведки в систему с единым руководящим центром, осознания необходимости централизации. В период пребывания у власти Временного правительства впервые в истории отечественных спецслужб была предпринята попытка создания общегосударственной контрразведки и трансформации военной контрразведки в органы безопасности в войсках. Придя к власти, большевики не имели заранее намеченного плана реорганизации контрразведки. Как и после свержения самодержавия, революционные военные деятели из-за отсутствия в их среде специалистов-контрразведчиков пошли проторенным Временным правительством путём, сокращая число КРО и их штаты, ограничивая финансирование, изгоняя из органов «сомнительных» сотрудников. Контрразведка как система фактически перестала существовать. Многоцентрие в военном управлении неминуемо должно было привести и привело к появлению независимых друг от друга контрразведывательных структур, которые, за исключением военного контроля Оперода, обозначали свою деятельность, сосредоточившись лишь на разработке различных проектов будущей системы по борьбе со шпионажем. С учётом работы в военных контрразведывательных органах бывших царских офицеров и реальных фактов предательства с их стороны, фактического перехода под контроль англичан флотской спецслужбы в ВЧК рождались планы концентрации в её рамках всей контрразведки. Имели место попытки создания собственной спецслужбы по борьбе со шпионажем.⁵³⁸

Наряду с другими факторами, отсутствие прежней системы правоохранительных органов не замедлило сказаться на ситуации в стране и вокруг вооружённых сил: усилилась пацифистская пропаганда, участились взрывы и поджоги на заводах, увеличился поток перевозимых через границу контрабандных грузов и т.д. Чтобы как-то стабилизировать обстановку, Временное правительство возложило на органы военной контрразведки борьбу со шпионажем, контрабандой и диверсиями не только в армии и на флоте, но и в других государственных структурах. Их основной задачей являлось «обнаружение и обследование неприятельских шпионов, а также лиц, благопритствующих неприятелю в его враждебных действиях против России и её союзников». Постановлением Временного правительства от 17 июля 1917 г. были определены права и обязанности чинов сухопутной и морской контрразведывательной службы по производству расследований, а также структура контрразведывательных органов.

В Генеральном штабе контрразведкой руководил генерал-квартирмейстер, в округах – окружной генерал-квартирмейстер. Органами контрразведки являлись: КРЧ отдела генерал-квартирмейстера ГУГШ, куда входили ЦКРО и ЦВРБ; контрразведывательные отделения штабов Петроградского, Московского, Киевского, Одесского, Туркестанского, Приамурского, Иркутского, Кавказского, Двинского, Минского, Омского, Кавказского военных округов; контрразведывательные отделения главных штабов Юго-Западного, Западного и Северного фронтов, штаба 42 армейского корпуса, 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 7-й, 8-й, 10-й армий, при командующем Черноморским флотом и др. Всего в России насчитывалось 39 контрразведывательных отделений.

В Генштабе ЦВРБ собирало и обрабатывало все материалы по шпионажу, вырабатывало новые коды и способы тайнописи, вело архив ЦКРО, осуществляло переписку со всеми учреждениями по вопросам контршпионажа и т.д. Таким образом, бюро являлось органом, координирующим работу контрразведывательных структур, что в определённой степени способствовало эффективности борьбы с иностранными спецслужбами.

Координация деятельности КРО внутренних округов с контрразведкой действующей армии лежала на генерал-квартирмейстере ГШ через контрразведывательную часть Ставки Верховного главнокомандующего, а с морской – через начальника МГШ (по отделу морской регистрационной службы). В районах, находящихся в ведении командующих флотами, борьба со шпионажем велась органами морской контрразведки, а в совместных – морская контрразведка осуществлялась по согласованию с органами сухопутной спецслужбы.

Укрепились не только вертикальные связи, но и горизонтальные – взаимодействие между КРО штабов внутренних округов, фронтов, армий, округов в районе театра военных действий. Но результаты её деятельности были невысокими. После Февральской революции дисциплина и уставной порядок в армии значительно поколебались, что самым непосредственным образом сказалось на сохранении военной и государственной тайны. Контрразведка пыталась залатать

⁵³⁷ У истоков русской контрразведки: сборник документов и материалов / Вступ. ст. И.И. Васильева, А.А. Здановича; Коммент., подбор док. и ил. В.К. Былинкина. М.: Икс-Хистори; Кучково поле, 2007. С. 33.

⁵³⁸ <http://regiment.ru/Lib/A/37/8.htm>

образовавшиеся прорехи в режимных мерах, но без успехов. В таком тяжелейшем положении она подошла к Октябрьской революции.

20 декабря 1917 г. советское правительство создало новый контрразведывательный орган – ВЧК. В армии же продолжала действовать прежняя спецслужба – военная контрразведка. 1 января 1918 г. КРО штабов внутренних военных округов и войск действующей армии были переименованы в отделения Военного контроля, которые упразднили в апреле. В мае–июне по решению Высшего военного совета Республики при штабах и отрядах войск прикрытия западных границ созданы отделения по борьбе со шпионажем. Во второй половине 1918 г. они вошли в состав органов Военного контроля при Полевом штабе РВСР. 19 декабря Военный контроль и армейские чрезвычайные комиссии объединяются в особые отделы ВЧК.

Военная контрразведка Российской Империи просуществовала всего лишь шесть лет. Она ушла с исторической сцены вместе с павшими режимами, которым служила верой и правдой. Совсем иное отношение было к ней у самодержавия, а затем и Временного правительства. Власть имущие не придавали должного значения обеспечению внешней безопасности государства, не смогли или не хотели увидеть в военной контрразведке надёжного инструмента борьбы с разведывательно-подрывной деятельностью спецслужб противника, которые использовали все имеющиеся у них возможности для подрыва устоев империи. Близорукость властей в строительстве органов безопасности в определённой степени повлияла на ход истории России.⁵³⁹

По справедливому замечанию Н.С. Кирмель, жизнеспособность контрразведки во все времена, особенно в периоды войн и социальных потрясений, определяется необходимостью самозащиты государства (общества, организации) с помощью специальных сил, средств и методов, поскольку враждебное окружение, являющееся объективной реальностью существования любой общественной системы, воздействует на неё специальными силами, средствами и методами. Государство, лишённое функции самосохранения, как учит история, обречено на гибель.⁹

А.Ю. Пузырев

САНИТАРНО-ОБОРОННАЯ РАБОТА ОБЩЕСТВА КРАСНОГО КРЕСТА В ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ 1937 – 1941 ГГ.

Определяющими для широкого развёртывания санитарно-оборонной работы в СССР явились постановление Президиума ЦИК СССР от 22 октября 1937 г. и решения IV пленума исполкома СОКК и КП, конкретизировавшие задачи общества на 1938 г. по развёртыванию массового движения по подготовке к санитарной работе. Постановлением СНК СССР от 3 декабря 1938 г. на общества РОКК был возложен ряд обязательств:

- 1) массовая подготовка кадров санитарной работы (медсёстры, санитары, дезинфекторы);
- 2) создание на предприятиях, колхозах, совхозах, учреждениях, учебных заведениях и жилых домах первичных организаций РОКК;
- 3) проведение среди гражданского населения просветительской и воспитательной работы по санитарной обороне.⁵⁴⁰

Для решения поставленных задач первоочередной мерой явилась передача Обществом Красного Креста всех лечебных учреждений органам здравоохранения в 1938 г., а коммунально-хозяйственных предприятий – коммунальным учреждениям.¹ Особое внимание общества сосредоточилось на санитарно-оборонной работе: создавались санитарные посты, быстрыми темпами проводилась подготовка кадров медицинских сестёр, санитарных инструкторов, дезинфекторов и т.д.

Санитарные посты контролировали санитарное состояние промышленных предприятий.⁵⁴¹ Их основной задачей было систематическое наблюдение за водоснабжением и питанием на полевых работах, за содержанием в чистоте помещений для отдыха и ночлега работающих. Они также служили для оказания первой помощи при несчастных случаях.⁵⁴² Несмотря на наличие большого количества организованных санитарных постов, оснащёнными в области из них были: на 1 января 1940 г. – 37 из 160, а на 1 января 1941 г. – 165 из 246.⁵⁴³

На общество Красного Креста была также возложена обязанность по подготовке медсестёр запаса без отрыва от производства⁵⁴⁴, имевшая большое оборонное значение. Были учреждены курсы медсестёр (сроком обучения полтора года), дезинфекторов (четыре месяца), председателей первичных организаций РОКК (один месяц), курсы санитаров (один месяц).⁵⁴⁵ В первую очередь на фабриках, заводах, в учебных заведениях и учреждениях открывались курсы медицинских сестёр. В 1938 г. курсы медсестёр были открыты в Тамбове при заводе «Комсомолец» и педагогическом институте, в Мичуринске – при железнодорожной станции и Плодовоовощном институте им. Мичурина, в Рассказове – при Арженской суконной фабрике и т.д. При Жердевской межрайонной больнице, в облкомитете РОКК и других учреждениях были открыты курсы дезинфекторов. Кроме того, имелось много краткосрочных (4 – 5-дневных) семинаров дезинфекторов. Занятия на всех курсах проводились вечерами.⁵⁴⁶

Для решения задачи увеличения массовости подготовки кадров санитарной работы на областном слёте 1 ноября 1938 г. активисты Красного Креста заявили, что они призваны «непосредственно... работать по укреплению санитарной обороны

⁵³⁹ Кирмель Н.С. Военная контрразведка – падчерица Российской империи // <http://chekist.ru/article/757>

⁹ Кирмель Н.С. Деятельность контрразведывательных органов белогвардейских правительств и армий в годы Гражданской войны в России (1918 – 1922 гг.): монография. М.: ВУ, 2007.

⁵⁴⁰ Ростов Н.Д. Если завтра война... Барнаул, 2004. С. 107.

⁵⁴¹ Крылов П.М. Красный Крест в Тамбовской области за 100 лет (1867 – 1967). Исторический очерк. Воронеж, 1967. С. 18.

⁵⁴² ГАСПИТО (Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области). Ф. П-1184. Оп. 1. Д. 509. Л. 109.

⁵⁴³ Там же. Ф. П-1045. Оп. 1. Д. 2351. Л. 12.

⁵⁴⁴ Там же. Ф. П-1184. Оп. 1. Д. 509. Л. 32.

⁵⁴⁵ Там же. Ф. П-1045. Оп. 1. Д. 1095. Л. 9.

⁵⁴⁶ Крылов П.М. Указ. соч. С. 18.

нашей страны».⁵⁴⁷ В том же году активистки Красного Креста г. Тамбова обратились от имени членов РОКК ко всем женщинам г. Тамбова с призывом укрепить военно-санитарную оборону страны: «Чем больше трудящихся женщин будет в рядах Общества Красного Креста, тем сильнее будет помощь нашей доблестной Красной Армии и Военно-Морскому флоту в будущей войне».⁵⁴⁸

В 1939 г. планировалось довести численность членов общества до 53 350 человек. Также планировалось провести 195 учений санитарных постов, 44 санитарных оборонных вечера, организовать 53 уголка и выставки, провести 324 лекции, доклада и беседы, организовать 41 агитбригаду в колхозах. Кроме того планировалось проведение 9 санитарных оборонных вечеров и 20 лекций с допризывниками.⁵⁴⁹

За первое полугодие 1939 г. в члены РОКК было вовлечено по области 10 тыс. человек. На 2 сентября 1939 г. по области насчитывалось 177 санпостов, из которых были оснащены всем необходимым только 21.⁵⁵⁰ В результате активной деятельности к концу 1939 г. в системе общества Красного Креста в области на курсах медсестёр обучалось более 190 человек, было организовано 6 санитарных дружин, состоявших из 30 значкистов ГСО каждая.⁵⁵¹ Итоговые результаты деятельности организации РОКК на территории Тамбовской области за 1939 г. представлены в табл. 1.

1. Выполнение задания по подготовке медицинских кадров в системе РОКК Тамбовской области в 1939 г.⁵⁵²

	План	Выполнено	Процент выполнения плана
ГСО I	13 100	11 685	89,2
ГСО II	1300	1247	95,9
БГСО	11 050	4954	44,8
Санитаров	300	299	99,7
Сан. постов	504	222	44,0
Дезинфекторов	30	29	96,7
Сан. дружин	8	2	25,0
Медсестёр запаса	30	н/д	н/д

К 1940 г. по Тамбовской области действовало 592 первичные организации Красного Креста и Красного Полумесяца, в которых насчитывалось 32 481 член⁵⁵³, из них более 18% составляли комсомольцы.⁵⁵⁴ В области были организованы 221 санитарный пост, действовало 6 санитарных дружин⁵⁵⁵ (табл. 2), на курсах медсестёр занималось 6 групп, в которых обучалось 109 человек. В конце 1940 г. по области насчитывалось 894 первичные организации РОКК, в которых состояло 41 307 человек.⁵⁵⁶

2. Выполнение задания по подготовке значкистов в системе РОКК Тамбовской области в 1940 г.⁵⁵⁷

	План	Выполнено	Процент выполнения плана
ГСО I	19 000	16 299	85,8
ГСО II	2600	1483	57,0
БГСО	7000	5150	73,6
Сан. постов	190	86	45,3
Сан. дружин	н/д	3	н/д

По решению руководства Тамбовского РОКК в Тамбовском Краснознаменном пехотном училище с 1940 г. должны были организовываться группы медсестёр из числа жён начальствующего и командного состава училища в количестве 30 – 35 человек. Соответствующее распоряжение было отправлено заведующим военным отделом обкома ВКП(б) начальнику политотдела училища.⁵⁵⁸ На 1 января 1941 г. по области числились организованными 4 группы медсестёр запаса в составе 91 женщины.⁵⁵⁹

⁵⁴⁷ Там же. С. 17.

⁵⁴⁸ Крылов П.М. Указ. соч. С. 17.

⁵⁴⁹ ГАСПИТО. Ф. П-1045. Оп. 1. Д. 1095. Л. 2.

⁵⁵⁰ Там же. Д. 1084. Л. 26, 27.

⁵⁵¹ ГАСПИТО. Ф. П-1184. Оп. 1. Д. 509. Л. 108.

⁵⁵² Там же. Ф. П-1045. Оп. 1. Д. 1086. Л. 46; Д. 1095. Л. 2.

⁵⁵³ Там же. Ф. П-1184. Оп. 1. Д. 509. Л. 4.

⁵⁵⁴ Подсч. по: ГАСПИТО. Ф. П-1184. Оп. 1. Д. 509. Л. 108.

⁵⁵⁵ Там же. Ф. П-1184. Оп. 1. Д. 509. Л. 4.

⁵⁵⁶ Крылов П.М. Указ. соч. С. 18.

⁵⁵⁷ ГАСПИТО. Ф. П-1045. Оп. 1. Д. 2351. Л. 12.

⁵⁵⁸ ГАСПИТО. Ф. П-1045. Оп. 1. Д. 1087. Л. 60.

⁵⁵⁹ Там же. Д. 2351. Л. 12.

На 15 мая 1939 г. из 27 председателей райкомов Красного Креста по Тамбовской области было 9 женщин. По партийности 6 – ВЛКСМ, 1 – беспартийный, 20 – члены и кандидаты ВКП(б).⁵⁶⁰ Основные данные по деятельности РОКК Тамбовской области в начале 1941 г. приведены в табл. 3.

3. Выполнение задания по подготовке медицинских кадров в системе РОКК Тамбовской области в январе – марте 1941 г.⁵⁶¹

	План	Выполнено на 1 апреля 1941 г.	Процент выполнения плана
ГСО I	10 000	5103	51,0
ГСО II	8000	1134	14,2
БГСО	6000	1177	19,6
Санитаров	60	58	96,7
Сан. постов	325		
Сан. дружин	12		
Медсестёр запаса	209		

Таким образом, выполнение задачи по созданию первичных организаций способствовало более эффективной деятельности по увеличению массовости санитарно-оборонного движения (табл. 4).

4. Сводные данные численности организаций РОКК в Тамбовской области 1939 – 1941 гг.⁵⁶²

	Первичные организации	Количество членов	из них		сан. постов	сан. дружин
			членов ВКП(б)	членов ВЛКСМ		
01.01.1939	295	19 612	н/д	н/д	139	4
01.01.1940	598	32 481	1325	5888	361	5
01.01.1941	895	41 322	н/д	н/д	246	8

В связи с проведением в 5 – 10 классах средних школ допризывной подготовки после вступления в силу закона о всеобщей воинской обязанности руководством исполкома РОКК было решено во всех школах организовать первичные санитарные организации с кружками ГСО. Особое внимание уделялось действиям по оказанию первой медицинской помощи в военное время. Кроме того, медицинские работники области должны были выделять 72 часа в год на подготовку гражданского населения к ГСО.⁵⁶³

Весьма успешно проходили медицинскую и санитарную подготовку пионеры и школьники области. В 1940 г. 1212 учащихся 89 школ области приняли участие во Всесоюзных заочных военно-спортивных соревнованиях пионеров и школьников. По заключению оргкомитета соревнований, по РСФСР мичуринская младшая группа разделила 4–5 места с младшей группой Смоленской области, а команда старшей группы – 7–8 места с командой Рязанской области. Сборные команды ГСО Тамбовской области разделили 6–7 места. Санитарный пост школы № 8 г. Тамбова занял 1 место на соревнованиях школьных постов.⁵⁶⁴

По итогам соревнований ученицы мичуринской школы № 1 Римма Застенская, Валя Лебедева, Тамара Евсеева и Нюра Ступина одержали победу в состязании по надеванию противогаза на пострадавшего. Они удостоились наркомовских наград. Таких же успехов добились и учащиеся школы № 48 Николай Петрин, Виктор Кудашев, Александр Попов, Ираида Логунова и Зинаида Серикова. От Центрального Совета Осоавиахима они получили именные часы и другие ценные подарки.⁵⁶⁵

На внутриобластных соревнованиях в 1940 г. лучшей первичной организацией Красного Креста была признана организация тамбовской школы № 8. Она насчитывала 200 членов РОКК, 210 значкистов ГСО I ступени, 198 значкистов БГСО. Актив Красного Креста школы вел массовую работу среди домохозяек, организовал 2 первичные организации РОКК, подготовил 20 значкистов ГСО I ступени, за что этой организации было вручено переходящее Красное Знамя Тамбовского горкома РОКК.⁵⁶⁶

Анализируя результаты выполнения задач по созданию первичных организаций и массовой подготовке кадров санитарной работы, необходимо отметить, что не последнюю роль в их успешном решении сыграла деятельность активистов санитарного движения. В деле улучшения санитарно-оборонной работы в области отличились активисты РОКК Е.А. Салкина, К.И. Красоткина, Д.И. Ледовских, З.А. Масленникова, П.И. Знаменщикова, А.С. Застенский, Е.Г. Пигарова, П.В.

⁵⁶⁰ Там же. Д. 1095. Л. 8.

⁵⁶¹ Там же. Д. 2351. Л. 56.

⁵⁶² Там же. Д. 1086. Л. 46; Д. 2351. Л. 10 – 12.

⁵⁶³ ГАСПИТО. Ф. П-1045. Оп. 1. Д. 1084. Л. 26, 27.

⁵⁶⁴ Крылов П.М. Указ. соч. С. 19.

⁵⁶⁵ ГАСПИТО. Ф. П-1184. Оп. 1. Д. 509. Л. 18.

⁵⁶⁶ Крылов П.М. Указ. соч. С. 19.

Титова, К.С. Черкасова и др. Например, Е.А. Салкина организовала санитарную дружину из 30 человек. Знаменщикова П.И. создала санитарный пост из домохозяек, собрала 575 р. членских взносов, читала лекции о Красном Кресте и его задачах.⁵⁶⁷ Филатова В.В. вовлекла в члены общества 100 человек. Фельдшер Нижнеломовского района Спота обучил по программе ГСО 500 человек. В 1938 г. 18 человек были награждены за хорошую работу почётными грамотами, ценными подарками, путёвками в санатории и дома отдыха.⁵⁶⁸ Показателен пример оказания большой практической помощи в 1939 г. РОКК невропатологом транспортной поликлиники г. Мичуринска Трубициным. Он проводил среди рабочих на предприятиях, с допризывниками и приезжающими красноармейцами в агитпункте ст. Мичуринск лекции, беседы, читки по вопросам санитарно-оборонной работы, гигиены труда и быта.⁵⁶⁹ Проводились учения членов РОКК с выездами в поле, лес.

Создание первичных организаций РОКК на базе школ помимо увеличения массовости способствовало более эффективному решению задачи по проведению просветительской и воспитательной работы. Однако политико-воспитательная работа среди населения, по мнению руководителей оргбюро исполкома СОКК и КП по Тамбовской области, находилась в неудовлетворительном состоянии. Причинами этого являлись, по их мнению, отсутствие соответствующей литературы, неполучение членами РОКК значков ГСО, в результате чего, по мнению заведующего военным отделом обкома ВКП(б), у них исчезало желание активного участия в РОККовской работе.⁵⁷⁰

Таким образом, проанализировав данные о результатах деятельности организаций РОКК на территории Тамбовской области, можно сделать вывод, что в предвоенные годы система подготовки медицинских кадров запаса расширялась и совершенствовалась. Даже в своей повседневности деятельность общества носила ярко выраженный оборонный характер, что видно по задачам, стоявшим перед санитарными дружинами и постами. Постоянно росло количество первичных организаций и членов общества, в том числе в сельской местности. Однако слабая материальная база зачастую не позволяла количественные показатели деятельности РОКК поднять на более качественный уровень.

В.В. Кондрашин

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА НАРОДОВ РОССИИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: К ВОПРОСУ О ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ МОЛОДЁЖИ

Почти 65 лет минуло с момента окончания Великой Отечественной войны. Насколько оправдано сейчас столь повышенное внимание российской общественности к этому, казалось бы, уже далёкому событию, и не ожидает ли его та же участь, как, например, большевистскую революцию 1917 г., отменённую Государственной Думой в качестве исторического события, заслуживающего статус общенационального праздника?

По нашему глубокому убеждению, Великая Отечественная война никогда не потеряет для россиян своего исторического значения и всегда будет одним из самых главных и светлых праздников, не разделяющих, а объединяющих людей, делающих россиян единой нацией, у которой есть великое прошлое, а значит и будущее. И спустя 65 лет, и в более отдалённой перспективе Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг., несмотря ни на какие политические веяния и перемены, останется событием эпохального значения и для России, и для всего мира, оказавшем влияние на весь дальнейший ход развития человечества.

Если говорить о России с высоты её тысячелетней истории, то можно увидеть, что, пожалуй, лишь в начале XVII в. в эпоху смутного времени, так же как и в 1941 – 1945 гг., стоял вопрос о сохранении Российского государства. Ещё одним событием подобного уровня в определённой степени можно считать Отечественную войну 1812 г. против наполеоновской Франции. Но даже в эти трагические периоды степень нависшей над страной опасности не была столь грозной, как в 1941 – 1945 гг.

Великая Отечественная война стала войной не просто за сохранение российской государственности, как это было в вышеперечисленных случаях, но войной за национальное выживание русского и других народов, входивших в Советский Союз, которым грозило или порабощение, или физическое истребление со стороны нацистской Германии и её союзников.

Об этом свидетельствуют многочисленные документы и факты. Приведём лишь один из них – выдержку из «Застольных разговоров Гитлера». Находясь в «Волчьем логове», в кругу своих ближайших сподвижников, фюрер 10 сентября 1941 г. говорил: «При заселении русского пространства мы должны обеспечить немцев необычайно роскошным жильём. Германские учреждения должны размещаться в великолепных зданиях – губернаторских дворцах. Вокруг них будут выращивать всё необходимое для жизни немцев. Вокруг города в радиусе 30 – 40 километров раскинутся поражающие своей красотой немецкие деревни, соединённые самыми лучшими дорогами. Возникнет другой мир, в котором русским будет позволено жить как им угодно. Но при одном условии: господами будем мы. В случае мятежа нам достаточно будет сбросить пару бомб на их города – и дело сделано. А раз в год проведём группу киргизов по столице рейха, чтобы они прониклись сознанием мощи и величия её архитектурных памятников».¹

Таким образом, у народов России не могло быть никакого будущего. В лучшем случае им отводилась участь рабов.² И об этом необходимо знать современной молодежи, чтобы в полной мере оценить значение великой победы и роль её творцов, ветеранов Великой Отечественной войны, ещё живущих с нами и нуждающихся в нашей заботе и поддержке.

⁵⁶⁷ ГАСПИТО. Ф. П-1045. Оп. 1. Д. 1086. Л. 39.

⁵⁶⁸ Крылов П.М. Указ. соч. С. 19.

⁵⁶⁹ ГАСПИТО. Ф. П-1045. Оп. 1. Д. 1086. Л. 33.

⁵⁷⁰ Там же. Д. 1095. Л. 21.

¹ Тревор-Ропер Хью. Застольные беседы Гитлера. 1941 – 1944 гг. /Пер. с англ. А. С. Цыпленкова. М., 2005. С. 50 – 51.

² См. на эту тему: Аброськин С.В. Зверства фашистов в Воронежской области. М., 1943; Выльцан М.А. и Кондрашин В.В. Патриотизм крестьянства // Война и общество, 1941 – 1945: в 2-х кн. М., 2004. Кн. 2. С. 50 – 77; Сборник сообщений Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М., 1946 и др.

В настоящее время идёт поиск национальной идеи, способной объединить россиян, чтобы изменить в лучшую сторону существующую ситуацию в стране. На наш взгляд, такой идеей или идеологией должна стать опора на героические и созидательные традиции наших предков, на исторических деятелей и личностей – создателей и защитников Отечества, оставивших добрый след на земле, сохранивших Россию, её культуру, национальную независимость.

В этом смысле Великая Отечественная война – это самый яркий пример силы народного духа, мощи российской государственности, преемственности героических традиций предков, которыми надо гордиться.

Осознание данного факта чрезвычайно важно для современной России, особенно молодёжи, которая нуждается в положительных примерах, в здоровой нравственной основе, укрепляющей дух, дающей силы для добрых созидательных дел. И что лучше, чем ратный подвиг соотечественников, в том числе земляков, пока ещё живущих с нами рядом, может сподвигнуть россиян на это?

Важность патриотического воспитания молодёжи, опоры на героические страницы национальной истории давно поняты и широко используются в государственной политике развитыми странами мира. За примерами далеко ходить не надо! Вспомним хотя бы последний нашумевший американский боевик «Спасти рядового Райана», в котором мастерски воспеваются фронтовое братство американских солдат в Нормандии летом 1944 г. В этом же ряду пышные празднества в Западной Европе по поводу открытия в 1944 г. союзниками Второго фронта, в ходе которых намеренно выпячивалась организаторами решающая роль западных стран в разгроме нацистской Германии.

В России же в последние годы, в связи с происшедшими переменами, в публицистике и исторической литературе появились суждения, не только противоречащие истине, но и просто оскорбляющие память миллионов россиян, погибших во имя свободы и независимости Родины в 1941 – 1945 гг. Сразу следует оговориться, что их появление в решающей мере вызвано чисто коммерческими интересами, желанием заработать в условиях дикого капитализма и ослабления российской государственности.

В то же время не следует забывать, что слабая Россия всегда была объектом притязаний со стороны соседей, которых притягивали её богатства. Думается, что и сейчас ситуация мало изменилась. Поэтому за пределами России существуют силы, не заинтересованные в её усилении, а следовательно поддерживающие тех, кто так или иначе содействует этому, в том числе и в области идеологии.

В данном контексте вполне объяснимы появившиеся в 1990-е гг. в России публикации об ответственности руководства СССР за начало Второй мировой войны. Речь идёт в первую очередь о книгах Суворова-Резуна «Ледокол», «День-М» и других, в которых автор, бывший перебежчик, возлагает вину за начало Великой Отечественной войны на Сталина.³

В этом же ряду многочисленные публикации, посвящённые так называемым «секретным протоколам» к советско-германскому пакту о ненападении от 23 августа 1939 г., суть которых сводится к выводу о том, что СССР и гитлеровская Германия – главные виновники Второй мировой войны.³

О том, что подобные оценки, претендующие на объективность, не могут вызывать доверия, говорит хотя бы тот факт, что они повторяют официальную версию геббельсовской пропаганды о превентивном ударе Вермахта по СССР с целью сорвать агрессию Красной Армии против Германского Рейха.

С другой стороны, чисто эмоционально, не должны вызывать доверия у читателей откровения предателя, каковым является в действительности Резун-Суворов, тем более, когда он взял на себя смелость порассуждать на такую тему, как Великая Отечественная война.

В последние годы российские историки сделали всё, для того чтобы остановить поток лжи и «псевдосенсаций» о причинах, ходе и последствиях Второй мировой войны, частью которой была Великая Отечественная война советского народа. Появилось немало прекрасных книг на эту тему, которые, к сожалению, не доступны широкому читателю.

Тезис Суворова-Резуна об ответственности СССР за начало мировой войны не может быть принят хотя бы потому, что автор полностью отрицает ответственность западных стран за трагическое развитие событий в Европе в рассматриваемый период.

Факты же говорят о том, что руководство этих стран не только потакало Гитлеру в его агрессивных планах, но и не принимало адекватных мер по их сдерживанию в начальный период войны.⁴

Они подтверждают правильность действий руководства СССР, заключившего с Германией пакт о ненападении, поскольку оно так и не смогло добиться от Франции и Англии согласия на создание действительно эффективной системы коллективной безопасности в Европе.

В частности, начало в сентябре 1939 г. агрессии Германии против Польши продемонстрировало СССР явное желание Запада направить нацистские армии на Восток, поскольку Англия и Франция не оказали Польше никакой реальной помощи, несмотря на её отчаянные призывы. Франция не развернула против Германии действия своей авиации, так и не начала наступление сухопутных сил. Англия ограничилась переброской четырех дивизий во Францию и заявлением о моральной поддержке поляков. Затем на западном фронте развернулась «странная война», о характере которой хорошо было известно советскому руководству.

Готовился ли СССР в 1941 г. к нападению на фашистскую Германию?

Большинство серьёзных историков считают, что это было в принципе невозможно, учитывая состояние вооружённых сил СССР, переживавших техническую реконструкцию, а также ослабленных сталинскими репрессиями. Кроме того, неготовность Красной Армии к наступательным действиям в 1941 г. показала «зимняя война» с Финляндией (1939– 1940 гг.), в ходе которой она понесла огромные потери и были выявлены слабые стороны во взаимодействии войск, связи и т.д.⁵

³ См.: Суворов В. День-М. М., 2001; Ледокол. М., 2007 и др.

⁴ См.: Дюков А. «Пакт Молотова – Риббентропа в вопросах и ответах». М., 2009.

⁵ «Зимняя война»: работа над ошибками (апрель – май 1940 г.). Материалы комиссий Главного военного совета Красной Армии по обобщению опыта финской кампании. М., 2004.

Кроме того, для сталинского руководства стал полной неожиданностью сокрушительный и быстрый разгром Германией первоклассных по тому времени армий Франции, Польши и других стран, особенно Франции. И могло ли оно без основательной подготовки броситься в авантюру, первым начав войну?

Также крайне сложной была ситуация на Дальнем Востоке, где вполне реальной была угроза японской агрессии.

Поэтому в этих условиях в 1941 г. не могла идти речь о первом ударе.

В то же время, исходя из официальной идеологии, на случай войны разрабатывался наступательный вариант военных действий Красной Армии, который и стал основанием для Суворова-Резуна в его рассуждениях о «Дне-М», т.е. первом ударе СССР по Германии в мае–июне 1941 г.

В действительности, всё было наоборот, вероломно, нарушив все обязательства, на СССР напала фашистская Германия. Именно она была агрессором и главным виновником войны.

В последние годы в публицистике активно обсуждается тема готовности СССР к войне. Появились утверждения, что СССР оказался не готов к войне, свидетельством чего стали жестокие потери и поражения Красной Армии летом 1941 г. Внимание акцентируется на личности Сталина, которому приписывается не только неэффективное руководство страной накануне войны, но и трусость в первые её дни. Версия эта в значительной степени основывается на мемуарах и высказываниях

Н.С. Хрущёва.

Известные на данный момент историкам документы свидетельствуют, что Сталин в первые часы и недели войны держал в своих руках все нити государственного руководства, и версия Хрущёва о трусливом поведении вождя в этот период несостоятельна. В частности, об этом можно судить по опубликованному журналу посещений Сталина 22 – 30 июня 1941 г. Сталин активно работал и не от кого не прятался.⁶

Более сложным является вопрос о степени готовности страны к войне, поскольку он связан с крайне идеологизированной на данный момент проблемой сталинского периода в советской истории России.

Учитывая реальные факты, на наш взгляд, есть все основания для заключения о том, что СССР оказался готов к войне.

Прежде всего, несмотря на все неудачи, Красная Армия самостоятельно смогла к концу 1941 г. не только остановить, но и разгромить главные силы вермахта под Москвой. И сделано это было собственными силами, без всякой помощи союзников. Уже тогда проявилась экономическая и военная мощь СССР, военное искусство советских военачальников, творцов Победы – Жукова⁷, Рокоссовского и др. Так, например, особенностью битвы за Москву было отсутствие у советских войск материального и численного превосходства над противником.

Готовность к войне проявилась в удивительной способности советского государства быстро и эффективно осуществить перевод экономики и всей страны на военный лад. Несмотря на все издержки 1930-х гг. (голод, репрессии и т.д.), всё же был создан мощный военно-промышленный комплекс в СССР, который и обеспечил материальную основу Великой победы.⁸

Всёобщее удивление и восхищение вызвала беспрецедентная в истории войн переброска промышленных предприятий и трудовых ресурсов страны из западных районов на Восток, создание в кратчайший срок за Уралом мощнейшего военно-промышленного комплекса.⁹ В результате промышленности СССР удалось в решающей степени удовлетворить военные потребности фронта, выдержать конкуренцию с военной промышленностью фашистской Германии.

То же самое можно сказать и о сельском хозяйстве СССР и советском крестьянстве. Антикрестьянская колхозная система оказалась эффективной в условиях именно военного времени, поскольку смогла обеспечить бесперебойное и в нужных количествах снабжение армии продовольствием, а промышленность – сырьём. Советские колхозники и жители села, в основном женщины и подростки, совершили жертвенный подвиг ради Великой победы, поскольку все госпоставки сельскохозяйственной продукции на фронт и в промышленные центры осуществлялись ценой голода, жуткого физического напряжения.¹⁰

Современным историкам, получившим доступ к ранее закрытым источникам, стали очевидны и издержки сталинского тоталитарного режима и лично Сталина накануне и в годы Великой Отечественной войны. Никакими иными причинами, кроме борьбы за власть, нельзя объяснить репрессирование накануне войны цвета Красной Армии – более 15 тыс. офицеров.¹¹

Лично Сталин несёт ответственность за просчёты в подготовке вооружённых сил страны накануне войны, поскольку во главе их были поставленные бездарные руководители, типа Ворошилова и Буденного. Несомненно его вина в просчётах срока нападения Германии на СССР. Он слишком верил Гитлеру и переоценивал степень влияния своего авторитета на него. Созданная им атмосфера страха мешала советским спецслужбам прямо и открыто говорить Сталину о приближающейся войне.¹² Сталин лично ответственен за тяжелейшее поражение Красной Армии на Украине летом 1941 г.

⁶ См.: 1941 год: в 2 кн. Сборник документов. М., 1998. Кн. 2.

⁷ Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2001.

⁸ См.: Советское военно-промышленное производство (1918 – 1940 гг.) В 5-ти т. М., 2005 – 2010.; Широков Г.А. Наука – третий фронт 1941 – 1945: сборник документов. Самара, 2008; Он же. Отечественная война и наука 1941 – 1945: сборник документов. М., Самара, 2008. Вып. 1 – 4.

⁹ См.: Кириленко Г. В. Экономическое противостояние сторон // Война и общество, 1941 – 1945. М., 2004. Кн. 1. С. 333 – 359.

¹⁰ См.: Анисков В.Т. Жертвенный подвиг деревни. Новосибирск, 1993; Арутюнян И. В. Советское крестьянство в гг. Великой Отечественной войны. М., 1970; Вылцан М.А. и Кондрашин В.В. Патриотизм крестьянства // Война и общество, 1941 – 1945. М., 2004. Кн. 2. С. 50 – 77; Мурманцева В.С. Советские женщины в Великой Отечественной войне. М., 1974.

¹¹ Командный и начальствующий состав Красной Армии в 1940 – 1941 гг.: Структура и кадры центрального аппарата НКО СССР, военных округов и общевойсковых армий. Документы и материалы. М., 2005.

¹² См.: Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу. 1939 – 1941 гг. Документы, факты, суждения. М., 2002; Небезин В.А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боёв», 1939 – 1941 гг. М., 1997; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. Накануне. М., 1995; Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. М., 1995 и др.

В то же время позитивная роль Сталина как Верховного Главнокомандующего в годы войны несомненна. Об этом свидетельствуют не только выдающиеся советские военачальники и лидеры союзных стран Черчилль, Рузвельт и другие, но и реальные факты о роли Сталина в битве за Москву, Сталинград, в укреплении антигитлеровской коалиции.¹³

В последние годы важными темами в истории Великой Отечественной войны стала проблема вклада СССР в общую победу союзников над нацистской Германией, а также цены Победы и последствий войны для советской страны.

Никакими цифрами и аргументами никому и никогда не удастся поставить под сомнение решающую роль СССР в разгроме фашистской Германии. 72% людских потерь Германии во Второй мировой войне приходится на советско-германский фронт. В 1941 – 1945 гг. там было уничтожено советскими войсками 75% танков, самолётов, артиллерийских орудий фашистской армии.

В то же время в современной исторической литературе несколько подкорректированы прежние оценки роли военной помощи союзников СССР по ленд-лизу. Признавая, как и прежде, факт незначительной доли в процентном отношении этих поставок к внутренним ресурсам СССР, исследователи указывают на их качественное содержание и значение для ряда конкретных областей. В частности, вслед за Г.К. Жуковым они подтвердили, что американцы по настоящему выручили нас с порохом и взрывчаткой, которых остро не хватало. Также они поставили в большом количестве листовую сталь для налаживания производства танков, металлорежущие станки, нефтепродукты для автомобильного парка.¹⁴

Особой и трагической страницей войны стала тема цены Победы. В настоящее время исследователями завершена в основном работа по подсчёту людских и материальных потерь СССР и России в годы Великой Отечественной войны.

Вот итоговые цифры.

Война унесла жизни почти 27 млн. советских людей.¹⁵

Из них: потери вооружённых сил составили 11 млн. 944,1 тыс. человек.

Из них – 5 млн. 226,8 тыс. – это убитые в боях и умершие от ран при санитарной эвакуации; 1 млн. 102,8 тыс. скончались в госпиталях, 5 млн. 59 тыс. – попавшие в плен либо пропавшие без вести.

Большая часть военных потерь приходится на граждан России – 7 млн. 922,5 тыс. человек.

Остальные потери – это мирное население. Всего 13 млн. 684 тыс. человек.

Величина косвенных потерь России составила 14 млн., а для СССР – 23 млн. человек.

Ущерб от прямого уничтожения и разрушения материальных ценностей на территории СССР составил почти 41% потерь всех государств, участвовавших во Второй мировой войне. В итоге страна лишилась около 30% своего национального богатства.

Это была страшная цена за Победу.

Можно только представить себе, какой бы была Россия, если бы ей удалось избежать столь трагических потерь.

Пример налицо – это США, которые именно благодаря экономическому подъёму в годы Второй мировой войны, сохранению своей территории от военных разрушений, превратились в сверхдержаву.

Великий русский учёный Н.К. Рерих в феврале 1945 г. написал: «человечество в крови и лишениях избавляется от многих "измов"». Осуждены фашизм, нацизм, тиранизм и т.д. Но пусть сохраняется великий ИЗМ – героизм. Именно победы русского народа явили великий героизм. Это качество будет навсегда запечатлено на русском победном знамени».¹⁶

А.А. Слезин, А.А. Беляев

КУЛЬТУРНО-МАССОВАЯ РАБОТА КОМСОМОЛА В ТАМБОВСКОЙ ДЕРЕВНЕ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Уже в первый послевоенный год были предприняты заметные усилия для налаживания повсеместной постоянной культурно-массовой работы комсомола. Причём приоритетной считалась работа на селе. В апреле 1946 г. Тамбовский обком ВЛКСМ провёл месячник по оказанию помощи в ремонте и работе клубов и изб-читален. В этой работе приняли участие 925 комсомольцев. Кроме того, проводились воскресники, в ходе которых, как тогда говорили, «привели в культурный вид» 118 изб-читален и домов культуры. Особенно активно действовали комсомольцы Моршанского и Сампурского районов.⁵⁷¹ К концу 1946 г. в области действовало 479 изб-читален, 78 сельских клубов, 43 районных дома культуры, 118 сельских, 44 районных, 7 городских, 5 детских библиотек, 4 музея. При активном участии комсомольцев в 1946 г. в области было создано множество кружков, в том числе около 450 драматических, 220 хоровых, 80 музыкальных, 60 сельскохозяйственных, 18 танцевальных, 7 литературных, 4 физкультурных, 2 кружка рукоделия.⁵⁷² Симптоматично, что 75% от числа всех работавших тогда в стране кружков составляли кружки художественной самодеятельности.⁵⁷³

Широкой популярностью пользовались выступления агитбригад, сочетающих концертные номера с элементами политинформации, сатиры на злободневные темы. Так, с аншлагом прошли выступления агитбригады Избердеевского Дома культуры.⁵⁷⁴

¹³ См. на эту тему: Мартиросян А.Б. За порогом победы (200 мифов о Великой Отечественной). М., 2009.

¹⁴ Война и общество, 1941 – 1945. Кн. 1. С. 360 – 387.

¹⁵ Там же. Кн. 2. М., 2004. С. 386 – 405.

¹⁶ Кондрашин В.В. Творческое наследие Н. К. Рериха в контексте преподавания отечественной истории в вузах России // В поисках Светлого Града: материалы Вторых Рериховских чтений, 29 – 30 марта 2006 г. Пенза, 2006. С. 32.

⁵⁷¹ ГАСПИТО. Ф.П-1184. Оп. 1. Д. 733. Л. 14.

⁵⁷² Там же. Д. 722. Л. 27.

⁵⁷³ Славный путь Ленинского комсомола. М., 1978. С. 391.

⁵⁷⁴ ГАСПИТО. Ф.П-1184. Оп. 1. Д. 722. Л. 11.

В 1946 г. в области насчитывалось 357 комсомольцев, работающих в культурно-просветительной сфере (около 40% всех работников культуры). Главным препятствием их успешной работы были материальные трудности: 50% учреждений культуры не были обеспечены топливом, отсутствовали занавесы для сцены, музыкальные инструменты, репертуарные сборники.⁵⁷⁵ Эти проблемы, хоть и с трудом, но постепенно решались: устраивали субботники для заготовки топлива, сами изготавливали мебель, шили костюмы для спектаклей.

Труднее было преодолеть низкий уровень образования, а следовательно и общей культуры. Причём речь идёт об уровне культуры не только масс, но и самих культпросветработников. В 1947 г. из 480 заведующих избами-читальнями 334 человека имели семилетнее образование, 38 человек – начальное образование. Из 83 заведующих клубами 56 человек не имели среднего образования. На собрании комсомольского актива области в этой связи справедливо говорилось: «Есть и среди товарищей, которые имеют начальное образование, дельные и толковые организаторы, но с задачами нести в среду нашей молодёжи произведения Глинки, Чайковского, произведения писателей они справиться не могут».⁵⁷⁶

Областная комсомольская организация ставила задачу смелее направлять на культурно-просветительную работу молодые подготовленные кадры, всё больше внимания уделять культурно-просветительной работе. В 1948 г. Тамбовский обком ВКП(б) в своём постановлении «О работе культурно-просветительных учреждений в деревне» указал комсомольским организациям на это направление работы как одно из самых важных.⁵⁷⁷

В 1949 г. в культурно-просветительных учреждениях области работало 385 комсомольцев (из 1067 человек, т.е. 36%).⁵⁷⁸ Однако кадровая проблема оставалась нерешённой до конца изучаемого периода, когда из 1242 культпросветработников области более половины имели лишь начальное образование, только 25% имели какую-либо специальную подготовку.⁵⁷⁹

При активном участии комсомольских организаций в 1948–1949 гг. было построено 53 сельских клуба, открыто 457 красных уголков, более 120 изб-читален. В домах колхозников комсомольцами было установлено 3 тыс. детекторных приёмников.⁵⁸⁰ Во многих избах-читальнях, клубах была организована работа драматических кружков. В большинстве специальных учебных заведений комитетами комсомола ежемесячно организовывались и проводились молодёжные вечера художественной самодеятельности.⁵⁸¹ Летом 1950 г. впервые были проведены районные праздники молодёжи. Во время посевных работ 1951 г. действовало 113 молодёжных агитбригад. К середине 1951 г. работало 736 драматических кружков, 467 хороших коллективов, 212 музыкальных кружков, 33 кружка художественного слова. В них занималось 19 547 юношей и девушек.⁵⁸²

Несколько улучшилась пропаганда книги среди молодёжи. В апреле 1946 г. этот вопрос специально был рассмотрен ЦК ВЛКСМ. Первичным комсомольским организациям было поручено систематически обсуждать на своих собраниях работу библиотек, создавать при них группы друзей книги, литературные кружки, проводить читательские конференции, диспуты, устраивать книжные выставки. Неоднократно проводились акции по сбору книг для детских домов и сельских библиотек. Городские комсомольские организации в 1946 г. направили в подшефные сёла 200 библиотечек.⁵⁸³ В сентябре–октябре 1949 г. было собрано более 100 тыс. экземпляров книг.⁵⁸⁴ За 1948 – 1950 гг. книжный фонд библиотек области увеличился с 742 тыс. до 1,054 млн. экземпляров.⁵⁸⁵ Но книг всё равно не хватало. Например, на весь Ржаксинский район в 1948 г. приходилось 4 экземпляра популярнейшего романа А.Фадеева «Молодая гвардия».⁵⁸⁶ Выходили из положения с помощью организации в избах-читальнях и красных уголках громких чтоток. С помощью комсомольцев-книгонош, работников библиотек-передвижек во многих посёлках и деревнях были проведены обсуждения новых популярных книг.

Всё шире в культурно-просветительной работе использовались технические средства массовой информации: радио и кино. Комсомольцы принимали активное участие в радиофикации области: были организованы молодёжные бригады по рытью ям для столбов, выделены агитаторы на десятидворки по разъяснению колхозникам значения радио. Силами самих комсомольцев нередко происходило изготовление и установка детекторных приёмников.

Впрочем, удовлетворительно культурно-просветительная работа была поставлена не везде. Во-первых, мешали объективные (в первую очередь – материальные причины). Кино, например, шире использовать во многом не удавалось, потому что имеющаяся в области техника, как правило, требовала ремонта. Даже в конце изучаемого периода допускались огромные простои киноаппаратуры, срывы сеансов. Оценивая ситуацию в 1953 г., Тамбовский обком ВЛКСМ вынужден был признать: «Молодёжь отдельных населённых пунктов по году и больше не видят новую кинокартину... Чтобы попала новая кинокартина во многие районы, требуется не меньше 1,5–2 лет».⁵⁸⁷ В 1953 г. кинопрокатом совсем не было охвачено 45% населённых пунктов. Обком ВЛКСМ считал исправление данной ситуации тоже комсомольским делом, тем более что из 344 кинOMEХаников области 53% были комсомольцами.⁵⁸⁸

Многие комитеты ВЛКСМ уделяли культурно-просветительной работе очень мало внимания, понимая, что отвечать придётся в первую очередь за политические мероприятия. Ещё меньше культурно-просветительной работе уделяли внимание партийные и государственные органы. В результате в документах изучаемого периода неоднократно можно встретить описания, подобные тому, что давалось в 1948 г. Семёновской избе-читальне (расположенной лишь в двух километрах от Инжавинского райкома комсомола): «В избу-читальню страшно войти, она стоит на высоком фундаменте и,

⁵⁷⁵ Там же. Л. 27, 28.

⁵⁷⁶ ГАСПИТО. Ф.П-1184. Оп. 1. Д. 773. Л. 55.

⁵⁷⁷ Там же. Д. 805. Л. 17.

⁵⁷⁸ Там же. Д. 817. Л. 16; Там же. Д. 805. Л. 18.

⁵⁷⁹ Там же. Д. 1156. Л. 152; Д. 1061. Л. 26.

⁵⁸⁰ Там же. Д. 817. Л. 17.

⁵⁸¹ Там же. Д. 777. Л. 101.

⁵⁸² Там же. Д. 945. Л. 14.

⁵⁸³ Там же. Д. 779. Л. 16.

⁵⁸⁴ ГАСПИТО. Ф.П-1184. Оп. 1. Д. 817. Л. 17.

⁵⁸⁵ Там же. Д. 932. Л. 98.

⁵⁸⁶ Там же. Д. 809. Л. 6.

⁵⁸⁷ Там же. Д. 1156. Л. 151.

⁵⁸⁸ Там же. Д. 1135. Л. 31–32.

чтобы войти в неё, надо прыгать с разбега. В ней грязь, шелуха от семечек, полы никогда не моются, а заведующий избы-читальней говорит: "Мы их один раз скоблили железной лопатой". Потолок провалился, штукатурка сыплется. Газеты не читаются, мебели никакой. Пытался один раз читать газету, но шумят так, что читать нельзя». ⁵⁸⁹ В это же время в 31 сельсовете области изб-читален не было вообще, около 50 сельсоветов отдали под избы-читальни комнаты, в которых из-за их малого размера не было возможности организовать массовые мероприятия. ⁵⁹⁰

Даже в документах 1953 г. можно встретить буквально ужасающие характеристики состояния культурно-просветительной работы в целых районах. Секретарь обкома ВЛКСМ А.Чертыковцев, например, давал такую характеристику состояния дел в Полетаевском районе: «Все клубы, избы-читальни в районе не отапливаются, молодёжь в клубы, избы-читальни не ходит. А в избах-читальнях колхозов "Новая жизнь", имени Калинина находятся овцы, свиньи, семена». ⁵⁹¹ Значительное количество культурно-просветительных учреждений на селе бездействовало в зимние месяцы, так как их «не успели отремонтировать и обеспечить топливом». Свыше 500 клубов и изб-читален находилось в аварийном состоянии. Поэтому в 1953 г. около 100 действующих изб-читален располагалось в частных домах. ⁵⁹²

Надо признать, что областной и районные комитеты ВЛКСМ стремились переломить ситуацию. На помощь был призван даже первый секретарь ЦК ВЛКСМ Н.А.Михайлов, обратившийся от имени комсомольцев к Председателю Совета Министров РСФСР М.И.Родионову: «ЦК ВЛКСМ располагает фактами, свидетельствующими о запущенном состоянии культурно-просветительной работы среди сельского населения Тамбовской области, Тамбовский облисполком слабо руководит работой изб-читален, сельских клубов и районных домов культуры. Подавляющее большинство культурно-просветительных учреждений влечит жалкое существование, содержание их работы не способствует повышению культурного уровня трудящихся». ⁵⁹³ Как нам кажется, именно после данного обращения местные власти значительно усилили внимание к сфере культуры.

Комсомольцам попутно с задачами культурно-просветительной работы приходилось решать самые разные, подчас неожиданные, проблемы: следили за целевым использованием средств, выделенных государством для улучшения материальной базы культпросветучреждений, доставали питание для приёмников в избах-читальнях, репертуарные сборники для кружков художественной самодеятельности и т.п.

Успешность культурно-просветительной работы, по существу, в первую очередь зависела от энтузиазма местных комсомольцев. Если в том или ином селе находились действительно заинтересованные люди, способные увлечь каким-либо видом творчества и других, то, как правило, даже при самых неблагоприятных условиях культурная жизнь «бурлила». Так, комсомольцы колхоза им. Горького Больше-Ржаксинского сельсовета сами завезли солому, провели своими силами ремонт избы-читальни, организовали работу нескольких кружков. ⁵⁹⁴ Комсомольцы Мало-Пупковского сельсовета Дегтянского района сами построили избы-читальню, проведя несколько воскресников. Сами завезли топливо на зиму, а зимой принимали активное участие в работе кружков художественной самодеятельности, устроили несколько концертов для односельчан. ⁵⁹⁵

Хорошо, что комсомольские органы, как правило, поддерживали инициативы активистов. В частности, именно на это были нацелены решения пленума ЦК ВЛКСМ, обсудившего в августе 1950 г. вопрос «О состоянии и мерах улучшения культурно-массовой работы комсомольских организаций среди молодёжи». По мере удаления от военного времени комсомол всё больше обращал внимания на проблему досуга молодёжи, осознавая, что улучшение социально-экономических условий жизни служит постепенному увеличению свободного времени молодёжи.

Являясь важнейшей составляющей повседневной жизни молодёжи, досуг позволял в более завуалированной форме оказывать на гражданина политическое воздействие. Подчинение досуга задачам коммунистического воспитания во многом предопределило и направленность всей культурно-массовой работы комсомола. Комсомольские организаторы культурно-массовой работы тоже прежде всего хотели решить идеологические задачи. Спектакли, концерты художественной самодеятельности, выступления агитбригад самой своей тематикой мобилизовывали молодёжь на борьбу за восстановление народного хозяйства, воспевали заслуги партии и её вождей, зывали к искоренению остатков частнособственнической психологии, пропагандировали внешнюю политику СССР, высмеивали его идеологических противников. Но это не мешало развивать у молодёжи эстетический вкус, прививать этические нормы, которые ценятся и в общечеловеческой морали. Рос общекультурный уровень молодёжи. Комсомольские организации стремились создать благоприятные условия для проявления творчества и инициативы, общественно-полезного использования свободного времени, его рационализации.

М.К. Стэльмах

ПИТАНИЕ КРЕСТЬЯН ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

В историографии проблема продовольственного потребления населения России в основном рассматривалась наряду с социально-экономическими процессами.

В дореволюционной историографии среди работ по оценке питания следует выделить исследование народного питания А.В. Чаяновым ¹ по материалам земских бюджетных обследований в 10 губерниях Европейской России. Аналогичное исследование по материалам 16 губерний (из них 13 европейских) было опубликовано С.А. Клепиковым. ² По Пермской

⁵⁸⁹ ГАСПИТО. Ф.П-1184. Оп. 1. Д. 809. Л. 19.

⁵⁹⁰ Там же. Л. 50.

⁵⁹¹ Там же. Ф. П-1045. Оп. 1. Д. 9622. Л. 5.

⁵⁹² Там же. Ф. П-1184. Оп. 1. Д. 1156. Л. 151,152.

⁵⁹³ Там же. Д. 809. Л. 44.

⁵⁹⁴ ГАСПИТО. Ф.П-1184. Оп. 1. Д. 809. Л. 27.

⁵⁹⁵ Там же. Л. 40.

¹ Чаянов А.В. Нормы потребления сельского населения России // Статистический вестник. 1915. Кн. 2.

² Клепиков С.А. Питание русского крестьянства. Нормы потребления важнейших пищевых продуктов. М., 1920. Часть 1.

губернии проблема продовольственного потребления исследовалась земскими статистиками – Г.И. Баскиным³, А.П. Смородинцевым⁴.

В советский период эта проблема в основном рассматривалась в контексте изучения развития сельского хозяйства в работах А.М. Анфимова⁵, И.Д. Ковальченко⁶.

К теме питания историки вернулись уже в 2000-е гг. Первым исследованием, посвящённым дореволюционному питанию крестьянства стала работа Б.Н. Миронова, который описал питание различных социальных групп крестьянства, основываясь на работах С.А. Клепикова, но применяя собственные методики расчёта.⁷ Позже вышли работы С.А. Нефедова, в которых он анализировал связь революционных событий начала века с демографическими факторами в стране, в том числе исчерпанием земельных и продовольственных ресурсов.⁸ За этим последовала оживлённая полемика в научной печати и Интернете между Б.Н. Мироновым⁹, С.А. Нефедовым¹⁰ и М.А. Давыдовым.¹¹ В этих работах авторы в основном опираются на итоги расчёта продовольственного баланса для хлеба и картофеля и делают различные выводы об уровне питания в предреволюционной России. Миронов Б.Н. и Давыдов М.А. оценивают его скорее позитивно. Нефедов С.А. склоняется к оценке его как государственной проблемы, во многом спровоцировавшей революцию 1917 г. Кроме этих работ вышли несколько обзорных исследований по продовольственной проблематике в России, где анализировался в том числе, предреволюционный период.¹² Их появление было вызвано большей частью возобновлением кризисных явлений в питании в конце XX в. На материалах Урала проблема питания крестьян в конце XIX – начале XX вв. не рассматривалась.

Состояние здоровья человека в значительной степени зависит от количества и качества пищи. Продукты с физиологической точки зрения должны содержать в себе достаточное количество определённых веществ (белков, жиров, углеводов, витаминов, различных минеральных веществ и др.), необходимых для нормального протекания в организме жизненных процессов.

Наибольшее значение для человека имеют белки и жиры животного происхождения, а также углеводы. Считается, что трудящимся при работе средней интенсивности (каменщикам, плотникам и т.п.) необходимо в сутки для поддержания и развития своих физических сил 118 г белков, 56 г жиров и 500 г углеводов, причём в этой пище около 35 – 40 г белков должны быть животного происхождения. При тяжёлой нагрузке рабочему (кузнецу, пильщику и т.п.) необходимо в сутки 145 г белков, 100 г жиров и 500 г углеводов. Нормальным соотношением продуктов растительного и животного происхождения считается пропорция 75:25 – 80:20. При этом необходимо учитывать то, что продукты растительного и животного происхождения организмом человека усваиваются неодинаково. Процент усвоения белков из растительной пищи равняется 70, из животной – 94, процент усвоения жиров из растительных продуктов – 85, из животных – 94, процент усвоения углеводов – 90.¹³

В продуктах питания аккумулирована энергия, необходимая для восполнения физических затрат от выполнения той или иной работы. Количество энергии исчисляются в калориях. Калорийность вычисляется по следующим нормам: 1 г усвоенных белков растительного происхождения даёт 3,96 ккал; белков животного происхождения – 4,23; жиров – 9,3; углеводов – 4,1 ккал.

Исследуя питание и состояние здоровья населения России второй половины XIX – начала XX вв. Б.Н. Миронов писал: «В конце XIX – начале XX вв. норма суточной потребности взрослого мужчины в возрасте 18 – 60 лет весом 70 кг, работающего 10 – 12 часов в день, считается равной при умеренном труде 2450 – 2850 ккал, при тяжёлом – 3300 – 3800 ккал, при очень тяжёлом – 4000 – 5000 ккал ... среднегодовая суточная потребность работающего мужчины составляла примерно 3900 ккал». При этом необходимо учитывать отличия в потребностях других половозрастных групп, занятых в промышленности. Если принять потребление мужчин в возрасте 18 – 60 лет за единицу, то потребление женщины 16 – 55 лет, мужчины старше 60 лет, юноши 14 – 17 лет составит 0,8; женщины старше 55 и девушки 14 – 16 лет – 0,6; детей в возрасте 7 – 13 лет – 0,55.¹⁴

Наша оценка энергетической составляющей питания крестьян основывается на этих параметрах.

Характеристику народного питания в Пермской губернии в конце XIX – начале XX вв. следует начать с крестьянства. Известно, что в это время количество крестьян составляло более 90% населения¹⁵, из которых 74% занималось сельскохозяйственной деятельностью.¹⁶

Переходя к анализу питания крестьян Пермской губернии, следует отметить, что по этому вопросу есть сведения о том, что ели крестьяне, и почти нет прямых данных о количестве потреблявшихся продуктов.

³ Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 32-й очередной сессии. Пермь, 1903. С. 898-913.

⁴ Смородинцев А.П. К вопросу о пище крестьян Екатеринбургского уезда, в 1889-1891 гг. // Записки Уральского Медицинского Общества в г. Екатеринбург. Екатеринбург, 1892. С. 24 – 35.

⁵ Анфимов А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. М., 1954.

⁶ Ковальченко И.Д. Массовые источники по социально-экономической истории советского общества. М., 1979.

⁷ Миронов Б.Н. «Сыт конь – богатый, голоден – сирота»: питание, здоровье и рост населения в России второй половины XIX – начала XX века // Отечественная история. 2002. № 2. С. 30.

⁸ Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург, 2005. Он же. О причинах русской революции. // [http://hist1.narod.ru/Science/Russia/Mironov/1.htm].

⁹ Миронов Б.Н. Ленин жил, Ленин жив, но вряд ли будет жить... // [http://cliodynamics.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=112&Itemid=1]; Он же. Наблюдался ли в позднеимперской России мальтузианский кризис: доходы и повинности российского крестьянства в 1801 – 1914 гг. // [http://cliodynamics.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=78&Itemid=1].

¹⁰ Нефедов С.А. Россия в плену виртуальной реальности // [http://hist1.narod.ru/Science/Russia/Mironov/2.htm]. Статья суммирует содержание его возражений Б.Н. Миронову и М.А. Давыдову, опубликованных на сайте «Клиодинамика».

¹¹ Давыдов М.А. О потреблении в России в конце XIX – начале XX в. // [http://cliodynamics.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=179&Itemid=76].

¹² Арская Л.П. Продовольствие и социальные отношения (Россия 90-х – 2000-х годов). Серия «Научные доклады: независимый экономический анализ», М. 2007. № 195.; N. M. Dronin, E. G. Bellinger Climate Dependence and Food Problems in Russia, 1900–1990: The Interaction of Climate and Agricultural Policy and Their Effect on Food Problems. New York: Central European University Press, 2005.

¹³ Миронов Б.Н. Питание, здоровье и рост населения в России... С. 32.

¹⁴ Миронов Б.Н. Питание, здоровье и рост населения в России... С. 33.

¹⁵ Статистика Российской империи. Движение населения Европейской России за 1897 – 1916 гг. Т. 7. С. 46.

¹⁶ Обзор Пермской губернии за 1898 год. Пермь, 1899. С. 6.

На Среднем Урале, где было налажено земледельческо-животноводческое хозяйство, мучные, крупяные и мясные продукты составляли основу питания. Хлеб – главный продукт – выпекался из ржаной, овсяной и ячменной муки. Пшеничный хлеб в достатке был только в Южном Зауралье. Бедные крестьяне в неурожайные годы и весеннее время добавляли в хлеб суррогаты – высушенную и истолчённую кору хвойных деревьев, лебеду, хвощ, жмых, крапиву. Из сдобного теста пекли шаньги с картофельной, творожной, ячменной, пшённой начинкой, смазанные сверху сметаной, толчёным конопляным семенем, маком. Распространённой пищей на Среднем Урале были оладьи и пироги, которые ели с маслом, сметаной, мёдом. Уральским блюдом считаются пельмени, начиняли их мясом, рыбой, капустой, грибами, творогом. Питались различными кашами – пшёнными, овсяными, гороховыми, а в Зауралье – и гречневыми. Значительными в рационе питания являлись мясные продукты. Предпочтение отдавали говядине и телятине, свинину ели мало. В северной части Среднего Урала, где главным занятием крестьян была охота, в рацион питания входило мясо диких животных и дичи – лосей, зайцев, глухарей, рябчиков, утки. В частом употреблении была свежая, солёная и сушёная рыба. Помимо продуктов охоты и рыболовства большим подспорьем в питании служили продукты собирательства – ягоды, грибы, травы, орехи, соки деревьев. Широко употребляли в пищу молоко и молочные продукты. Овощи использовались в зависимости от масштабов огородничества. Большим спросом овощные блюда пользовались у населения, проживавшего вблизи уездных центров, заводских посёлков и в деревнях Южного Зауралья. Картофель главным продуктом питания стал только в начале XX в. На Среднем Урале выращивали много капусты, репы, лука, чеснока, редьки, меньше – свёклы, моркови, брюквы. Из напитков особенно популярным были квас, брага и пиво. Питание русских крестьян не было одинаковым. От условий проживания и направления хозяйственной деятельности зависело, например, преобладание мучной пищи в южных земледельческих уездах и ограниченное употребление в северных. На севере чаще использовали в пищу продукты собирательства – грибы, ягоды, а также мясо диких животных и дичи. Характер пищи определялся сезоном года.¹⁷

Об изменениях в рационе питания крестьян в конце XIX – начале XX вв. можно судить только косвенно – по данным о производстве основных продуктов: картофеля, мяса, молока.

В конце XIX – начале XX вв. наблюдался рост производства зерновых и картофеля. Валовый сбор хлебов (ржи, овса, пшеницы) возрос в Пермской губернии с 1884 по 1900 гг. на 29,5% (ржи – на 11,8%; овса – на 46,7%; пшеницы – на 30%).

Валовый сбор хлебов с 1900 по 1915 гг. возрос на 33%, средний валовой сбор хлебов за эти годы составил 106,50591 млн. пудов.

Валовый сбор картофеля с 1895 по 1915 гг. возрос на 4,8%, средний валовой сбор картофеля за эти годы составил 9580 тыс. пудов

Однако сами по себе данные о чистом сборе картофеля и зерновых не означали роста потребления, так как часть урожая использовалась на непродовольственные нужды – продажу, семена, фураж и др.

Данные о потреблении мяса и молока также относительны, поскольку мы можем судить о них по динамике поголовья скота.

Общая численность скота в губернии с 1889 по 1915 гг. выросла: крупного рогатого скота на 35%, мелкого рогатого скота на 9%. В то же время население в этот период выросло на 45%, т.е. темпы роста животноводства отставали от роста населения. Таким образом, существовало недопотребление мяса и молока. Рост потребления зерновых компенсировал недостаток в рационе животных продуктов.

Основными источниками для изучения проблем потребления в дореволюционной России являются прежде всего данные бюджетных обследований (преимущественно земских) крестьянских хозяйств, а также урожайная статистика.

Оценку питания в конце XIX – начале XX вв. мы можем составить по бюджетным обследованиям, которые имели недостатки, отмеченные С.А. Нефедовым¹⁸: они никогда не проводились в голодающих районах и охватывали только довоенный период, следовательно, «лакируют» действительность начала века, ряд обследований проводились на основе данных малых выборок хозяйств, а повторные обследования одних и тех же губерний в близкие годы показывали значительную разницу в потреблении.

Однако представляется, что осторожность в оценке полученных данных, распределение информации по имущественному положению крестьян и использование дополнительных источников может компенсировать эти недостатки, тем более что другие данные просто не позволяют пока решить поставленную нами задачу. Поэтому упомянутые выше данные бюджетных обследований и составят основу настоящего исследования.

По данным заведующего оценочным бюро Г.И. Баскина, изучавшего крестьянские бюджеты Пермской губернии в 1903 г., минимальная продовольственная норма хлеба в губернии составляла 18 пудов в год на крестьянина.¹⁹ По данным Пермской губернской управы в 1907 г. минимальная продовольственная норма хлеба в год составляла 15 пудов.²⁰

Фактически потребность в потреблении хлеба в Пермской губернии была выше. Проведённое в августе 1903 г. отделением сельскохозяйственной статистики обследование показало, что годовая потребность на продовольствие на одного едока в течение года определялась в размере от 7,9 до 24,2 пудов хлеба на человека в зависимости от возраста (табл. 1).

По данными оценочного бюро Пермского губернского земства по Екатеринбургскому, Шадринскому и Верхотурскому уездам, население по возрастным группам составляло: до 6 лет – 19,94%, от 7 до 10 лет – 8,41%; от 11 до 17 лет – 12,34%; от 18 лет и более – 59,31%.²¹

Пользуясь данными, можно произвести следующий расчёт потребления хлеба (табл. 2).

В конце XIX – начале XX вв. даже минимальная норма потребления хлеба не удовлетворялась по причине частых неурожаев. По сообщениям губернских управ, количество продовольственной нормы (15 пудов) на человека в результате

¹⁷ Чагин Г.Н. Культура и быт русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX вв. Пермь, 1991. С. 78 – 80; Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба: Пермская губерния. СПб., 1864. Ч. 1; 1872. Ч. 2. С. 96 – 105.

¹⁸ Нефедов С.А. О причинах русской революции...

¹⁹ Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 32-й очередной сессии. Пермь, 1903. С. 900.

²⁰ Государственный Архив Пермского Края (ГАПК). Ф. 65. Оп. 1. Д. 57. Л. 7.

²¹ Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор за 1903 г. Пермь, 1904. С. 117.

неурожая в 1901 г. снизилось до 9 пудов²², в 1907 г. – до 13 пудов²³, в 1911 г. – до 7 пудов, а в некоторых местностях доходило до 2 пудов.²⁴ Ситуация в эти годы складывалась крайне неблагоприятным образом в продовольственном отношении.

Главным фактором, влияющим на количество и качество потребляемых продуктов питания, являлась доходность хозяйства.

Исследуя задолженность и платёжеспособность крестьянского населения Красноуфимского уезда, Г.И. Баскин проанализировал среднее годовичное потребление продуктов на одну душу обоего пола в крестьянских хозяйствах шести различных групп в зависимости от количества десятин на хозяйство (табл. 3).

**1. Годовая потребность в продовольствии по возрастам
в Пермской губернии по данным отделения сельскохозяйственной
статистики в 1903 г. (в пудах)***

Уезд	Число показаний, из которых выведены данные	Взрослому человеку	Подростку до 15 лет	Подростку до 10 лет	Подростку до 5 лет
Верхотурский	49	24	17,4	12,4	7,6
Екатеринбургский	83	23,8	16,7	12	7,7
Ирбитский	77	25,6	19,4	14,5	9,5
Камышловский	36	23,6	18	12,4	8,1
Красноуфимский	54	22,8	16,1	11,6	7,5
Кунгурский	57	24,5	17,1	12,2	7,4
Осинский	95	26,6	18,2	13,1	8
Оханский	111	23,9	17,4	12,3	7,8
Пермский	63	23,5	17,4	12,5	7,3
Соликамский	63	24,3	18,9	13,6	8,1
Чердынский	25	23,8	17,5	12,9	7,1
Шадринский	89	23,9	18,9	13,9	9,2
По губернии	802	24,2	17,8	12,8	7,9

*Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор за 1903 г. Пермь, 1904. С. 116.

Состав семьи по различным группам изменялся следующим образом: в первой группе – 5,0 душ обоего пола на одно хозяйство; во второй группе – 5,4; в третьей группе – 7,7; в четвертой группе – 8,2; в пятой группе – 9,9; в шестой группе – 10,3.

По данным табл. 3 высшие многопосевные группы не только абсолютно, но и относительно потребляли больше, чем хозяйства низших малопосевных групп. Во всех группах рожь являлась самым важным продовольственным хлебом, пшеница потреблялась в меньшем количестве, но относительное значение её возрастало при переходе от малопосевных хозяйств к многопосевным. Потребление на одну душу обоего пола везде выражалось невысокими величинами, а в других первых группах даже не достигало необходимого нормального количества. Недостаток в продовольственных хлебах пополнялся картофелем. Сопоставляя приведённые данные, необходимо отметить тот факт, что в то время по количеству потребляемых хлебов высшие группы почти вдвое превосходили малопосевные хозяйства, в отношении картофеля различия между группами были незначительны: питание семьи в малопосевных хозяйствах было не только меньше количественно, но и ниже в качественном отношении, так как роль картофеля как продовольственного продукта росла с уменьшением размеров хозяйства. Потребление других продуктов, приобретаемых исключительно путём покупки, также выражалось скромными величинами, и, учитывая годовой расход на хозяйство по данным табл. 4 и количество человек на хозяйство, на одну душу обоего пола годовой расход выражался от 1,27 р. в низшей группе до 4,63 р. в многопосевных хозяйствах.

Таким образом, относительно действительных продовольственных норм только начиная с третьей посевной группы потребление хлеба на одну душу обоего пола являлось вполне достаточным, в двух же

²² ГАПК. Ф. 136. Оп. 1. Д. 41. Л. 15.

²³ ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 57. Л. 74.

²⁴ Екатеринбургская уездная земская управа // Доклад 42-му очередному Екатеринбургскому земскому собранию по продовольственному вопросу. Екатеринбург, 1912. С. 18.

2. Годовая потребность в продовольствии в Пермской губернии по данным отделения сельскохозяйственной статистики в 1903 г. (в пудах)

Уезд	Потребление хлеба (пуд)	
	на 100 человек всех возрастов обоого пола	На 1 едока
Верхотурский	1894	18,94
Екатеринбургский	1872	18,72
Ирбитский	2065	20,65
Камышловский	1888	18,88
Красноуфимский	1798	17,98
Кунгурский	1914	19,14
Осинский	2072	20,72
Оханский	1891	18,91
Пермский	1859	18,59
Соликамский	1950	19,50
Чердынский	1878	18,78
Шадринский	1951	19,51
По губернии	1920	19,20

3. Потребление ржи, пшеницы, ячменя, картофеля в Красноуфимском уезде в 1903 г. (на 1 душу обоого пола, в пуд)*

Количество десятин на хозяйство	ржи	пшеницы	ячменя	картофеля
	пудов			
До 2 десятин	11,4	2,9	0,2	3,7
От 2 до 5 десятин	12,1	4	0,2	4,4
От 5 до 10 десятин	12,7	4,6	0,9	4,4
От 10 до 15 десятин	11,5	7,8	0,7	3,9
От 15 до 20 десятин	12	9,6	0,4	4
От 20 до 25 десятин	14,4	9,4	2,4	4,7

* Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 32-й очередной сессии. Пермь, 1903. С. 899.

4. Годовой расход на покупку продуктов питания в экономических группах Красноуфимского уезда в 1903 г., р.*

Количество десятин на хозяйство	Белый хлеб	Крупчатка	Масло, рыба и разные харчи	Итого
До 2 десятин	0,97	2,01	3,39	6,37
От 2 до 5 десятин	0,93	1,97	4,53	7,53
От 5 до 10 десятин	2,60	6,14	8,30	17,04
От 10 до 15 десятин	2,17	9,72	10,07	21,96
От 15 до 20 десятин	2,56	10,76	11,31	24,63
От 20 до 25 десятин	0,80	31,83	15,67	48,30

* Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 32-й очередной сессии. Пермь, 1903. С. 899.

низших малопосевных группах потребление не превышало 18-пудовой нормы, т.е. той величины, которая была необходима только для того, чтобы поддерживать жизнь. Продовольствие крестьянской семьи количественно и качественно было тем лучше, чем больше десятин земли приходилось на хозяйство и чем, следовательно, оно состоятельнее экономически.

Председатель Пермской губернской земской управы В.В. Ковалевский, в 1903 г. анализируя бюджетные данные, сопоставил натуральные поступления (приведённые выше) с общими расходами хозяйств на продовольствие, на корм скота, определил в натуральной форме фактические остатки в хозяйствах каждой группы (табл. 5).

По данным табл. 5 незначительные остатки продуктов имели место только в трех самых высших посевных группах, между тем как в малопосевных хозяйствах наблюдался значительный дефицит (исключение представлял овёс). Недостаток продовольственных хлебов малопосевные хозяйства пополняли займами, а главным образом путём

5. Величина остатков основных продуктов в экономических группах хозяйств Пермской губернии в 1903 г.*

Группы	Рожь	Пшеница	Овес	Ячмень	Сено
1	-48,6	-4,0	+13,0	-0,3	-25
2	-28,8	-4,9	+35,6	-0,8	-78
3	-27,7	-7,6	+48,3	-0,5	-135
4	+14,8	+9,3	+106,0	+1,0	-36
5	+56,3	+6,7	+61,8	0,0	-72
6	+135,4	+131,6	+181,7	-6,6	-305

* Составлено по: Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXX. Пермская губерния. СПб., 1903. С. 81.

6. Объём купленных продуктов питания за 1903 г. экономическими группами Красноуфимского уезда в %*

Группы	Ржи	Пшеницы	Овса	Ячменя	Сена
1	69,9	24,4	9,4	30,0	6,8
2	28,4	16,9	8,9	24,0	3,7
3	17,1	14,9	6,0	3,6	9,2
4	7,5	5,5	2,4	1,0	0,8
5	8,0	3,3	12,2	0,0	0,0
6	0,8	1,4	4,5	0,0	1,1

*Составлено по: Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXX. Пермская губерния. СПб., 1903. С. 82.

покупки. В этом отношении между группами обнаруживались весьма существенные различия. По данным В.В. Ковалевского, малопосевные группы покупали в 7 раз больше продуктов, чем многопосевные группы.²⁵

Малопосевные группы значительную часть хлебов вынуждены были приобретать на рынке, и это наблюдалось по данным табл. 6, тем в большей степени, чем меньше размер хозяйства. Продажа хлебов изменялась в ином направлении: больше продавали крупные хозяйства, чем мелкие. Таким образом, как продажа, так и покупка хлебов были свойственны всем вообще группам: но условия, при которых совершалась продажа и покупка, были неодинаковы.

Земледелие до четвёртой посевной группы включительно не давало и того минимума средств, какой был необходим для удовлетворения неотложных нужд хозяйства; между тем эти три группы имели преобладающее количественное значение. Так, в Красноуфимском уезде из 1388 сеющих хозяйств многоземельного района приходилось на первую группу – 30%, на вторую группу – 41%, на третью группу – 22 %, на четвёртую – шестую группу – 7 %. В Екатеринбургском уезде, не считая беспосевных хозяйств, хозяйства посевных групп распределялись следующим образом: первая группа – 35%; вторая – 35%; третья – 19%; четвёртая – 6 –11%. Такая же ситуация в Шадринском уезде: первая группа – 19 %, вторая – 39%, третья – 30%, четвёртая – шестая –12 %. Везде численность крупных хозяйств выражалась сравнительно невысокими процентными величинами, следовательно, большинство крестьянского населения недопотребляли.

Если Г.И. Баскин рассматривал годовое потребление крестьянского хозяйства, то А.П. Смородинцев исследовал суточный рацион крестьянина.²⁶

Смородинцев А.П. в 1889 г. изучил продовольственное потребление 300 семей крестьян (1700 человек) Екатеринбургского уезда. В результате исследования он выделил три группы крестьян по уровню достатка и соответственно характеризовал особенности питания каждой из них.

По собранным данным стол зажиточных отличался разнообразием, его меню состояло из пирогов с начинкою разных сортов мяса, овощей и грибов, из щей и супов мясных, свиных, куриных, утиных, гусиных, телячьих и бараньих, щей кислых и из толстой крупы и капусты, из каш картофельной, просовой, гречневой, мелкой крупы и редко манной; из молочных блюд, квашеного молока, яичниц, творожных караваев. Постный стол зажиточных был ни чем не хуже скоромного, в нём мясо заменялось рыбой, а молоко – сладким квасом и киселём. У среднего достатка крестьян стол был менее разнообразен. У бедных крестьян стол был чрезвычайно однообразен: мясо только в храмовые праздники – Рождество, Пасха. В основном употребляли картошку и пародию на квас в виде «кислой мутной жижи».

Смородинцев А.П. рассмотрел среднее суточное питание будничного стола трёх групп крестьян (табл. 7).

Перечисляя эти весовые количества пищевых продуктов на составные их ингредиенты, А.П. Смородинцев вычислил соотношение белков, жиров и углеводов, потребляемых крестьянами трёх групп.

²⁵ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Пермская губерния. СПб., 1903. Т. XXX. С. 96.

²⁶ Смородинцев А.П. К вопросу о пище крестьян Екатеринбургского уезда в 1889 – 1891 гг. // Записки Уральского Медицинского Общества в г. Екатеринбург. Екатеринбург, 1892. С. 35.

По данным табл. 8 видно, что каждый взрослый член зажиточной семьи получал пищу, почти втрое более богатую и белками, и жиром и на треть более богатую углеводами в сравнении с бедными, которые недостаток белков и жиров в пище заменяли картофелем в 6 раз более богатого, но, тем не менее, пища оставалась недостаточной для него как работника.

Учитывая данные Б.Н. Миронова о нормах потребления белков, жиров и углеводов для трудящихся при работе средней интенсивности (118 г белков, 56 г жиров и 500 г углеводов), зажиточный крестьянин в Екатеринбургском уезде питался лучше, чем требует физиология

7. Среднее суточное количество пищи скоромного стола крестьянина Екатеринбургского уезда Пермской губернии в конце XIX в. (в граммах)*

Вес в граммах	Мясо	Хлеб	Масло	Молоко	Картофель	Просо	Квас
Богатая семья	360	1304	30	430	102	52	1000
Средняя семья	272	1064	14	400	136	27	1300
Бедная семья*	0	818	0	341	682	0	2000

* Смородинцев А.П. К вопросу о пище крестьян Екатеринбургского уезда в 1889-1891 гг. // Записки Уральского Медицинского Общества в г. Екатеринбурге. Екатеринбург, 1892. С. 26.

8. Структура потребления крестьянина по экономическим группам Екатеринбургского уезда Пермской губернии в конце XIX в.*

Грамм		Мясо	Хлеб	Масло	Молоко	Картофель	Просо	Всего
Богатая семья	Белки	69,8	53	0,18	12	1,3	2	138,2
	Жиры	17	6	23,5	12	–	1	59,5
	Углеводы	–	574	0,8	19	9,8	37	640,6
Средняя семья	Белки	55	43	0,18	12	1,3	2	113
	Жиры	13,2	5	11,6	12	–	0,5	42,3
	Углеводы	–	387	0,4	18	24,8	19	469
Бедная семья	Белки	–	38	–	9	9,8	–	56
	Жиры	–	4	–	9	8,2	–	21
	Углеводы	–	330	–	14	122	–	466

* Смородинцев А.П. К вопросу о пище крестьян Екатеринбургского уезда в 1889 – 1891 гг. // Записки Уральского Медицинского Общества в г. Екатеринбурге. Екатеринбург, 1892. С. 26.

и гигиена, средний по состоянию крестьянин питался скромнее, но достаточно. Бедный крестьянин питался вдвое недостаточнее белками, втрое жирами и удовлетворительно только углеводами (табл. 8). Таким образом, в рационе бедного крестьянина количественное и качественное несоответствие потребностям организма подвергалось относительному голоданию.

Подобная ситуация наблюдалась и в отношении энергетической ценности продуктов питания, потребляемых крестьянами рассмотренных групп: суточный рацион зажиточной семьи составлял 3760 ккал, из средней семьи – 2792 ккал, и из бедной семьи – 2340 ккал. Иными словами, пищевой рацион низшей экономической группы крестьян, составлявших около 30% всего сословия, не обеспечивал их достаточной энергией. Питание низшей и отчасти средней групп в конце XIX в. было недостаточным и в качественном отношении, в нём не хватало жиров и белков при избытке углеводов растительного происхождения.

Подводя итоги, следует отметить, что питание крестьян было преимущественно растительного происхождения. Доля продуктов животного происхождения на всём протяжении рассматриваемого периода в большинстве случаев оставалась ниже нормы, определённой исследователями-диетологами. Более того, продукты животного происхождения, кроме мяса, – молоко, молочные продукты, яйца – потреблялись крестьянами в очень ограниченных размерах.

Характеризуя энергетическую составляющую питания крестьян Урала, следует отметить, что по такому показателю, как калорийность, оно приближалось к норме, белков растительного происхождения в нём было достаточно, но животных белков в большинстве случаев не хватало. У бедных крестьян пища была перегружена углеводами.

**СПИСОК УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ И
АВТОРОВ СБОРНИКА СТАТЕЙ**

Алехина Елена Васильевна, кандидат исторических наук, учитель истории № 14 г. Тамбова.

Безгин Владимир Борисович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета.

Белюсов Сергей Владиславович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира, средних веков и археологии Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г.Белинского.

Васильев Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры экономической и политической истории Саратовского государственного социально-экономического университета.

Выжимов Евгений Дмитриевич, аспирант кафедры Российской истории Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

Двойных Алексей Викторович, доктор исторических наук, профессор, соискатель кафедры Отечественной истории и методики преподавания истории Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г.Белинского.

Есиков Сергей Альбертович, доктор исторических наук, профессор, декан факультета ноосферной безопасности и права, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Тамбовского государственного технического университета.

Есикова Милана Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета.

Ильин Сергей Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Тамбовского филиала Московского университета МВД России.

Канаев Игорь Николаевич, аспирант кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета.

Кондратьев Алексей Владимирович, аспирант кафедры Российской истории Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

Кондрашин Виктор Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Отечественной истории и методики преподавания истории Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г.Белинского.

Малязов Виктор Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной истории и методики преподавания истории Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского.

Надькин Тимофей Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и этнологии Мордовского государственного педагогического университета.

Никулин Виктор Васильевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета, профессор.

Перепелицын Александр Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории нового и новейшего времени Воронежского государственного педагогического университета.

Пузырев Алексей Юрьевич, аспирант кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета.

Пьянков Степан, аспирант кафедры истории России Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург.

Свиридов Владимир Владимирович, кандидат исторических наук, заместитель директора по воспитательной работе, доцент кафедры истории государства и права Института права Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

Слезин Анатолий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии Тамбовского государственного технического университета.

Соларев Роман Георгиевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Пензенского института развития образования.

Соловьев Валерий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры экономической и политической истории Саратовского государственного социально-экономического университета.

Старостин Максим Евгеньевич, аспирант кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета.

Стэльмах Маргарита Константиновна, аспирант Института истории и археологии Уральского отделения РАН.

Сухова Ольга Александровна, доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России и краеведения Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского.

Сысоева Людмила Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной истории нового и новейшего времени Воронежского государственного педагогического университета.

Токарев Николай Васильевич, начальник кафедры гуманитарных дисциплин Тамбовского филиала Московского университета МВД России.

Щербинин Павел Петрович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой ЮНЕСКО по правам человека и демократии Института права Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

Щербинина Юлия Вячеславовна, кандидат исторических наук, методист управления диссертационными советами Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

Фролов Сергей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета.

Хорошун Кирилл Юрьевич, кандидат исторических наук.

Ягов Олег Васильевич, доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, заведующий кафедрой новейшей истории России и краеведения Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского.

Яковлева Людмила Евгеньевна, кандидат исторических наук старший преподаватель кафедры Российской истории Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В.Е. Маляев</i> «ИДЕЯ ЖИЗНИ МУЖИКОВ»: В.Г. БЕЛИНСКИЙ ОБ А.В. КОЛЬЦОВЕ	3
<i>А.В. Перепелицын</i> СТРУКТУРА ДОХОДОВ В КРЕСТЬЯНСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЁМНЫХ ГУБЕРНИЙ РОССИИ В 60 – 90-Е ГГ. XIX В.	7
<i>В.Ю. Соловьёв</i> ОСОБЕННОСТИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ УКЛАД РУССКИХ КРЕСТЬЯН В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД XIX – НАЧАЛА XX ВВ. (НА МАТЕРИАЛАХ ГУБЕРНИЙ ПОВОЛЖЬЯ)	15
<i>В.Б. Безгин</i> САНИТАРНО-ГИГИЕНИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО БЫТА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.	23
<i>С.А. Есиков</i> ИСТОРИОГРАФИЯ ПОЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОРЕФОРМЕННОЕ ВРЕМЯ	31
<i>С.А. Пьянков</i> УЧАСТИЕ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В КРЕДИТНОЙ КООПЕРАЦИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)	41
<i>М.М. Есикова</i> РАЗВИТИЕ АГРАРНО-НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ В РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)	49
<i>Н.В. Токарев</i> СОЦИАЛЬНЫЕ НАСТРОЕНИЯ И ПОВЕДЕНИЕ ТАМБОВСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ СТОЛЫПИНСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ	62
<i>Л.Н. Сысоева</i> НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОФОРМЛЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ В НАЧАЛЕ XX В.	68
<i>С.А. Фролов</i> СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ДВОРЯНСКОГО ЗЕМЕЛЬНОГО БАНКА В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ(1885 – 1917 ГГ.)	83
<i>В.В. Свиридов</i> ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТАМБОВСКИХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ НАПРАВЛЕННАЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ТИПА КРЕСТЬЯНСКОГО СОБСТВЕННИКА	91
<i>Е.В. Алехина, С.А. Есиков, М.Е. Старостин, К.Ю. Хорошун, П.П. Щербинин, Ю.В. Щербинина</i> ЗЕМСТВО И КООПЕРАТИВНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914 – 1918 ГГ.	96
<i>Е.В. Алехина, С.А. Есиков, Ю.В. Щербинина, К.Ю. Хорошун, П.П. Щербинин</i> ТАМБОВСКОЕ ЗЕМСТВО И ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ ПОСТАВКИ ДЛЯ СНАБЖЕНИЯ РУССКОЙ АРМИИ В 1914 – 1917 ГГ.	101

<i>Р.Г. Соларев, О.В. Ягов</i> ВЛАСТЬ, КРЕСТЬЯНСКАЯ КООПЕРАЦИЯ И ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ВОПРОС В РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	120
<i>О.А. Сухова</i> ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ	127
<i>А.В. Двойных</i> ПРОГРАММА СОЮЗА ТРУДОВОГО КРЕСТЬЯНСТВА	135
<i>А.А. Васильев</i> ГОСУДАРСТВЕННАЯ АГРАРНО-ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА: ПРИЧИНЫ СВЁРТЫВАНИЯ НЭПА В 1927 – 1929 гг. И ПРОБЛЕМЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	151
<i>В.В. Никулин</i> ЗАКОН НА ФОНЕ БЕЗЗАКОНИЯ. ФОРМАЛЬНО-ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОСНОВЫ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ (1929 – 1930 гг.)	159
<i>Т.Д. Надькин</i> РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА В ДЕРЕВНЕ МОРДОВИИ В ГОДЫ ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКИ И «БОЛЬШОЙ ТЕРРОР» 1937–1938 гг.	166
<i>Л.Е. Яковлева, П.П. Щербинин</i> ПОСТОЯННАЯ ПОВИННОСТЬ И КРЕСТЬЯНСТВО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII в.	177
<i>Л.Е. Яковлева</i> ВОЕННЫЙ ПОСТОЙ В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННИКОВ (XIX в.)	185
<i>С.В. Белоусов</i> РЕКРУТСКИЕ НЕДОИМКИ В 1801 – 1815 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)	193
<i>Е.Д. Выжимов</i> РЕКРУТСКИЕ НАБОРЫ В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ПЕРИОДА КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853 – 1856 гг.	197
<i>Е.Д. Выжимов, Ю.В. Щербинина</i> ОТСТАВНЫЕ И БЕССРОЧНООТПУСКНЫЕ СОЛДАТЫ В ПЕРИОД КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ (1853 – 1856 гг.)	205
<i>А.В. Кондратьев</i> ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПОЛОЖЕНИЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ПЕРИОД ВОЙН РОССИИ НАЧАЛА XX в.	210
<i>С.А. Ильин</i> ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА 1914 – 1918 гг. И ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИУДЕЕВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	214
<i>И.Н. Канаев</i> РУССКАЯ КОНТРРАЗВЕДКА В 1917 г.: ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРИОДА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	216
<i>А.Ю. Пузырев</i> САНИТАРНО-ОБОРОННАЯ РАБОТА ОБЩЕСТВА КРАСНОГО КРЕСТА В ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ 1937 – 1941 гг.	221

